

Румит Қин

ПЕСНЯ ДЛЯ
ҚОРЫ

ONEBOOK.RU

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

К41

Художник А. Комбарова

Кин Р.

К41 Песня для Корби./Роман. - М.: ООО «САМ Полиграфист»,
2019. - 500 с.

ISBN 978-5-00077-871-5

За несколько дней до выпускного Коля Рябин, по прозвищу Корби, заключает опрометчивое пари со своим странным одноклассником Андреем Токоминым. Поначалу все кажется не более чем игрой, и ни он, ни его друзья не подозревают, чем обернется для них эта последняя шалость их уходящего детства. Однако теперь они все связаны страшной судьбой, а смерть идет за ними по пятам.

18+ На основании федерального закона РФ №436-ФЗ.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-00077-871-5

© Р. Кин, 2013

Пролог

НА ИСХОДЕ НОЧИ

Скоро и мы окажемся там,
скоро взойдем на стену
времени — и не о чем будет
тосковать.
Только друг о друге.

Джим Моррисон

На одном из окраинных кладбищ Москвы, у самой его границы, где уже начинаются заросшие золотистой травой дикие поля, есть могила, в которой никто не похоронен. Ее навещают часто, хотя все, кто приходят, знают, что в ней нет того, о ком сообщает надпись на памятнике. Памятник этот выглядит странно. Он похож на крест, но приглядевшись, понимаешь, что это скорее буква «Т», которой добавили две горизонтальные перекладины: та, что снизу, такой же длины, как верхняя, а та, что в середине — короче. Они идут строго параллельно земле. Но кое-что общее с обычными надгробиями у этого памятника есть: его тоже украшает фотография. Уголок перечеркнут темной линией. На ней мальчик-подросток: светлые волосы, задумчивые глаза, стеснительная улыбка. Внизу имя: «Андрей Токомин», и даты короткой жизни.

Те, кто приходят и знают, что мальчика в могиле нет, все же выглядят печальными — потому что больше не увидят его, как если бы он действительно умер; ведь его больше нет ни в одной стране из тех, до которых можно добраться по земле, воде или воздуху. Это его родители: отец — высокий мужчина, чье

лицо изуродовано жуткого вида шрамом, и мать, выглядывая одинокой, даже когда они приходят вместе. Иногда с ними маленькая девочка, сестра Андрея. Ее глаза и волосы чуть темнее, но сходство все равно разительное. В отличие от родителей, она вовсе не выглядит печальной. Она разговаривает с мальчиком на фотографии, рассказывает ему что-то, иногда даже играет на могиле и рисует на ней мелками всякие забавные фигурки. Родители не останавливают ее.

Она не единственная, кто так делает. Иногда посетители кладбища застают памятник испещренным странными значками, а землю под ним уставленной множеством свечей. Эти свечи появляются на исходе ночи и не гаснут до восхода солнца; в предрассветных сумерках их огоньки завораживающе танцуют на своих маленьких восковых постаментах. Кладбищенский сторож Никита Граф неоднократно заявлял, что поймает «вандалов», которые в неурочное время проникают на территорию кладбища, но дальше угроз дело не идет. Когда он замечает, как вдалеке, на странной могиле, вспыхивают один за другим трепещущие светлячки, как движутся вокруг них смутные тени, он спешит запереться в сторожке, плотнее задергивает шторы на узком окне и глушит тревогу прозрачной. Лишь однажды он набрался храбрости погнаться за ночными гостями, но те легко ускользнули от него.

Иногда к могиле приходит высокий мужчина, на вид лет пятидесяти, с длинным вытянутым лицом и большегубым ртом, похожий на ожившего идола с острова Пасхи. Его фамилия Крин. Раньше он был следователем, но ушел в отставку — ведя дело о гибели Андрея, он получил травму головы, и теперь каждый его день пронизан болью. Он долго стоит перед

могилой, хмуро смотрит на фотографию подростка и думает, что есть тайны, которые ему не раскрыть. Потом он едет в психиатрическую клинику, где заперт его бывший коллега, Белкин. Крин обязан ему жизнью, однако навещает вовсе не из чувства благодарности — он надеется, что тот однажды заговорит, расскажет обо всем, что знал, поможет разгадать загадки. Но Белкин молчит — улыбается, или плачет, или просто пускает слюну.

И все же самый постоянный посетитель странной могилы — другой человек: совсем молодой, сам еще недавно подросток. У него белая кожа даже в солнечные летние месяцы, улыбчивый рот, непокорные темные волосы — сколько их не расчесывай, все норовят свиться колечками. Он предпочитает, чтобы его звали Корби.

Иногда он приходит вместе с красивой девушкой, которая выглядит старше него. Чаще — с двумя друзьями. Но выпадают и редкие одинокие визиты. Тогда он говорит: разные вещи, странные вещи. Из обрывков его слов постепенно складывается история. Ее не подслушает сторож Граф, не узнает бывший следователь Крин. Деревья шелестят листвой. Кажется, что они слышали много подобных слов и давно уже безразличны к ним и к людским горестям. Но к этим словам они действительно прислушиваются.

Корби обращается не к пустой могиле. В такие минуты он очень, очень далеко. Его голос постепенно затихает, растворяется в густой солнечной тиши. Скоро он соберется и уйдет. Андрея здесь нет, и Корби знает это как никто другой. На самом деле он прихо-

дит сюда не к Андрею, не совсем к Андрею. Он приходит сюда к странному мальчику из своего прошлого, перед которым до сих пор чувствует вину, странному мальчику, с появления которого все и началось.

Часть первая

СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК

Мы непостоянны.
Мы — стрелы в полете,
сумма углов преломления;
дети на школьном дворе,
сотни звонких голосов,
последние штрихи оркестровки.
Кому нужны эти дети?
Кто мог бы заставить их однажды
войти в дом?

Джим Моррисон

Глава 1

СРЕДСТВО ОТ ПИЯВОК

Школа закончилась, но Корби этого не чувствовал.

Он лежал на спине и смотрел в потолок. Там дробились осколки солнечных зайчиков. Раннее утро семнадцатого июня, воскресенье, тишина. Пять дней назад он сдал последний ЕГЭ, и еще пять дней осталось до выпускного.

Рядом, рассыпав по подушке каштановые волосы, пахнущие розами, табаком и блудом, спала Ира. Ее рука лежала у Корби на груди, бедро тяжело прижималось к его бедру, словно даже во сне она не хотела его отпускать. Она была на четыре года старше, играла на гитаре и подпевала в рок-группе. Они познакомились две недели назад, когда Корби предпринял очередную попытку отделаться от одного странного паренька, чистюли, своего одноклассника. Вот только из этого ничего не вышло, и теперь он оказался в двойном плену: Ира обнимала его, а странный мальчик Андрей, обнимая бутылку шампанского, спал в соседней комнате.

— Может, он гей? — тоскливым шепотом спросил Корби. — Ну на что я ему?

Четыре года назад родители Корби погибли в ав-

токатастрофе. Четырнадцатилетний сирота переехал жить к деду и пошел в новую школу. Его одноклассники оказались отличными ребятами — в первую очередь потому, что не задавали дурацких вопросов. Им было плевать, откуда он, где его предки и почему у него на запястьях шрамы самоубийцы. С двумя из них — Ником и Арой — он скоро крепко подружился.

Но была одна проблема. В начале последнего учебного года в их школу и в их класс перевелся странный мальчик Андрей. Корби обычно сидел в третьем ряду, Андрей — в пятом. Оборачиваясь, Корби часто ловил на себе взгляд его задумчивых золотистых глаз.

Когда они один-единственный раз разговорились, Андрей ни с того ни с сего спросил Корби что-то насчет смерти его отца. С тех пор Корби старался его избегать. Но странный мальчик Андрей этого как бы не замечал. Других друзей у него не было. Он, наверное, решил, что Корби должен стать его другом. В начале этой весны он без приглашения увязался гулять вместе с Корби, Арой и Ником. Он будто чувствовал, что школа вот-вот закончится, и пытался наверстать годы упущенного общения. Но в каждом его движении была неприятная неловкость. Он, казалось, все время чего-то хотел, но не мог прямо об этом сказать. Его пристальный взгляд выводил Корби из себя. К тому же Андрей не курил, не пил пиво, не обращал внимания на девчонок и не слушал рок.

Две недели назад прилипала достал Корби окончательно.

На окончание последнего звонка кто-то принес весть, что в ДК в пяти минутах ходьбы от школы выступают «Зеленые Создания». Это были районные

знаменитости, группа, выросшая из школьного ансамбля и уже записавшая свой второй альбом. Примерно треть класса отправилась за пивом, а потом в ДК. Корби надеялся, что этот маневр освободит его от странного спутника, но Андрей, трезвый и скучный, ходил за ним как тень. К концу концерта он все еще был тут как тут. Корби решил доконать его и сподвигнул друзей на близкое знакомство с «Зелеными Созданиями». Это кончилось большим весельем. Они протрезвели только чтобы сдать экзамены. Потом Ира подстерегла Корби у подъезда, и пьянка началась снова, и снова появился Андрей.

— Пиявка, — прошептал Корби.

Надо было что-то придумать. Он устал чувствовать на себе взгляд золотистых глаз. Он хотел остаться наедине с друзьями. Он хотел, чтобы их выпускной прошел под знаком: «Андрея нет».

— Он сводит меня с ума, — беззвучно взмолился Корби, приподнимаясь на локте. На тумбочке часы. Половина седьмого. Он осторожно снял руку Иры со своей груди и соскользнул на пол. Тело оказалось не готово к вертикальному положению, и минуту он стоял не шевелясь, заклиная желудок и больную голову. Ира отреагировала на его отсутствие, недовольно заворчал и свернувшись калачиком. Он был благодарен ей за продолжительный искушенный секс, но его пугало то, что это она ухаживает за ним, а не он за ней. К тому же, она стала нечаянным союзником Андрея.

«Бежать, — подумал Корби, — пока они оба спят».

Но убежать было не так-то просто. Они с Ирой вчера разбросали одежду по полу комнаты, а наклоняться Корби не мог: вестибулярный аппарат мстил

ему за лишнюю банку джин-тоника. Он босиком прошлепал в коридор квартиры. Она была большой, запущенной, неизвестно чьей. «Зеленые Создания» превратили ее в свой флэт. С потолка свешивались приклеенные скотчем и частично отлетевшие детские рисунки, на стене висели старинные плакаты «Аэроплана Джефферсона» и «Радуги» Ричи Блэкмора.

В ванной лилась вода. Осторожно, боясь произвести малейший скрип или шорох, Корби заглянул на кухню. Андрей все так же спал на диванчике под окном. Бутылка лежала у него под головой. Корби беззвучно усмехнулся: хорошо. Он негромко постучал в дверь ванной.

— Сейчас, — ответил знакомый голос. Это был Ара. Он очаровал другую девушку из «Зеленых Созданий» — смешную рыжую барабанщицу.

— Доброе утро, черный брат, — громко прошептал Корби.

Ара открыл дверь. Как и Корби, он был в одних трусах, на смуглой коже блестели капельки воды. Его мать была армянкой, а отец — одним из «детей Патриса Лумумбы», негром, некогда приехавшим в Москву, чтобы учиться по контракту, так что национальность их сына не поддавалась определению. У него были большие глаза, мягкие темные волосы обычно скручивались в завитки, но сейчас промокли и отдельными прядками прилипали ко лбу. С детства у Ары было хобби: бисер, свои шедевры — фенечки — он носил на себе; многочисленные плетеные браслеты свободно висели на его запястьях, сверкая всеми цветами радуги.

— Мне срочно надо сунуть голову под холодный душ, — сказал Корби.

— Вы еще пили? — ужаснулся Ара.

— Да, черный брат.

Ара улыбался, но глаза у него были усталые. Корби включил холодную воду и сунул под нее голову. Его пробил дрожь, но он удержался и продолжал стоять под ледяным потоком.

— Как рыжая? — поинтересовался он.

— Кажется, я ее обидел.

— Сильно?

— Случайно. Знаешь, иногда мне кажется, что мы снимаем девчонок только для того, чтобы не пропала наша красота.

Корби фыркнул и выпрямился. Он увидел свое лицо в зеркале. Темноглазый и черноволосый. Губы тонкие, неяркие, в уголках озорная улыбка. Нос, как обычно, задран кверху. Под глазами темные впадины — дань бурной ночи.

— Щетина, желтые зубы, вонючее дыхание. Какая, на фиг, красота?

— Не будь так суров к своей похмельной физиономии. — Ара приобнял Корби за талию, его темное лицо появилось в зеркале рядом. — Мы настоящие красавчики.

— Уйди, противный, — поежился Корби. Ара не смутился, но отодвинулся.

— Кстати, а где Ник?

— Ночью взял полбутылки водки и пошел домой. Сказал, что еще накатит с отцом.

— Чудовище, — одобительно сказал Ара.

— Будешь мириться с рыжей?

Черный брат качнул головой.

— Точно не сейчас. У тебя есть жвачка?

Корби взъерошил голову полотенцем и теперь

приглаживал влажные волосы.

— Была в карманах. А у тебя есть что-нибудь от головы?

— У меня нет, но на кухне аптечка.

Корби поймал отражение его взгляда.

— Давай свалим отсюда прямо сейчас.

— Убегаешь, — понял Ара.

— Меня затрахали, — нервно улыбнулся Корби.

— Я поищу таблетки, а ты угостишь меня жвачкой. И мы свалим.

— Ага.

Ира проснулась от одиночества. Корби всю ночь был рядом, а сейчас куда-то делся. У него была манера неуловимо ускользать. Он уже один раз сбежал от нее, но она вычислила, где он живет, и нашла его.

Шорох. Ира приоткрыла глаза и увидела Корби. Он наклонялся, собирая с пола свою одежду, на спине проступал пунктир позвоночника. Он опять убежал. Она могла в любой момент остановить его, но вместо этого продолжала лежать, притворяясь спящей, и сквозь чуть приподнятые ресницы наблюдала, как он одевается. У него бледная и чистая кожа, хотя в минуты страсти или опьянения на щеках вспыхивают красные пятна, подтянутый живот, плавный разворот плеч, какого не бывает ни у спортсменов, ни у сутулых ботаников. По внутренней стороне ее бедра скользнула капелька теплой влаги.

— У меня на тебя стоит, — тихо сказала она.

Корби вздрогнул и обернулся. Его руки запутались в мятой рубашке-поло. Несколько мгновений он выглядел глупо, потом улыбнулся уголком рта.

— Да, теперь я заметил, как твой большой упругий фаллос приподнимает край одеяла. — Ему удалось просунуть руки в рукава. Он небрежно застегнул две пуговички воротничка. Ира сверлила его взглядом.

— Мне больше нравится видеть, как ты раздеваешься.

Корби фыркнул.

— Не все коту масленица. — Он нашел в кармане жвачку. — Тебя угостить?

Ира протянула ладонь. Ее грудь показалась из-под одеяла. Над сосками темнели маленькие впадинки для пирсинга. Корби отвернулся и, не глядя, выдал на ладонь девушки пару пастилок резинки. Ира поймала его за руку.

— Нет, — сказал Корби.

— Хорош ломаться.

— «Нет» значит «нет».

— Вчера тебе все нравилось.

Корби вырвал руку. Розовые кубики жвачки упали на пол.

— Я тебе не сучка. И я не ломаюсь. Ломаются, когда «нет» значит «да». А мое «нет» значит «нет».

Ира села на кровати. Теперь белые складки одеяла скрывали ее тело только по пояс. Дождь каштановых волос заманчиво обтекал полушария груди.

— Струсил?

Корби отошел от нее на безопасное расстояние и стал зашнуровывать кроссовки.

— Я не буду мериться с тобой мачтами. Я маленький баркас, а ты многопушечный галеон. И мы плывем в разных направлениях.

— Плавает говно в проруби. А мы с тобой на

суше. И хватит гнать.

— Я все равно уйду.

— Останься. Я хочу тебя.

— Нет.

— Тебе плевать на желание девушки?

— А тебе не плевать на мое желание уйти?

— Нет, не плевать. Но я хочу, чтобы ты остался.

Ты мне нравишься. — Она порывисто встала с кровати, и Корби миготом отпрыгнул к двери, молясь о том, чтобы Ара уже успел собраться. Ира остановилась — ее одолела похмельная качка.

— Послушай, — сказал Корби, — у меня своя жизнь, свои желания. Не надо хватать меня за руки и делать все остальное.

Он вышел из комнаты.

— Ну и иди на хуй! — закричала Ира ему вслед. — Все вы, маленькие онанисты, пялитесь на меня с танцпола, а потом ничего не можете: ни пить, ни трахаться! — Она швырнула чем-то в дверь. — Таких, как ты, у меня полный зал, понял, сосунок? Я думала, ты чего-то стоишь, а ты просто школьник, просто еще один долбаный школьник!

Корби, не останавливаясь, пересек коридор.

— Ара.

— Считаю, что я тебя пожалела!

Ара, уже одетый, выскочил с кухни. В руке он сжимал пачку таблеток. Корби начал открывать дверь. У него никак не получалось: в висках пульсировала боль, оскорбления Иры, словно отравленные пули, застряли в затылке и разъедали мозг.

— Уже уходишь? — раздался у них за спиной сонный голос. Андрей.

— Да. А ты оставайся.

— Нет, я с вами. Я тоже пойду.

— Послушай, — жестко сказал Корби, — тебе прямо и направо. Там красивая девчонка, голая и в истерике. Просто зайди в комнату и поцелуй ее. Давай.

— Зачем?

Корби даже смутился.

— Ну, как тебе сказать. У тебя есть шанс на... — Он сделал характерный жест. Ему было неловко.

— Мы вчера слишком много выпили, — промямлил Андрей, — она, наверное, не в себе, и я не... — Дверь, наконец, открылась, и они вышли из квартиры. — А куда мы идем?

— По домам, — ответил Корби.

— Я позвоню тебе днем.

Ара протянул Корби пачку таблеток. Тот благодарно кивнул.

— Не надо мне звонить.

— Почему?

— Днем я буду спать.

Ара молчал и смотрел на Корби с сочувствием.

— Тогда я позвоню вечером.

— Андрей, — устало сказал Корби, — тебе не нужно звонить мне вечером. Тебе вообще не нужно мне звонить. Мы не друзья.

Андрей досадливо мотнул головой. Его тонкое лицо исказила нервная судорога.

— И что такого в твоих друзьях, чего нет во мне? Я не урод и не дурак. Так чем тебе не нравится моя компания? Объясни.

— У нас нет ничего общего.

— О, ошибаешься, — странно усмехнулся Андрей.

— И что же это? — Они добрались до первого этажа. Здесь пахло мусоропроводом, смутно белели почтовые ящики.

— Иногда людей объединяют вещи, о которых трудно говорить, — тихо сказал Андрей. — Это связано с судьбой, с самыми главными событиями в жизни...

Корби открыл дверь подъезда, и вдруг его осенило.

— Послушай, — перебил он, — мы: я, Ара и Ник, — мы банда. Стать одним из нас не так-то просто.

Ара удивленно поднял брови. Корби бросил на него выразительный взгляд: подыграй.

— Ты должен пройти посвящение. Но я предупреждаю, это будет трудно.

— Если ты не шутишь — я сделаю, — сказал Андрей. Корби подумал, что прилипала и правда сделает. Он решил подстраховаться.

— В посвящении три этапа. Сейчас я расскажу только о первом.

— Ладно, — угрюмо согласился Андрей. Они шли по улице. В микрорайоне царила блаженная утренняя тишина — прохлада в воздухе, на траве и капотах машин блестят капельки росы.

— Ты должен принести вещь, которую тебе нельзя брать. Не просто чужую вещь, а что-то особенное.

— Например?

— Не знаю. Но это должно быть посерьезнее, чем любимая чашка твоей мамы. Понимаешь?

— Да, хорошо. А вы все принесете такие вещи?

— Мы уже делали это.

Взгляд Ары, оживленный, заинтересованный,

перебегал от лица Андрея к лицу Корби и обратно.

— Так не пойдет, — вдруг заартачился Андрей. — Я хочу гарантию, что это не пустой розыгрыш. Пусть каждый приносит такую вещь.

— Не ты здесь ставишь условия, — накинулся на него Корби.

— Если вы банда — если вы такие крутые — чего вам стоит?

Корби подумал, что попался. Андрей и правда не был дураком.

— Мы принесем, — неожиданно сказал Ара.

— Ладно. Когда? — Андрей был на удивление уверен в себе, будто наконец ступил на родную почву. Корби почти жалел, что не предложил ему Иру в качестве пари, но это было бы жестоко и грязно, и другая его часть радовалась началу честной игры.

— Сегодня вечером. В восемь, у здания школы. — Он с легким испугом подумал, что сам еще не знает, что за вещь он мог бы принести. С другой стороны, какого черта он должен об этом волноваться? Может, странный мальчик принесет какую-нибудь ерунду, с которой его сразу и навсегда можно будет прогнать из их компании.

— Идет.

Они дошли до перекрестка. Прилипала попрощался и пошел в сторону автобусной остановки — он жил в другом районе.

— Ты не подыграл мне, — упрекнул Корби Ару.

— Погоди, а ты это все несерьезно? — опешил тот.

— Нет, конечно. Я просто хотел отделаться от него.

— Но это же крутая идея! Я слушал тебя и ду-

мал, какого дьявола мы не сделали так с самого начала? Почему мы не стали бандой? — В глазах Ары зажглись огоньки. — Я знаю, что принесу. Это всем понравится.

Корби зло усмехнулся. Станный мальчик Андрей как будто обыгрывал его на ход.

— Ладно. Может, ты и прав. Хотя по мне, это детская игра. — Ему вспомнились обидные слова Иры. Что бы она сказала сейчас, как бы смеялась над ним. Корби твердо решил, что выкинет ее из головы. Она не первая и не последняя, и все всегда кончается скандалом с оскорблениями.

— Что принесешь? — спросил Ара.

— Увидишь. — Но Корби понял, что придется найти что-то по-настоящему серьезное, иначе он окажется самым большим идиотом на свете.

— Надо предупредить Ника.

— Он еще спит. Позвоню ему через пару часов.

— Договорились. — Ара каверзно улыбался. У него явно был план.

Глава 2

РЕВАНШ

Корби пришел домой, не было и восьми. Он надеялся, что сможет тихо проскользнуть в свою комнату, но дед уже встал. Желчный старик спал не больше четырех часов в сутки — в остальное время он пил чай, смотрел телевизор или, как призрак, слонялся по пустынной трехкомнатной квартире. Отставной полковник КГБ, он получал роскошную пенсию и занимал восемьдесят метров жилплощади, но все эти блага казались ему лишь прахом былого величия империи. Он был одержим накопительством, прибавлял к пенсии деньги за бывшую квартиру родителей внука, которую сдал сразу после их смерти, и все равно частенько жаловался на нищету. С порога Корби наткнулся на его неодобрительный взгляд — дед сидел на табурете в прихожей и в поисках незаполненных кроссвордов перебирал кипу старых газет.

— Пришел, — буркнул он.

— Доброе утро, — невинно ответил Корби. В коридоре горела одна-единственная желтая лампочка. Лысина старика тускло поблескивала в полумраке, обрамленная подковой встопорщенных седых волос. Такие же росли на осуждающе сдвинутых бровях Ря-

бина-старшего и на дряблой груди, которая виднелась из-под расстегнутой по-летнему рубашки.

— Все празднуешь? Нечего тут праздновать. Тебе еще учиться и учиться. Поступать в ВУЗ. Готовься вот. — Дед грохнул кипу газет на пол, словно это были учебники, которые Корби следовало немедленно прочитать.

— Я сдал ЕГЭ, — устало ответил Корби. Они вели этот разговор не в первый раз. — Теперь другая система. Мне уже не нужно готовиться к ВУЗу.

— Портят молодежь. Напридумывали всякого. А мне плевать. Хочу, чтобы ты взялся за ум. Учи впрок, коли так.

— Можно я пройду?

— Нельзя. Я с тобой говорю.

— Хорошо, — вздохнул Корби. — Давай поговорим.

Он сел на приступочку под вешалкой. Минутку старик сопел, глядя на внука.

— Пил. Это ничего, что пил. Парень должен пить. Но он должен понимать, с кем пить. Иногда с тем, кто равен тебе, но чаще с тем, кто выше тебя. Вот как надо пить. Пить с генералом для меня была честь. А с генерал-майором я пил только раз. Но это подняло меня наверх — ты не представляешь, как... Пять лет службы дают меньше, чем такая честь. Все дело в людях. Если ты нравишься им, то поднимаешься вверх. А с кем пьешь ты? С чуркой да с сыном неудачника.

Корби почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Куда тебя приведут эти люди? В могилу? В тюрьму? Может, и так... Но не наверх. Ты не учишься у них ни чести, ни власти. Понимаешь?

— Я уважаю своих друзей, — ответил Корби тихо и медленно. Ему приходилось предпринимать огромные усилия, чтобы голос от гнева не сорвался на петушиный юношеский фальцет.

— Нашел кого уважать.

Корби знал, что дед делает это специально. Он хочет, чтобы внук сорвался, хочет скандала, криков, брани, разбитых вещей. Он будет даже рад, если Корби ударит его — ведь это выйдет такой восхитительный позор, которым можно будет кормиться много дней, культивировать, растравлять, растить, из него получится отличная семейная язва.

— Ты так же провоцировал моего отца? — спросил он.

— Слабак и собака был твой отец, — выплюнул дед. — Я едва признавал в нем сына.

Лицо Корби дернулось, но он проглотил и эту обиду.

— Чего тебе от меня надо? Я хороший мальчик, разве нет? Школу закончил, вот-вот поступлю. Даже согласился на твою долбанную юридическую академию. Чего тебе еще надо?

— Как ты говоришь со старшим в семье? — мгновенно завелся дед.

— О, прости, — выдохнул Корби, — действительно, как я мог оскорбить тебя? Ведь ты так добр ко мне и так мудр.

Старик не почувствовал издевки.

— То-то же. Будешь меня слушать — вырастешь большим человеком. Может, генералом. — Он удовлетворенно почесал грудь. Извинения он любил. — А с девушками у тебя как?

— Нормально.

— Ты, случайно, не из этих, не из говномесов? Да ладно, шучу, шучу. — Он явно подобрел, но даже это его не остановило. — Значит, то с одной, то с другой. Неужели ты не чувствуешь, молодой человек, каким хрупким и эфемерным является все, что ты делаешь? Ведь женщин у мужчины не должно быть слишком много. — Он перешел на шепот. — Не больше двух. Одна должна быть матерью твоих детей, а с другой ты будешь развлекаться. — Тайная премудрость была изречена, и дед снова заговорил громче. — Или ты хочешь быть таким вечным мотыльком, который все порхает и порхает, и у которого ничего нет? Но ведь ты состаришься. Тебе захочется иметь рядом женщину и продолжить свой род. Кто тебя поддержит в трудный час, если ты будешь вот так порхать? Никто. Все эти давалки болеют заразой и сведут тебя в гроб.

Корби снова почувствовал, как кровь приливает к его щекам, но упорно молчал. Он видел перед собой лицо, прошедшее через крушение империи, слышал горячечный шепот престарелого маньяка. Эти мясистые губы предлагали ему сделку с тысячью дьяволов.

— Предай своих друзей, — шептали они, — и ты получишь власть.

— Предай самого себя, — шептали они, — и ты станешь уважаемым человеком.

— Предай свой образ жизни и все, что дорого твоему сердцу, и ты получишь обеспеченную жизнь.

Шаг за шагом, сделка за сделкой. Твои губы станут такими же плотоядными, в жадную щель между ними ты будешь опрокидывать рюмки с водкой и совать мясо. Пройдут годы, и ты станешь полковником. Пройдет вечность, и ты станешь вершителем судеб.

У тебя будут личный кабинет и гербовая бумага, на которой ты будешь подписывать смертные приговоры чуркам, неудачникам и собакам, предавшим родину. А в довершение ко всему ты вырастишь сына, маленького монстра с покореженной психикой. Он будет еще страшнее, чем ты.

— Ты убивал людей? — прервал излияния деда Корби.

— Решил проповедовать мне пацифизм на старости лет?

— Нет. Просто хочу вникнуть во все тонкости пути. Понять, как стать таким, как ты.

— Семнадцать раз, — отчеканил дед. — Два раза — случайно. Рикошет в тире и судороги за рулем. В обоих случаях — оправдан. Остальное до сих пор не рассекретили.

Корби захохотал. Это произошло непроизвольно — его будто дернуло изнутри.

— Сколько человек мне надо убить, дедушка, чтобы ты почувствовал, что наш род снова в чести? Столько же? Или больше? Восемнадцать? Двадцать пять? Сто?

— Малча-а-ать!

— Ты убивал других, а я чуть не убил себя, — с лихорадочной искренностью сказал Корби. — Думаешь, я не знаю законов жизни? Я знаю их не хуже тебя. Я знаю, какое все хрупкое и чего стоит каждый шаг. Так что пошел ты на хрен.

Старик размахнулся и закатил ему жесткую пощечину. Зубы Корби щелкнули, половина лица онемела, но он быстро пришел в себя — дед невольно освободил ему дорогу, и глупо было бы не воспользоваться шансом проскользнуть мимо его табуретки.

Запершись в своей комнате, он трясущимися руками достал из верхнего ящика стола пару бумажных салфеток — заткнуть разбитый нос. Посмотрел в зеркало. Фигня. Даже синяка не останется.

— Пожалуй, с меня хватит, — прогнусавил он и, открыв платяной шкаф, начал запихивать в рюкзак нижнее белье. Трусы, носки, шорты, пару футболок. Новая капля крови повисла на верхней губе. Пришлось взять третью салфетку. Он уронил рюкзак и обессилено опустился на кровать.

Полковник Рябин никогда не был приятным человеком, но до сегодняшнего дня не позволял себе рукоприкладства. Ему были свойственны фортели иного типа. Три года назад он затащил Корби на пикник к бывшим сослуживцам. Пожилые кагэбэшники сидели на поляне перед большой дачей, поглощали тушеную капусту и бывало рассуждали о власти. Корби первый раз в жизни налили водки, и поскольку делать было нечего, а общаться не с кем, он стал тихо напиваться. Когда наступили сумерки, среди мужчин началось какое-то движение. Орава собутыльников отправилась за дом — там было специальное место, где между деревьями натягивали мишень; пробившие ее пули застревали в двухметровом кирпичном заборе. Корби стоял в толпе датых стариков и чувствовал, как его сознание окончательно заволакивает алкогольный туман. Очнулся он только, когда дед сунул ему в руки свой «стечкин». Корби начал отказываться.

— Что ж ты меня позоришь? — напал на него дед.

— Очередью, — потребовали пьяные голоса. — Очередью сложнее.

Корби поставил на стрельбу очередями, прицелился в вырезанный из картона человеческий силуэт и спустил курок. Дистанция была пятнадцать шагов. Мишень разнесло пополам, из-за нее раздался дикий визг... На застолье была пара маленьких близнецов — внуки или правнуки владельца дома. Корби бросился к мишени, с ужасом думая, что подстрелил одного из мальчиков. За картонкой оказалась связанная свинья.

— Да что с тобой? — спросил дед. — К ночи ее зажарят.

— Я думал, что попал в человека, — сказал Корби. Холодный пот заливал ему глаза. Он вытер лицо рукавом, чувствуя, что дрожит изнутри. Вокруг хохотали старые толстые мужики. Им казалось, что они отлично пошутили.

— Меткий! Нормального парня Витек вырастил!

— Испугался, а! Испугался, малой! — один из них хлопнул Корби по плечу.

Дед наклонился к Корби. От водки его щеки побледнели, а нос, наоборот, налился краснотой.

— Даст бог, и в человека однажды попадешь. Они тоже иногда орут, когда подышают.

— Я не буду военным, — ответил Корби.

— Он не будет военным, — повторил знакомый генерал-майор. Смех стал еще громче. Корби испугался, что перебьет их всех, отбросил пистолет и убежал.

С тех пор старик становился все более невменяемым. В последние месяцы он перешел к тактике оскорблений и провокаций. Корби было примерно

ясно, как рассуждает дряхлый монстр: внук вырос, до его восемнадцатилетия остался месяц, жертва вот-вот ускользнет. Надо наверстать упущенное, сделать за Корби все то, что он не успел за эти четыре года.

Он посмотрел на свою комнату. Над кроватью — мелованные лица Курта Кобейна и Джейкоби Шэддикса. Над столом — любимый плакат: «Увеличивайте производство конопли, добивайтесь высоких показателей в своей работе. Берите пример со знатного коноплевода Александра Хрипунова». Ноутбук, настольная лампа. Окно закрыто белыми кисейными занавесками. Раньше здесь жила бабушка, и эти занавески остались от нее. От нее же остались торшер, кровать-полуторка, шкаф и комод. Из мебели только стол был новым. Корби помнил, какой чужой эта комната казалась ему четыре года назад. Теперь он не хотел отсюда уходить. Ему даже было немного страшно. Он привык к этим стенам. Эта дверь со щеколдой много лет защищала его от сумасшедшего старика. Дед угрожал, что в его отсутствие снимет щеколду, но почему-то так и не снял. Корби всегда мог запереться в своей маленькой крепости.

Кровь перестала. Скомканые салфетки метко отправились в мусорку под столом.

— Итак, это лучшее утро в моей гребаной недолгой жизни. Я ухожу.

У него в голове сложился простой план. Через два дня будут известны результаты ЕГЭ. Если они сносные, в августе он сможет переехать в студенческое общежитие, а потом легко отсудит у деда права на квартиру родителей. Но дожидаться августа необязательно — из дома он уйдет прямо сейчас, пока любимый дедушка не свел его окончательно с ума.

Он стянул покрывало с кровати, бросил простыню и наволочку в рюкзак на общую кучу одежды. Потом переоделся сам. Грязное белье он решил оставить здесь — он обойдется без пары ношенных носков. Так, что еще? Его взгляд обратился к книжным полкам. Много не унести, поэтому Корби выхватил с полки только самое любимое: Сат-Ок «Земля соленых скал», «Артемис Фаул» Колфера, «Двенадцать стульев». С маленького стеллажика смотрели ребра сиди-коробок. Корби нашел подписанное Гааном японское издание «Playing the Angel» Дэпеш Мод — неожиданный и щедрый подарок Короля, фронтмена «Зеленых Созданий» — и сунул его в книжку Сат-Ок.

На стене над кроватью висел его старый лук. Тетива была снята, пластик реверсивных плеч изгибался серыми дугами. Корби замешкался, глядя на оружие. Оно было красивым и благородным. Он использовал его только для спорта и помнил, какой радостью наполнялось сердце, когда пальцы легко соскальзывали с тетивы. Если бы не та несчастная свинья, которую ему в буквальном смысле подложили...

— Прости, прощай, я больше не возьму тебя. — Он наклонился к оружию, тронул его кончиками пальцев, потом снял из-под него свою любимую семейную фотографию. Он на ней был совсем маленький, сидел между отцом и матерью. Корби знал, что это паршивая фотография: мама смотрела куда-то в сторону, а в папиных глазах горели вампирские красные блики от фотовспышки, — но любил именно ее. Он положил ее вместе с ноутбуком в отделение для бумаг.

— И все? — с легким недоумением спросил он себя. Минуту он осматривал комнату. Ему пришло

в голову, что в десятидневную поездку люди берут больше вещей, чем когда уезжают откуда-то навсегда.

— Все.

Застегнув рюкзак, он поставил его у двери, а сам лег животом на пол и заглянул в щель над порогом. Отсюда было видно большую часть коридора — пузырьчатую пустошь линолеума, пыль под тумбочкой, ботинки. Из-под двери тянуло сквозняком, паркетные половицы все еще хранили запах сосны и цапонного лака. Корби подумал, что вот так, наверное, мир видят мыши — смотрят на все снизу вверх, а ножки кровати кажутся им башнями. Он вспомнил, что не взял, тихо встал и добавил к содержимому рюкзака электробритву и зарядку для мобильного телефона. Потом снова лег на пол. Табуретка исчезла. Старик ушел. Но этого было мало. Корби хотел точно знать, где именно комнате находится дед.

Пока он был в засаде, к нему приходили мысли о том, где жить в ближайшие дни. Была возможность, поджав хвост, вернуться к Ире, но он, само собой, не хотел так делать. Куда больше надежд он возлагал на Ника. Отец Ника был самым спокойным и милым из всех родителей, которых Корби когда-либо видел. Он пил, но тихо, никогда никому не хамил и ни с кем не дрался, слушал хэви-метал, мечтал купить какой-то особенный мотоцикл, смотрел те же фильмы, что и его сын. С ним можно было поговорить, у него можно было попросить помощи.

В памяти Корби воскресли события раннего утра. Он даже удивился, как пощечина деда выбила проблему Андрея из его головы. Вот это удар мастера. Корби хихикнул. Он обещал Аре рассказать Нику про их уговор, а сам до сих пор не знает, какую вещь мож-

но принести на встречу. Украсть у старика вставную челюсть? Смешно. Нет. Нужен настоящий запретный плод.

Шорох, скрип шагов. Затаив дыхание, Корби наблюдал, как тапочки старика, поскрипывая и постукивая, движутся вдоль по коридору. Рябин что-то бормотал себе под нос, рваные, бессмысленные слова. Без сомнения, относящиеся к нему.

— Слабак. Убежал. Испугался. Слабак. Никогда ничего не мог.

Внезапно Корби осенило. Есть только одна вещь, которая подходит по-настоящему.

Дед пощелкал выключателем, открыл дверь туалета. Полоса света пробежала через коридор и снова исчезла. Дверь захлопнулась.

Это был шанс. Корби выскочил из своего убежища, бесшумно, но очень быстро, в два прыжка, пронесся через темный коридор, взял из ванной швабру и заложил ею дверь туалета. Старик услышал, как стукнула ручка швабры, но неправильно истолковал этот звук.

— Занято, супостат. Чего тебя понесло в ту же минуту?

Корби шмыгнул к нему в комнату и приподнял край ковра. Там лежал ключ от верхнего ящика стола. Корби никогда бы не нашел его, если бы старик не ленился сам убирать в своей комнате. Он взял ключ и отпер ящик. Деньги — три пачки тысячных купюр, стянутых банковскими резинками — лежали, прикрытые кипой счетов за квартиру. Дед получал неслабую пенсию, еще двадцать пять тысяч ему зарабатывала квартира Корби, а тратил он немного: внуку давал всего ничего, новые вещи покупал редко.

«Никаких угрызений совести, — подумал Корби, — это мои деньги». Он схватил две пачки, потом вспомнил, что сегодня семнадцатое. По восемнадцатым числам дед ездил забирать у квартиросъемщиков деньги, а значит, завтра он полезет в стол. Корби решил хитрее — вытащил из каждой пачки четверть купюр, а оставшиеся, еще довольно толстые брикетки положил на прежнее место. Потом сдвинул бумаги и заглянул в глубину ящика.

«Стечкин» был там. Его рукоятка поблескивала через щели в кобуре — оружие убийцы, пистолет палача, заряженный боевыми патронами и готовый к работе. Корби вспомнил визг свиньи, и его пробил нервная дрожь.

Он поднял «стечкин». Пушка была тяжелой; кобура могла использоваться в качестве приклада, и тогда оружие превращалось в маленький пулемет. Зажав пистолет подмышкой, Корби постарался вернуть бумаги, как они лежали до его вмешательства. Результат ему понравился — ограбление было почти незаметно. Он запер ящик и положил ключ на место.

Когда он выходил из комнаты, дед спустил воду и предпринял первую попытку открыть дверь туалета. У него ничего не вышло, но ручка швабры опасно прогнулась, и Корби понял, что рано или поздно она сломается. Пора уносить ноги. Он заскочил в ванную, схватил щетку, полотенце и зубную пасту. На ходу заворачивая «стечкин» в полотенце, он побежал к своей комнате.

— Ублюдок! — закричал старик. — Что за детские шутки?

Корби забросил рюкзак на плечо и быстро пошел к выходу из квартиры. За спиной он слышал оглуши-

тельный треск: швабра не выдержала. Впрочем, ее обломки все еще мешали деду выбраться из сортира. Корби не оборачивался — в эти мгновения он чувствовал себя героем боевика, который не оборачивается, когда слышит, как у него за спиной обрушиваются взорванные здания. На лестничной клетке он не стал дожидаться лифта и побежал вниз по лестнице. Они жили на седьмом этаже, и Корби знал, что дед не догонит его ни так, ни этак.

На выходе из дома он встретил знакомую старушку, выносившую мусор. Она с удивлением посмотрела на расшитый розочками полотенчик, который Корби сжимал в руках.

— Что-то случилось?

— Нет, — широко улыбнулся Корби. — Все просто отлично.

Он прошел три двора, потом остановился, сел на лавочку и убрал в рюкзак обернутый розочками пистолет.

— Что ты будешь делать теперь, старая калоша? Как ты меня теперь достанешь?

Чувствуя, что на губах играет такая же каверзная улыбка, как у Ары в минуту их недавнего расставания, Корби достал из кармана телефон и набрал номер Ника.

Глава 3

ИДИОТ

— Только не шуми, — еле слышно попросил Ник, открывая Корби. — У меня жуткий бодун.

Они обменялись рукопожатием. Ник был плотный, коренастый. На черной поношенной футболке — картинка с одного из альбомов «Металлики».

— Мне тоже было плохо, когда я проснулся. — Корби неловко зашел в узкую прихожую, скинул с плеча тяжелый рюкзак. Ник потянулся мимо него, чтобы закрыть дверь.

— Ты что, в поход собрался?

Корби, не развязывая шнурков, скинул кроссовки.

— Я бомж.

Ник замер, его серые глаза блеснули.

— На кухню.

Корби послушно прошел на кухню, крошечную, но выходящую на балкон, что увеличивало ощущение внутреннего пространства за счет кусочка внешнего. В единственной комнате одну из стен целиком занимал экран, а к потолку вместо люстры был подвешен проектор. Отец Ника был техником на частной киностудии и делал всякие особенные штуки, вроде

катающихся платформ для бутафорских монстров и тому подобное. Он принадлежал к тому редкому сорту людей, которые могут одновременно работать и пить. Сейчас он спал: до Корби доносился его громкий храп с веселым мелодическим присвистом.

— Пиво или водку? — Ник прикрыл дверь на кухню и заговорил громче. Корби издал звук, означающий болезненную нерешительность. Ник насмешиво фыркнул. — Шучу. Рассол или колу?

— А простая минералка есть?

— Чистая вода. Есть чай.

— Вода, — выбрал Корби.

Ник налил ему из фильтра полную кружку.

— Что у тебя с лицом?

— Ничего. Ты тоже выглядишь не лучшим образом.

— Одна половина краснее другой. И глаз, кажется, подбит... чуть-чуть.

Корби повернулся спиной к окну, спрятал лицо в тени.

— Тебе кажется.

— Бомж. Что ты имел в виду? — Ник налил себе колы, сел напротив. Корби молчал, сведя брови и глядя, как над чашкой Ника фонтанируют пузырьки. Ему вдруг захотелось остаться в одиночестве и сойти с ума, разрушая какие-нибудь невинные вещи. Он вспомнил, как после смерти родителей шел по полю и палкой рубил траву. От воспоминания стало только хуже.

— Мне неловко, потому что это серьезная просьба, но можно мне будет у тебя пожить?

— Это дед, — сказал Ник. — Этот гребаный палач НКВД разбил тебе лицо.

Корби начал пить.

— Надеюсь, он сейчас тоже утирается кровавыми соплями, и что у него подбиты оба глаза, и что его старые яйца ноют как никогда в жизни!

Корби допил чашку.

— Нет.

— Этот урод бил тебя, а ты стоял и терпел?

— Нет. — Корби разозлился. Ему очень хотелось сказать Нику, что все это не его, Ника, собачье дело, но он не мог так сказать, потому что это он пришел сюда и сидел здесь со своими вещами, и собирался жить здесь еще пару месяцев.

— Послушай, да эта гнида достойна быть избитой ногами уже за то, что ты клянул школьные завтраки, не имел денег на телефоне и ходил в обноскогах!

Корби встал. Ник дернулся, думая, что он совсем уходит.

— Подожди, — сказал Корби. Через полминуты он вернулся на кухню с рюкзаком, достал полотенце в розочках и вытряхнул его содержимое на стол. Деньги разлетелись веером, «стечкин» тяжело рухнул в центр кучи, а сверху на него упали зубная щетка и паста. Получилось не эффектно, как в кино, а по-идиотски. Ник уставился на пистолет. Корби отложил его в сторону и сгреб бумажки в маленький холм. — Говоришь, он был мне должен? Ну вот, мы в расчете. — Его руки опять начали предательски трястись, как тогда, после пощечины.

— О господи. Лучше бы ты просто разбил ему лицо.

— Он не знает, что я его обчистил. А когда узнает, уже ничего не сможет с этим сделать. Послушай, я

в любом случае ушел из дома и туда не вернусь. Просто скажи, да или нет. Я могу у тебя пожить?

— Надолго?

— Пока что-нибудь не придумаю. Если поступлю в ВУЗ, с августа можно переселиться в общагу.

Ник устало потер лицо.

— Это не ко мне. К сожалению, это не ко мне. Это должен решать отец. Но я буду просить за тебя.

— Спасибо, — поблагодарил Корби. Ник пристально смотрел на него, явно не считая разговор оконченным.

— Деньги — это я понимаю, он тебе их был должен. Но зачем ты взял его пушку? Ты совсем рехнулся? С отцом или без, я не позволю тебе хранить это дерьмо здесь. Извини, но я не хочу сесть за чужую глупость.

— Есть причина, по которой я ее взял, — промямлил Корби. Он сбивчиво рассказал про пари с прилипалой, про идею банды. Выражение лица Ника становилось все более недоверчивым, как будто он слушал историю про инопланетян.

— Я тебя не понимаю. Видно, старик заразил тебя своим безумием. Что такого тебе сделал Андрей? Он тебя пидорски облапал? Увел девчонку? Кнопки клал на стул? Я весь год удивляюсь, почему ты его так ненавидишь. Объясни мне.

— Ну, он какой-то странный. Как будто чего-то все время хочет, а сказать не может.

— Он помог мне с английским языком. Он стеснительный и замкнутый. У него богатая вздрюченная мамка, которая устраивает скандал всякий раз, когда он возвращается домой позже девяти, и еще более богатый отец, который, правда, с ними не живет, но тоже

постоянно до него докапывается. А в остальном...

— Ты с ним общаешься, — упавшим голосом констатировал Корби.

— Почти нет. Но это не отменяет того факта, что странно здесь ведешь себя именно ты. Ни у кого, кроме тебя, нет проблем с тем, чтобы просто с ним поговорить.

— Он не пьет, ему плевать на девчонок, он не слушает нормальную музыку... Что удивительного, что у нас с ним мало тем для общения?

Ник пожал плечами.

— Он стеснительный. Если бы ты захотел ему помочь и вместо своих загонов привел в нашу компанию, он бы сейчас уже пил, бегал за девчонками и слушал рок.

— Ну...

— Он ведь не ушел с концерта? И вчера вечером тоже бухал.

— Шампанское.

— И что? С него выносит не хуже, чем с пива, а остальное — дело вкуса и денег. У него есть деньги на шампанское. Кстати, он предлагал остальным. Он не жадина и не говнюк, как твой дед.

Корби тяжело вздохнул.

— Ладно. А что с пари? Подыграешь?

— Я не буду ничего красть, — отрезал Ник. — Но я могу принести реально крутую вещь. Спрошу у отца. Ты мой друг, и я не хочу, чтобы ты выглядел идиотом.

— Спасибо.

Ник усмехнулся.

— Сочтемся. — Он медленно, осторожно поднял пистолет со стола, следя за тем, чтобы дуло все

время смотрело в стену. — Ты умеешь обращаться с этой штукой?

— Немного. Капелька сбоку — это предохранитель и переводчик режимов огня. Рычажок сзади — курок.

— А как вытащить обойму?

— Снизу на рукоятке.

Ник извлек магазин. В маленьких круглых головках пуль Корби увидел отражение комнаты и бледное с похмелья лицо друга.

— Восемнадцать?

— Обойма полная, значит, двадцать. У деда где-то лежали еще, но у меня не было времени.

Ник медленно вставил магазин обратно в рукоятку оружия.

— Надеюсь, двадцати достаточно. Зачем тебе больше?

— Думал пострелять по банкам.

— Глушитель есть?

— Не у этой модификации.

— Тогда твои выстрелы услышит весь микрорайон.

Корби не ответил. Он опять был идиотом. Ник встал, взял кухонную тряпку и тщательно вытер со «стечкина» отпечатки своих пальцев. Потом достал и протер обойму.

— Ты параноик, — заметил Корби. Ник, вытирающий пистолет тряпкой, выглядел сурово. Закончив, он положил пушку на стол перед Корби.

— Так что ты собираешься с ним делать? Я уже сказал, здесь хранить его нельзя.

— До вечера он полежит у меня в рюкзаке, а после встречи с Андреем мы его куда-нибудь денем.

Хоть закопаем.

— Хорошо, — согласился Ник. — У меня есть эмалированная жестяная коробка. Отец даст масляную тряпку.

Корби кивнул. От мысли о спрятанном в землю смертоносном оружии у него по спине пробежали мурашки. Они уже не дети, и их игра — не совсем игра; они поступят с пистолетом так же, как поступила бы настоящая банда гангстеров.

— Твой звонок меня разбудил, — сказал Ник.

— Извини.

— Ничего. Просто, если не возражаешь, я еще посплю. Могу сделать тебе пару бутербродов.

— Нет, меня мутит со вчерашнего. Я тоже посплю.

— Балкон твой, — любезно предложил Ник. Корби благодарно кивнул. Ник принес ему чистую простыню. — Пока папа не сказал «нет», почувствуй себя как дома.

Корби выпил еще чашку воды, убрал со стола краденое и лег спать. В одиночестве обиды и глупости этого утра вдруг разом вернулись к нему, и во сне на него обрушилась мешанина странных, тревожных образов. Он снова был на концерте «Зеленых Созданий», потом почему-то оказался на сцене, огромной, вмещавшей тысячу музыкантов. Потерянный, он стоял между ними, живыми и мертвыми, пытаясь отыскать взглядом своих друзей, но не мог найти никого. Вдруг все разом заиграли, запели. Тысячи инструментов и голосов, огромный, невозможный ряд оттенков звука — все сложилось в песню, в один колоссальный, непередаваемый по силе призыв. Он взорвал что-то в душе Корби, так, что стало больно. Постепенно он

различил слова.

— Андрей Токомин, — звали они все множеством голосов. — Андрей Токомин. Андрей...

Из третьего ряда поднялся Андрей. Он пошел к сцене, но кто-то преградил ему путь. Корби сшибся с неизвестным, и они выскочили из зала через дверь, которая откуда-то появилась, на улицу. Потом Корби бежал вверх по стальным лестницам, прилепившимся к стене старого кирпичного небоскреба; шел мелкий дождь, город внизу был окутан сумерками и дымами, сквозь которые светили огни, и все это напоминало старые боевики про Нью-Йорк. Мокрые перила липли к ладоням, металлические ступени звенели под ногами. Так же они звенели над головой, куда убежал неведомый противник. У самой вершины Корби почти настиг его, но тот успел проскользнуть в запасной выход. Корби локтем разбил стекло. За ним был коридор. С внутренней стороны дверь была зеркальной, и в осколках он увидел, что у него другое лицо. Потом он поднял взгляд и обнаружил, что в коридоре стоит человек с какой-то дикой, оскаленной ухмылкой. Но тут все померкло, ушло куда-то, куда Корби уже не мог последовать, и сам он, наконец, провалился в забывчивую темноту без сновидений и огней.

Проснулся он от звука шипящего масла и сытного запаха жареного мяса, который затягивало на балкон через приоткрытую дверь. Перевернувшись на спину, Корби увидел отца Ника. Тот хозяйничал без передника, на нем были только шорты и красная майка без рукавов. По большим умелым рукам тянулся темный узор вен, на плече была выбита группа крови

и список аллергенов: следы занятий подводным спортом и пещерным туризмом.

— Выспался?

— Здравствуйте. — Корби посмотрел на небо. Солнце висело где-то на полпути между зенитом и горизонтом, было жарко, но не как в середине дня. — А сколько времени?

— Половина седьмого. Отбивную будешь?

— Да, — обрадовался Корби. — Я не ел со вчера.

— Тогда вставай и приводи себя в порядок.

Корби замер в нерешительности в дверях балкона.

— Ник сказал Вам?

Олег Борисович стоял вполоборота, переворачивая деревянной лопаткой на сковороде мясо. Корби ждал, чувствуя, как сердце выпрыгивает у него из груди. Этот человек был первым и последним взрослым, который мог ему помочь. Все другие варианты казались равно паршивыми.

— Живи, — сказал, наконец, Олег Борисович. — Только одно условие. Каждый третий раз в магазин ходишь ты. Еду берешь на свои деньги. Мой пацан сказал, что они у тебя есть.

— Конечно, — выдохнул Корби. — Вы меня спасли.

Мужчина пожал плечами и продолжил катать отбивную по раскаленной, плюющей маслом сковороде. Корби прошел в ванную и поставил стаканчик со своей зубной щеткой рядом со стаканчиком Ника. Он нашел новый дом. В четырех кварталах отсюда, в полутемной пустынной квартире, был его дед. Корби представил, как старик склоняется над помятой газетой, вписывая кривые синие буквы в просветы чер-

ной решетки кроссворда, и его передернуло.

— Не думай о нем. Думай о том, что ты все еще похож на небритого похмельного уroda, и пока ты будешь таким, сегодняшнее утро не перестанет преследовать тебя.

Отражение него шевелило губами. Корби подсоединил к сети серебристое тело электробритвы и начал стремительно расправляться со щетиной. Крошечные волоски превращались в пыль. В мерном жужжании вибролезвия были покой и торжество цивилизации, жизнь. Закончив бриться, Корби почистил зубы, умылся, взъерошил волосы полотенцем. Махровая ткань все еще пахла деньгами и ружейным маслом. Он искренне улыбнулся и присмотрелся к своему отражению. Кожа после бритья стала гладкой и притягательной, на лбу чуть пульсировала голубая венка. Волосы, еще влажные, стояли дыбом; он привычно зачесал их назад и решил, что теперь выглядит на четыре с плюсом. Только небольшое кровоизлияние под глазом портило вид.

— Как лицо? — поинтересовался Ник. Корби вздрогнул и понял, что тот уже некоторое время стоит у приоткрытой двери ванной.

— Краснота прошла.

— А синяк нет.

— Твой отец разрешил мне остаться.

— Мой отец отличный мужик. Но не дай ему пропить все твои деньги.

Такого предупреждения Корби не ожидал. Ему пришло в голову, что он был слишком легкомысленным со своими барышами. Никогда раньше он не держал в руках такую сумму. Она казалась ему огромной, но он мог быть глубоко не прав, ведь он никогда не

жил на свои деньги. Корби решил, что ни в коем случае не будет считать бабки на глазах у Олега Борисовича, и тем более не станет показывать ему, где они лежат.

Когда он вернулся на кухню, поздний обед был уже готов. Они едва уместились за маленьким столиком. Корби досталось место напротив Олега Борисовича. Он дипломатично притих и ел, изредка выдавая свое восхищение кулинарными способностями хозяина дома. Тот выглядел довольным.

— Куда будешь поступать?

— Я еще не решил. Дед хотел, чтобы я учился на юриста, и я хорошо готовился к ЕГЭ по русскому, истории и обществознанию.

— Пока оценок нет, это пустой разговор, — сказал Ник. — Можно готовиться к математике, а случайно сдать на пять химию.

— Да, но даже если у меня хорошие оценки только по моим трем предметам, я могу поступать много куда. Например, на историка или психолога.

— А не хочешь в театральный? — предложил Олег Борисович. — У тебя модельная внешность. С таким лицом будешь зарабатывать деньги, почти ничего не делая. Только не дай себе потолстеть и держись в форме.

Корби подумал, что, наверное, перестарался, когда приводил себя в порядок.

— Я никогда не был к этому расположен, — двусмысленно заметил он. Ник усмехнулся.

— К нам приходят ребята сниматься в рекламе, — жуя, продолжал Олег Борисович, — так играть вообще не могут, даже улыбаются в камеру ненатурально. Но у них классный вид. Не знаю, что они с со-

бой делают. В качалку, наверное, ходят. — Он встал, открыл холодильник, вернулся за стол с банкой пива. — Хочешь?

— Нет, спасибо. Мне вчера хватило.

Олег Борисович посмотрел на сына.

— Пап, я утром опохмелился.

— А зачем вам леталка?

Корби удивленно вскинул голову, но ничего не сказал. Он догадался, что это связано с уговором с Андреем, и тщетно пытался себе представить, о чем идет речь.

— Просто классная вещь, — сказал Ник. — И еще, Ара интересуется твоей работой.

— А... Ну, пусть заходит.

— Зайдет.

— Тогда и камеру бери, и все остальное.

— Круто.

— Спасибо, — поддакнул Корби. У него зазвонил телефон. — Ара.

— Легок на помине, — рассмеялся Олег Борисович.

— Привет, — сказал Корби в трубку.

— Здорово. Я уже подхожу к школе. — Голос у Ары был совершенно ошалелый.

— Ты рано.

— Я просто не могу нести их домой! Они огромные и торчат из рюкзака. Меня пропалят. Может, вы придете пораньше?

— Ладно, я понял, — протянул Корби, хотя ничего не понимал. — Ник, Ара предлагает пораньше.

Ник пожал плечами.

— Мы почти доели.

— Минут через двадцать.

— Окей. Буду ждать.

— Давай. — Корби спешно запихнул в себя остатки отбивной и вытер тарелку корочкой черного хлеба. Он чувствовал, как его захватывает желание увидеть трофеи друзей. Что бы это ни было, что бы теперь ни выкинул Андрей — в любом случае, вечер пройдет необычно.

Глава 4

БАНДА

К школе они подошли без четверти восемь. В рюкзаке у Корби лежал пистолет, жестяная коробка с промасленной тряпкой и деньги; ворох одежды и другие свои вещи он оставил у Ника. Ник, перекинув ремень через плечо, аккуратно нес черную спортивную сумку. Из-под молнии, застегнутой не до конца, выглядывало, отсверкивая на солнце, серебристое ребро. Корби догадывался, что это крыло, но с уверенностью сказать не мог.

Территория школы была обнесена весьма условным бетонным заборчиком — покосившиеся рифленные блоки всего на метр выступали из земли, калиток не было и в помине. На прогретой солнцем вершине ограды сидел Ара, болтая ногами и потягивая что-то из пластикового стаканчика. Корби и Ник издали помахали ему. Черный брат приветствовал их жестом тоста.

— Что это он пьет? — спросил Ник.

Ара, чуть запрокинув голову и щурясь, подставлял лицо солнцу. К его темным щекам прилила кровь, отчего он казался еще смуглее, чем обычно.

— Эй, Джим, — хрипло крикнул Ник, — ты

опять разграбил хозяйские погреба?

— Не бейте меня, масса! — звонким голосом взмолился Ара. — Тетя Сара сказала, что вино помогает от бородавок.

Корби прыснул от смеха.

— Когда ты успел набраться?

— Я не набрался. Выпил всего три стаканчика. — Черный брат многозначительно посмотрел вниз. Из его рюкзака выглядывали матовые горлышки трех глиняных бутылок в плетеной обвязке, с красными восковыми печатями на пробках. В центре каждой печати был продавлен витиеватый крест, а вокруг извивались непонятные армянские буквы. Одна из печатей была сорвана.

— Ты принес это в качестве трофея? — с сомнением спросил Корби. — Как-то несерьезно. Выпивка продается в любом магазине.

— Только не эта. Такого вина ни один из вас не пил никогда в жизни.

— Дай, что ли, попробовать, — попросил Ник. — Проверим.

Черный брат протянул ему стаканчик. Ник пригубил, потом пригубил еще раз и облизнулся как старый котяра, наконец добравшийся до пузырька с вальерьянкой.

— Это так круто? — не поверил Корби. Он встал и принял из рук Ары стаканчик. Вино было красным, полупрозрачным, лучи солнца преломлялись в нем и рубиновым отсветом падали на белесый камень ограды. Он отпил из стаканчика крошечный глоток. Напиток был полон спокойного тепла и отдавал кофейно-шоколадным привкусом. Корби проглотил вино, вздохнул и почувствовал, что вкус кофе сменяется

терпким и приятным вкусом ягод. Его слегка качнуло. Теперь он верил, что Ара выпил всего три стаканчика. Этого было вполне достаточно, чтобы захмелеть.

— Где ты взял это чудо?

Ара фыркнул.

— У тебя такое лицо... Я думал, ты скажешь: «А можно еще?»

— А можно? — поинтересовался Ник. Ребята рассмеялись. Черный брат прыгнул с ограды.

— Там еще четыре стаканчика.

— Слушайте, — сказал Корби, — может, пойдем к ручью?

— А Андрей? — спросил Ник.

— Он нас там найдет.

— Ладно.

Ара поднял свой рюкзак, и они двинулись по тропинке, идущей вдоль внешней стороны школьной ограды.

Школа стояла на пригорке: четыре крыла, сомкнувшихся в периметр вокруг квадратного внутреннего двора, облупившиеся бело-синие стены в лучах вечернего солнца. Один из корпусов не имел первого этажа и был поднят над землей на трех рядах простых бетонных колонн; обшарпанный голый портик напоминал разросшуюся подворотню. Между зданием и забором раскинулось полудикое футбольное поле. Играли на нем редко — из-за отсутствия сеток мяч все время улетал в траву. Территория школы обрывалась неглубоким оврагом, по дну которого бежал ручей — любимец местных подростков. Это было странное место. Здесь фактически кончалась Москва: школа была

последним домом на своей улице, и за оврагом уже не было многоэтажек — там находился дачный кооператив. За ним с одной стороны раскинулся лес, а с другой были пустыри и пищевые фабрики «Кока-Кола» и «Макдональдс».

— И все-таки, — спросил Корби, — откуда вино?

— Помнишь, три года назад я учился в армянской церковно-приходской школе?

— Что-то помню. Хотя мы тогда только познакомились.

— У нас было всего четыре предмета. Родной язык, история Армении, литература Армении и священное писание. Последние два преподавались через раз. Домашних заданий не давали. Занятия по субботам.

Они углубились в заросли. Эти кусты были знакомы, как родной дом. Здесь они первый раз курили, первый раз выпивали вместе, назначали свидания, целовались.

— Я забыл лекцию двухнедельной давности. Я постоянно их забывал, и отец Тевос попросил меня остаться. Он был нестрогий, дружелюбный такой. В пристройке почему-то выбило пробки, он зажег свечку и закурил от нее трубку. Мы сидели под окном, дым утягивало в форточку, а на улице шел дождь и кружились листья. Было круто.

Они вышли на маленький полуостров у последнего изгиба ручья; дальше тот тянулся совершенно прямо, и ложбина неглубокого оврага превращалась в длинный зеленый коридор, образованный склоненными ивами — сияющий, полный солнечных просветов. Здесь лежало бревно и перевернутые ящики; в разбросанных вокруг бутылках Корби узнал по-

следствия одной из последних массовых попоек. Под бревном траву затоптали, но близ воды шла топкая земля, на которую не решались ступить, и там выросла густая влажная осока. Под зеленым берегом бежал переливчатый ручей. Это было красивое место.

— Отец Тевос скоро сбился с темы, и мы просто говорили. Что-то про горных отшельников. Я ему понравился. Мы попрощались почти по-дружески. Он остался курить трубку и сказал мне, чтобы я спускался на улицу сам. Класс был на втором этаже. А на первом этаже были *они*. — Ара поставил рюкзак на один из перевернутых ящиков. Глиняные сосуды даже не звякнули, только доска глухо дрогнула под их весом. — Стояли прямо на столе в маленьком холле и ждали воскресной литургии. Я, наверное, минуту на них смотрел. Но тогда мне не хватило пороху их взять.

— Не-е-ет, — простонал Ник. Он теперь тоже увидел кресты на печатях. — Не говори мне, что это вино для причастия!

— Да-а-а, — в тон Нику простонал Корби. Все вдруг встало на свои места: утренняя эйфория Ары, красный воск, распятия и армянские буквы, необычный вкус вина. — Это же кража века, ты, долбаный негр Джим, черный дьяволенок!

Ара, широко улыбаясь, вытащил из рюкзака початую бутылку. Из-за необычной формы трудно было понять, какой у нее реальный объем.

— Думаю, это повод выпить. — Явились стаканчики. Было что-то нелепое в этих пластиковых штучках, стоящих рядом с освященным глиняным монолитом церковной бутылки. Корби вспомнил про зубную щетку, лежащую на пистолете, и усмехнулся.

— Ладно. — Ник со вздохом взял один из ста-

канчиков. — Но ты ведь больше не ходишь в церковную школу?

— В школу я не хожу, но мама ходит в церковь. — Над поляной повис потрясающий терпкий аромат — Ара начал разливать. Он чуть промахнулся мимо стаканчика, и кровь Христа рубиновыми каплями повисла у Корби на пальцах. Он слизнул их. Все вокруг стало вдруг неожиданно ярким. Свет немного резал глаза, но не мешал, вещи жили в нем, вибрировали, плыли под солнцем; лица друзей излучали особую красоту, было легко улыбаться, мысли, веселые и сиюминутные, стремительно проносились в голове. — Вообще-то, она обязана исповедоваться только пять раз в год, перед религиозными праздниками, но она делает это чаще.

Ник только покачал головой.

— Надеюсь, тебя за это не посадят.

— В принципе, могут, — легкомысленно сказал Ара. — Но отлучить должны точно.

— За то, чтобы этого не случилось, — провозгласил Корби. Они выпили.

— Мама три дня постилась. Я знал, что она пойдет на исповедь и потащит меня с собой. Она ходит исповедоваться по субботам, потому что по воскресеньям большая очередь. Церковь святого Саркиса одна на весь юго-западный округ.

Они сбросили с бревен грязные газеты и расселись вокруг импровизированного стола. Корби бережно поднял бутылку. Она оказалась такой тяжелой, что ему пришлось подхватить ее второй рукой. Глина была шершавой, обвязка пахла травами, печать — настоящим воском.

— Пока мама исповедовалась, я зашел во фли-

гель. Там шел четвертый, последний урок. Я взял бутылки, положил в рюкзак, и они даже не звякнули. Но я нарвался: рюкзак не получалось закрыть. Тогда я положил их вместе с рюкзаком в багажник маминой машины. Было жутко стремно — по дворику ходили люди, а я нес этот рюкзак с торчащими бутылками. Но никто не обратил внимания.

— И она их не нашла? — спросил Корби.

— Она не открывала багажник. Мы вернулись. Она пошла домой, а я взял брелок от машины, спустился вниз и достал вино.

— Ты полный псих, — сказал Ник. — И ты нарушил седьмую заповедь.

— Бог простит. И вообще, на его месте меня бы это достало. Они уже две тысячи лет пьют его кровь и едят его тело.

Корби фыркнул.

— Налей еще по одной.

Ара налил.

— Бутылка кончается. У нее очень толстые стенки. Там меньше, чем кажется.

— Тогда не открывай вторую, пока не придет Андрей, — сказал Ник, — а то мы все выпьем. Кстати, а сколько времени?

— Восемь пятнадцать. Он опаздывает.

Ник поставил свой стаканчик на ящик.

— Схожу к школе. Вдруг он нас не нашел?

— Если он такой недогадливый, может, не стоит принимать его в банду? — предложил Корби. Ник не ответил, просто ушел; его спина скрылась в зарослях. Недопитый стаканчик остался одиноко стоять на ящике.

— Да ладно тебе, — весело сказал Ара. — Ты

слишком суров. — Он посмотрел на оставленную Ником сумку. — Что там?

— Его трофей. Я еще не видел.

— А у тебя что?

— Бандитская вещь, — с предвкушением сообщил Корби. — Почти такая же крутая, как твое вино.

— Покажи, — попросил Ара.

Корби запустил руку в рюкзак и достал пистолет. Вороненая сталь мрачно блеснула на свету. Черный брат, замерев, смотрел на оружие. Корби извлек магазин, молча показал ему пули, зарядил пистолет обратно и положил рядом с бутылкой краденого вина. Тяжелый ствол «стечкина» гулко стукнул о ящик.

Ара сглотнул.

— Это не подделка?

— Нет. Я когда-то из него стрелял. Это пушка моего старика. — Корби вкратце рассказал про ссору с дедом и тот случай, когда ему довелось убить связанную свинью. Ара, не отрываясь, смотрел на оружие.

— Можно его подержать?

— Да. Только не снимай с предохранителя.

Черный брат взял пистолет в руки. Он обращался с ним как копы в фильмах восьмидесятых: поднял ствол к левому уху, потом медленно опустил его, прицеливаясь в дальнее дерево на другом берегу ручья.

— Потрясная вещь!

— Он стреляет очередями.

— Серьезно? Это же пистолет, а не автомат.

— Это автоматический пистолет Стечкина. Оружие для спецподразделений.

Ара встал и повернулся вокруг поляны, будто расстреливая множество врагов.

— Круто. А какая будет отдача?

— Ощущение в руке как от удара по боксерской груше. Но я удержал.

Ара еще целился в кусты, когда из них вышел

Ник.

— Опустит, — сказал он, — не направляй на людей.

— Извини. — Ара положил пистолет обратно на ящик. — Андрей не пришел?

— Нет. Я ему звонил, но он не берет трубку.

— Уже и не придет, — улыбнулся Корби. —

Струсил.

— Андрей не трус. Если он не пришел, то либо потому, что его достали твои законы, либо по веской причине.

Корби только мотнул головой. На несколько секунд над поляной повисло неловкое молчание.

— Ник, а у тебя что? — спросил Ара, разряжая обстановку.

— Леталка, — буркнул Ник.

— Мне тоже интересно, — заметил Корби. — Ты знаешь, что у нас, а мы не знаем, что у тебя.

— Машина из стали и ветра, — чуть смягчился Ник.

— Это эвфемизм для летающей мясорубки? — спросил Ара. Они рассмеялись.

— Ты несправедлив. Он красивый.

Корби посмотрел на Ару. Оба одновременно пожали плечами.

— Это красивая летающая мясорубка, — резюмировал Корби.

— Я хотел дождаться Андрея, а потом показывать, но уже почти половина девятого. — Ник рас-

стегнул свою сумку, и свет закатного солнца упал на обтекаемое серебристое тело. То, что раньше было одиноким острым ребром, теперь оказалось вершиной изогнутого хвоста. Внутри полукруглой рамки замер маленький винт. Ник обеими руками поднял модель.

— Ух ты, — тихо сказал Ара.

— Красивая мясорубка, — усмехнулся Ник. Модель вся состояла из гибких линий, лишь тонкие швы и крепления винтиков, заглубленных в корпус, выдавали, что она не является единым слитком пластика или металла. — Это вертолет. Отец сам его сделал.

— Это вертолет твоего отца? — спросил Ара.

— Я не крал его, — сказал Ник, — просто одолжил.

Корби поморщился.

— Неважно, — отмахнулся Ара. — Это вещь. А где лопасти?

— Они одеваются. — Ник достал со дна сумки устройство, выглядящее как трубка, произвел с ним несколько манипуляций, и оно раскрылось как зонтик. Опустив основание винта в муфточку на крыше вертолета, он зажал крошечные рычажки под лопастями, а потом рукой крутанул винт. Вокруг основания механизма были два маленьких шарика-противовеса.

— Эта штука правда летает? — недоверчиво спросил Ара. Пока Ник орудовал с устройством, он успел откупорить еще одну бутылку вина и теперь снова наполнял стаканы.

— Еще как, — заверил Ник, доставая из сумки вторую съемную деталь. Это оказалась видеокамера. Устройство было забрано в такой же непроницаемый обтекаемый корпус, как и вся модель. Ник задвинул салазки камеры в полозья на брюхе вертолета и зажал

защелку. Камера слилась с моделью.

— То есть, ты видишь, куда летишь? — спросил Корби.

— Да, но суть не в этом. Камера маленькая, но видео будет профессионального класса. Отец все это сделал для работы. Там хотят, чтобы камера летала между городскими домами, где не разрешат летать ни одному настоящему вертолету. А потом к отснятому видео трехмерщики подрисуют все, что угодно, хоть корабль инопланетян.

— Здорово, — одобрил Ара. — А можно запустить два вертолета, чтобы вертолет с камерой гнался за обычным вертолетом?

— Это будет нужно, если папе закажут рекламу вертолетов. — Ник достал из сумки пульт, как для радиоуправляемых машинок, но более сложный: к блоку с рычажками сверху был приделан айпод. — Видео выводится на эту штуку.

— Твой папа гений, — сказал Ара.

— Покажешь, как это все работает? — спросил Корби.

— Не здесь. Отец меня убьет, если вертолет винтом запутается в ветвях. Допивайте, и пойдем к школе. — Ник потянулся к своему стакану, но Ара его остановил.

— Подожди. Мы ведь все принесли, что обещали. Значит, мы банда!

— Я говорил про три условия, — запнулся Корби.

— Какие?

— Ну, я еще не придумал. Неважно. Андрей все равно не пришел.

— Тогда это фигня, и мы уже банда! Мы должны

это закрепить.

— Ты романтик, — чуть улыбнулся Ник.

— Он прав, — серьезно сказал Корби. — Школа закончилась, но я этого не чувствую. Моя жизнь в полном дерьме. Надо это как-то изменить.

— Давайте поклянемся, что не расстанемся, — предложил Ара, — что всегда будем встречаться и... — Он сбился, не находя нужных слов. Несколько секунд над поляной висела тишина, которую нарушало только журчание воды.

— Банды бывают разные, — сказал Ник, — но обычно это что-то плохое. Я не хочу делать зло.

— Тогда что-то вроде Робин Гуда получается? — спросил Ара.

Корби слушал их и чувствовал, как в его взбодраженном вином мозгу происходит ядерный синтез событий сегодняшнего дня. Он бездомный сирота. Он не знал, что ответить Ире, не знал, что сказать отцу Ника, когда тот спрашивал его о будущем. Лузер. Никто. Да, у него есть прикольные друзья и смазливое личико, чтобы снимать девчонок, но это все, что у него есть. Неужели так?

— У банды должен быть главарь, — сказал Корби, — а банду придумал я. — Он, шурясь, посмотрел на Ника, ожидая, что тот возразит, но тот ничего не сказал. — Значит, я буду главарем. — Корби поднял пистолет и встал, опустив дуло в землю — красивый, со вспыхнувшими от вина щеками, румянец которых так любила Ира. — Я хочу, чтобы мы стали лучшими, — сказал он. — Я хочу, чтобы в нашей жизни все было настоящим. Я хочу, чтобы в ее конце мы были не такими, как наши родители: как мой злобный тупой старик, как твоя мать — религиозная кликуша...

Извини, черный брат. — Но Ара молчал, замороженно глядя на него. — И как твой отец, Ник, — договорил Корби. — Алкаш. Хотя он лучший из всех троих.

— Он мог бы стать знаменитым мастером и изобретателем, если бы не сдался, когда умерла мама, — охрипшим голосом сказал Ник. — Если ты об этом, то да, я с тобой. Я за то, чтобы ни одна вещь нас не раздавила.

— Я об этом. — Корби сунул пистолет сзади себе за пояс и оправил рубашку так, чтобы оружия не было видно. Ара был прав: неважно, как появилась эта идея — она действительно прекрасно им подходила. — Пойдем. Хочу увидеть леталку в действии.

Он залпом допил вино, Ник тоже. Аре вдруг представилась странная картина: Корби, бледный, в окровавленной белой рубашке, с развевающимися черными волосами, с древним длиннодулым дымящимся пистолетом в руке, стоит на скале и говорит: «следующий», — а под ним, с одной стороны, бесконечная очередь дуэлянтов, а с другой — обрыв, медленно заполняющийся трупами. «Что-то из Лермонтова?» — подумал он.

— За нас, — он осушил свой стаканчик, потом встал и пошел за Корби. За главарем бандитов.

Глава 5

ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ

Ник опустил вертолет на гравий, потом включил ай-под, потыкал что-то на интерактивном меню и повернул экран к друзьям.

— Вот.

— Класс, — хором ответили Корби и Ара. Они увидели поверхность футбольного поля, песчинки и камешки, далекие футбольные ворота, белую ограду школы, а за ней — деревья и клочок неба.

— Даже при съемке с настоящего вертолета есть такая проблема, что камера захватывает части самого летательного аппарата, крыло или винт. Здесь отец поставил ее так, что ничего подобного не видно. Кадр будто парит в воздухе. — Ник активировал пульт. На индикаторе заряда батареи вспыхнула панель зеленых огоньков. — От винта.

— Полетит? — спросил Ара.

Тихо, чуть ли не с мелодическими переборами зажурчал мотор. Лопасты сделали медленный оборот, потом еще, и еще. Скорость заставляла выпрямляться длинные, чуть провисавшие на концах алюминиевые пластины, превращая их в три серебристых меча, три напряженные до предела струны. Майки ребят затре-

петали от потоков воздуха. А лопасти все раскручивались, вращаясь быстрее и быстрее, пока не исчезли, превратившись в единый сверкающий диск. Он стал прозрачным, потом совсем исчез из вида; побежала песчаная поземка, разлетелись солнечные зайчики, вертолет вздрогнул и, теряя вес, оторвался от земли. Его немного повело в сторону, и Ник потянул рычажок «тангаж», выравнивая модель. Корби, щурясь, смотрел на экран. Вертолет развернулся, земля поплыла и в кадре появилось веселое, пьяное лицо черного брата. Он помахал камере.

— Ник, пусть он летит, — попросил Корби. Ник улыбнулся — и вертолет рванул вверх. На мгновение поток воздуха стал сильнее, а потом машина из стали и ветра ушла далеко в солнечные сферы. В лопастях поднимались маленькие радуги.

— Покажи скорость, — сказал Ара.

Вертолет разогнался. Низко наклоняя нос, он два раза обошел поле по краю, снизился над оврагом, чиркнул по самым макушкам деревьев — приблизившиеся листья со сногшибательной скоростью пронесли в кадре. Ник снова поднял машину, заставил перевернуться, потом снизил скорость и подвесил вертолет высоко в небе над центром футбольного поля. Но тот не замер в воздухе, а тихо начал дрейфовать в сторону ручья.

— Ветер? — догадался Корби.

— Ага. — Ник послонявил палец и поднял его вверх. — Нас заслоняет школа, а в небе он сильный. — Ему пришлось снова взяться за рычажки управления, чтобы вернуть вертолет на прежнее место. — Можно осмотреть крышу школы.

— Давай, — обрадованно согласился Ара. Ник

повернул лёталку и направил ее к зданию.

— Черт, я вижу парты в классе математики, — подивился Корби.

Вертолет теперь шел медленно, борясь с фронтальным ветром. В кадре появилась крыша — черные полосы рубероида, залитые варом, выходы вентиляции, какие-то непонятные надстройки. Корби перестал смотреть на экран и взглянул вверх, на серебристую модель, плывущую над краем крыши. Крошечная тень падала на окна класса математики. Ник тоже смотрел вверх. За экраном следил только Ара.

— Ребята, — вдруг сказал он. Корби посмотрел на него, потом на изображение с камеры. Что-то происходило. Хрупкий подросток сжался в тени вентиляционного выхода. С другой стороны здания к нему подбирались две фигуры.

— Это Андрей, — сказал Ник, и тут же Корби узнал его. У прячущегося были золотистые волосы и клетчатая рубашка. В таких рубашках ходил только прилипала: все нормальные ребята носили майки с прикольными рисунками или лицами любимых музыкантов.

— Он в беде? — спросил Ара.

Преследователи Андрея были в черных масках и напоминали киношных ниндзя, но в том, как они шли по крыше, не было ничего киношного. Они спокойно заглядывали за каждый выступ, в каждую тень, и было件нятно, что они найдут Андрея. Но им и не пришлось: внезапно, в паническом порыве, тот сорвался и побежал. Двое бросились за ним. Ник почти машинально поднял вертолет вверх, так что тот охватил кадром всю крышу, замыкаяшуюся в единое кольцо. На крыше другого крыла был еще человек.

Он шел, огибая по кругу школьный двор, и должен был рано или поздно зайти Андрею в спину.

Андрей метался от одного укрытия к другому, но спрятаться уже не пытался. Он, видимо, рассчитывал обмануть преследователей и между них прорваться обратно к открытой двери на чердак. Вот он почти проскочил, но его зацепили рукой за плечо. Он вырвался и побежал дальше, отступая. Добравшись до бортика, он в отчаянии глянул вниз. Корби понял, что можно больше не смотреть в камеру, поднял голову и увидел прилипалу. Они смотрели друг на друга лишь мгновение. Потом Андрей побежал вдоль бортика, на бегу лихорадочно ища что-то в карманах, ища и оглядываясь — то на преследователей, то на троих подростков, стоящих далеко внизу. Наконец, ему попала в руки какая-то маленькая вещь. Он добежал до угла крыши, остановился, сложил ладони рупором и изо всех сил закричал:

— Это я вам принес! — и бросил вниз какой-то маленький легкий предмет белого цвета, похожий на кусочек жесткого картона. Ветер подхватил и его крик, и карточку; белая точка закружилась в воздухе — ее несло над футбольным полем, в сторону дачного поселка. Ара бросился за ней, глупо протягивая вверх руку, хотя она летела в пятнадцати метрах у него над головой.

— Корби, ты должен... — надрывая голос, продолжал Андрей, но договорить не успел — один из преследователей налетел на него. Какую-то секунду они боролись, в руках Андрея блеснуло лезвие перочинного ножа, но противник выбил его, и нож упал вниз, на газон. Вертолет все еще парил над школой, его камера была устремлена на две далекие сцепив-

шиеся фигурки. К ним подбежала еще одна. Третья замедлила шаги и спокойно шла к жертве. Корби оглянулся на Ника. Тот смотрел не на школу, а на экран айпода. И тут Ник сказал:

— Стреляй.

Корби вспомнил про пистолет, выхватил его из-за пояса, прицелился. Он чувствовал, что стремительно трезвеет. На мгновение ясно он увидел лицо Андрея — тот лежал спиной на жестяном карнизе, его голова и плечи уже были за краем крыши, но он продолжал цепляться руками за своего противника.

— Стреляй, он падает, — без выражения, почти спокойно, повторил Ник. Корби показалось, что целик, мушка и корпус тела первого напавшего находятся на одной линии. Он нажал спусковой крючок. Ничего не произошло — «стечкин» был на предохранителе. Корби снял его, поставил флажок на режим одиночной стрельбы — очередь можно было убить обоих. Он успел подумать, что они все, возможно, неправильно поняли, и на крыше происходит какая-то игра, а он сейчас убьет невинного человека. И все же, несмотря на сомнения, он собирался выстрелить. Он снова прицелился — но в этот момент Андрей упал вниз.

— Нет, — тихо сказал Ник.

Андрей упал на асфальтированную дорожку рядом с газоном, в траве которого секундой раньше исчез его нож. Тело чуть подпрыгнуло, вздрогнуло и замерло.

«Я видел убийство», — пронеслось в голове у Корби. Человек на крыше стоял и смотрел вниз, на

трех свидетелей. «Это не наше дело», — подумал Корби. «Теперь все наше дело, — тут же возразил он себе, — что-то вроде Робин Гуда значит восстанавливать справедливость». Прилипала точно был не настолько плохим парнем, чтобы его убивать. Корби хотел выстрелить, но силуэт убийцы уже скрылся из поля зрения.

— Что случилось? Где Андрей? — закричал Ара, бежавший обратно к ним.

— Они спускаются на чердак, — ответил Ник, все еще видевший убийцу с помощью камеры. — Давайте с Арой к запасному выходу, а я вызову скорую.

«Скорая Андрею не нужна», — подумал Корби. Он в три прыжка взобрался на невысокий косогор. Ара догнал его через полсекунды.

— Что произошло? — спросил он. Корби видел его отражение в стеклянной двери запасного выхода. Ара стоял спиной к школе, когда все произошло, и еще не понял, или не хотел понять, что случилось.

— Андрей лежит там, мертвый. — Корби повернулся и показал. Ара посмотрел вдоль стены школы и, наконец, увидел тело, лежавшее у дальнего угла здания. — Его столкнули, а я... — За бестолковым разговором они теряли драгоценные секунды. Корби не договорил и с размаху рубанул тяжелым дулом «стечкина» по стеклу. Осколки со звоном посыпались на кафельный пол первого этажа. Рискуя изрезаться, Корби просунулся внутрь, отодвинул тяжелый стержень большого шпингалета и пинком открыл дверь.

— Они внутри здания? — спросил Ара.

— Да.

Они вбежали внутрь и остановились на стыке коридоров центрального и правого корпусов, не зная,

куда идти дальше. Одна из четырех лестничных клеток была закрыта, три другие использовались. Убийцы могли спускаться по любой. В здании не было никого, даже охранника. В наступившей тишине Корби услышал свое тяжелое дыхание. Пистолет холодил руку.

— Пойдем, — решил он. Они двинулись по коридору центрального корпуса. Слева были пустые раздевалки, справа — окна, выходящие во внутренний двор. Корби представил, что он будет делать, когда увидит людей в черных масках. Наведет на них пистолет и скажет: «Стой, стрелять буду»? Они, возможно, попытаются убежать, и тогда он подстрелит кого-нибудь из них в ногу.

«А как ты объяснишь полиции историю с пистолетом? Незаконное хранение, незаконное ношение, воровство, взлом с проникновением, превышение необходимой самообороны, что еще?»

Середина коридора, центральный вход школы. На пустом ресепшене мигает зеленая лампочка.

— Я что-то слышу, — прошептал Ара. Корби тоже слышал. Кто-то сбегал вниз по лестнице, расположенной между центральным и левым корпусами. Вот в конце коридора, в тридцати метрах от них, появился человек в черной маске. Корби поднял пистолет, крикнул:

— Руки вверх!

Убийца легко отскочил в коридор левого корпуса, оказываясь вне поля видимости. Корби опустил пистолет.

— Вызывай полицию. Телефон охраны должен работать.

Убийца высунулся из-за угла.

— Убьешь меня, плохой мальчик? За это сажают в тюрьму!

Корби снова поднял «стечкин».

— Проверь телефон, — напряженно повторил он. Ара неловко перебрался через стойку, снял трубку.

— Работает!

Убийца совсем перестал прятаться и медленно вышел на середину коридора.

— Ты ведь не будешь стрелять? Ты не такой, как мы.

— Корби! — неожиданно закричали сзади. Корби узнал голос Ника и едва успел обернуться. Их с Арой обманули: двое других подкрадывались к ним сзади, им оставалось пройти всего несколько шагов. Ник, зашедший в школу через тот же запасной выход, был у них за спиной. Один из убийц перемахнул стойку охраны и нажал сброс на телефоне; Ара отскочил от него за крутящийся стул охранника. Другой прыгнул в сторону Корби, но тот успел поднять пистолет и истерически закричал:

— Выстрелю!

Все замерло, только Ник продолжал медленно идти к центру коридора, а первый убийца так же медленно шел с другой стороны.

— Стреляй, — сказал Ник. Корби облизнул высохшие губы и, к своему ужасу, увидел, что человек у него на мушке расслабляется. Из прорезей маски смотрели волчьим взглядом карие глаза.

— Он не выстрелит, — сказал первый. — Он не такой, как мы.

Тот, кто пытался напасть на Ару, вырвал трубку из аппарата. Корби вдруг понял, что полиция и все

человеческие законы не работают здесь, в таком знакомом школьном коридоре, в этот проклятый момент. Здесь был только один закон: либо ты, либо тебя. А украденный «стечкин» был их единственным козырем. Корби направил пистолет вниз, в пах преступника, и выстрелил. Раненый с нечеловеческим криком упал на колени, схватившись руками за промежность; между пальцев у него текла кровь. Первый убийца бросился к Корби, но все еще был слишком далеко, и это не имело смысла. Вторая из уцелевших масок отшвырнула стул, сбила Ару с ног и коленом придавила его шею к углу ресепшена. Лицо Ары посерело, он беспорядочно перебирал руками по краю стола. Уже не думая о превышении самообороны, Корби выстрелил в противника Ары. Он метил в голову, но промахнулся — пуля раскроила маску. У убийцы оказалось лицо девушки лет семнадцати. Выстрел оставил на ее щеке длинный бледно-розовый шрам, вдоль которого тут же начали выступать капельки крови. Она оглушенно перевалилась через стойку и побежала по коридору в сторону левого крыла. Ник, защищая Корби, сшибся с первым убийцей. Его вмешательство помешало тому завладеть пистолетом — Ник полетел на пол, но выигранной им секунды хватило, чтобы Корби отступил в сторону и направил оружие на врага. Он увидел безумные синие глаза. Даже сквозь маску было видно, что бандит скалится. Он был на полголовы выше Корби, под обтягивающей черной тканью ходили мускулы.

— Не двигайся, гад, — прохрипел с пола Ник, доставая мобильник. — Я сейчас вызову полицию.

— Попробуй. И увидишь, что из этого получится.

— Ник, он прав, — сказал Корби. — Нас посадят так же, как и их.

Убийца усмехнулся.

— Еще увидимся.

— Почему бы мне не отстрелить тебе яйца? — дрожащим голосом спросил Корби. Синие глаза чуть прищурились, парень, ничего больше не говоря, отступил назад, рывком поднял на ноги скулящего товарища и, помогая ему, пошел вслед за убежавшей девушкой.

— Черный брат, — позвал Ник.

— Она меня чуть не убила, — булькающим голосом ответил Ара из-за стойки.

— Живой, — сказал Ник, и заплакал. Корби посмотрел на него. Вот теперь он по-настоящему не знал, что им делать. — А Андрей мертвый. Почему ты их не убил? Почему ты их всех не убил?

— Я бы сел. — Корби подошел к ресепшену. Ара лежал на полу и массировал шею. Его лицо почти вернуло нормальный цвет.

— Помнишь? Три испытания. Это было второе.

— Да, — опустошенно согласился Корби. В словах Ары была своя безумная логика. Все, что они думали и делали сегодня, подчинялось ей. Они стали бандой. Они стреляли в других людей.

— Гады, — рыдал Ник. Где-то далеко взвизгнула покрывками машина. Убийцы скрывались с места преступления.

Глава 6

СОВЕТ

В школе Корби предпочитал сидеть у двери, и его часто посылали за всякими мелочами. Он был рад пройти во время урока по пустым школьным коридорам — светло и тихо, и можно видеть, как блики солнечных зайчиков бегают по потолку, когда уборщица огромной щеткой разгоняет по полу воду. Теперь пол был в крови. Оторванная трубка телефона валялась у самых дверей парадного входа, взломанных и разбитых. В стене над стойкой охраны застряла пуля. А снаружи, у стены школы, лежал мертвый мальчик. Было девять часов вечера.

Тишину нарушало шумное дыхание Ника. Его рыдания быстро закончились, но остались одышка и странные нервные вздрагивания.

— Ара, тебе помочь подняться? — спросил Корби.

— Я сам. — Ара уцепился руками за край стойки и медленно встал.

— Надо сваливать отсюда, и как можно быстрее. Мы не сможем объяснить все это.

Ник засмеялся. Или это только казалось, что он смеется.

— Ник, ты в порядке? — испуганно спросил Ара.

— Нет. — Ник перевел взгляд с черного брата на Корби. — Самый плохой полицейский пес по такой погоде через полчаса приведет к дверям наших квартир. Пули из твоего «стечкина» опознают. Найдут мои неотвеченные звонки на мобиле Андрея. И все. Лучше сразу вызвать полицию.

— Пули можно найти. Выковыряем эту из стены, и все. Одна осталась в человеке... наверное. — Точно Корби сказать не мог, он не думал об этом во время схватки, и теперь его взгляд лихорадочно метался по полу в поисках того места, куда пуля могла попасть, если прошла навывлет.

— Корби, не глупи, — сказал Ара. — Ник прав. Мы все равно не уберем все следы.

— Табак сбивает собак со следа. Я читал в рассказе про пограничников.

— А я читал комиксы про супермена. — Ник раскачивался, сидя на полу. — Там тоже были всякие способы делать вещи. И что теперь? — Он снова поднял телефон. — Я звоню в полицию. И мы рассказываем всю правду.

— И нас сажают! — заорал Корби.

— Тебе дадут пару лет условно! — крикнул Ник в ответ. — А этих гадов найдут и посадят по-настоящему!

— Я не дам тебе позвонить.

— Да? И что ты сделаешь? Пристрелишь меня?

— Что вы делаете! — тонким голосом закричал Ара. — Перестаньте, успокойтесь!

— Впрочем, это неважно, — усмехнулся Ник. Крик, кажется, помог ему успокоиться. — Андрея найдут в любой момент. И все всё узнают.

— Давайте уберем тело, — предложил Корби.

— Так нельзя, — сказал Ара.

— А может, это ты нанял этих парней? — Ник тяжело встал, отряхнул брюки. У него из носа все еще шла кровь. Корби облизнул губы.

— Ты спятил.

— Да вы оба спятили, — простонал Ара.

— На денежки деда. Там ведь тысяч сто, да? У тебя наверняка еще и осталось. Ты же ненавидел его. Хотел, чтобы он от тебя отстал. Нанял ублюдков. Они знали, что он придет сюда.

— Я не делал этого!

— Тогда почему тебе его не жалко, долбаный ты урод? Тебе же насрать на него, насрать на все, что случилось. Ходишь тут и выделяешься со своей пушкой. Главарь банды, мать твою. Крутой пацан с района, да?

— Ник, прекрати, — сказал Ара.

— Пусть он сначала прекратит. Пусть уважает Андрея, хотя бы мертвого. — Ник содрогнулся, из его глаз снова потекли слезы. — Ты медлил с выстрелом. Медлил, когда Андрей уже висел головой вниз. Ты хотел, чтобы все так кончилось.

— Нет, — сказал Корби. — Я запутался. Не снял с предохранителя.

Ник отвернулся и пошел к выходу. Ара бросился следом. Корби на мгновение поймал его испуганный взгляд, потом заметил на полу стреляную гильзу, подобрал ее, еще чуть-чуть теплую, и побежал за друзьями.

Они остановились в десятке метров от разбив-

шегося Андрея. Ник уткнулся лицом в стену. Когда Корби подошел к ним, черный брат трепал Ника по плечу.

— Ник, Ник, все было по-другому. Я думаю, Андрей что-то украл, что-то действительно важное для каких-нибудь очень плохих людей. Украл, чтобы принести к нам на встречу, и его за это убили. Послушай меня, Ник.

— Что он бросил? — глухо спросил Ник. — Я не видел, леталка была с другой стороны.

Ара вытащил из кармана маленькую белую карточку. На ней была надпись — лейбл какой-то компании.

— Вот.

Ник обернулся, шмыгнув носом, угрюмо посмотрел на Корби. Потом перевел взгляд на карточку.

— Убили за это?

— Ну, совсем не обязательно, — сказал Ара. — Но ведь так может быть.

— Может. — Ник повертел карточку в руках. Она была плотной и жесткой. Он попробовал ногтем пальца открыть запаянный край, но не получилось, и он не стал ломать ее.

— Что там написано? — спросил Корби.

— West Wind. Inc., — ответил Ара. — Какая-то компания.

«Западный ветер», — мысленно перевел Корби. Он вспомнил, как эта карточка летела, подхваченная потоком воздуха. Западный ветер.

— Эта штука похожа на магнитный ключ с данными, — сказал Ник.

— Вроде личной карточки москвича? — спросил Ара.

— Да. Это может быть ключ от камеры хранения или от номера дорогой гостиницы. Да от чего угодно. — Ник сел прямо на асфальт, привалился спиной к стене школы и, шурясь, смотрел на заходящее солнце. Ара смотрел на Ника. А Корби смотрел на Андрея. Сейчас он как будто впервые увидел его, может, впервые за все время, которое они были знакомы. Мертвый подросток лежал на спине, безвольно раскинув руки. Одна его нога, странно вывернутая, была согнута в колене, другая лежала прямо. Лицо было бледным, спокойным, красивым, и Корби не мог понять, была ли эта красота раньше или появилась только сейчас. Золотистые глаза Андрея смотрели в небо, золотистые волосы промокали от крови, как и ворот рубашки. Его голову будто окружал алый нимб.

— Если из-за твоей глупой игры он украл этот ключ у настоящих бандитов, тогда ты все равно виноват в его смерти.

— Ник...

— И ты виноват в том, что он был одиноким. И несчастным.

Корби вдруг почувствовал ненависть — и к Нику, и к мертвецу.

— Он мог дружить с кем угодно, — зло ответил он. — Зачем он ко мне лез? Зачем сюда пришел? Вон целая куча людей — весь класс, вся школа! Дружи — не хочу. Все твой. Так почему я? Почему ему был нужен только я? Почему он свихнулся на мне?

— Замолчи, — попросил его Ара.

— И, между прочим, Ник, это ты с ним общался больше нас всех. Чем обвинять других, мог бы подумать сам, кто мог его убить. Или это ты его заказал по мотиву, о котором никто не знает, а? Приятно, когда

тебя обвиняют?

— Да заткнись же ты! — пронзительно закричал на него Ара.

Корби заткнулся. К его удивлению, Ник ответил.

— У него богатая мать и деловой отец, — тихо сказал он. — Поэтому его тоже могли убить. Чтобы устроить их, или отомстить.

— Пугать, убивая самое дорогое? — спросил Ара. — После этого человеку станет все равно.

— Еще у него есть маленькая сестра. Но я даже думать не хочу о таких вещах. — Ник оглянулся на мертвеца, умолк. Наступила тишина. В траве застрекотал одинокий кузнечик. Подул ветер, принес запах солнечных полей и далекого соснового леса.

— Виноват Корби или нет, ведет себя как урод или нет, но я не хочу, чтобы он отправлялся в тюрьму, — сказал Ара.

— Спасибо, — выдавил Корби.

— Ага, — пробормотал Ник.

— Поэтому нам надо решить, что мы будем делать. Ник, ты самый умный. Что можно сделать, кроме простого звонка в полицию?

— Мы теряем время. Если сейчас какой-нибудь собачник увидит нас тут с трупом, мы не отмажемся и сядем уже все. А если вызовем полицию, все будет выглядеть чуть-чуть лучше.

— О господи, — тяжело вздохнул Ара. — Прости меня за то, что я украл твое вино, господи. Ведь грешный тебе милее безгрешного. Прости меня и помоги нам всем. — Он добавил еще что-то по-армянски, чего Корби и Ник не поняли.

— Иди-ка ты отсюда, — сказал Ник. — Иди и

верни остатки вина на место.

Ара посмотрел на него, бледнея.

— Я верну. Но не сейчас. Я вас не брошу. Вы друг друга сожрете.

— Да не сожрем, — не согласился Корби. Ему никто не ответил. — А камера в вертолете? — вдруг вспомнил он. — Она записала сцену убийства? Значит, у нас есть доказательство, что это не мы?

— Да, ты прав, — медленно и серьезно подтвердил Ник.

— А где вертолет? — заволновался Ара.

— Я его на крышу посадил. Это был самый быстрый способ избавиться от него, не разбив.

Корби вспомнил, как Ник хотел бежать к Андрею. Но побежал он не к Андрею, а за ними.

— Ты нас спас, — сказал он. — Когда не дал громиле отнять у меня «стечкин».

— Наконец-то немного человечности. Я не понимаю, Корби. Ты вроде и хороший парень, а смотришь на тебя, и тошно делается.

— Ну хватит уже, — сказал Ара. — Если у нас есть улики, единственной проблемой остается пистолет... Но они были в масках! Что, если экспертиза не сможет установить, мы это или не мы?

— Там офигенная камера. Изображение в айч-ди качестве. Даже цвет глаз можно будет различить.

— Ладно, — решил Корби. — Я здесь самый виноватый. Я сяду за эту пушку. Ник, звони в полицию.

— Убей в себе героя. Я не хочу, чтоб ты жил с мыслью, что сделал нам большое одолжение.

У Ары зазвонил телефон. Они вздрогнули. Черный брат достал мобильник, в недоумении посмотрел на экран.

— Это рыжая.

Телефон продолжал пиликать.

— Я с ней поговорю? — спросил Ара у Ника. Тот пожал плечами. Черный брат ответил на вызов.

— Извини меня за то, что было ночью, — сразу попросил он. «Его еще волнует то, что было этой ночью», — удивленно подумал Корби. — Нет, я не специально. Нет, я сейчас не могу... Я жутко влип... Нет, я потом объясню... Да, как только буду свободен... Честно, честно... — Ара отошел от друзей, и теперь ветер уносил его слова в сторону. Корби поймал на себе пристальный взгляд Ника.

— Ты до сих пор держишь в руке пистолет. Убери.

Корби вспомнил про «стечкин» и сунул его сзади за пояс. Ник начал оттирать с лица подсыхающую кровь, потом задумался, перестал и снова посмотрел на Корби.

— Звони своему деду.

— Что? — опешил Корби. — Зачем?

— Потому что он знает, что делать в таких случаях.

— Ты спятил. Он не будет мне помогать.

Ник пожал плечами.

— Выбор простой: либо ты звонишь деду — либо я звоню в полицию. Минута на размышление.

— Да это одно и то же! — выкрикнул Корби.

Ник поднялся с асфальта.

— Хочешь, чтобы тебя отмазали? Тогда звони деду.

— Он убийца. Он такой же, как те трое. Он убил

семнадцать человек. Он сам мне сказал.

— Не ругайтесь, — возвращаясь к ним, потребовал Ара.

— Мы не ругаемся. Я нашел выход. Корби должен позвонить своему деду.

Черный брат задумался. Его глаза перебежали от Ника к Корби и обратно.

— Я не сделаю этого, — сказал Корби. — Ты сам называл его уродом и палачом НКВД. Ты говорил, что я должен ему разбить лицо.

— А он и есть урод, — с нажимом подтвердил Ник. — Но если ты еще не понял, ты — почти такой же. Ты сейчас на его земле, в его мире. Ты принес к нам его пистолет, и вот уже вокруг умирают люди!

— Не надо вешать мне лапшу на уши! При чем здесь пистолет?

— Притом. Вся эта игра была твоей идеей. Ты Ару толкнул на преступление, а Андрея — на смерть.

— Корби, он прав, — поддержал Ара. — Только дед может тебе помочь.

— Да он будет рад, если я сяду!

— А ты на коленях попроси, — предложил Ник.

— У него связи, ты сам говорил, — напомнил Ара.

— Если я сейчас попрошу у него помощи, он сделает из меня раба. — Уголки губ Корби задрожали. — Давайте просто уйдем.

— Куда? — спросил Ник. — В *мой* дом?

— Ты же мой друг, — пробормотал Корби.

— Пока еще да. Но ты меня не слушаешь.

— А твой отец? Он не сможет помочь?

— Мой отец совершенно не будет рад тому, что заигравшиеся детишки вылили на него ушат дерьма.

И не надо приплетать его сюда. Мне и так уже страшно представить, как я буду выглядеть в его глазах после всего этого. Твоя минута прошла. — Ник достал телефон. — Полиция или дед?

— Корби, — сказал Ара, — ты ведь сам хотел, чтобы мы позвонили в полицию. Так звони деду. Это лучше.

Корби почувствовал, как на лбу у него выступает холодный пот. Казалось, друзья где-то очень далеко. Еще у него было ощущение, что кто-то воткнул ему нож в сердце и вращает там.

— Ладно, — выдавил он и непослушными пальцами нашарил в кармане телефон. — Ладно, черт по дери.

Знакомые наизусть цифры. К нему вдруг пришло воспоминание из глубокого детства. Когда-то, очень-очень давно, он набирал этот номер и, затаив дыхание, ждал, что услышит голоса Деда Мороза и Снегурочки. Это был звонок в волшебную страну, где всегда шел снег, всегда стояла елка и жили северные олени.

— Алло, — вспомнил Корби свой детский испуганный голос.

— Да, Дед Мороз слушает.

По спине у Корби побежали мурашки. Это продолжалось, пока ему не исполнилось шесть лет. Он помнил смертельное равнодушие взрослых, которым они ответили на разоблачение своей маленькой игры. Никто из них не сказал ни слова в защиту сказки; она умерла в конвульсиях, растоптанная и одинокая. Потом, когда Корби уже учился в школе, умерла сле-

дующая сказка — в какой-то момент он понял, что родители его родителей совсем не «милые пожилые люди».

— Подожди, молодой человек... У меня большой-большой список пожеланий, от всех детей мира... Сейчас я заполню графу с твоим именем...

Ложь. Дед Мороз говорил голосом полковника КГБ. «Что мы наделали, — думал Корби, слушая гудки в трубке. — Нет. Что я наделал. Теперь всему конец».

— Да, — раздалось в трубке.

Несколько секунд Корби не мог придумать, что сказать.

— Алло, алло.

— Это я, — наконец решился Корби. Он вдруг понял, что старик может просто бросить трубку, и тогда вся затея Ника полетит псу под хвост. Дед не дослушает и до второго слова.

— Твое неуважение к старшим дошло до предела. Чем обязан?

— Я, кажется, попал в беду. И мне нужна твоя помощь. Извини за то, что я сделал утром.

— По-хорошему, надо отлупить тебя обломками этой швабры, слизняк, — с удовольствием ответил дед. Он начал говорить что-то еще, в основном оскорбления, но Корби не стал слушать.

— Я сделал не только это. Я взял твой пистолет, и здесь была перестрелка.

— Что?

— Я взял «стечкин», — бледным голосом повторил Корби. Он вдруг почувствовал, что не существует. Ему стало как бы все равно. — Ключ под ковром. Я давно это знаю. С крыши школы столкнули маль-

чика...

Он ровным, невыразительным голосом, почти не сбиваясь, рассказал, как все было. Дед не перебивал.

— Сиди там и жди меня, — внезапно приказал он. В трубке раздалась гудки.

Корби посмотрел на Ника. Тот казался очень усталым.

— Что он сказал?

— Чтобы мы ждали.

— Он придет?

— Я не знаю. Он просто сказал, чтобы мы ждали и не уходили, а потом повесил трубку.

— Молодец, — похвалил Ник. Корби усмехнулся. — Нет, ты правда молодец.

— Пошел ты, — тихо ответил Корби.

— Все будет нормально, — попытался успокоить его Ара.

— Нет. — Корби мотнул головой. — Я погиб. — Он отвернулся от друзей и уставился на противоположный склон оврага, крыши дач и далекую темно-зеленую полосу леса. Тихо. Так тихо. Здесь никогда не было так тихо. Корби услышал тишину — полную, спокойную, слегка звенящую. Не ходили поезда, не летали самолеты, не было машин. Они словно оказались в каком-то неведомом месте вне этого мира, вне знакомого пространства и времени.

Глава 7

ЗАКАТ

Дед объявился через полчаса. Багрово-оранжевое солнце, плавясь и тая в вечерней дымке, уже опускалось за горизонт, и деревья далекого леса четкими черными силуэтами проступили на фоне огненного диска. Красные всполохи отражались в окнах, из оврага начали медленно подниматься сумеречные тени, но на футбольном поле еще было светло.

— Кто-то идет, — тревожно сказал черный брат. Ник поднял голову.

— Похож на препода по технологии. Нам кранты.

— Нет, это дед. — Корби подумал, что сейчас наверняка будет грязная сцена. Ему захотелось лечь на асфальт рядом с Андреем и тоже умереть. Исчезнуть.

— Пистолет! — закричал старик с середины поля.

— Отдать? — спросил Корби.

— Да! Быстро, дурак! Нет, не по траве! Да. Вот так. Солнце... солнце садится...

Там, где асфальтированная дорожка спускалась с косогора, была маленькая бетонная лестница. Кор-

би сошел по ней и протянул оружие деду.

— Когда я говорю «быстро», ты бежишь, понял? — прошипел тот, выхватывая пистолет. Он вспотел, его мучила одышка. — Солнце садится... Как я им скажу, что стрелял в темноте?

— Вы возьмете это на себя? — спросил Ник из-за плеча Корби. — Скажете, что стреляли сами?

— Да. — Старик привычным движением достал из пистолета «стечкина» магазин, взглянул на пули. — Две?

— Что? — переспросил Корби.

— Два раза стрелял?

— Да.

— Куда?

— В убийц Андрея, в школе. Одна пуля в стену попала. Потом искал гильзы, подобрал тоже только одну.

— Зачем? Ну-ка, давай сюда. Надо назад будет... Помнишь хоть, где подобрал?

Корби кивнул, порылся в карманах, отдал деду гильзу.

— Хорошо, — промурлыкал старик. Его по-прежнему мучила одышка, но он вдруг начал выглядеть таким довольным, каким Корби его не видел ни разу в жизни. — А где вы в школу вошли?

Ник показал на запасной вход.

— Они поднялись вон там, по склону, а я сделал крюк — хотел вызвать Андрею скорую.

— Ты звонил в скорую?

— Нет. Я понял, что он умер.

— Газон больше не топтали?

— Вроде бы нет, — ответил Ара. — Только если там. — Он показал в направлении тела.

— Ладно. Это потом. — Дед бегло осмотрел Андрея. — Быстро за мной. Только по асфальту!

Они бросились за ним, вверх по лесенке, мимо тела и дальше, по дорожке под стеной. Корби волочился позади. Внутри у него было темно. Он вспомнил, как со спокойной решимостью рассекал свои руки лезвием бритвы. Теперь это спокойствие почти вернулось. Поражение? Неудача? Не вышло стать героем? Неважно, ведь ничто не имеет значения, все умрут — как Андрей, как отец и мать. Так пусть делают, что хотят, они ничего не изменят и ничего не добьются.

— Как была разбита дверь? — Корби понял, что ему не в первый раз задают этот вопрос. Старик опять кричал на него.

— Корби? — тревожно сказал Ник. — Не витай в облаках.

— Я ударил дулом, — ответил Корби, — а потом перегнулся внутрь и сдвинул щеколду.

Последние лучи солнца темным пожаром вспыхнули в верхних окнах школы, когда они вошли в школу; огненный диск исчез за горизонтом, но небо над лесом еще светилось красным, оранжевым, розовым и фиолетовым. В пустынных коридорах стужался полумрак. Далеко впереди мерцал зелеными лампочками изувеченный телефон охраны.

— Ничего не трогать. И ходить только там, где уже ходили.

— Здесь мы стояли и думали, куда пойти, — показал Ара. — Потом Корби повернул сюда. Вон там мы остановились, потому что услышали, как идет

один из них.

— Рассказывайте все, как было. Шаг за шагом.

— На полу кровь, — предупредил Ник.

Старик остановился, присмотрелся.

— Слишком быстро запекается... Дальше.

— Один из них спустился с лестницы, — продолжал Ара. — Корби взял его на мушку, но не стрелял. А тот говорил, что Корби не такой, как они, что он не выстрелит. И пошел к нам.

— Дальше.

— Корби сказал мне, чтобы я вызвал полицию. С телефона на ресепшене. Хотя с мобильного было бы проще.

— Не рассуждай. Дальше. — Дед обернулся к Корби. — И ты. Твою версию я тоже хочу слышать.

— Он все правильно говорит, — равнодушно отозвался Корби.

— Я стал набирать полицию, а тот парень подходил все ближе. Корби держал его на мушке. Потом закричал Ник.

— Я сажал вертолет, — вступил Ник. — Потом...

— На котором запись?

— Да. Ну, то есть запись не на нем, а на айпode.

— И где это все?

— Вертолет на крыше, а пульт и айпод с нашими вещами в центре поля.

— Хорошо. Дальше.

Корби подумал, что это допрос. Старый полковник снова вышел на дело, стал почти таким же, как тридцать лет назад, когда он еще имел власть выбирать людям зубы табуреткой.

— Я посадил леталку, потом подбежал к Андрею и сразу увидел его глаза... — у Ника что-то булькнуло

в горле, он неопределенно взмахнул рукой. — Неподвижные. Я не стал вызывать скорую и вдоль школы, там, где вы шли, побежал за ребятами.

— Дальше, — подстегнул дед. Казалось, он гонит вперед какое-то упрямое животное: его «дальше» звучало все суше, отрывистой, нетерпеливой.

— Я увидел двоих в черном, и сначала хотел прыгнуть одному из них на спину, но потом понял, что они раньше доберутся до Корби, чем я до них, и закричал.

— Дальше.

— Можно я? — попросил Ара.

— Да.

— Один парень стоял там, где сейчас кровь. Корби повернулся и взял его на мушку. А тот, который вышел первым, остановился.

— И тот, который подбирался к тебе, тоже, — добавил Ник.

— Та. Это была девушка. Она успела перелезть стойку и остановилась совсем близко от меня. Пуля Корби порвала маску у нее на лице.

— Значит, убийцы в черных масках, — усмехнулся старик. — Как в этих ваших американских фильмах. Хватит шутки-то шутить. Это небось какие-нибудь ваши знакомые, а вы их покрываете. Вот и придумали про маски.

— Есть запись, — сказал Ник.

— Ладно, дальше.

— Первый из них опять что-то говорил, — вспомнил Ара, — а девушка оторвала трубку у телефона.

— А потом Корби выстрелил, — сказал Ник.

— Как?

— В низ живота тому, который стоял вот здесь.

Дед повернулся к Корби. Тот бледно улыбнулся ему.

— Если проще, то я отстрелил ему яйца. Он схватился за них рукой и упал на колени. На полу его кровь. Потом девушка стала душить Ару. Я хотел снести ей башку, но только оцарапал лицо.

— Она наклонилась вот так и прижала горло Ары коленом к углу стойки, — показал Ник, — а Корби стрелял отсюда, почти в упор.

— Дальше.

— Я увидел, что Корби открыт сзади для того, которого Ара называет первым, и попытался прикрыть Корби. Первый — огромный мужик. Он одним ударом разбил мне лицо, и я отлетел на пол, вон туда.

— Дальше.

— Я лежал и приходил в себя, — сообщил Ара, — из-за стойки вообще ничего не видел.

— Корби, заканчивай, — предложил Ник.

— Я отпустил того парня, который ударил Ника, — заторможенно ответил Корби, — он забрал раненого, и они ушли в ту сторону.

— Понятно, — сказал старик. Корби различил тень презрительной улыбки. Такую же он видел много лет назад, когда заблудился в окрестностях их дачи и получил выговор, что настоящий разведчик так себя не ведет. Так взрослые свысока смотрят на ребенка, совершающего первую попытку сделать то, в чем они преуспели, упиваются короткими мгновениями своего превосходства, наблюдая, как он отбивает себе пальцы молотком, как тухнет под ветром его первый костер, как мяч попадает ему в лоб, как он кашляет от первой затяжки, морщится от вкуса спиртного и по-

лучает в шахматах детский мат.

Небо за окнами стало темно-фиолетовым.

— В общем, — подвел Ник, — потом мы спорили, вышли обратно через тот вход, дошли до того места, где ждали Вас, и все.

— Мне звонила девушка, — добавил Ара.

— Ты ей разболтал?

— Нет. Мы просто поговорили.

— Хорошо. — Минуту дед думал, потом повернулся к Корби. — Дай свой сотовый.

Корби подчинился. Дед не стал звонить на горячую линию, а сразу набрал номер местного отделения.

— Алло, дежурный. Произошло убийство. В районной школе... — Ара громко сглотнул. — Рябин Виталий Сергеевич. Со мной три свидетеля... подростки. — Ник переступал с ноги на ногу. — Трое преступников... в масках... Нет... Да... Скрылись с места преступления... Убежали...

— На машине, — громким шепотом подсказал Ник. — Было слышно.

— Возможно, на машине... Нет, только слышал. Они убежали от меня, когда я пытался их задержать. Потом я слышал, как уехала машина. Одна из них — девушка... Нет, мой внук — один из свидетелей. Он позвонил мне уже после убийства. Я пришел и застал преступников... Тридцать седьмого года рождения. Служил в органах... Он испугался, позвонил мне, а я не поверил на слово, поэтому не стал звонить вам, а сам прибежал к школе. Глупо. Неправильно. Но что уж взять со старика... Его столкнули с крыши школы. Коля, как звали погибшего?

— Андрей Токомин, — ответил за Корби Ник.

— Андрей Токомин. Они все одноклассники... Нет, кто люди в масках, я не знаю. А погибший и свидетели были одноклассниками. Да, благодарю. Нас легко найти. Мы будем стоять у стены школы. Нет, не во внутреннем дворе. Снаружи. Еще раз спасибо.

Старик повесил трубку.

— Быстро за мной. И слушайте, как все было...

Они торопливо пошли обратно к выходу.

— Да, и запомните: все случилось, когда солнце еще не село. В школе было светло. А позвонили не сразу, потому что приводили в порядок придушенного. И... — дед оглянулся на Ника, — твое разбитое лицо. — Он защемил его нос между своих пальцев и крутанул. Ник вскрикнул. — Ну что, идет?

Ник молчал, закрыв лицо руками. По его подбородку сбегали темные дорожки.

— Хорошо, свежая будет. Мою версию будете рассказывать не только полиции, но и родителям, и друзьям, и вообще всем, кто вас спросит.

— Это понятно, — сказал Ара. Ник чуть запрокинул голову и ждал, когда остановится кровь.

— Ладно, осталось подновить покойничка. — Дед подошел к Андрею, попытался опуститься на корточки, но не смог: подвели больные суставы. Пришлось вставать на колени.

— Что Вы делаете? — спросил Ара.

— Не трогайте, — гнусаво потребовал Ник, — я не позволю.

— Остынь, ничего ему не будет. — Достав из кармана баночку и пипетку, дед склонился над лицом Андрея и осторожно закапал жидкость в глаза и в

ноздри, потом провел мокрым кончиком пипетки по мертвым губам. — Ну вот, готово. Коля, помоги мне встать.

Корби не двинулся с места.

— Ну что же вы, — рассердился старик. Его пожалел только Ара, подошедший и протянувший руку. Дед даже не посмотрел на него — он сверлил глазами внука.

— Я тебе это попомню, — обещал он. Корби не ответил. Наступили сумерки. Издалека, со стороны ручья, донеслась трель какой-то ночной птицы. Скоро ее перекрыл вой приближающейся сирены.

Часть вторая

ДЕПРЕССИЯ

*Наступает ночь,
и нас слишком мало.*

Джим Моррисон

Глава 8

СВИДЕТЕЛИ

Корби снился странный и страшный сон. Была осень. Лил дождь. На круглом плацу лежали тела нескольких десятков людей — сожженные, застреленные, пронзенные, с вырванными глазами и перерезанным горлом. Некоторые из погибших еще цеплялись друга за друга, словно умерли в безжалостной схватке, одержимые холодной ненавистью. Дождь затекал в их пустые глазницы, оскаленные рты.

Вокруг плаца возвышались каменные террасы. Там горели факелы. Их принесли странные создания. Они выглядели как люди, но имели огромные красивые крылья с лазурно-золотым оперением. Корби мог бы подумать, что они ангелы или демоны, но в их лицах было что-то дикое и суровое, свойственное скорее людям древности, чем мифическим существам. Они ходили в одних набедренных повязках, спины вздувались желваками мышц, не существующих у обычного человека. Тяжесть крыльев заставляла их наклоняться вперед и припадать к земле, и сидели они на корточках, опустив руки перед собой — в этом положении в них проявлялось что-то даже звериное. Иногда кто-то из них срывался и улетал, спиралями поднимаясь

вверх, в непроглядность дождливого неба; тогда другой опускался вниз, чтобы, шумя крыльями, сесть на свободное место.

Внизу, между изувеченными телами, пробирались два человека: мужчина и подросток. Мужчина, похожий на старого грифа, курил, кутался в длинное осеннее пальто и все всматривался в лица погибших. Казалось, он очень устал. Корби узнал в пожилом человеке своего отца, но его лицо было изменившимся и каким-то безвременным, словно он просуществовал долгие годы не живой и не мертвый. Рядом с ним шел юноша с лицом Андрея. Он казался чуть старше, чем при жизни. Взгляд его был спокойным и печальным. Он убрал руки в карманы куртки и тоже смотрел на мертвецов.

— Не боишься? — спросил отец Корби у подростка.

— Нет, — ответил тот. — Здесь мой дом. Я всегда сюда возвращаюсь.

— Помнишь, как выглядит мой сын?

— Конечно. Он мой лучший друг. Думаете, он тоже здесь? Я бы спросил о нем у тех, кто улетает.

«Эти его вечные сложные формулировки, — с раздражением подумал Корби, — как вчера утром стал гнать про судьбу, так и сейчас».

Мужчина и подросток начали подниматься. Теперь они шли по одной из круговых террас, мимо полулюдей, несущих свою мрачную вахту. Никто не пытался остановить их или заговорить с ними, никто даже не смотрел на них. Казалось, для странных, безразличных как статуи существ их просто нет. Отсветы факельного пламени падали на лицо Андрея, заставляли искриться золотистые волосы. По мере того, как

они поднимались, его облик менялся. Он молодеел. Скоро он снова выглядел как ровесник Корби, а потом превратился в мальчика лет десяти. Ребенок тоже вел себя сдержанно, как будто и впрямь давно привык к этому жуткому месту и сопровождавшему его угрюмому взрослому. Вот его взгляд остановился на одном из крылатых факелоносцев — так дети в метро беззастенчиво разглядывают незнакомых людей.

— Давайте спросим у этого.

— Попробуй. А я пойду дальше. — Взрослый выпустил руку ребенка и вышел на берег ночной реки, облицованный серым гранитом. Там, в воде, лежало нечто темное и бесформенное. Мужчина некоторое время смотрел вниз, потом медленно поднял голову.

— Мальчик, эй, мальчик, — позвал он, — иди сюда. Я нашел.

Корби застонал и открыл глаза.

Он лежал одетый на своей кровати. Все тело онемело и затекло, и вообще он чувствовал себя так, будто ночью его выпотрошили и набили ватой. За окном был новый день. Над кроватью склонялся дед и тербил его за плечо.

— Что? — пробормотал Корби. Язык еле ворочался во рту. Он приподнялся на локте, встряхнул головой. Самый невероятный сон за всю его жизнь. Потом он вспомнил вчерашний вечер, и рухнул обратно в кровать.

Вечерние сумерки превратились в густой темно-фиолетовый мрак, когда подъехала первая полицейская машина. Ее обгоняли равномерные всполохи сигнальных огней. Тень от угла здания упала поперек

лица Андрея, поползла в сторону. Корби вспомнил, как однажды остался у Ары на ночь, и тот зачем-то понес через комнату лампадку своей матери. Лампадка была из синего стекла, в ней танцевал огонек, и пока Ара крался в потемках, отсветы оранжевого и темно-синего мешались на его лице.

Вой сирены оборвался, из легковушки показались двое полицейских. Один остался стоять у машины, другой поднялся по лесенке на косогор и подошел к ним.

- Здравствуйте. Кто звонил?
- Я, — поднял руку дед Корби.
- Виталий Рябин?
- Да.

Во внутреннем дворе вспыхнули оранжевым лампы уличного освещения. Блики света легли на подъездную дорогу.

- А здесь что, фонари не работают?
- Их никогда и не было, — сказал Ник. — Мы зимой после уроков ходили почти вслепую.

— Плохо. — Полицейский оглянулся на своего товарища. — Нужен фонарик! А лучше два.

— Нету у нас двух, — ответил тот, но полез обратно в машину. Первый переминался с ноги на ногу, в нагрудном кармане его гимнастерки негромко шипела рация. Сквозь постоянный шум прорывались отдельные слова:

- ...ДТП на киевском...
- ...диспетчерская... диспетчерская...
- ...я Сокол, прием...
- ...нужно еще пару человек...
- ...код 309... код 309...
- ...диктую номер машины по буквам: Андрей,

Егор, Сергей...

...мне нужен...

...диспетчерская... диспетчерская...

Корби слушал шум эфира с большим интересом, чем происходящий у него на глазах разговор. Жизнь не остановилась; настоящее было полно событий, будущее — возможностей, люди умирали и рождались, машины мчались по дорогам, работали сверхсложные системы, бились сердца: непрерывный полилог, шипящим эхом из полицейской рации поднимавшийся к сумеречным небесам, в которые безмолвно смотрел Андрей.

— Упал с крыши?

— Его толкнули, — поправил Ник.

Полицейский нажал кнопку на рации.

— Диспетчерская, это Ялта. Подтверждаю сообщение об убийстве.

— Принято, Ялта, — затрещал в ответ нечеткий женский голос. — К вам едет оперативно-следственная бригада. Действуйте по инструкции.

— Хорошо.

Второй нашел фонарь и взбежал с ним вверх по лесенке. Луч света заметался по траве, остановился на лице погибшего подростка.

— Пацан совсем, — заметил второй, рассмотрев Андрея. Он обошел тело и попытался приладить светильник к небольшому выступу в стене школы, но первый его остановил.

— Упадет. Положи, положи его просто.

Второй опустил фонарь на асфальт, в тридцати сантиметрах от края кровавой лужи. Корби поймал себя на том, что в который раз смотрит на лицо Андрея, наблюдает, как по нему ползут тени, тщится

уловить движение, признак жизни.

— Тело не трогали?

— Нет, — заверил дед.

— Отойдите от него на два метра. И Вы, молодой человек. — Первый показал на ноги Корби. — Есть свидетели убийства?

— Все, — сказал Ара.

— Все?

Дед Корби откашлялся.

— Не совсем так. Эти трое молодых людей — свидетели убийства. А я пришел позже, но успел застать убийц.

— А у Вас с лицом что? — спросил первый у Ника.

— Разбили. Один из тех, кто столкнул с крыши Андрея.

— Так, понятно, вы еще и пострадавший. Документы у вас есть?

— У меня есть, — сказал дед.

— Подходите к машине. Вы первый. И остальные потом тоже.

Старик по широкой дуге обогнул тело Андрея и вслед полицейским спустился по лесенке.

— Вот, — протянул он тому какой-то листок.

— Что это?

— Право на ношение оружия. Будет иметь значение, потому что я ранил одного из бандитов. — Он вытащил из-за пояса «стечкин» и, держа его двумя пальцами, как бы подвесил в воздухе перед носом полицейского.

— Так... Час от часу не легче.

— Вы, молодой человек, обязаны сейчас его у меня забрать и оформить протокол.

— Не Вам судить, что я обязан, — недоверчиво глядя на оружие, сказал полицейский.

— Я, сынок, был офицером КГБ, когда ты под стол пешком ходил, — отчеканил дед. — Вот, положим, я убийца — ты бы тогда уже мертвый был. Так что бери его. Ты обязан меня обезоружить, вплоть до выяснения всех обстоятельств дела.

— Не тыкайте мне и не угрожайте, — потребовал полицейский, однако пистолет у деда забрал и теперь тоже держал его двумя пальцами. Подростки молча наблюдали за сценой. Корби подумал, что «стечкин» сейчас напоминает какое-то дохлое мерзкое существо: к нему относились с брезгливостью, а он холодно и темно поблескивал в тусклых всполохах полицейской мигалки.

— Я не угрожал ни в коем случае, — возмутился старик. — Даже напротив, хотел предостеречь от возможных неприятностей.

— Ладно, ладно. — Полицейский забрался в машину, отыскал в бардачке целлофановый пакет и сунул в него пистолет. Потом стал переписывать данные. Корби поймал на себе взгляд Ника.

— Помнишь? Утром я тебе сказал, что лучше бы ты разбил своему старику лицо.

— Да, — еле слышно ответил Корби. — И ничего этого не было бы.

Полицейский вернул бумажку деду.

— Следующий.

Подошел Ара.

— Фамилия, имя, отчество?

— Джинаганали Ара Феликсович.

Полицейский чуть поднял брови.

— Отец был студентом из Буркина Фассо.

— Тогда фамилию еще раз по буквам.

— Джон, Жюль, Инга, Наталья...

Один за другим следовали рутинные вопросы. Третьим подошел Ник, четвертым — Корби. Полицейский еще переписывал его данные, когда подъехала новая машина. Это был устаревший «уазик» с подслеповатой круглой мигалкой. Из него вышли четверо. Мужчина, который сидел рядом с водителем, сразу направился к патрульной машине. Видимо, он был главным в группе — высокий, как баскетболист, с плоским усталым лицом и большими расплещенными губами. На нем был поношенный, но еще приличный костюм.

— Я следователь, Анатолий Геннадьевич Крин, — негромко представился он. — Это свидетели?

— Свидетели. Этот парень — пострадавший. И пожилой мужчина... сам пытался задержать преступников. Он сдал пистолет.

— Как сдал? Как найденный? Или по разоружению населения?

— Он говорит, что из этого пистолета ранил одного из нападавших. Как вещдок, наверное... У него разрешение на ношение.

Крин замычал, как от зубной боли.

— Вещдоки берут при понятых. А теперь это хрен знает что и лишний ком бумажной волокиты.

Полицейский начал неразборчиво извиняться.

— Покажите пистолет... Тело там?

— Да.

Крин чуть ли не вырвал оружие из рук патрульного и злой, ни на кого не глядя, пошел к своим людям. Корби заметил, что дед улыбается. Все было устроено специально: старый пройдоха разрушил ка-

кую-то важную формальность.

— Барыбкин, с фонарем вокруг здания. Желтую ленту на все интересное. — Один из приехавших засветил фонарик и быстрым шагом ушел в темноту. — Катунин, ленту вокруг тела. И дайте нам свет. Я хочу, чтобы повсюду был свет. Зайдите в школу и зажгите в каждом классе с этой стороны. Потом найдите мне материально ответственного за школу: директора, завхоза, все равно. Зотов, найдите понятых. И если кто-то что-то видел... Михаил Григорьевич, — окликнул Крин последнего из своих спутников, — пойдете.

— А куда ж мы денемся, — ответил тот. Самый старший из всех, он не торопился и ждал следователя в начале лесенки. В руках у него был большой бело-красный ящик с удобной ручкой для ношения. Корби догадался, что это судмедэксперт. Крин вместе с ним несколько минут провел у трупа, потом вернулся к патрульной машине.

— Вы хоть правильно свидетелей оформили?

— Да. Как раз закончил.

— Дайте посмотреть. — Крин пролистал бумажки. — Хорошо. Так, а это что?

— Разрешение на...

— Вижу. Верните владельцу оружия. Сейчас нам эта бумага не нужна. А на то, что Вы сделали, я рапорт напишу. Не потому что я злой, а потому что так положено.

Зажглись четыре старых фонаря по периметру футбольного поля. Стало слышно, как натужно раскаляются мощные лампы. Вслед за ними вспыхнул свет в классах. Крин с бумагами, заполненными патрульным, подошел к Корби и остальным.

— Господа, прошу вас ответить на несколько об- щих вопросов. Пока без протокола.

— Хорошо. — Нику удалось, наконец, остано- вить пущенную дедом кровь.

— Кто своими глазами видел преступление?

— Мы трое, — ответил Ара.

— Знали погибшего?

— Мы его одноклассники.

— Откуда вы все видели?

— С поля. Там до сих пор наши вещи.

— И мы записали убийство на видеокамеру, — добавил Ник. — Я могу показать.

— У вас с собой камера? — заинтересовался Крин.

— Я запускал модель вертолета с установленной на ней видеокамерой.

— Какая-то шпионская штука? Сами делали?

— Отец делал на заказ для киностудии. Но это к делу не имеет отношения. По крыше бежали люди. Андрей и трое в масках, которые его загоняли.

— Как это, загоняли?

— Брали в клещи. Он от них убегал. В общем, они прижали его к краю крыши. Он добежал до угла и там пытался защищаться. Это все есть на видеозаписи.

— Хорошо.

— У него выбили что-то вроде перочинного но- жика, — сказал Корби. — А потом он упал...

— А потом он упал, — быстро закончил Ник за Корби, — и Корби позвонил деду.

— Корби?

— Корби это я, — объяснил Корби. — Прозви- ще.

— Хорошо. С остальным мы разберемся, как бу-

дут поняты, а сейчас... — взгляд Крина остановился на Корби, — я хотел бы поговорить с Вами.

Глава 9

ПЕРВАЯ ЛОЖЬ

В «уазике» пахло потом и старой кожей. Крин привычно положил на руль большой планшет, запустил старый ленточный диктофон.

— Ваше имя и фамилия?

— Николай Рябин.

Крин быстро переписал в форму.

— Как зовут погибшего?

— Андрей Токомин. Отчество не помню.

— Знаете контакты его родных?

— У Ника спросите. Они общались.

— Вы пришли вместе с друзьями?

— С Ником. А Ара нас ждал.

— Когда вы пришли?

— Чуть раньше восьми.

Подъехала белая газель-труповозка, похожая на скорую, только без окон и мигалки. Из нее вышли усталые выглядящие люди в синих спецовках.

— С погибшим у вас была назначена встреча?

— Да. Он тоже должен был прийти в восемь, но опоздал. Ник ему звонил и не дозвонился.

— Что случилось потом?

— Мы стояли в центре поля. Ник запускал мо-

дель. У него на экране мы увидели, что по крыше бегают люди. Андрей и трое в масках.

— В масках?

— В черных масках. Все должно быть на записи.

Крин кивнул.

— Он от них убежал?

— Да. Они прижали его к краю крыши.

Корби вспомнил, как Андрей кричал свои последние слова.

— Что вы делали в тот момент? — перебил его мысли Крин.

— Ничего. Я ничего не мог сделать. Ник снимал их вертолетом, а мы с Арой просто смотрели. Он добежал до угла и там попытался защищаться. Его сбросили вниз.

— Пожилой мужчина с пистолетом — Ваш дед?

— Да.

— Как он здесь оказался?

— Я позвонил ему сразу после падения Андрея.

— Почему не в полицию?

— Ну, там же вроде какой-то другой код, — вывернулся Корби. — Я просил деда позвонить в полицию с городского телефона, а он мне не поверил и сам сюда пришел. И мы пошли внутрь школы.

— Вот так взяли и пошли?

— Н-нет, — медленно ответил Корби.

— Не волнуйтесь. Просто рассказывайте, что случилось. Это не допрос. Нет протокола. Вы не даете мне показания, под которыми будет нужно ставить подпись. Пока не даете.

— Да, я не рассказал... — «вспомнил» Корби, — немного перепрыгнул...

— Перепрыгнули что?

— Дед пришел через пятнадцать минут. До этого мы с друзьями сначала подошли к Андрею, а потом пошли вдоль школы до запасного выхода.

— Зачем?

— Просто... ну... была идея, что мы можем увидеть, как убийцы спускаются вниз. И они действительно спустились, но не сразу.

— Кто открыл двери школы?

— Мы. То есть, я и дед. Он разбил стекло, а я просунулся внутрь и открыл щеколду.

Крин оторвался от листа и сквозь лобовое стекло узика посмотрел на светящееся всеми окнами здание.

— Которую из дверей?

— Ту. Дальнюю с этой стороны.

— До или после убийства?

— Конечно, после. До убийства деда здесь не было.

— Хорошо. А как?

— Дед разбил стекло пистолетом, а я просунулся внутрь и сдвинул щеколду.

— Зачем?

Корби почувствовал, что у него пересыхает во рту.

— Когда дед подошел, мы с друзьями там стояли, и сквозь стеклянную дверь увидели, как убийцы спускаются по лестнице и выходят в коридор. — Он видел, как вокруг машин и по полю ходит множество людей. Его друзья стояли рядом со своими вещами, поодаль от них курил водитель труповозки. Барыбкин рассматривал примятую траву и что-то втолковывал одному из патрульных.

— Ваш дед всегда ходит с оружием?

— Не думаю. Но если Вы спросите, все ли у него

дома, я за него не поручусь. — У него вспотели руки. Ему вдруг пришло в голову, что он запросто может подставить старика. Достаточно сказать еще несколько слов, и тот начнет выглядеть едва ли не убийцей. Но он промолчал.

— То есть, Ваш дед взял пистолет после того, что Вы сказали ему по телефону?

Корби лихорадочно облизнул губы. Ему совсем не нравилось, к чему могут подводить вопросы Крина. Внезапно в окно машины постучали — это вернулся Зотов. За его спиной стояла сильно крашеная тетка с маленькой собачонкой на руках и низкорослый небритый мужчина с глазами, горящими нездоровым интересом.

— Есть понятия.

Крин поморщился.

— Идите к трупу. Я буду через пару минут.

Корби понял, что это его шанс.

— Пришел дед, — быстро заговорил он, — и мы как раз увидели, как они спускаются. Мы замахали ему. Он подошел, разбил стекло пистолетом. Я просунулся внутрь и открыл дверь. Трое в масках побежали по коридору центрального корпуса. Мы за ними погнались. Дед приказал им остановиться, угрожал пистолетом. Они остановились, и в вестибюле школы мы их догнали. Ара стал вызывать полицию по городскому телефону.

Крин хмурился и кивал. Корби усилием воли заставил себя не отводить взгляд в сторону.

— Но тут они напали на нас, — скороговоркой закончил он. — Я растерялся. Нику разбили лицо, телефон сломали. Дед подстрелил одного и стрелял в другую, но чуть-чуть промазал. Это была девушка.

Пуля сорвала маску с ее лица. Это она телефон сломала. Потом они убежали, а мы остались. У Ника было сильно разбито лицо.

— Ладно, — протянул, наконец, следователь. Корби слышал надрывный стук своего сердца и чувствовал себя так, будто убежал от своры собак. Крин задумчиво всматривался в его лицо. — Ладно. Пока Вы свободны.

Корби вышел из «уазика» и остановился, жадно вдыхая запахи летней ночи. Снаружи тянулись шеренгой машины — на частных легковушках подъехали прокурор, замначальника розыска и сильно напуганная директриса. Корби знал, что ему следует предупредить Ару и Ника насчет каверзы с тем моментом у двери, но вместо того, чтобы пойти к друзьям, зашел за фургон труповозки и уперся лбом в ее пыльный холодный бок. Его оставили последние силы.

Он вдруг понял, что все это ему что-то напоминает. Машины, выстроившиеся в ряд, суетливые люди, Андрей с растекшейся под ним лужей крови. И он себе тоже кого-то напоминал. Наверное, самого себя. Так же, как и несколько лет назад, он чувствовал, что люди стали ему невыносимы. Он хотел отделаться от них, остаться один. И вот он стоит здесь, забившись в проход между машинами, прячась и от Крина, и от своих друзей, как будто здесь можно спрятаться.

Он вспомнил день смерти своих родителей. Видение прошлого было четким, осязаемым, будто сейчас все заново повторялось. Он — тринадцатилетний мальчишка — сидел за своим письменным столом и делал уроки. Было семь часов вечера пасмурного ок-

тябрьского дня; снег еще не выпал, но листья с деревьев почти облетели, на улице было холодно и мерзко, порывистый ветер рвался в закрытое окно и звякал шпингалетом форточки. Корби торопился разделаться с неподатливой математикой — вечером по телеку крутили его любимый сериал «Полиция Майами», и он знал, что если не доделает домашнее задание, отец не даст ему смотреть телевизор. Он писал формулы, жульничал, перемножая на калькуляторе трехзначные числа, и периодически поднимал голову, чтобы прислушаться. Его комната стеной граничила с лестничной клеткой; напрягая слух, можно было различить звук лифта, останавливающегося на этаже. Это бы означало, что родители возвращаются домой. Они должны были вот-вот приехать. Отец Корби работал менеджером в компьютерном салоне, мать — бухгалтером в офисе автобусного парка. Отец заканчивал на полчаса раньше и на машине забирал маму с работы. Иногда они задерживались, чтобы зайти в магазин. Тогда они жили на верхнем этаже шестнадцатипятиэтажного дома. Из окон их квартиры было видно плоскую крышу колледжа для богатеньких детишек; за ним проходило шоссе, а за шоссе, немного в стороне, была школа самого Корби.

Корби дописал условие очередной задачи и прислушался. Лифт молчал. Зато ветер принес со стороны дороги визг тормозов, короткий и резкий, как оборванный предсмертный крик. Потом раздался удар.

Корби вскочил и посмотрел в окно. Серая полоса далекой дороги тонула в сумерках. Один из придорожных столбов был поврежден, в его основании застрял вдребезги разбитый автомобиль. У обочины,

в нескольких метрах позади машины, лежал сбитый и отброшенный пешеход. Вокруг него стояло несколько человек. Корби понял, что это подростки. Теперь ему казалось, что они стояли там точно так же, как сегодня он и его друзья стояли над телом Андрея.

Он торчал у окна, напрягал глаза, чтобы рассмотреть маленькие фигурки. Рядом с местом аварии остановились два других автомобиля. Подростки испугались чего-то и бросились в темноту. Загорелись уличные фонари. В их свете Корби заметил, что разбившаяся машина темно-синего цвета, такого же, как «ауди» отца. «Бывают же совпадения», — подумал он.

В половине восьмого он понял, что родители должны были приехать хотя бы пять минут назад. Его охватила слабость. Он почувствовал странную тянущую боль в левой стороне груди. До этого у него никогда не болело сердце, и он не мог понять, что с ним. Он прижался лбом и руками к холодному стеклу — так же, как сейчас прижимался к фургону. Потом не выдержал и побежал на кухню, к городскому телефону (у него еще не было своего мобильного), на память набрал номер матери. Прошла минута, две, три. Гудки оборвались. Корби повесил трубку. «Она просто не слышит, — подумал он, — она часто не слышит». Можно было позвонить отцу, но отец не любил, чтобы ему звонили, когда он ведет машину. Минуту или две он мялся у телефона, потом все-таки набрал папин номер.

— Извините, абонент не доступен. Попробуйте...

Корби положил трубку. «Я ошибаюсь», — подумал он. Открыл справочник (телефоны всех домашних были на первой странице), снова набрал номер

матери, потом номер отца. Все повторилось.

Корби бросился обратно в комнату. Он действовал лихорадочно, но думал спокойно. «У них сломалась машина, — говорил он себе, — папа выключил мобильник, потому что он за рулем, а мама минут через пять проверит свой мобильник и перезвонит». Спокойно убеждая себя в этом, он натягивал джинсы, надевал рубашку и свитер, завязывал ботинки. Что-то произошло с ним, только когда он снял с вешалки куртку. «Зачем я это делаю, — спросил он себя, — ведь все в порядке».

— Нет, — пробормотал он. Ему пришла идея, что можно позвонить родителям на работу. Он в ботинках вернулся на кухню и снова набрал номер матери. Там были только длинные гудки. Он набрал номер отца. Трубку снял папин сменщик.

— Здравствуйте, — сказал Корби. — А Рябина можно?

— Он ушел почти час назад. Погоди, а ты ведь его сынишка, да?

Корби бросил трубку. Час. Час. Час — это слишком много. За час можно дважды забрать маму с работы, дважды приехать домой. Он бросился вон из квартиры. Сердце больше не болело — теперь оно бешено колотилось. Он еле дождался лифта. В кабине он гладил пальцами резиновые амортизаторы дверей, как будто от этого они могли быстрее открыться. Как только лифт достиг первого этажа, Корби выскочил из него и бросился на улицу.

Он бежал вдоль забора колледжа, почти тем же маршрутом, которым каждый день ходил в школу. Порывистый ветер холодил лицо, трепал непокрытые волосы.

Выскочив к дороге, Корби резко остановился. «Это не машина отца», — подумал он. Он стоял и с облегчением смотрел на то, что осталось от легковушки. Передней части у автомобиля больше не было, рваные остатки капота вдавились в пассажирский салон, крыша почти касалась верхом покосившегося фонарного столба. Корби рассуждал логически. «Мои родители не могут умереть, — думал он, — а те, кто в этой машине, не могут быть еще живы. Значит, это не их машина». Все так просто. Он настолько успокоился, что вспомнил про самого себя: застегнул куртку и накиннул на голову капюшон.

Движение на дороге было слабым, но рядом с местом аварии уже стояло несколько других автомобилей. Они выстраивались в ряд, как машины у школы в вечер смерти Андрея. Водители останавливались, заглядывали в окна разбившейся машины, на полминуты замирали над распростершимся телом сбитого — и либо уезжали, либо присоединялись к небольшой группе зевак. Кто-то говорил по телефону, видимо, вызывая милицию.

Корби подумал, что раз уж он сюда пришел, глупо будет просто возвращаться домой, и перешел дорогу. Сначала его взгляд обратился к сбитому подростку. Нижняя часть его тела была жутко вывернута, обломки костей торчали сквозь штаны. Корби заташнело, он пожалел о своем любопытстве, отвернулся — и только тогда по-настоящему увидел на заднем бампере машины знакомый номер «НЛО 177». Отец Корби любил пошутить насчет этого номера. Теперь у отца Корби не было лица. Струйки его крови блестили на сдавленном капоте погибшей «ауди» и на бетоне столба. С мамой все было хуже. Часть ее тела

вылезала из разбитого окна.

— Эй, парень, хорош любоваться на чужую смерть! — раздраженно крикнул водила, который до этого вызывал милицию. — И вы все тоже! Пошли отсюда, пошли, не на что тут смотреть!

И Корби пошел прочь.

— С телом все! — крикнул кто-то из оперов.

— Понятые, осмотрите вещи свидетелей!

— Где Николай Рябин? — тут же позвал Крин.

— Понятых обоих сюда.

Корби очнулся, понял, что у него лоб перепачкан грязью с борта машины, нашел в кармане бумажную салфетку и вытерся. Руки сильно дрожали. Стараясь ни на кого не смотреть, он вышел из-за фургона и пошел к друзьям. Ара уже открыл свой рюкзак и показывал бутылки Крину и первому понятому. Он был бледен, но держался.

— Странные бутылки, — подивился следователь.

— Это вино из Армении. От моей мамы.

— Дорогое, наверно.

— Нет, так только кажется. В любом случае, мама сама бы его не выпила.

Следователь хмыкнул.

— И много у нее?

— Последние. А больше в рюкзаке ничего.

— Ладно. Вино запишите.

Опер занес вино в опись.

— У Вас? — спросил Крин.

— Пустой рюкзак, — сказал Корби.

— Показывайте.

Корби открыл. Луч фонарика осветил ворох денег и одинокий черный носок.

— Не пустой. Или денег в нем быть не должно?

Корби почувствовал на себе злобный взгляд старика. Ник смотрел почти так же.

— А... это деньги деда, — почти честно сказал Корби.

— Да, мои, — подтвердил старик. — У нас утром ссора была. Разногласия между поколениями. Я потом из-за этой ссоры не сразу поверил в его телефонный звонок.

— Вот как, — прищурился Крин.

— Да. Когда он позвонил, я решил, что этот бандит меня разыгрывает.

— Стало быть, он Вас обокрал?

— Вовсе нет. Я сам этими деньгами в него швырнул. В ярости.

— Ладно. Пересчитайте. Мы запишем.

Корби сел на корточки рядом с рюкзаком и начал складывать бумажку к бумажке, чувствуя, как губы дрожат, а глаза наполняются слезами. Он собирался посчитать эти деньги три часа назад, когда все было совсем иначе. Он еще возился с ворохом бумажек, когда Ник в присутствии понятых запустил ролик с убийством. Его смотрели в безмолвии. Дойдя до сорока тысяч, Корби почувствовал безумную боль: тихо, пока все были заняты записью, старик подкрался к нему и теперь тянул, выкручивал ухо. Корби задохнулся, перед глазами поплыли белые круги.

— Что? — прошипел ему в другое ухо дед. — Не только пистолетик взял? Хотел еще пожить? Я запру тебя в чулане, и ты будешь там жить. А иначе я сдам тебя с потрохами, маленькая мразь.

Корби ногтями впился ему в руку. Несколько секунд они боролись, наконец, старик проиграл, Корби отодвинулся на безопасное расстояние и, все еще вздрагивая от боли, продолжал считать деньги.

— Уж на эту-то ночь точно.

Корби вынул из рюкзака последние бумажки и обнаружил, что на дне под ними все еще лежит жестяная коробка с масляной тряпкой. Быстро, почти автоматически, он достал ее и сунул под рюкзак Ары, потом встал и, складывая деньги в ровную стопку, подошел к остальным. Здесь шел бурный разговор.

— Зачем вам вертолет? — спрашивал Ник. — Возьмите саму запись.

— Молодой человек, не спорьте, — устало отвечал Крин. — Я все равно обязан конфисковать его как улику.

— Отец меня убьет. — Ник с досадой отмахнулся от следователя, его яростный взгляд уперся в Корби. Того спас Крин.

— Пересчитали?

— Шестьдесят семь тысяч.

Крин присвистнул.

— Можете проверить.

— Не нужно. Больше у вас там ничего нет? Покажите дно.

Корби вернулся за рюкзаком и показал.

— Тряпочка?

— Носок. Я собирался уйти из дома. Остальные мои вещи у Ника.

— Да, с Вами все ясно. — Крин посмотрел на часы. — Время позднее, работы еще на полночи... Свидетели свободны. Видео очень ценное, и замечательно, что был ранен один из преступников. Спаси-

бо всем за сотрудничество.

— Пожалуйста, — ответил дед Корби.

— Завтра в первой половине дня мне нужно будет снова с вами поговорить. Несовершеннолетние приходят с родителями. Кому нужен отгул с работы, мы дадим справку. Все понятно?

— Да, — хором подтвердили подростки.

— Рябины, десять утра вас устроит?

— Устроит, — кивнул старик.

— Джинаганали одиннадцать?

— А можно, если мама будет занята, мы позволим и передоговоримся? — спросил Ара.

— Нужно. — Крин достал три визитки, протянул их Аре, Нику и деду Корби. — Николай Коплин, двенадцать. И мы с Вашим отцом сможем еще раз обсудить вопрос о вертолете.

— Хорошо, — буркнул Ник.

— Все свободны. Доброй ночи. — Крин повернулся и через поле пошел к разбитым и распахнутым дверям запасного выхода школы. Опер и понятия двинулись за ним. Когда полицейские ушли достаточно далеко, Корби поднял рюкзак Ары и достал жестяную коробку.

— Ник, это твое.

— Выброси ее.

— Пошли. Нечего теперь с ними болтать. — Дед схватил Корби за локоть и потащил за собой. Корби еще какую-то долю секунды смотрел на своих друзей. Они стояли посреди едва освещенного поля. Наступила ночь, и небо над ними мерцало искорками звезд. Ник сжимал кулаки, а глаза Ары блестели, хотя он не плакал.

Корби подумал, что больше не знает себя. Он

не понимал, почему не может по-настоящему расквираться и грустить, как это делает Ник, не понимал, почему все развалилось вместе с этой смертью, не понимал, на чем все эти четыре года держалась его жизнь и на чем она держится сейчас. Перед его глазами снова были только мертвые. Он чувствовал, что проведет эту ночь с ними.

Глава 10

МЕРТВЫЕ

— Ты не уважал старших, и вот к чему это привело. Считал себя большим и сильным, а ни шагу не можешь ступить сам. Сосунок, приживалка, малолетка неблагодарная. Молоко на губах не обсохло, а что о себе возомнил?

Дед не переставая говорил с того момента, как они вышли со школьного двора. Они шли пустынными темными улицами. Корби узнавал места. Вот подъезд первой девушки Ары. Вот подворотня, где Ник как-то шуганул пару гопников. Двор, в котором они залезли на крышу трансформатора. Дом одноклассника, на дне рождения которого все первый раз сильно напились. Лавочка, на которой они столько раз сидели, разговаривая обо всем на свете. Знакомые окна, машины, заборы, детские площадки, тропинки, заросли кустов. Корби ходил здесь утром и вечером, днем и ночью — веселый или грустный, трезвый или пьяный, разочарованный или окрыленный маленькими победами.

— Убежал, и тут же приполз обратно. Все вы такие. Новое поколение. Слабаки. Тебе в восемнадцать еще с сосочкой играть надо, а мне в ножки кланяться.

А ты дерзишь, мозгляк.

Корби не реагировал. Его самооценка в тот момент была такой низкой, что никакие ругательства и попреки не могли досадить. «Я мразь, — думал он, — живу, когда другие умерли. Живу, топчу землю, по-прежнему дышу. Опять попал в ту же ловушку. Дурак, какой же дурак. Надо было, не отходя от стола деда, прямо там пустить себе пулю в висок, и всего этого не было бы. Даже Андрей, может, был бы еще жив».

— Денежки прибрал. Шестьдесят семь тысяч. Я всю жизнь служил родине, чтобы иметь свой кусок хлеба. А ты просто взял и положил в карман. Легко было, тварь, грабить старика, а? Кормильца своего обирать? — Дед рванул Корби за руку. — Что молчишь?

Они шли мимо дома культуры. Под козырьком подъезда со сбитыми ступенями горел одинокий желтый фонарь. Корби понял, что недавно был здесь почти счастлив. Он стоял в толпе одноклассников и знакомых — веселых, дружных, опьяненных своей молодостью и красотой — слушая, как дрожат стекла широких окон от звука настраивающейся группы, наслаждаясь праздником лета... Теперь он испытывал странное дежавю. Четыре года назад он бежал к разбившейся машине тем же путем, каким по утрам ходил в школу. После гибели Андрея дорога от школы домой опять стала дорогой смерти. Казалось, все повторяется, и ветер так же шуршит в траве, как в ту ночь, и мир так же утратил краски.

Когда незнакомый водитель прогнал его, он не

стал спорить, не стал ничего объяснять или доказывать. Он просто побрел прочь от разбитой машины, от мертвых отца и матери, от неизвестного подростка с переломанными ногами. Он скользил через опустевшие темные дворы, мимо чьих-то тепло светящихся окон, мимо молодых людей, курящих и целующихся за стеклами подъездов, мимо детских площадок и поставленных на сигнализацию машин. Пройдя три или четыре улицы, он вышел на пустырь. Начался мелкий дождь, ветер разбрасывал по сухой траве крупу блестящих капель. Шоссе осталось у Корби за спиной. Он шел от света в темноту. Его рассеянная тень обгоняла его и постепенно бледнела, сливаясь с мраком. Когда дорога осталась в четырехстах метрах позади, тень исчезла.

Один.

Он шел по узкой тропинке. Засохшие стебли травы цеплялись за одежду, царапали безвольно обвисшие руки. Джинсы промокли насквозь. Он замерз, но продолжал идти. Он пытался говорить с собой. Он понимал, что сходит с ума, и пытался заставить себя снова стать нормальным, живым, мыслящим существом. Он пытался понять, любил ли он их. «Я любил своего отца? — спрашивал он себя. — Я любил свою мать? Чем они на самом деле были для меня? Как я смогу без них жить?» Он не находил ответов. Он не мог вернуть прошлое. Он не мог вспомнить, как выглядели их лица, о чем они говорили, над чем вместе смеялись. Все исчезло.

Он уходил в темноту, в страшную безлюдную темноту дождливой осенней ночи, где нет места ни ребенку, ни взрослому. Ему казалось, что там он, наконец, сможет успокоиться, остудить голову, лицо,

сердце, найти точку стабильности в накренившемся мире, собрать то, что разбилось о фонарный столб. Там он не встретит ничего ненавистного, ни одной повторяющейся черты человеческого мира — одинаковых домов, которые все такие же, как их дом, одинаковых машин, которые все могут стать чьим-то гробом из скомканного металла, людей, которые думают, что контролируют что-то, принимают решения, выбирают комнату посветлее, вид покрасивее, высчитывают время пути до метро и расстояние до школы, в которую пойдут их дети. Но в конечном итоге, они выберут образ жизни, дорогу, соседей, судьбу, выберут призраков, выберут воздух, в котором им придется умирать.

Корби наткнулся на одиноко растущую молодую березу и вдруг вспомнил это место. Несколько лет назад он с родителями был здесь. Они устроили пикник. Отец гонялся за мамой, держа на вилке жареную сосиску, они смеялись какой-то глупости и, в конце концов, сосиску уронили в траву. В нем вспыхнула ненависть. Он налетел на бедное дерево, как на злейшего врага. Он убил бы его, если бы мог, но ему хватило сил только на то, чтобы сломать нижние ветви. Там он впервые заплакал. Эти слезы не облегчали душу, лишь слепили глаза. Он начал кричать и быстро охрип. Он схватил одну из сорванных с дерева веток, превратил ее в палку. В том месте росла трава с макушками в форме зонтиков. Ее высокие стебли засохли, но не упали. Корби принялся рубить их палкой. Головы растений, одетые коронами из сухих цветочков, осыпались на землю, распадаясь в бурый прах. Уже уничтожив все зонтики, Корби продолжал бить по обломкам стеблей.

Он вернулся домой только под утро. Позвонил в дверь соседке. Та вышла, вызвала ему скорую. Его завернули в одеяло и укололи успокоительным. Он уснул, а когда очнулся, рядом уже был дед.

Следующие дни Корби запомнил как время бесконечной усталости. Он не простудился, но у него болело все тело — каждая мышца, каждая клеточка. Иногда он не находил в себе сил поднять руку.

Через несколько дней были похороны. Отец лежал в закрытом гробу. Мать — в открытом, но даже на ее лице шрамы были такими, что работники морга не смогли их толком замаскировать. Церемония прошла словно в тумане. В память почему-то врезался дурацкий разговор двух случайно встретившихся старух.

— А я от каждой пенсии тысячу откладываю себе на похороны. Гроб хочу хороший, сосновый...

— На внука бы деньги потратила.

— А я прилично хочу умереть...

Корби испачкал руку, когда бросал землю на гроб отца, и знакомая матери полила ему воды на ладонь из пластиковой бутылки. Тогда, оттирая с кожи грязь, он впервые подумал о том, что может разрезать ее и перестать жить. Так просто.

Неделю спустя Корби вернулся в школу. Ему все соболезновали, а он вымученно улыбался и говорил, что все в порядке, что надо жить дальше, что он справится, что у него замечательный дед, который позаботится о нем.

Вечером того дня он лежал на спине и смотрел в пустой потолок своей комнаты. Он думал о фонтанах крови, о том, как они забьют из его рук, когда он порежет вены, о том, как раскроется кожа, уступая острой кромке бритвенного лезвия. Он думал о розовом срезе

раны и о темной внутренности вены. Почему-то он был уверен, что его самоубийство будет безболезненным и очень мокрым. Он хотел испачкать кровью все вещи, хотел перемазаться в ней сам. Он хотел, чтобы его лицо стало таким же красным и изуродованным, как лицо его отца.

В папином ящике с инструментами был большой оранжевый нож с выдвижным лезвием фирмы «BOSCH». Отец любил немецкие инструменты и говорил, что уважает «немецкое качество». Корби разобрал его и вытянул изнутри два запасных, новеньких, абсолютно острых лезвия. Они были серебристыми, влажными от машинного масла. Он попробовал одно из них на своем пальце и получил первую каплю крови. Она вызвала у него странное чувство — почти голод, почти жажду.

Он пожелал деду спокойной ночи. Потом ушел в свою комнату, разделся, сел на кровать и взял по лезвию в каждую руку. Он по-наполеоновски сложил руки на груди, так, что лезвие, которое он держал в левой руке, воткнулось в ямочку у локтевого сгиба правой руки, а лезвие, которое он держал в правой руке, воткнулось в ямочку у локтевого сгиба левой руки.

Он сидел так и чувствовал покой. Наконец-то он был свободен. Призраки больше не мучили его. Не нужно рубить траву, кричать, бредить, метаться, лицемерить в школе. Все прошло. Он улыбнулся и развел локти в сторону. Лезвия оставили на его руках глубокие порезы, из них тут же полилась кровь. Но не так много, как он хотел.

В этот момент дед постучал в дверь.

— А зубы-то ты не почистил.

— Я сейчас, — соврал Корби. Он попытался углубить порезы. Раз, другой. Все было не так, как он планировал. Он стиснул зубы от дикой боли, полосую свои руки. Он весь дрожал, кровать под ним скрипела, кровь, совсем не сверкающая и не красивая, брызгала на паркет и на простыню.

Старик открыл дверь его комнаты и закричал матом. А мальчик все пытался дорезать себя. Дед отобрал у него лезвия и перетянул его руки выше локтей. Корби сопротивлялся, как звереныш, сорвал повязку и добился того, что, наконец, лишился сознания от кровопотери. Очнулся он в больнице, без мыслей, с руками, забинтованными от ладони до локтя и предусмотрительно привязанными к сторонам койки.

— Стыдно, да? Стыдно. Вся наша семья стыд и позор из-за таких, как ты. Яблоко от яблони не далеко падает. Мой сын не хотел служить родине. И вырастил вора! Вора и слабака! Опять молчишь.

Корби остановился. Он не мог оторвать взгляда от входа в ДК. Андрей тоже стоял здесь, на этих ступеньках, без банки пива и такой одинокий, неуклюже пытающийся в очередной раз что-то объяснить.

— Я не люблю рок... просто я почти ничего о нем не знаю.

Он говорил и улыбался заискивающей улыбкой, как будто заготовленной заранее, появлявшейся прежде, чем кто-нибудь отпускал шутку. От пытки Корби спас оклик Ника. Вдоль аллеи, ведущей к подъезду ДК, выстроились щиты для афиш в покосившихся черных рамах. Ник отстал и, заметно качаясь, стоял перед одним таким. Корби с облегчением пошел к

нему.

— Что? — спросил он.

— Смотри, — сказал Ник. Афиша на щите выглядела обтрепанной и полустертой, но изображение читалось. — Майкл Джексон!

— Он же умер.

— Да. Он был в России в конце девяностых. Надо же.

Корби почувствовал, что сейчас заплачет. Слезы, которых так и не дождался Ник, увидит дед, у которого они вызовут лишь привычное презрение. Майкл Джексон умер. Андрей тоже мертв. Старый плакат, удививший Ника, исчез. На его месте уже красовалась новая афиша — большая, гладкая, черно-серебристая.

К ней прилип осенний лист.

Корби потянулся к нему. Кожа на его открытом предплечье вдруг покрылась мурашками, словно от потока холодного воздуха, а собственная рука, белая как мрамор, с бледными следами старых шрамов, оказалась рукой статуи, собранной из осколков и готовой снова рассыпаться. Лист был мокрый, как из-под дождя, только что опавший, кленовый, с прожилками гнили. Откуда?

Подул ветер, вырывая желтый клочок из пальцев, унося вверх, пока тот окончательно не пропал в темном небе.

Взгляд Корби потерял фокус. Фонарь над входом в ДК расплылся в пелене слез, вокруг него побежали, заискрились красивые крестовидные звездочки.

— Ну, что встал? Пошли.

Корби перестал замечать деда, как не замечал его четыре года назад. Старик был просто частью обстановки, стихией человеческого мира. Она могла

помешать покончить с собой или заставить чистить зубы, могла решить, что ты живешь в той квартире или в этой, ходишь в ту школу или в другую. Но в ней ничего не было.

— Ты что, язык проглотил? — Дед закатил ему пощечину. Корби вздрогнул, повернул голову. — Постой-ка, где-то я все это уже видел... А ну, посмотри на меня. Та-ак... Те же елки, та же песня. Не хочешь ли ты опять вены порезать, а, сопляк? — Голос деда сорвался на крик. Он тряс Корби, как тонкое молодое дерево. На них нервно оглянулся одинокий поздний прохожий.

— Отстань от меня, — попытался отвернуться Корби.

— Ага, как же. Только хоронить тебя мне не хватало. — Дед с новой силой вцепился в его локоть. Корби уперся.

— Я сам. — Дед отпустил, он одернул помятую майку и быстрым автоматическим шагом пошел к дому. Старик нагнал его.

— И давно ты это задумал? Пистолет для этого брал, да!? Так ведь, хитрая бестия?

«Как нелепо, — подумал Корби, — я сам пять минут назад жалел о том, что не застрелился, и вот он уже обвиняет меня в том, что я это планировал. А может, он прав? Может, я перехитрил самого себя? Может, я устроил все это только затем, чтобы снова решиться на самоубийство?»

Дома дед втоптал его на кухню, толкнул на стул. Корби двигался как тряпичная кукла; его бил озноб, свет люстры казался слишком ярким. Дед взял с холо-

дильника телефон и телефонный справочник, с грохотом отодвинул второй стул, сел напротив.

— Ну вот что. Ты все довел до того, что мне теперь придется разбудить другого приличного пожилого человека.

Корби равнодушно прикрыл глаза.

— Ты бредишь, дед. Зачем кого-то будить? — Он ждал, что сейчас за свои слова снова получит по лицу, но этого не произошло. Старик зашуршал справочником, потом раздалось попискивание телефона.

— Але, але. Иван Петровича будьте добры... Я знаю его по работе... Форс-мажорные обстоятельства заставляют меня звонить в такой час. Нет, нет, не беспокойтесь. Пока ничего не случилось. И уж тем более ничего страшного для вас... Вовсе не просто так. И да, надо будить. Я человек чести. За доставленные неудобства мы сочтемся.

Наступило долгое молчание. Дед исподлобья поглядывал на Корби и шишковатыми пальцами тербил угол скатерти.

— Иван Петрович? Виталий Рябин. Да, да, я тоже рад Вас слышать. Уж простите, что в такой час. Внук. Ну, как раньше. Да, именно. Надо. Ну что вы, Иван Петрович, приличные люди всегда платят. Такси возьмите.

«Что он хочет сделать?» — задумался Корби. Дед стал диктовать адрес. За шеренгами пятиэтажек школа по-прежнему светилась всеми окнами. Крин рассматривал стойку охраны. Опер Барыбкин собирал образцы крови. Судмедэксперт сидел за столом в пустом школьном классе и в глубокой задумчивости смотрел на таблицы высыхания слизистых оболочек и замеры температуры тела: что-то смущало его в опре-

делении времени смерти. Заплаканная директриса плюхнулась в кресло в своем кабинете, достала из нижнего ящика стола штоф коньяка, который прятала там до дня объявления результатов ЕГЭ, дрожащей рукой налила себе полную рюмку. Залпом выпила ее, задохнулась, и, собрав все свое мужество, набрала номер. Трубку снял мужчина. Он еще не спал. Работать заполночь давно вошло у него в привычку.

— Что? — переспросил он.

— Ваш сын умер, — осипшим голосом повторила директриса. А люди в синих халатах уже перекладывали тело погибшего мальчика на носилки. Ровный белый свет люстры заливал кухню. Дед повесил трубку и цепкими холодными пальцами взял Корби за руку.

— Пойдем.

Корби не сдвинулся с места.

— Отвали.

— А ну пошли, щенок.

«Может, как раз сейчас мне надо разбить ему морду, как Ник предлагал вчера».

— Встал быстро!

— И не подумаю, — истерически засмеялся Корби. Рябин рывком стянул его со стула. Корби повалился на пол.

— Не пойду, — повторил он. Старик схватил его под руки и потащил, сопя и надрываясь, через коридор.

— Все твои хитрости я насквозь вижу. Я же знаю, ты просто хочешь остаться один.

«Да, хочу». Корби не сопротивлялся. Дед пинком открыл дверь его комнаты, втащил его внутрь и бросил на пол рядом с кроватью. Корби ударился

затылком о паркет так, что зубы щелкнули, но боли не почувствовал, только забился в новом припадке смехоплача. Пока он лежал на полу, старик принялся рыться в его вещах. Содержимое ящиков стола было кучей вывалено на стол, из россыпи предметов дед выбирал все, чем можно нанести себе вред: точилки, циркуль и козью ножку, железный пенал.

«Неужели старый хрен думает, что я не смогу этого сделать, если захочу? Я разобью окно головой и наткнусь шеей на острые стекла, или разобью его и просто выпрыгну. Мне не тринадцать лет. Я сильнее, умнее и решительнее, чем был тогда».

Все выбранное дед швырял в пластиковый мешок для мусора. Поверх степлера и россыпи канцелярских кнопок он бросил зарядку от старого телефона, интернет-модем со всеми проводами и еще несколько примочек для ноутбука. «Ого, — подумал Корби, — настала очередь всего длинного и гибкого. Странно. Я о повешении не думал. А он подумал». Покончив со столом, старик распахнул платяной шкаф и принялся выкидывать из него на пол простыни, вешалки, штаны с длинными штанинами, кожаный пояс. «Как много способов умереть, — с иронией отметил Корби, — мне бы даже не пришло в голову, что можно удавиться штанами».

Когда дед вытряхивал одеяло из пододеяльника, в дверь позвонили. Он вздрогнул и посмотрел на Корби.

— Пошли, — потребовал он. Корби не шевельнулся. Старик наклонился и попытался его поднять. Корби вывернулся, упал на кровать и начал отползать к стене.

— Ну и черт с тобой, — выругался дед и торо-

пливо вышел из комнаты. Корби, задыхаясь, остался лежать на кровати. «Я могу украсть циркуль или простыню, — подумал он, — это даже круче, чем три литра церковного кагора». От этой мысли ему снова стало смешно, и он захихикал, запрокинув бледное лицо к потолку, комкая покрывало кровати белыми от напряжения пальцами. Из прихожей долетали голоса.

— Быстро Вы.

— Где мальчик?

— Там.

— Я не буду обувь снимать?

— Не нужно. Я и на минуту боюсь его оставить.

— Конечно. И правильно. — Незнакомый голос приблизился. — Вижу, Вы собрали все опасные вещи. Хорошо, очень хорошо.

Корби снизу вверх посмотрел на вошедшего к нему Ивана Петровича. У того был большой угреватый нос, на который сползали очки-велосипед, жиденькие седые волосы и маленький черный чемоданчик в левой руке.

— Добрый вечер. Вы не против, если я сяду?

Корби не ответил. Иван Петрович сел на краешек кровати, положил чемоданчик себе на колени.

— Как поживаете? Вижу, что не очень.

Корби молчал.

— Вы лучше расскажите все. О чем думаете, почему плачете. А я помогу.

Корби смотрел на него. «Дед позвал ко мне мозгоправа. Плохо».

— Не говорит, — пожаловался Иван Петрович.

— Иногда говорит, — ответил дед, — но редко и по большей части бред.

— Ясненько, ясненько. В прошлый раз это

было...

— После смерти его родителей. Четыре года назад.

— Да, да, верно... Понятно, почему тогда... А сейчас в чем дело? Он что, вообще нестабильный?

— Нет, что Вы. Просто стал свидетелем несчастного случая. Погиб его одноклассник, у него на глазах.

Иван Петрович цокнул языком, покачал головой.

— Ясно. Ну что, миленький, давайте сделаем укольчик, чтобы не грустить и хорошо спать. — Он расплылся в улыбочке. Корби подобрался. Иван Петрович заметил его движение. — Не больно, это совсем не больно.

«Как будто дело в этом», — подумал Корби.

— Да Вы не бойтесь, сейчас все пройдет. Хорошо станет. — Иван Петрович открыл чемоданчик, извлек заранее заготовленный шприц и, сняв колпачок, спрыснул капельку из иглы. — Миленький, на животики перевернитесь.

С каждым словом Корби подбирался все больше.

— Что же Вы так нервничаете? Один укольчик, и все.

«Они лишат меня воли, — подумал Корби, — и я буду лежать здесь всегда. А старик станет приходить два раза в день, кормить меня с ложки и бить по щекам. Я буду бессилён. Я смогу только тихо плакать и шептать, что наконец-то стал уважать старших».

— Расслабьтесь. Один укольчик, и Вы будете хорошо спать. — Рука психиатра как бы ненароком легла на щиколотку Корби. Сейчас Иван Петрович прижмет ногу к кровати, а потом резко вколет шприц

в бедро. И все.

Корби рванулся, ударил свободной ногой по руке со шприцом так, что тот отлетел на пол. Спектакль кончился.

— Витя, держи его! — потребовал Иван Петрович. Следующим ударом ноги Корби сбил с него очки-велосипед.

— А-а-а! Не хочешь по-хорошему? — завопил дед и, жертвуя поясницей, прыгнул на кровать. Иван Петрович свободной рукой ловил Корби за вторую ногу. Подросток рванулся к двери. Дед обхватил его за корпус, но руки соскользнули с гибкого молодого тела. Майка Корби порвалась. Он еще раз ударил психиатра ногой, попал в плечо. Но опытный старик не собирался легко отпускать жертву: вторая нога подростка оставалась прижатой к кровати. Корби дотянулся одной рукой до косяка двери, другую поставил на пол и пытался уползти. В этот момент дед навалился на него, а Иван Петрович согнулся, подобрал шприц и прямо сквозь штаны всадил его в незащищенную задницу Корби. Схватка закончилась. Его отпустили, и он скатился на пол к двери. Подслеповато щурясь, Иван Петрович достал большой белый носовой платок, приложил к разбитому носу.

— Вы бы поосторожнее с ногами, — совершенно невозмутимо сказал он. «Хоть милым больше не называет», — подумал Корби.

— Ох, — прокряхтел дед, — спасибо, Иван Петрович.

— Ничего. За очки только заплатите.

— Будьте покойны.

Старики помогли друг другу встать с кровати. Корби подумал, что может убежать. Надо подняться,

выскочить в коридор, рвануть к двери — и свобода. Но мысль осталась лишь мыслью. Он сидел на полу и смотрел на своих мучителей. Его охватило равнодушие. Эта эмоция не была новой: ему и раньше казалось, что все теряет смысл, распадается, он и раньше думал, что остается один, отстраненный от всего остального. Но теперь идея самоубийства и жажда борьбы казались такими же бессмысленными, как и все внешние вещи. И сам себе он тоже казался бессмысленным. Он не имел больше значения; ни его прошлое, ни движения его тела, ни его страдание — ничего больше не существовало. Он проследил взглядом, как Иван Петрович подбирает разбитые очки и выходит из комнаты, слышал, как дед отсчитывает ему деньги. Дед предложил чаю, но Иван Петрович отказался. Последовали дружеские рукопожатия, прозвучала пара теплых слов о былом союзе советской психиатрии со службой госбезопасности. Хлопнула дверь. Корби, не шевелясь, сидел на полу. Он чувствовал, как ноет место укола, как от неудобной позы затекают его ноги, но не сдвинулся с места. Вернулся дед.

— А ну, снимай штаны!

— Что? И не подумаю.

— Тогда ремень отдай. Не хватало, чтобы ты удавился.

Корби, удивляясь собственной покорности, вытянул ремень из джинсов и бросил в общую кучу конфискованной одежды. Дед свалил все на простыню и рывками вытащил ее из комнаты. Дверь захлопнулась, потом в коридоре раздался грохот. Корби понял, что старик делает то же самое, что он сделал с ним сегодня утром — припирает дверь, только более основательно.

— Эй, подожди. Что ты делаешь?

— Раньше надо было думать.

Корби потянулся и толкнул дверь. Она не шелохнулась. Он распластался по полу и заглянул в щель под дверь. Там было темно.

— А как я пойду в туалет?

— А мне плевать. Можешь справлять нужду в нижний ящик стола.

Корби лежал на холодных досках паркета и слушал, как старик идет по коридору. Потом шаги стихли, в ванной полилась вода. Дед ложился спать. Корби встал и налег плечом на дверь. Она даже не шелохнулась. «Ладно, — подумал он, — все равно». В туалет на самом деле не хотелось. В комнате по-прежнему горел яркий верхний свет. Все было разгромлено. Корби вяло сел на кровать. Ему пришло в голову, что надо разбить окно и выпрыгнуть на улицу, но он остался сидеть на месте. «Этот укол сделал меня совсем тупым», — подумал он. Медленно, будто уже во сне, он протянул руку и выключил свет. Стало видно, что на улице светает. «Надо раздеться», — подумал Корби, но вместо этого раскинулся на кровати и погрузился в болезненное забытие.

Глава 11

ЧУЖОЕ ЛИЦО

«Думаете, он здесь? Я бы спросил о нем у тех, кто улетает».

Дождь. Изувеченные тела. Бесприютная земля, по которой бродят души умерших.

— Половина девятого. В десять нам надо быть в полиции. Приводи себя в порядок.

Корби не шевельнулся.

— А ну, вставай давай.

«Ты вколол мне вчера наркоту, — подумал Корби, — и еще хочешь, чтобы я что-то делал».

— Пять минут. Иначе пеняй на себя. — Дед хлопнул дверь. Корби лежал на кровати и смотрел в потолок. Потом снова закрыл глаза. «Я впервые видел во сне отца», — вдруг осознал он.

«И он что-то искал. Что-то, или кого-то».

Черная клякса, плавающая у берега ночной реки.

В воде было что-то еще. Что-то грязно-белое, плавающее поодаль от черного. Какая-то материя или ткань. Она была больше черного, но они были связаны. От одного к другому тянулись длинные тонкие нити. Это напоминало...

Корби попытался уснуть обратно, снова оказать-

ся в странном и страшном месте, где мертвые скитаются среди мертвецов. Но уже не получалось. Мешало тело. Оно хотело изменить позу, сходить в туалет, почистить зубы. Он медленно встал. У него было ощущение, что он тяжело болен и температурит: было трудно ориентироваться в пространстве, веки стали тяжелыми, руки и ноги еле двигались. Он дотащился до туалета, потом перебрался в ванную. Дед увидел его через открытую дверь кухни и смерил презрительным взглядом. «Пошел на хрен», — подумал Корби. Он остановился перед раковиной, включил воду и минуту стоял не шевелясь. Холодный поток с шипением струился по белому кафелю, пузырясь, убегал в зарешеченную дыру слива. Взгляд Корби остановился на бритвенном наборе. «Если сломать эти сменные пластиковые штучки, — подумал он, — можно вытащить изнутри лезвия». Словно во сне, он открыл набор, достал одну из головок для бритвы и попытался согнуть ее пальцами. Она не поддавалась. Тогда он попытался сломать ее другим способом: зажал край пластины зубами, а рукой стал выкручивать ее. Раздался тихий щелчок, и бритвенная головка лопнула. Корби ощутил резкую боль в десне, негромко застонал, наклонился и сплюнул в раковину окровавленный обломок пластика. Потом поднял глаза и увидел в зеркале свое отражение.

С ним что-то было не так.

Оно было темным, с бездонными глазами. С волос будто струился мрак. Призрак из зеркала был старше, чем сам Корби. И он едва заметно улыбался. От этой улыбки его лицо не становилось веселым. Бесконечный ужас притаился в изогнутых уголках губ.

Корби увидел, как разрушается перспектива, а мир раздваивается. Одно изображение отделялось от другого, лицо подростка, отраженное в зеркале, расслаивалось с другим лицом, которое было и похоже, и не похоже на него. Корби понял, что есть другое зеркало и другой человек, который смотрит в это зеркало.

Он сидит в углу старого клуба. Стены там обиты потертым красным сукном, на них падает тусклый свет от желтых настенных ламп. К потолку поднимается дым сигар. Бокалы с вином напоминают о крови. Это место последнего разврата, похоти, которая так велика, что уже не нуждается в извращениях, пьяного угара, место, где собираются убийцы, место беспредельной скорби, вечное место, куда приходят те, кто не может умереть. Темные волосы ниспадают на лицо юноши, сидящего в углу, обитом красным сукном. Он не ест, не пьет, не курит — только наблюдает, как в воздухе кружится дым. В его душе замерший крик. Он отворачивается от зеркала, глядит в окно: там, на улице, горят факелы, лежат под серым ночным дождем мертвецы. Среди их тел пробираются два человека, которые тоже умерли. Один из них — Андрей. Он единственный след, единственная зацепка, единственная настоящая частица его самого...

Корби увидел свет. Станный свет, яркость которого была удивительно неполной. Лампочка на потолке. Он по-прежнему в ванной, льется вода, блещит капелька крови на слегка порезанной губе.

«Это все проклятый укол», — подумал Корби. У него было ощущение, что он спит и бодрствует одновременно. Сон стал видением. Он крутился в голове, разворачивался, продолжал сниться, хотя Корби не

спал.

— Что ты, мать твою, делаешь!? — заорал на него с порога ванной дед. — Опять!?

Корби вздрогнул, обернулся.

— Ничего, — пробормотал он и положил обломки бритвенной головки на край раковины. Потом медленно сунул руки под кран, набрал полные ладони ледяной воды и начал полоскать рот.

— Ты что, разгрыз и проглотил лезвия? — упавшим голосом спросил старик.

— Нет. — Корби начал чистить зубы. Дед резко шагнул в ванную, открыл бритвенный набор и заглянул внутрь. Все лезвия были на месте, кроме одного, чьи обломки остались лежать на краю раковины. Старик облегченно выдохнул.

— Побрейся. Ты должен выглядеть нормально.

Районное отделение полиции располагалось в уродливом сером здании с неровной линией окон. Корби и дед прошли через перегороженный шлагбаумом двор, открыли массивную железную дверь и оказались в помещении, больше похожем на притон, чем на вестибюль государственного учреждения. Выщербленный кафель пола, в центре — железная клетка. Прутья решетки выглядели так, будто их долго обливали помоями. За решеткой на пластиковом стуле сидел бомж и беззубым ртом ел помидор; казалось, ему там вполне хорошо. Напротив клетки находилось окно для справок — маленький желтый просвет посреди темно-серого вестибюля. Старик уверенно подошел к окошку. В этой дыре он явно чувствовал себя как рыба в воде. Наблюдая за ним, Корби подумал,

что некоторые плохие вещи не меняются: наверное, опорные пункты милиции тридцать лет назад выглядели точно так же, как это место сейчас. Сам он не был в полиции с пятнадцати лет, когда его с друзьями единственный раз забрали за распитие в общественном месте. Тогда было весело: вместе с остальными незадачливыми любителями спиртного они сидели на железных лавках, допивая свои напитки, и корчили рожи подвешенной к потолку камере видеонаблюдения.

За стеклом было пусто. Старик нагнулся к решетке для переговоров.

— Есть кто-нибудь?

— Что? — спросили из неразличимой глубины помещения.

— Я ищу Крина.

— Второй этаж, двести пятнадцатая комната.

Лестница в два марша, такая же серая, как и все здесь, привела их на второй этаж. Корби с удивлением отметил, что здесь почти чисто. Они попали в нормально освещенный коридор с дверями из светлого дерева. Стало слышно, как где-то впереди истерично кричит женщина.

— Не мое! Подложили! И это не мое! Подложили!

Дед быстро нашел нужную комнату, постучал и приоткрыл дверь. Корби смотрел через его плечо. Отдел был большой, разгороженный парой ширм. Напротив двери сидел мужчина в клетчатой футболке-поло и ел — но не пончики и кофе, как это бывает в сериалах, а желтый початок вареной кукурузы. Еще два лежали на тарелке перед ним. Посреди засыпанного бумагами стола стояла консервная банка с

солью, а рядом с ней, будто странное второе блюдо, располагалась фуражка. Старик откашлялся, и мужчина поднял голову. Корби узнал в нем оперативника Барыбкина.

— Крина можно увидеть?

— Можно. — Барыбкин впился здоровыми белыми зубами в бок початка и с хрустом снял с него два десятка влажных желтых семян.

— Я не воровка! Подложили! Все подложили!

— Вот разошлась. У нее в сумочке восемь телефонов, а пинкод она знает только от одного.

Дед хмыкнул.

— Крин освободится и подойдет, — дожевывая, пояснил Барыбкин. — Вы можете там посидеть.

Он неопределенно махнул рукой. В коридоре было несколько железных лавок. Рябины поместились на ближайшую к двести пятнадцатой. Взгляд Корби скользил по унылой обстановке: стоптанный желтый линолеум, доска объявлений с вложенными под мутное стекло листками гербовой бумаги, кофейный автомат в полутемной стенной нише.

— Суки! Мусора! Суки! Мусора! Суки! — Корби на слух определил дверь, за которой бесновалась истеричка. — Гнида ментовская! Тьфу! Тьфу! — Баба явно переключилась на кого-то одного. — Твоя мать шмарой была на зоне! А бахарем ее — сифилитик! Тьфу! Тьфу!

Так прошло полчаса. Женщина все кричала, появлялись и исчезали какие-то люди, хлопали двери, раздавались и затихали голоса. Воздух был густым и спертым. Дед вспотел и утирал лицо платком.

Корби чувствовал, что погружается в транс. Отделение полиции и компания деда неожиданно принесли ему тот покой, который он так безуспешно искал, пытаясь спрятаться от людей. Именно здесь было настоящее одиночество. Он сидел, свесив безвольные руки между колен, чувствовал под собой грубую железную лавку, смотрел на затоптанный пол и понимал, что ни одна вещь вокруг не взывает к нему. Наконец-то он был один. Лишь какой-то слабый далекий голос, забытое щемящее чувство иногда прорывались сквозь пелену, окутавшую его сознание. Они шептали, что так не должно быть, что он еще жив, что он должен чувствовать. Он попытался разбудить себя, растолкать. «Ты нервничаешь, — напомнил он себе, — нервничаешь, как перед экзаменами или даже больше. Если ты не сдаешь экзамены, то отправляешься в армию. А если ты колешься на допросе, тебя сажают в тюрьму. Или не сажают? Хоть кому-то вообще есть дело до меня и этого дурацкого пистолета? А Ник и Ара? Они скажут правду, или прикроют меня? Вдруг они скажут правду?»

— Хватит трястись, — зашипел старик. — Напортачил, так хоть не будь трусом.

Корби только сейчас заметил, что однообразно подергивает рукой. Он перестал. Казалось, ожидание длится вечно. В какой-то момент дед встал и раздраженно заметил:

— Час прошел.

Он снова заглянул в отдел и выразил свое возмущение Барыбкину.

— Обстоятельства, — ответил тот.

Двадцать минут спустя в коридоре появились Ара и его мать. Женщина увидела Корби с дедом и

чуть ли не побежала им навстречу. Она была пожилой и пухленькой, с кожей в три раза светлее, чем у ее сына.

— Здравствуйте, — подскочила она к деду Корби. — Пожалуйста, скажите мне правду! Какую роль мой сын играл во всей этой кошмарной истории? Он никого не убивал? Он говорит, что Вы были там.

Старик удивленно поднял брови.

— Я пришел, когда мальчик был уже мертв.

Корби понял, что дед испытывает садистское удовольствие, не отвечая прямо на вопрос женщины. Он поймал взгляд Ары, влажный и измученный.

— Мама, не надо, прошу тебя, — взмолился черный брат. — Успокойся.

— Как я могу успокоиться — после того, что ты сделал? Как я могу тебе верить?

— Он никого не убивал, — пробормотал Корби. — Там были другие.

— О Господи, хоть одну заповедь ты не нарушил.

— Дайте срок, нарушит, — усмехнулся старик.

— С чего это Вы взяли?

— Дурная кровь.

Круглые щеки армянки вспыхнули от гнева.

— Я забыла, какой Вы человек. Пойдем, сын. — Она схватила Ару за руку как маленького, хотя тот был на полголовы выше ее, повернулась к двери двести пятнадцатой комнаты.

— Его там нет, — предупредил Рябин. Арина мать не послушала его и распахнула дверь.

— Это отдел убийств, да?

— А Вам кого? — Оперативник уже расправился с кукурузой и корпел над какими-то бумагами.

— А, а... кого? — Армянка растерялась и повернулась к сыну. — Ты помнишь, кого?

— Следователь Крин, — сказал Ара.

— Он занят. Вон люди тоже сидят, ждут.

— Понятно, спасибо, — ответила женщина. Она оттащила Ару к лавочке самой дальней от Корби и его деда. Снова ожидание. Корби нервно дергал рукой, ловил взгляды черного брата и задавался вопросом: с кем он? Он догадался, что Ара рассказал своей матери про бутылки с вином, но это ведь не значило, что он сдал Корби. Или значило? «Нет, не значило, — решил Корби, — иначе бы его мама вела себя по-другому. Спасибо, черный брат. Ты все еще мой друг».

Неожиданно открылась дверь соседней, двести шестнадцатой, комнаты, и из нее вышел молодой человек в сером костюме и темных очках. За ним следовал Крин.

— Вы мешаете мне вести дело. Из-за Вас мои свидетели должны торчать в коридоре! Час!

Его спутник слегка пожал плечами. Корби не видел его глаз, но почувствовал, как холодный взгляд незнакомца скользнул по нему, по деду, потом по Аре.

— Здравствуйте. Простите, — раздраженно обратился Крин к свидетелям. — Я заставил Вас ждать. Это не моя вина.

— Здравствуйте, — ответил Корби. Он заметил, что дед наострил уши и как-то по-особенному приглядывается к молодому человеку, на которого досадовал Крин. Между тем следователь открыл дверь своего отдела.

— Барыбкин, ты чем занят? Кукурузой?

— Утром, — спокойно ответил опер, — я обошел десять домов и нашел собачницу, которая видела, как с территории школы уезжала машина. Вот.

Он поднял бланк, на котором что-то писал, и протянул его следователю. Крин взял бумажку, пробежал глазами, засопел.

— Большой зеленый внедорожник с золоченой полосой на борту... закрытый кузов... Лучше, чем ничего. Сопоставьте это описание со следами покрышек и ищите дальше. — Он повернулся обратно к свидетелям. — Рябины пришли в десять?

— Да. Безобразия. — Дед стал возмущаться слишком поздно, и Корби чувствовал, что специально. Но Крин ничего не заметил.

— Я еще раз извиняюсь. Николай, проходите в отдел.

Корби послушно встал.

— Нет, постойте! — запротестовал старик. — Я пожилой человек. Я устал. Я не могу здесь больше сидеть. Здесь душно! А внук молодой — потерпит.

Крин поморщился.

— Ладно, тогда сначала Вы.

Старик, следователь и его молодой спутник зашли в комнату. Дверь захлопнулась. Корби опустил обратно на лавку.

Через несколько минут человек, доставивший Крину столько неприятностей, вышел из двести пятнадцатой и остановился перед кофейным автоматом. Корби снова почувствовал, как по нему скользит взгляд глаз, скрытых за темными очками. У него по спине пробежал холодок. Незнакомое неприятное ощущение проникло сквозь порожденное вчерашним уколом транквилизаторное оупение, сквозь отделя-

ющую от мира стену депрессии. Корби поймал себя на том, что ответно смотрит на незнакомца. Его охватила неясная тревога. «И дед что-то в нем увидел, — подумалось ему, — что?»

В осанке незнакомца чувствовалась военная выправка. Корби помнил эту черту в некоторых знакомых старого полковника, но там все выглядело немного иначе — они уже были пожилыми людьми, а этот парень, казалось, только закончил институт. Корби смотрел, как быстро молодой человек нажимает неподатливые кнопки на морде кофе-машины. Он понял, что в его движениях есть что-то еще, не связанное с осанкой. Что-то хищное, пугающее. Или это только кажется?

Корпус автомата был блестящим, хромированным. В гладком металле отражалось лицо незнакомца. Слишком правильные черты делали его практически незапоминающимся. Корби почувствовал, что молодой мужчина перехватил его взгляд, вздрогнул и быстро отвел глаза.

Незнакомец подул на свой горячий кофе и пошел обратно в кабинет следователя. Потом, как бы нечаянно, заметил Ару и его мать.

— Вы ведь Джинаганалли?

— Одно «л», — ответила женщина.

— Простите. — Молодой человек чуть улыбнулся. — Я как раз хотел с Вами поговорить... без Крина.

— Что еще сделал мой сын?

— Мама, успокойся, наконец! Ничего я не сделал. — Ара тревожно уставился на незнакомца. Корби смотрел на эту сцену и чувствовал, что к нему возвращаются утренние видения. Ему пришла в голову странная мысль, что этот человек мог бы быть в том

месте со стенами из красного сукна, стоять у барной стойки и спокойно потягивать из бокала мутную красную влагу. И там на нем не было бы очков.

«Меня опять плющит», — подумал Корби. Когда же это кончится? Он сгорбился и обхватил голову руками.

— Дело не в вашем сыне. Вчера они заполнили некоторые документы, которые не должны заполнять на несовершеннолетних в отсутствии их родителей.

— А, понятно, — успокоилась Арина мать. — И что теперь?

— Я из отдела внутренних расследований. Лейтенант Белкин. Мне нужно, чтобы Вы написали заявление о нарушении Ваших прав.

— А это обязательно?

— Нет, конечно. Просто очень желательно. Если Вам не трудно.

Мать Ары замолчала, пыталась принять нужное решение. «Вот она как раз нервничает, — подумал Корби, — почти мечется. Она нормальная. А я думаю о бредовых вещах». Он испытал зависть.

— Хорошо. — Мать Ары встала. Незнакомец еще раз мельком посмотрел на Корби, и они ушли в двести шестнадцатую. Корби остался наедине с Арой. Он посмотрел в сторону друга и наткнулся на его прямой, вызывающий взгляд. Его охватила досада. Ара разрушал его одиночество. Ара мог увидеть, что он не в себе, или даже пожалеть его. Сейчас Корби совершенно не знал, что с этим делать. Они сидели и смотрели друг на друга. «Кто заговорит первым?» — подумал Корби.

— Корби, — наконец позвал Ара. Губы Корби шевельнулись. Надо было что-то сказать, что-то отве-

тить Аре, быть, как нормальные люди. Он лихорадочно искал нужные слова.

— Теперь моя мама называет меня антихристом. Зачем мы все это вчера сделали?

— Не знаю.

— Давай расскажем правду. Еще не поздно.

— Ты кричишь на весь коридор.

Ара встал и подошел к нему.

— Надо рассказать. Ведь все ужасно. Погиб человек. А своим враньем мы можем помешать поимке настоящих убийц. — Его глаза, влажные, темные, искали ответный взгляд Корби.

— Мы же рассказали про них, — заторможенно возразил Корби. — Описали, как они выглядят. И на пленке они остались. Мы говорим почти правду.

— Ты не понимаешь. Я думал об этом всю ночь. Те люди на свободе. Они могут убить еще кого-нибудь. Нас. А если их поймают, то они все равно расскажут, как все было на самом деле.

Корби не нашелся, что ответить. В этот момент в конце коридора появились двое — мужчина и женщина. При виде их Ара как-то сжался, а Корби почувствовал, что у него пересыхает во рту.

Это были родители Андрея.

Глава 12

СРЫВ

Отец погибшего мальчика был в черных брюках и белой рубашке, сложенный пиджак держал в руках и машинально теребил его. Его бледное лицо было изуродовано старым широким шрамом — рубцы и спайки проходили через лоб и левую щеку, искажали уголок рта, форму брови и глаза. Корби никогда еще не встречался с этим человеком, о его увечье слышал лишь мельком из чужих рассказов, и сейчас оно шокировало его.

На женщине был строгий офисный костюм: голубая блузка и юбка темно-песочного цвета. Она носила короткую стрижку, шею прикрывал платок из черной кисеи. Ее полумертвый взгляд остановился на двух подростках, и она пошла быстрее, вся будто подалась вперед.

— Рита, — сказал мужчина, и она снова замедлила шаг. Тогда он обогнал ее и первым подошел к Корби и Аре.

— Я, кажется, вас знаю. Вы одноклассники моего сына. — Когда он говорил, покалеченная сторона его лица вздрагивала. Это производило отталкивающее впечатление.

— Да, — тихо ответил Ара.

— Да, — сказал Корби. Ему трудно было отвезти глаза от увечья.

— И были рядом, когда это случилось.

Ара издал какой-то звук.

— Рита сказала, что он шел на встречу с вами. Мне бы очень хотелось услышать, что там произошло. — Последние несколько слов он произнес отдельно и очень отчетливо. Корби встретил взгляд женщины, и ему вдруг стало нехорошо. Он как будто впервые понял, что случилось.

— Я не виноват, — вырвалось у него.

— Когда человек в семнадцать лет падает с крыши, кто-то всегда виноват.

У Ары потекли слезы.

— Как мне это понимать? Как то, что я говорю с убийцами своего сына?

Корби вспомнил все обвинения Ника, и теперь они, сконцентрированные в словах отца Андрея, вдруг превратились в приговор, в неизгладимое клеймо. «Они все считают, что это я, — подумал он, — и они меня ненавидят».

— Нет, — всхлипнул Ара, — мне просто жаль, мне очень жаль. — Во внезапном порыве он встал на встречу отцу погибшего мальчика и крепко его обнял. Мужчина секунду стоял с безвольно опущенными вниз руками, потом шевельнулся и медленно отстранил подростка от себя.

— Вы не ответили на мой вопрос, — тихо, чекая каждое слово, произнес он. — Как все произошло?

— Мы просто смотрели, просто видели, — глотая слезы, попытался объяснить Ара, — как они гнались за ним, как убивали его, и мы ничего не могли

сделать.

Маргарита Токомина потянула свой шейный платок, будто он ее душил, закрыла им нижнюю половину своего лица и отвернулась. Лицо мужчины хранило каменное спокойствие.

— Мы не могли ничего сделать! Правда! Мы были внизу, а они были на крыше!

— Правда?

— Корби, не молчи. Скажи, как все было!

В этот момент на второй этаж полицейского участка вошли Ник и его отец. Ник сорвался с места и почти подбежал к друзьям, но в двух метрах остановился, как вкопанный. Неожиданно молчание нарушила Маргарита.

— Он иногда рассказывал про Корби. Про то, как разговаривает с Корби. Про то, как ходит куда-то с Корби. Про то, что у вас одна судьба.

Лицо Корби дернулось. Он пытался что-то сказать, но только шевелил губами. Вдруг разрушилась его иллюзорная изоляция, его одинокий выдуманный мир.

— Я раньше даже думала, что он тебя придумал. А теперь оказывается, что ты действительно его одноклассник. И я не знаю, что хуже: придуманные друзья — или такие вот не-друзья, которые стоят и смотрят, как умирает их знакомый.

— Да, это так, — вдруг сказал Ник. — Я хочу, чтобы вы знали правду. Хотя бы какую-то ее часть.

Мужчина повернулся к нему.

— Что?

— В нашем классе ваш сын хотел дружить только с одним человеком. С ним. — Ник показал пальцем на Корби.

— Ник, зачем ты...? — испуганно начал Ара, но Ник не дал ему закончить.

— Но Корби не хотел дружить с Андреем. Поэтому Андрей не стал нашим другом, хотя мог бы им стать. Он мог бы быть счастлив, но Корби все время отделялся от него.

Отец Ника подошел к Корби и протянул тому большой пластиковый пакет.

— Твои вещи. В целостности и сохранности.

Корби стиснул ручки пакета. Все смотрели на него, а он по-прежнему сидел на лавочке у засаленной стены коридора.

— Не надо меня ненавидеть, — дрожащим голосом попросил он.

Двери двести пятнадцатой открылись, и на пороге возник Крин. На его лице отразилась досада. Человек из отдела внутренних расследований спутал все его планы: люди, разговоры с которыми он так тщательно разводил во времени, теперь стояли вместе; одни плакали, лица других были искажены ненавистью и отчаянием.

— Господа, — громко обратился он ко всем, — я следователь по делу о гибели Андрея Токомина. Я официальное лицо, которому можно задать все вопросы. Зовут меня Анатолий Геннадьевич Крин.

После заявления Крина на мгновение наступила тишина, а потом родители погибшего подростка в свою очередь представились ему. Пока мужчины пожимали руки, к группе одновременно подошли еще три человека. С одной стороны появились мать Ары и молодой сотрудник, вернувшиеся из двести шестнадцатой. Набожная армянка, перебивая всех, попыталась выразить соболезнования Токоминым, но

они, кажется, даже не слышали ее. Из-за спины Кри-на возник дед Корби. Он приветствовал всех новых лиц общим кивком. Этот кивок заметил отец Ника и, кажется, рассвирепел, хотя и не выразил никак свое негодование. Он регулярно пикировался с отставным полковником на родительских собраниях, и между ними давно установились прочные отношения взаимной ненависти.

В коридоре образовался затор. Какие-то люди, шедшие по своим делам, были вынуждены проталкиваться через толпу, собравшуюся перед дверью двести пятнадцатой, и каждый своим движением и извинениями усиливал общий беспорядок. Крин начал объяснять родителям Андрея что-то о ходе следственных мероприятий и о том, когда они смогут получить вещи своего сына. В этот момент отец Ника не к месту спросил про свой конфискованный вертолет. Следователь сбился, начал отвечать на его вопрос. Дед Корби не удержался от язвительного замечания, а мать Ары закричала, что он ужасный человек. Их совместными усилиями разговор потерял всякий смысл и стал превращаться в отвратительную свару. Правда, почти половина присутствующих молчала. Корби единственный сидел и снизу вверх смотрел на все происходящее. Ему казалось, что его избивали камнями и вот, наконец, прекратили. Он обессилено откинулся к стене. Молчали и Ник с Арой. Молчал молодой человек из отдела внутренних расследований. С холодным вниманием он следил за ходом разговора.

Безобразную сцену остановил отец Ника. Он начал хлопать в ладоши. Три хлопка, громких и четких, заставили всех обернуться.

— Мне кажется, мы все сейчас мешаем следова-

телю делать его работу.

Крин моментально сориентировался и взял ситуацию в свои руки.

— Благодарю. Я прошу вас расступиться вдоль стены, а лучше — сесть, чтобы люди свободно ходили через коридор. А Вам, — сказал он родителям Андрея, — нужно ехать в морг и официально опознать тело. Когда вы вернетесь, я закончу со свидетелями, и здесь будет спокойная обстановка.

— Хорошо, — безропотно согласилась Маргарита.

— То есть, Вы вот так от нас отделяетесь? — спросил Токомин.

— Моей работе помешали обстоятельства. Меня задержали на полтора часа. Поэтому свидетелям пришлось ждать.

— И кто же задержал?

Крин повернулся и посмотрел на непроницаемого молодого человека в темных очках.

— Отдел внутренних расследований.

Токомин усмехнулся.

— То есть, Вы ведете следствие, но сами под следствием.

— Артем, не надо. Не устраивай скандал. Никто здесь ни в чем не виноват.

— Виноват.

— Если у вас есть вопросы, я на них отвечу, — сказал Крин.

— Кто убил моего сына?

— Мы это узнаем.

— Я еду в морг одна, а ты можешь оставаться и делать все так, как всегда делал в своей жизни!

— Маргарита Леонидовна, подождите секунду.

Барыбкин. — Крин поднял любителя кукурузы из-за стола и увел его в глубины отдела. Ник улучил этот момент, чтобы наклониться к Корби.

— Нравится смотреть в глаза его матери и отцу? — еле слышно процедил он ему в ухо. Корби оглянулся на него диким затравленным взглядом.

Прошло меньше минуты, и Крин вернулся с бумагами.

— Вам нужно расписаться здесь и здесь, и на этой бумаге — в морге, если вы признаете, что погибший — ваш сын.

Мать Андрея всхлипнула. Мужчина со шрамом даже не посмотрел в ее сторону. Он сверлил Крина глазами.

— Барыбкин будет сопровождать вас.

— Хорошо. — Маргарита вместе с оперативником пошла к выходу. Корби смотрел ей вслед. «Скоро ее ждет то, что я пережил у машины моих родителей, — с неожиданной ясностью подумал он. — Она увидит его тело, его мертвое лицо и расколотую голову, его безвольные руки и сломанную ногу».

Следователь повернулся к Токомину.

— Теперь я снова Вас слушаю. Мы ведем следствие. Что еще Вы хотите знать?

— Все.

Крин скрипнул зубами.

— Я сам не знаю всего.

— Вы видите этот шрам? — сказал человек с изуродованным лицом. — Четыре года назад мой сын спас мне жизнь. Поэтому сейчас я хочу знать. Кто. Его. Убил.

«Андрей спас ему жизнь, — повторил Корби в своих мыслях. — Андрей сделал для своего отца то,

что я не сделал для своего. Как странно. Как глупо, что я жив. Жив, виноватый во всем. Как глупо, что я отвергал Андрея».

Следователь тяжело вздохнул.

— Вот сидят люди, с которыми мне нужно поговорить, чтобы быть на шаг ближе к ответу на этот вопрос. Но сейчас я говорю не с ними, а с Вами, потому что уважаю Ваше положение. И еще потому, что Вы обвинили меня в том, что я пытаюсь от Вас отделаться. Я не пытаюсь. Я готов ответить на любые вопросы. Все, что я знаю.

— Хотите с ними говорить? — холодно поинтересовался Токомин. — Пожалуйста. Говорите. — Он отступил в сторону.

— Николай Рябин, пройдемте ко мне в отдел, — сказал Крин. — Всего несколько вопросов, и я смогу отпустить Вас и Вашего дедушку.

Корби механически встал и пошел за следователем. Молодой сотрудник отдела внутренних расследований закрыл за ними дверь.

— Я буду присутствовать при допросе, — сказал он в спину Корби. — Пусть вас это не смущает.

В комнате было светлее, чем в освещенном лампами коридоре. Стол Крина стоял боком к окну в выгородке из двух ширм. Старый монитор с маленьким мерцающим экраном, засаленная клавиатура, кипы бумаг, бокс с дискетами. За одной из ширм кто-то разговаривал, за другой работал принтер или факс. Корби предложили стул напротив Крина. Молодой мужчина сел с угла стола. Его молчаливое присутствие действовало угнетающе. В остальном все было как

вчера: диктофон, анкета, только теперь вместо блокнота Крин использовал протокол.

— Ваше имя и фамилия? — Крин чему-то улыбнулся. — Ладно, я помню. Николай Рябин.

Он заполнил первые строчки протокола.

— Вы можете подтвердить, что видели, как трое неизвестных сбросили Андрея Токомина с крыши вашей школы?

Корби молчал. Он молчал с тех пор, как умолял своих друзей и родителей Андрея не ненавидеть его. «Да, — подумал он, — могу». Но ни слова не произнес.

— Вы можете подтвердить, что видели, как трое неизвестных сбросили Андрея Токомина с крыши вашей школы? — повторил Крин.

Корби облизнул губы. Сами собой потекли слезы. «Неважно, — подумал он, — ничего уже не важно». Следователь смотрел на него в удивлении.

— У Вас все в порядке? Почему Вы плачете? Вы понимаете, что Ваши показания очень важны? Вы можете плакать, но, пожалуйста, скажите «да».

— Это давление на свидетеля, — вмешался молодой человек из отдела расследований. — Рябин, очевидно, либо не хочет, либо не может отвечать.

— Вот что Вы лезете? — взвился Крин. — С тех пор как Вы здесь, у меня все из рук валится.

Молодой человек пожал плечами.

— Я ниже Вас по званию, но статус моей организации таков, что Вы обязаны мне подчиняться. Так что терпите.

Корби смотрел в окно мимо людей, которые сейчас о нем говорили.

— Вам угрожали? — спросил Крин.

«Да, — вспомнил Корби. — Оскаленный мне угрожал. Но я не боюсь. Я боюсь, что сейчас выйду отсюда и снова увижу глаза Ары и Ника, и отца Андрея. Вот чего я боюсь».

— Вас запугивали? Вы решили отказаться от своих показаний?

Корби замотал головой. Небо и ветви деревьев за окном расплылись, дышать стало трудно.

— Тогда почему Вы молчите?

«Я ненавижу небо, — подумал Корби, — потому что мой отец, моя мать и Андрей ходили под ним, а потом умерли. Но больше всего я ненавижу себя. Это я во всем виноват. Почему смерть забрала не меня? Ведь так было бы лучше для всех».

Из-за ширмы выглянула женщина лет тридцати пяти, простая, черноволосая, но еще миловидная.

— Толя, ну что ты его пытаешь? У мальчика полная истерика.

— А что мне делать, Наташа? Сейчас по Москве бегают на трех убийц больше, чем вчера утром. И я не знаю, почему он ревет — потому что ему жалко одноклассника, или потому, что он знает, кто эти люди.

Корби снова замотал головой.

— Нет? Не знаешь, кто убийцы?

Корби опять помотал головой.

— Жаль.

— Вы обязаны прекратить допрос, — сказал молодой человек из внутренних расследований. Потом он обратился к Корби. — Думаю, на сегодня Вы свободны.

Крин швырнул ручку о стол так, что она отлетела и стукнула по клавиатуре компьютера. Выключил диктофон, скомкал протокол и швырнул его в мусор-

ку.

— Да, статус Вашей организации таков, что я должен Вам подчиняться. Но этот молодой человек Вам подчиняться не обязан. Сколько Вам нужно времени, чтобы успокоиться? — спросил он у Корби. — Полчаса? Час? Еще как минимум полтора часа я буду здесь. Поэтому будьте так добры, постарайтесь за это время привести себя в порядок и возвращайтесь сюда, чтобы ответить на мои вопросы. Если у Вас есть любые опасения насчет собственной безопасности или безопасности других людей, Вы можете их высказать. Мы Вам поможем.

Корби судорожно покивал, но с места не поднялся.

— Пойдемте, Николай. — Крин как-то умудрился поднять Корби на ноги и повел его к выходу. «Не хочу, — подумал Корби, — не хочу уходить отсюда. Не хочу видеть их всех». Он вывернулся из рук Крина и уткнулся лбом в стоящий у стены шкаф-сейф.

— Господи, да что такое, — пробормотал следователь. Он открыл двери в коридор. — Рябин.

— Да.

— У вашего внука истерика.

— Какая истерика?

— Молчит и плачет. Отведите его во двор. Пусть подышит воздухом, посидит на лавочке. Если за полтора часа успокоится, то пусть возвращается.

Дед вошел в комнату. Корби цеплялся руками за угол шкафа, его плечи содрогались.

— Что, совсем не можешь держать себя в руках, да? А ну, прекрати реветь! Тазик нарвел. Как девка. Семейю только позоришь. Вон люди смотрят, а ты все реवेशь.

Корби попытался закрыть лицо руками, когда дед взял его за локоть и потащил его в коридор, но спрятаться не получилось — он увернулся от взглядов Ары и Ника только затем, чтобы встретиться глазами со стоящим в стороне отцом Андрея. В лице этого человека он прочитал свой приговор. «Ты убийца, — утверждало оно, — ты виноват во всем. Твое раскаяние — признак твоей вины».

«Оставьте меня в покое, — безмолвно закричал Корби. — Я же не такой плохой! Если бы я мог, я бы всех спас. Но я не был в машине со своими родителями. И я второй раз в жизни держал в руках пистолет, когда Андрея убивали. Что я мог? Ну что я мог? Почему никто не хочет разбираться? Почему все ненавидят меня? Я просто неудачник».

Что-то надломилось у него внутри. Он уже с тоской думал об уколе Ивана Петровича. Сейчас он хотел, чтобы ему стало все равно.

Глава 13

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Территория полицейского участка с двух сторон была обнесена забором, а две другие образовывали здание отделения и старый кирпичный дом, сходящийся с ним углами. Унылые городские деревья вращали корнями в потрескавшийся асфальт, томились на солнце служебные машины, парочка уголовного вида субъектов курила на ступенях. Вдоль перекрывающего выезд красного шлагбаума бродил постовой. Еще было слышно ритмичную музыку. Она доносилась из открытых полуподвальных окон кирпичного дома. Там, несмотря на дневное время, горел свет. Сквозь щели в прореженных жалюзи Корби видел фрагмент стены и движущиеся по нему тени. Он стал смотреть на эти окна. «Я не хотел ничьей смерти, — подумал он, — я просто хотел быть счастливым».

— Теперь переворачиваемся на спинку, — нараспев прозвучала команда, — и делаем ножницы ножками. Вот так. Вот так. — Музыка сменила ритм на еще более энергичный.

— Ты понимаешь, что все испортил? Понимаешь, что я зря старался? Сопляк. Тварь неблагодарная. Что для тебя ни сделаю, все пускаешь на ветер.

«Ненавижу, — подумал Корби. — Я хотел быть счастливым, но теперь ненавижу счастье. Ненавижу движение и красоту. Я хочу, чтобы все остановилось. Ведь это все пустой спектакль. Люди умирают — вот что настоящее, вот что правда. А всего остального нет».

— Хоть бы утерся. — Дед попытался провести ладонью по его лицу. Корби отшатнулся. — Да что ты. Дикий совсем. Меня слушай, дурак. В руки себя возьми.

Корби вскочил и неровным шагом пошел в угол, где смыкались здания и росло старое корявое дерево, дававшее пятно слабой тени. Там он прислонился к пахнущей мочой стене и закрыл глаза.

— Делаем велосипед, — весело продолжал голос инструктора. — Крутим ножками, будто они нажимают педали. Вот так, вот так. Сгибаем ножку в колене и потом разгибаем, но не до конца. Молодцы, девочки!

Дед вместе с Корби дошел до угла, потом унюхал запах мочи, сморщился.

— Теперь все подумают, что ты ссышь.

Он махнул рукой и вернулся на лавочку. Корби приложил ладони и лоб к стене. Он искал этой позы. Он помнил ее с тех пор, как стоял у окна и смотрел на разбившуюся машину, повторял ее вчера вечером, когда прильнул к борту труповозки. И теперь он снова ее нашел.

«Я не смогу, — отчетливо понял он, — как бы я ни хотел, я не смогу туда вернуться и не смогу говорить с Крином. Да и зачем? У него есть видеозапись, у него есть слова Ника и Ары. И описание машины, которое нашел Барыбкин. И, наверное, еще куча всего. Он справится».

Музыка стала мелодичнее.

— Руки под поясну и тянем ножки вверх. Делаем березку. Будем стройными, как березки!

Корби почувствовал на себе чье-то внимание. Оно было неотрывным и невыносимым. Он терпел его минуту, потом не выдержал и обернулся. У входа в отделение стояли отец Андрея и мужчина в темных очках. Они о чем-то разговаривали, но оба, кажется, смотрели в его сторону. Корби стало нехорошо. Эти двое, да еще вместе, показались ему самыми страшными людьми, каких он видел на свете. Покалеченный Токомин, с его бледным лицом в рубцеватых шрамах, с застывшим взглядом, полным скорби, безумия и ненависти, и молодой мужчина в очках, с непроницаемым лицом, которое разочаровывает ожидания, на котором почти не отражаются эмоции. Корби отвернулся от них и, дрожа, вжался в стену. «Кого сейчас допрашивают? Ару? Точно, Ару. Значит, скоро и он выйдет на улицу. А потом выйдет Ник. И Ник, пожалуй, еще подойдет ко мне и что-нибудь скажет». Его охватила паника. Взгляды сверлили ему спину. Встреча с друзьями казалась неизбежной. «Я этого не вынесу. Лучше умереть, чем оставаться здесь. Лучше умереть десять раз».

«Бежать, — решил он, — и от них, и от деда. От всех. Потом найду, что с собой сделать. Прыгну под поезд, или порежу вены битым стеклом, или просто уйду пешком из города, лягу на землю в лесу и умру от голода».

У всех, кто выходил с участка, постовой смотрел документы и забирал пропуска. «Там я не пройду, —

подумал Корби, — к тому же там близко от отца Андрея».

Сквозь открытые окна полуподвального этажа снова запульсировала ритмичная музыка.

— Переворачиваемся, садимся, ножки расставляем под углом в девяносто градусов — и тянемся. Два наклона направо. Два наклона налево. Пальчиками рук касаемся пальчиков ног. Раз-два! Три-четыре!

Корби уставился на открытое окно.

— Бодрее, девочки, — жизнерадостно взывал тренер, — и хорошая фигура вам обеспечена!

Корби снова оглядел двор. Дед не смотрел в его сторону — он исподтишка изучал молодого человека в очках. Корби не торопясь, но целенаправленно пошел вдоль стены кирпичного здания. Он видел, что Токомин и незнакомец продолжают наблюдать за ним. У него откуда-то появилась уверенность, что человек в темных очках разгадал его план, но молодой мужчина не двигался с места и равнодушно объяснял что-то отцу погибшего мальчика.

«Даже если он понял, — подумал Корби, — он уже не успеет меня догнать. До окна остались считанные метры». Их Корби прошел быстро. Сквозь щели в жалюзи он увидел ритмично движущиеся тела — женщины в купальниках, в основном от тридцати до сорока.

В последний момент маневр Корби заметил дед. — Стой! Ты же совсем все испортишь!

Корби спрыгнул в незарешеченное углубление, а потом, ломая жалюзи, рванул в открытое окно полуподвального этажа. Раздался женский визг.

— Эй! Вам сюда нельзя! — рявкнул возмущенный, усиленный динамиками голос тренера. Корби

освободился от надоедливых шуршащих планок и увидел, что находится в просторной комнате посреди десятка сидящих на полу или уже начавших вскакивать бабенок. Потные, удивленные лица.

— Маньяк! Извращенец!

Корби увидел дверь и бросился к ней. Тренер сделал несколько нерешительных шагов в его сторону, но остановился, как только понял, что подросток не угрожает его клиенткам. Корби выскочил в пустынный коридор. На стенах висели плакаты, посвященные фитнесу и здоровому образу жизни. Стекланные двери, маленький холл. Ноги заскользили по каменному полу. Из-за стойки вскочил охранник.

— Вы кто? — спросил он. Корби метнулся мимо него, почувствовал на своем плече захват, вырвался, больно ударился коленом, но вскочил. Несколько шагов вверх, и он оказался на улице. Шум машин, запахи выхлопных газов. Он врезался в прохожего, тот обругал его матом. Не обращая внимания на гудки и скрежет тормозов, Корби бросился на другую сторону. Сердце учащенно билось.

«Когда они все в следующий раз увидят меня, я уже буду лежать в гробу. Осталось совсем недолго».

Он обернулся. За ним не гнались — никто не выскочил из дверей фитнес-центра, никто не бежал из-за угла, от отделения полиции. «Оторвался», — понял Корби и перешел на шаг.

Ему навстречу попадались прохожие, мелькали разные лица — иногда мрачные, иногда веселые, но в основном никакие. Он заметил, что привлекает к себе внимание, утерся и пошел еще медленнее.

«Сегодня я умру. Это решено. Осталось выбрать способ». Он не думал о предсмертных записках и по-

следних телефонных звонках — он никому ничего не хотел сказать, не собирался кого-либо наказывать или шантажировать своей смертью. Он просто хотел исчезнуть.

Попалась подворотня, он свернул в нее. Десять метров темного туннеля вывели его в маленький квадратный двор. Очередное одинокое дерево, белье на чьем-то балконе, толстая кошка у двери подъезда. Двор был проходным, за первой подворотней открылась вторая. Корби пошел в нее. Он хотел запутать следы. Еще ему пришло в голову, что в таких дворах часто бывают лестницы на крышу. Если удастся одолеть одну из них, смерть станет доступной. «Чем быстрее, тем лучше, — подумал он, — и хорошо, если так же, как Андрей».

Он дошел до середины второй подворотни, когда за спиной раздалось шуршание автомобильных шин. Он оглянулся. За ним полз большой «мерседес» с тонированными стеклами. Он почему-то не сигнализировал, хотя Корби явно мешал ему проехать. Подворотня была достаточно широкой, и он отступил в сторону, уступая машине место. «Мерседес» не стал разгоняться, но и не притормозил — все так же медленно ехал вперед. «Давай уже, — подумал Корби, — что ты так ползешь? Боишься меня задавить?»

Вместо того, чтобы послушаться его совета, автомобиль совсем остановился. В ту же секунду задняя дверца машины резко открылась. Корби сбило с ног. Он упал на одно колено в узком проходе между машиной и стеной подворотни. Автомобиль резко проехал на два метра вперед, открытой дверцей толкая

и таща его за собой. Наконец, Корби упал на спину, чудом увернулся от заднего колеса. «Меня убивают», — почти спокойно подумал он.

Из машины вышли двое. Один из них зажал Корби рот рукой в перчатке. Перчатка пахла кожей, мужским одеколоном, сандалом и табаком. Корби начал задыхаться и рефлекторно попытался оторвать ее от лица, но нападавший был слишком силен.

— Не вздумай кричать, — предупредил он и потащил подростка к машине. Его черный галстук с неброскими фиолетовыми вставками мазнул Корби по лицу. Второй подхватил Корби за ноги. Он был не слишком высоким, но с развитым телом. Корби почти не сопротивлялся. Он был слишком удивлен нападением, не знал, кто эти люди, и зачем ему вообще стоило бы защищать свою жизнь.

Его втащили внутрь. В салоне царил коричневый полумрак, было прохладно — работал кондиционер, играла приглушенная музыка — грубый прокуренный голос пел про трудные перипетии судьбы. Он оказался на заднем сиденье между своих похитителей. Первый крепко держал его за обе руки.

— Будешь дергаться — поедешь в багажнике. Ты меня понял? — сказал он. В пригашенном свете Корби смог рассмотреть шершавую кожу и сизый налет щетины на верхней губе.

— Да он сейчас промочит штанишки, — ответил тот, который тащил Корби за ноги. Двери захлопнулись.

— Трогай.

Машина тронулась, проехала через дворы и оказалась на следующей улице. Шершавый достал телефон, набрал чей-то номер.

— Босс, он наш.

Пока он разговаривал по телефону, второй обшарил карманы Корби, вытащил мобильник, открыл его и вытряхнул батарейку. Потом выгреб мелочь и маленькие полезные вещи. Монетки посыпались на дно машины.

— Хорошо. — Шершавый убрал телефон.

— Ну что, куда едем? — спросил водителя.

— На главную стройку.

«Они что, собираются закатать меня в бетон?» — мелькнуло в голове у Корби. «Но кто они? Кому нужна моя смерть? Неужели это убийцы Андрея? — поразила его следующая мысль — Точно. Они мстят мне за то, что я ранил одного из них. И еще они убивают свидетеля».

Водитель сделал музыку громче. Он не нарушал правил, держался зеленой волны. Ехали быстро. «Как они меня нашли? Они знали, что происходит во дворе отделения полиции, или пробрили, где находится мой телефон? В любом случае, теперь я знаю то, чего еще не знает Крин. Так как я не боюсь смерти, то, даже рискуя жизнью, должен попробовать убежать. Может, Ник простит меня», — с надеждой подумал Корби.

— Так ты говорил, что не выспался? — спросил Шершавый у другого.

— А, да. Прикинь, прихожу вчера домой, а моя шалава не одна.

— Я бы убил, — заметил водитель.

— Я почти и убил.

— С кем она была-то?

— С соседом. Он ей, типа, телевизор чинил.

— Я бы и его убил, — добавил водитель.

— Зачем? Если баба своей дырке не хозяйка, к

ней все равно будут ходить.

— И че ты сделал?

— Говорю же, не спал. Всю ночь ремнем ее учил. Орала, как пожарная сирена. Теперь неделю сесть не сможет.

Водитель гоготнул. «Гопники, — подумал Корби, — большие, злые, богатые, в хороших костюмах, на дорогой машине. Но те же самые гопники».

— Либо тебе нравится ее бить, — сказал Шершавый, — либо ты не можешь найти себе нормальную бабу.

В разговоре наступила пауза. Корби старался запоминать места. Он понял, что они едут в сторону центра.

— А че, ты свою Людку ни разу не учил? — через какое-то время спросил тот, который тащил Корби за ноги.

— Она мне не девка, а жена. Учить пришлось только раз. Уже три года прошло.

— Значит, любит, — рассудил водила.

«Они не такие, как те, что убил Андрея, — неожиданно усомнился Корби. — Эти никогда не возьмут в свою банду девушку, не будут так безумствовать, как Оскаленный, не будут ловко подкрадываться. И убивать будут совсем по-другому, хотя убить тоже могут». Те, кто убил Андрея, пугали Корби намного больше, чем эти.

Темы для разговора кончились, и путь продолжался в молчании. Водила полистал радиоканалы. Один хриплый голос сменился другим.

— Подъезжаем. Дай ключ.

Машина проехала через мост и свернула на набережную. Корби увидел башни Москва-Сити: стек-

ло, металл и пластик, сверкающие на солнце. Половина взметнувшихся в небо небоскребов была еще не достроена. «Большая стройка, — вспомнил Корби. — Неужели мы едем сюда? Ну да, самый фешенебельный район города. Где еще быть таким ублюдкам?»

Шершавый вытянул из нагрудного кармана белую карточку. Корби сразу узнал ее, и его сердце замерло. Такую же карточку бросил с крыши Андрей. Она была белая, запаянная по углам, с лейблом «West Wind» на одной стороне.

Сомнения Корби рассеялись. Даже если убийцы Андрея были другими, эти люди — из той же организации. «Возможно, они не только мстят, — подумал он, — возможно, они еще хотят вернуть карточку. Или хотя бы узнать, что ей никто не воспользовался. Логично. Это объясняет, почему я еще жив».

— Держи, — протянул Шершавый. Водитель двумя пальцами поймал карточку над своим плечом.

— Затрахала эта система, — заметил тот, который тащил Корби за ноги. — Без карточки за кофе не сходить.

— Скоро ты в сортир без проверки сетчатки не сходишь, — сказал водила. Они снова заготовали. Шершавый только слабо улыбнулся. Корби подумал: вот человек, который мог бы стать достойным потомком его деда. Он никогда не станет пить со своими подчиненными. Он точно понимает смысл субординации.

Машина свернула в сторону от набережной. Москва-река осталась позади. Башни были так близко, что Корби уже не мог увидеть в окно их вершины.

Он услышал гул работающей техники: где-то рядом жужжало, рычало, бухало. Вдоль дороги потянулись сетчатые заборы. На одном из них висел плакат. «Башня Северо-Восток», — прочитал Корби на афише, — «должна стать четвертым по высоте зданием...» Дальше он не смог читать, плакат остался позади.

— Не вертись! — рявкнул Шершавый. Подросток замер. Его взгляд зацепился за следующую афишу. Она была такой же, как первая. Под заглавием «Башня Северо-Восток» шли строчки пояснений. Он снова побежал по ним глазами. Ему удалось узнать, что башня будет закончена в две тысячи четырнадцатом году. Потом его взгляд скользнул дальше, и он увидел заветную подпись маленькими буквами: «Застройщик — компания West Wind».

Машина повернула, ее слегка качнуло при съезде с шоссе. Теперь под колесами была дорога, сложенная из бетонных плит. «Мерседес» остановился перед сетчатыми воротами. Корби увидел, что к автомобилю подходит административный охранник, и в ту же секунду Шершавый зажал ему рот рукой в перчатке. Корби задержался, но все метания были бесполезны.

Водила приспустил окно, помахал карточкой. Охранник кивнул. «Загляни в машину, — мысленно попросил его Корби, — загляни в машину, и ты раскроешь преступление. Тебя повысят, тупая ты рожа». Мужчина в форме медлил. Он, видимо, услышал в салоне звуке возни.

— Я тебе не грузовик, — раздраженно сказал водила. Охранник отступил.

— Ладно, сейчас открою.

— За кого они себя держат, — бросил через плечо водила. Задыхаясь, Корби смотрел, как охран-

ник откатывает тяжелые створки ворот. Закончив, он махнул рукой. Машина поехала. Шершавый отпустил лицо подростка и зло ударил его кулаком под ребра.

— Сопротивляться вздумал, да?

Корби только сжал зубы, согнулся от боли. «Что я буду делать дальше?» — спросил он себя. Ответа не было.

«Мерседес» проехал через стройку и нырнул под один строящихся небоскребов. Здесь все было бетонным: серый пол, серые стены, серый потолок с редкими сигнальными лампами. Автомобиль спустился на два этажа под землю, въехал в огромный, совершенно пустой подземный гараж и остановился. В полумраке Корби видел, как поблескивают железные двери лифта, похожего на гигантский сейф.

— Что дальше? — спросил тот, который тащил Корби за ноги.

— Ждем босса, — ответил Шершавый.

— Сидеть в машине?

— Тебе что-то не нравится?

Водила заглушил мотор, и наступила тишина. Корби сидел неподвижно. Его по-прежнему держали за обе руки. Ему казалось, что это будет продолжаться вечно: босс никогда не приедет, водила будет вечно жевать свою жвачку, а Шершавый будет вечно курить и стряхивать пепел в приоткрытое окно.

«Кто этот босс? Тот, кому принадлежит «Западный ветер»? Какой-нибудь опасный человек, мафиози или агент ФСБ, тайный покровитель разного рода убийц? И откуда Андрей мог достать эту карточку?»

Тускло светились огоньки подсветки на прибор-

ной панели автомобиля. Очередной мастер тюремной песни хрипло затянул «Владимирский централ».

«Я ни за что не скажу им, что карточка у Ары. Я вообще сделаю вид, что ничего про нее не знаю. Скажу, что видел, как Андрей бросил что-то, какой-то клочок бумаги, но тот унесло ветром и мы его не поймали».

Под сводами подземного гаража раздался новый звук. Подъезжала новая машина. Несколько секунд спустя Корби увидел ее отражение в зеркале заднего вида. Это был настоящий черный «хаммер», из тех, на которых ездят очень богатые люди.

Босс.

Шершавый бросил окурок, открыл дверь и за руку потащил Корби наружу.

— Шевелись, — поторопил он. Наконец, Корби выпихнули из машины. Он чуть не упал, но чудом сумел устоять на ногах. Он больше не сопротивлялся. Он знал, что не справится с этими людьми и не убежит от них.

«Хаммер» подъехал. Его окна были такими же темными, как у «мерседеса». Дверь водителя открылась, вышел еще один мужчина в костюме. «Это он», — на мгновение подумал Корби, но тут же понял, что ошибается. Водитель обошел автомобиль, открыл заднюю дверцу. Корби почти не дышал. Он увидел ногу и плечо человека. Они показались ему странно знакомыми. «Не может быть», — пронеслось у него в голове. Но так могло быть. У пассажира машины было лицо со шрамом.

Это был Токомин.

Глава 14

ОЗЕРО БОЛИ

Корби вспомнил, как Ник говорил про «богатую мамку» и «еще более богатого отца» Андрея. Значит, Андрей обокрал собственного отца. Как и все они, он взял что-то, связанное с родителями.

— Не ожидал меня увидеть? — удовлетворенно сказал Токомин. — В лифт его.

Он приложил к индикатору идентификационную карту. Двери послушно открылись. Лифт был новый, чистый, с металлическими стенами, резными поручнями и безупречным зеркалом.

— Верхний этаж?

— Да.

Корби сжался на полу. Вокруг него были ноги в черных брюках и лакированных ботинках. Он знал, что отец Андрея смотрит на него. Лежа на холодной стали, он ощущал всем телом скоростные вибрации. Его начало трясти. «Почему я должен опять смотреть ему в глаза? Ведь я убежал. Я сам хотел себя убить. Мне оставалось так недолго. И вот я снова должен мучиться. Этого не может быть. Это все не настоящее. Не жизнь. Просто я не заметил, как умер. И сейчас я в аду».

Двери лифта открылись. Этаж представлял собой платформу с необработанными краями: штабеля облицовочных материалов, синие баллоны с газом, вокруг — четыреста квадратных метров голого бетона, глухие коробки двух лифтовых шахт, колонны, черные пруты металлических конструкций, небо на месте отсутствующих стен. Между полом и потолком гулял ветер.

— Сюда могут прийти сварщики.

— Наверх. На крышу. Там работы уже закончены.

Корби выволокли на столь же голую лестничную клетку — перил не было, в прорехах между ступенчатыми плитами открывалась перспектива устрашающей высоты. Путь на чердак перекрывала стальная решетка. Шершавый приложил карту к магнитному замку, что-то лязгнуло, красный огонек сменился зеленым, и решетка открылась. Здесь не было окон, солнечные лучи падали сверху, сквозь вентиляционные колодцы, отражались от окрашенных охрой лифтовых моторов и рассеивались мириадами оранжевых бликов. Пахло маслом, застоявшейся водой, птичьим пометом и чем-то еще — чем-то горьким, будто здесь недавно резали сталь. Корби протащили мимо лифтовых моторов к новой лестнице и новой магнитной двери. Один из людей Токомина открыл ее карточкой, и в лицо Корби ударил свежий ветер высокого мира. На крыше его отпустили, и он безвольно распластался на поверхности рубероида.

— Ну вот, здесь нам никто не помешает. — Токомин опустил на корточки рядом с ним. — Я задал вопрос, и ты промолчал. Но я хочу услышать ответ. Это ты убил моего сына?

Корби вдруг увидел перед собой лицо Андрея, вспомнил, как тот странно и нервно смеялся, напившись шампанского в предпоследний вечер своей жизни. Вспомнил его руки, и глаза, и улыбку, и светлые волосы. Теперь все это умерло. Светловолосый подросток больше не улыбнется, не скажет какой-нибудь новой путаной фразы. Он лежит на столе, накрытый белой простыней. Его мать сейчас смотрит на него, и внутри у нее тоже все умирает.

— Ладно, — сказал Токомин. — Ты можешь просто рассказать свою версию событий. Ты же наверняка что-то придумал. Не мог ты не знать, что тебя будут допрашивать. Так что вперед, расскажи мне хотя бы то, что собирался рассказать полиции. Давай.

Корби смотрел в его искалеченное лицо, напоминавшее карту какой-то бесчеловечной холодной планеты. Обезобразивший его шрам был неровным, сетчатым, между долинами серой кожи тянулись темные горные гряды спаек и рубцов.

«Что сделал Андрей, чтобы спасти его? И как ему это удалось? От чего этот шрам? От взрыва? От брызг кислоты? Что может так обжечь и изуродовать кожу человека? Андрей должен был быть решительным и смелым, совсем не таким, как я. У него получились настоящие вещи».

— Говори. Я приказываю тебе говорить. Как все произошло? Как мой сын упал с крыши? Как он умер? Кто с ним это сделал? — Токомин схватил подростка за грудки. — Почему ты молчишь? Тебе нечего мне сказать?

Корби молчал.

— Ты притворяешься. Я тебе не верю. — Токомин отпустил Корби, вскочил, прошел несколько шагов вдоль края крыши, поднес руки к лицу и застонал. Потом вернулся. — Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай! Рассказывай!

Корби молчал. Он нашел центр узора, нашел на лице своего мучителя круглую каверну посреди поля перепаханной кожи. Ему казалось, что он идет там, по серой долине, по земле, погребенной под пеплом, и выходит к темно-фиолетовому озеру с розоватыми берегами. К Озеру Боли.

— За что? За что ты его убил?

Корби повторил про себя слова Ника. «Он меня пидорски облапал, — подумал он, — и увел мою девочку. Он мне кнопки клал на стул. Он мне сделал все плохое, и за это я его ненавижу». Эта простая ложь взорвалась у него в голове спазмом страдания.

— Кем ты был для моего сына? Другом? Приятелем? Просто знакомым? Ты предал его?

«Он говорил про тебя», — вспомнил Корби слова матери Андрея. Слова самого Андрея из сна: «Он мой лучший друг». Слова Андрея из реальности: «Что такого в твоих друзьях, чего нет во мне? Я не дурак и не урод». Слова Ника: «Ты мог быть его другом, но не хотел». Но, смотря в покалеченное лицо отца Андрея, он не мог вымолвить ни слова от себя. «Да, — думал Корби, — я мог, но не стал. Я предал всех. Я мог сделать его счастливым. Я мог сделать Иру счастливой. Я мог даже моего деда сделать счастливым. И еще кучу людей. Мне это ничего не стоило. Но я не хотел».

Токомин ударил его по лицу — не как дед, а так, что зазвенело в ушах и боль прокатилась через виски

к затылку.

— Говори! Что ты с ним сделал! И за что! За что можно убить мальчика в семнадцать лет? Говори!

Оглушенный и скорчившийся, Корби вспоминал, как все время обижал Андрея, как раздражался на то, что прилипла безропотно сносит все мелкие тычки и издевательства, пренебрежение, разговоры за спиной. Раздражаясь, Корби хотел обидеть его еще сильнее, но тот все равно все сносил и не отставал от него. Стыд рвал Корби спазмами боли, как лезвие ножа, ворочающееся в кишках. «Убей меня, — мысленно обратился он к Токомину. — Убей меня. Убей меня. Я хотел всего только для себя. Я недостоин жить. Недостоин своих друзей. Недостоин своего отца. Недостоин солнца. Убей. Так будет лучше». Он закрыл глаза.

— Не можешь вспомнить? Но вспомнить придется. Говори, как вы это сделали? На спор предложили ему встать на край крыши, а потом толкнули? Или сначала избили, а потом, чтобы скрыть следы, решили отправить полетать, а?

Корби не отвечал.

— Смотри на меня! На меня смотри!

Корби открыл глаза.

— Я хочу знать, что случилось. Не разговаривая со мной, ты делаешь себе только хуже. Ты не понимаешь, да? Я объясню. Если ты его убил, ты все равно умрешь. Умрешь так же, как он. Но если ты не начнешь говорить, ты умрешь намного хуже. Это будет дольше и больнее.

«Мне все равно, — подумал Корби. — Если ему станет легче, пусть поступает, как хочет. Это последнее, что я могу сделать для Андрея».

— Не хочешь говорить? Даже сейчас молчишь? Может, ты мне не веришь? Думаешь, я на это не пойду? Ошибаешься. Думаешь, эти парни меня остановят? Опять промашка. Они всегда и все делают, как я говорю.

Корби молчал.

— Покажите ему, — приказал Токомин. Тот, который носил золотые наручные часы, подошел и ударил Корби ногой в бок. Подросток охнул.

— Еще, босс? — спросил Шершавый.

— Нет. Подвесьте его. Пусть почувствует то, что чувствовал мой сын.

Двое послушно схватили Корби за ноги и подтащили к краю крыши. Его майка задралась, он чувствовал, как жесткое покрытие крыши царапает его голую спину. Руки безвольно волочились по рубероиду. Токомин шел за своими людьми и неотрывным безумным взглядом смотрел ему в лицо.

— Попроси меня, и я не буду этого делать. Умоляй меня. Расскажи мне правду.

Корби не ответил. Его подняли вверх, и он нечаянно ударился головой о стальную раму ограждения. Потом кто-то схватил его за руки и с силой выпихнул в пропасть. Корби повис над бездной. Перед собой он видел серый шершавый бетон стены; на семьдесят метров ниже начинались остекленные стены, а совсем далеко была стройплощадка и крошечные люди-муравьи в красных, желтых и оранжевых касках.

— Как ощущения? Нет страха высоты?

— Босс, может, потрясти его? — предложил один из охранников. — Есть детская игра, для совсем маленьких. Их сажают на колени и поют: «Едем, едем, едем. Едем на лошадке. Ой, ямка».

Корби почувствовал, как одну его ногу на мгновение почти отпустили. Его качнуло над пропастью. Сердце екнуло.

— Мне не до шуток, идиот. — Отец Андрея перегнулся через ограждение крыши и заглянул Корби в лицо. — Это здание повыше, чем ваша школа. У тебя будет шанс, которого не было у моего сына. Шанс умереть еще в воздухе от разрыва сердца.

Корби чувствовал, как кровь приливает к голове. В ушах шумело. Он перестал различать звук ударов собственного сердца и гул копошащегося внизу города.

Высота в сотни метров. Падать и падать. Он представил, как мимо него будут проноситься этажи недостроенного здания — сначала пустые бетонные провалы, потом новенькие стекла окон, обклеенные белой пластиковой лентой. Они сольются в сплошную зеркальную поверхность, а где-нибудь на высоте пятнадцатого этажа его тело наткнется на торчащий из стены прут и дальше полетит разрубленное на части. Будет очень много крови — больше, чем было на асфальте вокруг головы Андрея, даже больше, чем на капоте машины его родителей. А потом на землю упадут ошметки плоти.

Корби казалось, что он проходит через строй барабанщиков, и все они отбивают ритм его сердца. Грохот сотен там-тамов. Вой отдаленной сирены. Гудок теплохода, плывущего по Москве реке. Бредовые угрозы Токомина. Пиликающий сигнал работающего над соседним зданием крана. Тупая ватная боль в голове. Холод и жар. Его стошнило. Едкие капли желу-

дочного сока проникли ему в нос. Глаза слезились. Он начал кричать.

— Хватит, — приказал Токомин. Охранники вытащили Корби наверх и отпустили. Кашляя и задыхаясь, он упал на новенькое зеленое покрытие крыши. Его била мелкая дрожь. Стук сердца начал медленно стихать, но головная боль не проходила, резала виски. Отец Андрея сел на корточки рядом. Корби поднял на него глаза.

— Ну что? Начинаешь что-нибудь вспоминать?

— Да, — прохрипел Корби.

— Это хорошо. Я слушаю.

Корби свернулся в комочек. Нестерпимая головная боль. Мир плыл и кружился вокруг. Мужчины в темных костюмах на фоне почти безоблачного неба. Окаменевшее от горя лицо Токомина. Корби чувствовал себя хуже, чем когда-либо — и впервые чувствовал себя живым. Он смотрел на своих мучителей без ненависти. Их тени казались ему красивыми. Он вспомнил, как совсем маленький играл в ванне, а мама принесла трех желтых резиновых утят и пустила их плавать. Он вспомнил, что у них был светлый, песочного цвета, лабрадор. Он умер от старости, когда Корби было шесть лет, но папа сказал, что их лечат от рака в элитной клинике в Германии. Еще два года Корби в это верил, а когда понял правду, уже не очень грустил.

— Говори, — снова потребовал Токомин.

— Я помню, что на девятый день рождения мне подарили огромную коробку «Лего», — прошептал Корби. — Помню, как мы строили вместе с отцом игрушечный аэропорт.

— Что?

— Я помню, что мама пела, когда готовила. Помню ее любимую одежду. Летом она носила голубое платье, а зимой пушистый белый свитер. Он потом состарился, и она одевала его дома.

Отец Андрея схватил его за плечо, встряхнул.

— Что ты несешь?

Корби улыбнулся.

— Я помню, что мама называла нас «мужчинами». Меня и папу. Помню, как она учила меня чистить зубы. Помню, как папа показывал мне, как заряжать аккумулятор машины.

Лицо Токомина исказилось.

— Я помню, как он склеил мне линейку, когда ее сломали одноклассники. Помню, как мы разбирали компьютерную мышь. Помню, как мама делала песочное тесто.

— Замолчи.

— До того, как они умерли, у меня были друзья. Теперь я их вспомнил. Комар, Аня и Паша. Это они придумали, что меня будут звать Корби.

Токомин схватил его, притянул к себе.

— Ты специально, — прошипел он, — специально все это говоришь. Ты знаешь, что у меня с сыном тоже все это было. И ты специально это говоришь. Ты питаешься моей болью, да? Тебе плевать, что я тебя убью?

Он отпустил его, встал.

— Побудешь здесь. А когда я приведу сюда твоих друзей и подвешу вас рядом, правда начнет проявляться.

«Друзей? — удивленно подумал Корби. — Он что же, думает, что они тоже виноваты?» Он неловко перевернулся и увидел спины уходящих.

— Подождите, — попробовал позвать он, но никто даже не обернулся. Хлопнула дверь, громко лязгнул автоматический замок. Корби удалось встать на колени. Он был один, посреди неба, под солнцем, на холодном ветру.

Часть третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 15

ОДНОКРЫЛЫЙ АНГЕЛ

Черный конь бьет копытом скачущее Солнце
    Безумная гонка горящих колесниц
    Безумная огненная гонка колесниц
Безумная девушка и безумный юноша
    Крылатый сын мой пролетел
    от Солнца слишком близко

Джим Моррисон

Корби встал на ноги и неверным шагом вернулся к краю крыши. Город лежал под солнцем. Над ним висела легкая, пронизанная светом дымка. Стальные двускатные крыши старых семиэтажек — белые вспышки в желтой пелене. Крыши новостроек — серые, квадратные. По далеким улицам текли потоки машин. Воды Москвы-реки казались непрозрачными, серебристо-черными. Над рекой поднимались мосты. Корби видел площадь перед Киевским вокзалом, зеленый массив Воробьевых гор, вдалеке — ажурный конус Шаболовской телебашни.

Его поразила красота мира. Там были тысячи людей, идущих по своим делам. Теперь Корби понимал, как они все могут продолжать жить, стоять в пробках, радоваться и грустить, подставлять лицо солнцу, плавать на прогулочном теплоходе, есть мороженое. Он дошел до угла крыши, устало опустил на рубероидное покрытие, прислонился спиной к столбику ограждения. Он видел, как солнечные блики, отраженные от вод Москвы-реки, играют в стеклянных стенах соседних башен-небоскребов. Он видел белую чайку в голубом небе.

Смерть прямо рядом. Стоит только перегнуться через ограждение и позволить телу упасть.

Корби вспомнил улыбку отца, его руки, его голос. Он вспомнил, как они ездили на дачу к знакомым, и как он, шестилетний мальчишка, залез на очень высокую березу, а потом сорвался оттуда. Папа поймал его, они вместе упали в траву и начали смеяться, а из дома выскочила мама и стала бить папу полотенцем. Сначала Корби показалось, что она шутит. Но она плакала. «Он же мог разбиться! — кричала она. — Почему ты пустил его на это дерево?» «Он не должен бояться высоты», — ответил папа.

«Они так хотели, чтобы я жил», — подумал Корби. Впервые в жизни он представил себя в той машине, на месте отца. Представил, что на дороге перед ним выскакивает орава мальчишек чуть старше его собственного сына. «Что делать? Умереть самому, или убить их?» Отец Корби не мог не убить никого, но за те доли секунды, которые у него были, он выбрал то направление, где был только один мальчик. Он сбил одного, спас остальных, а сам врезался в столб. «И Андрей, когда спасал своего отца, думал так же, как мой отец, когда тот спасал толпу ошалевших подростков. Они были готовы бороться за чужую жизнь».

«Я сижу здесь запертый, когда мои друзья в смертельной опасности. Что же мне делать?» Ему пришло в голову, что, возможно, самоубийство является средством остановить Токомина и обезопасить Ару и Ника. Он больше не хотел умирать, не хотел предавать тех, кто дал ему жизнь. Но если он упадет с этой крыши, об этом узнают сотни трудящихся внизу рабочих. Скрыть факт его гибели будет невозможно. Приедет полиция. Через час доклад о случившемся

получит Крин. Он быстро догадается, кто это сделал, и остановит обезумевшего отца Андрея.

«Но у меня нет документов, — вспомнил Корби, — а если меня не смогут опознать, у Токомина хватит времени поймать моих друзей». Он понял, что придется писать предсмертную записку, оглядел крышу в поисках подходящего материала — но все здесь было твердым и гладким, ни одного камешка или свободно валяющегося стального прута, чтобы нацарапать сообщение. Корби попробовал чертить по рубероиду ребром подошвы, но у него не получилось. «Думай, — приказал он себе, — вдруг все можно сделать по-другому. Не убивая себя. Главное — привлечь внимание, хоть чье-нибудь, хоть как-нибудь». Он просунул голову между перекладин ограждения и посмотрел вниз. Маленькие рабочие на сером дне котлована. Смотреть в пропасть было неприятно, желудок спазматически дернуло, но он не отвернулся.

— Эй! — крикнул он. Но красные, желтые и оранжевые каски не имели о нем никакого представления: его слова уносил ветер, заглушал рев десятков строительных машин. — Меня заперли наверху! — срывая голос, снова закричал Корби. — Эй! Помогите!

Никто не оглянулся, не поднял головы. Корби встал, набрал полные легкие воздуха, перегнулся через перила и крикнул снова.

— Помогите!!!

От оглушительного крика закружилась голова, его качнуло, и он в испуге отстранился от края. Прошло несколько секунд. А потом он что-то услышал.

— ...ди, — звук был слабым, похожим на эхо его собственного голоса. Он пересилил страх и снова посмотрел вниз. Там все было по-прежнему. Ни-

кто не видел его, никто не запрокидывал голову, чтобы взглянуть вверх, на самую вершину башни. Но у Корби было такое чувство, что он не ошибся, что его услышали, заметили. Его горло щипало, но он снова набрал полную грудь воздуха и завопил:

— Помогите!!!

Несколько секунд было тихо, а потом до него донесся еле слышный ответ:

— Жди!

Кричали хором, где-то очень далеко. «Не внизу, — удивленно понял Корби, — но где же тогда?» Он оглянулся на соседние небоскребы. До ближайшего было несколько десятков метров; он был немного выше того здания, на котором находился сам Корби, и представлял собой сложную изогнутую башню с недостроенным шпилем. Корби скользнул взглядом вдоль стеклянных стен, и вдруг увидел тех, кто ему ответил.

Они стояли у края крыши. Там, видимо, был высокий парашют, который скрывал их по плечи. Корби ни за что не заметил бы их, если бы они не махали ему руками. Их было человек семь. «Чудо», — подумал он. Ветер дул от него в их сторону, поэтому они хорошо слышали его крик, а он слышал их еле-еле.

Корби побежал через крышу и остановился у того угла, который был ближе всего к спасительному небоскребу. Теперь он знал, в каком направлении кричать. Он сложил руки рупором и снова попросил о помощи, потом замахал. Ему помахали в ответ и хором ответили: «Жди». Кричать снова не было сил, и он остался стоять и смотреть на далеких людей. Он не

мог понять, кто они такие. Они все носили одежду с закрытым рукавом — в жаркий летний день — но при этом пеструю, поэтому не походили ни на рабочих, ни на белых воротничков.

«Как они мне помогут? И сколько на это уйдет времени?» Он представил два варианта: либо кто-то из них просто вызовет полицию, либо спустится с того небоскреба и уговорит администрацию этого подняться наверх. И на то, и на другое могло уйти не меньше получаса. Корби уже приготовился к долгому ожиданию, когда увидел, как над соседним небоскребом поднимается легкий матерчатый купол, напоминающий нечто среднее между парашютом и гигантским воздушным змеем. Купол заполоскался на ветру, распрямился и начал подниматься вверх, длинный, будто мягкое крыло. Это был параплан. Под ним показался человек. Он на мгновение коснулся ногами высокого парапета крыши, потом перелетел его и, поднимаясь все выше, понесся над бездной.

«Не может быть, — подумал Корби, — он летит сюда». Он запрокинул голову. Параплан парил в небе в десятках метров над ним, его длинный купол переливался в солнечном свете всеми цветами радуги. Стропы казались тонкими ниточками, человек под ними — черной точкой. Его полет был неровным; он мог бы подняться высоко-высоко, но все время осаживал свой аппарат, заставляя гибкое крыло бороться с восходящим потоком воздуха, и потому парил, соскальзывая вниз на невидимой воздушной волне. На расстоянии казалось, что он движется медленно-медленно, но прошла минута, и он был уже рядом. Когда до крыши ему осталось несколько десятков метров, Корби вдруг понял, что он несется с огромной ско-

ростью. Ноги пилота чиркнули по рубероиду, но он не смог остановиться — крыло парашюта, надутое ветром, тащило его за собой, как парус тащит маленькую лодку в штормовом море. Он был в черном костюме с серебристыми нашивками, на спине и груди висело по рюкзаку, голову защищал специальный шлем с зеркальным солнцезащитным экраном. Ботинки планериста высекли из жесткой поверхности крыши снопы искр. За одно мгновение он проскочил двадцать метров плоской поверхности, прыгнул, избегая удара о перила, и снова устремился в небо. До Корби донесся далекий крик.

— Ангел! Ангел! Ангел! — скандировали люди на соседней крыше. Их руки ритмично взлетали вверх. Корби понимал, что они кричат во всю мочь, но огромное расстояние и сильный ветер гасили звуки голосов. Безмоторный летательный аппарат во второй раз приближался к нему — теперь он шел со стороны солнца, его четкая тень упала на крышу рядом с Корби. На этот раз пилот целился в самый край крыши, чтобы у него была посадочная полоса в восемьдесят метров. Но Корби вдруг понял, что ничего не выйдет. Он ясно увидел траекторию, по которой будет двигаться планерист. Ветер слишком сильный. Парашюта не сможет остановиться. Его снова снесет.

Не думая, подчиняясь одному лишь импульсу, Корби бросился наперерез летуну. На мгновение все замерло, стихли крики на соседней крыше. Корби бежал очень быстро, так, как бегал в детстве. Он почти перестал дышать. Он слышал стук своего сердца и шум ветра под крылом парашюта, видел, как стропы сверкают на солнце. В темном шлеме отражалось небо, но Корби казалось, что он различает под зер-

кальным стеклом глаза. А потом они сшиблись. Корби низко наклонил голову и обеими руками перехватил планериста за пояс. Столкновение сбило обоих с ног, и они покатались по крыше. Крыло согнулось, схлопнулось, растянулось, трепеща, во всю длину. Вблизи оно казалось огромным, семи— или восьмиметровым.

Корби лежал на правом боку, рука и плечо болели. Перед носом он видел затянутые в черную ткань ноги незнакомца. Тот зашуршал стропилами, отстегнул от обтяжки карабин, сел и поднял вверх руку.

— Ангел! Ангел! Алекс-ангел! — донеслись с соседней крыши ликующие выкрики. Парень стянул шлем. Он оказался почти сверстником Корби — коротко стриженный, с резкими чертами лица и странными, глубоко посаженными глазами, которые казались немного безумными.

— Привет, — сказал Корби.

— Привет, — ответил парень.

Несколько мгновений они приглядывались друг к другу. Корби вдруг осознал, что у него заплаканное лицо и что он, должно быть, воняет блевотиной.

— Ты мне pomoжешь?

— Не знаю. Те ребята, которые держали тебя вверх ногами — что ты им сделал?

— Так вы все видели?

— Мы там уже несколько часов. Так что ты им сделал?

«Поверит ли он мне?» — промелькнуло в голове у Корби.

— Один из них — отец моего одноклассника, которого вчера столкнули с крыши.

Парень покосился на дверь, ведущую на чердак.

— Они тебя заперли, да?

— Да.

— А вернутся когда?

— Когда поймут двух моих друзей. Ты можешь мне помочь?

— Подожди. Сначала я хочу разобраться. Я тоже пару минут назад упал с крыши, но это не повод преследовать моих знакомых.

— У него не было этой штуки, — показал на парашлан Корби. — Его убили.

— Ты убил? — довольно спокойно спросил парень.

Корби ответил не сразу. Он почувствовал, что его глаза снова наполняются неконтролируемыми слезами.

— Я мог вести себя по-другому. И тогда Андрей был бы жив.

— Это ерунда.

Корби непонимающе посмотрел на него.

— Ты тоже мне не веришь?

— В чем не верю? Ты мне ничего не сказал. У некоторых ребят не открывается парашют. Другие сами не выдерживают стренгу. А третьим кто-то подрезает стропила. Вот и все.

Корби понял его.

— Ты или не ты?

— Не я. Но его отец думает, что я.

— Как тебя зовут?

— Коля, или Корби. А тебя Ангел?

— Алекс или Однокрылый Ангел, — поправил парень. Корби кивнул.

— Ты спускаешься с неба.

— Может, ты и врешь. — Планерист странно скосил глаза. — Ну да ладно.

— Что ладно? Ты мне можешь?

— Помогу. Я взял для тебя лишний парашют. — Алекс похлопал себя по ранцу на груди.

— Я полечу как ты?

— Нет. Это парашлан. На нем можно лететь вверх. А на парашюте можно лететь только вниз.

— Прыгнуть отсюда? — Корби посмотрел на край крыши.

— Ты никогда не прыгал с парашютом, — догадался Алекс. Корби покачал головой. — Есть шанс, что ты убьешься. Это здание высотой примерно две-три пятьдесят метров, так что падать будешь примерно семь секунд. Очень мало времени, чтобы сориентироваться. Если что-нибудь сделаешь неправильно — в лепешку.

Корби вспомнил, как отец Андрея говорил ему про возможность умереть в полете.

— Мы можем вызвать полицию.

Алекс облизнул губы.

— Может, ты и правда не убивал.

— Ты так говоришь, потому что я предложил полицию?

— Ну да.

— У тебя есть телефон?

— Конечно, есть. Но я им не позвоню.

— Почему?

— Во-первых, это не в моих правилах — и не в правилах кого-либо из ребят. А во-вторых, у меня уже есть судимость. Если меня здесь увидят, я на три года сяду за хулиганство.

Корби подумал, что в этом есть странная спра-

ведливость. Вчера вечером все было наоборот: он был в положении Алекса и боялся вызывать полицию. А теперь Алекс по той же причине не может нормально помочь ему.

— Знаешь, это даже глупо, — пробормотал Корби. — Час назад я хотел умереть. Я бы и без парашюта прыгнул с этой крыши. А потом все стало по-другому.

— Из-за того, что тебя подвесили над краем?

— Нет. — Корби покачал головой. — Это сложно объяснить.

— Ты не трус, да? — отрывисто спросил Алекс.

— Не знаю. А ты не можешь забрать меня на этой штуке? — Корби кивнул на растянувшийся вдоль крыши купол парашюта. Алекс с сомнением покачал головой.

— Сколько ты вешишь?

— Шестьдесят, — без должной уверенности ответил Корби.

— Не потянет двоих.

— Послушай, если я правильно понял, то, прыгая, я могу не выжить.

— Да. Или покалечиться при посадке.

Корби оглянулся на бескрайний город внизу.

— Тогда мне сначала нужно позвонить друзьям. Сказать, что они в опасности.

Алекс секунду смотрел на него, потом расстегнул специальный карман на ремне своей обвязки и вытянул из него мобильник. Тот был необычным, закованным в корпус из настоящей стали.

— Только быстро. Нам придется трудно, если они сейчас вернуться.

— Быстро, — повторил Корби, и на память набрал номер Ары.

Черный брат не сразу взял трубку. Корби слушал гудки, сжав левую, свободную от телефона руку в кулак так, что ногти впивались в ладонь. «Смогу ли я вообще говорить? И станет ли он говорить со мной, что он сейчас обо мне думает?»

Наконец в трубке раздался голос Ары.

— Кто это?

— Это я, Корби.

— Какого черта происходит? Ты поднимаешь переполох, убегаешь из отделения. Потом твой телефон не отвечает. И теперь ты от кого-то звонишь.

— Мало времени объяснить, — срывающимся, хриплым голосом ответил Корби.

— Нет, ты объяснишь! — закричал Ара. — Мы тут паримся из-за тебя, а ты убегаешь, как сумасшедший.

— Я и есть сумасшедший, — тихо сказал Корби. — Я убежал, потому что хотел покончить с собой.

— Что? — упавшим голосом переспросил Ара. Корби почувствовал подступающие слезы. Пока он говорил, Алекс отстегнул со своей груди ранец с парашютом и теперь перетягивал какие-то ремни.

— Послушай, дело сейчас не в этом. Я пробежал по улице несколько сот метров и зашел в подворотню. Там на меня напали и затащили в машину. Я решил, что это убийцы Андрея, но это оказался его отец. Он думает, что мы все виноваты в смерти его сына. Он отвез меня на крышу башни Северо-Запад и запер здесь. А уходя, сказал, что поймает тебя и Ника. Вы в опасности.

— Нет, ты правда спятил, — пробормотал Ара.

«Он мне не верит», — понял Корби. Его охватило отчаяние.

— Я говорю правду! Не уходите из отделения! Он может просто напасть на вас и утащить.

— Я уже ушел из отделения. Я на заправке, в машине, с мамой. Только что она пошла рассчитываться. И что это за башня Запад? Что за бред?

— Это небоскреб, новостройка, в центре Москвы. Карточка Андрея еще у тебя?

— Я совсем забыл про нее, — удивленно ответил Ара. — Она должна быть дома.

— Долго. — Однокрылый Ангел освободился от парашюта, обошел Корби и начал затягивать у него на плечах обвязку парашюта.

— На ней лейбл West Wind, — быстро-быстро продолжал Корби. — Это компания-застройщик, которой рулит отец Андрея. Они строят небоскреб. И они привезли меня на его крышу и заперли. Отец Андрея меня пытал.

— И почему я должен тебе верить?

— Посмотри в интернете! — Корби встретился глазами с Алексом. — У тебя есть на мобильнике фотокамера и ммс?

— Да.

— С кем ты разговариваешь? — спросил Ара.

— Неважно. Он мне помогает. Я тебе пришлю фотографию, где я на крыше. Прямо сейчас. Позвони Нику и убеди его, что мы все в опасности. Позвони Крину. И бойся черного «мерседеса».

— Тебе ведь тоже нужна помощь? — вдруг спросил черный брат. У Корби сжалось сердце. Они все еще были друзьями.

— Позвони Нику. Это главное. А у меня больше нет времени. Удачи. — Он сбросил вызов прежде, чем Ара успел что-либо сказать, и протянул мобильник Алексу.

— Номер должен остаться в телефоне, — сказал тот. — Я тебя сфотографирую перед прыжком, а фотку отправлю уже потом.

— Хорошо.

— Теперь слушай, что тебе надо будет сделать. — Ангел помог ему подняться с колен, и они пошли к краю крыши. Корби чувствовал, как ремни обвязки стягивают его грудь. Впереди была бездна.

Глава 16

ШАГ В БЕЗДНУ

Пять минут спустя Корби стоял над пропастью — ногами опираясь на край крыши, на ничтожную приступку шириной в двадцать сантиметров, а белыми обескровленными пальцами держась за раму ограждения.

— Оглянись, — попросил Алекс. Корби с трудом оторвал взгляд от бездны у себя под ногами и посмотрел на Ангела. Тот щелкнул его на телефон. «Фото на память, — пронеслось в голове у Корби, — потом его перенесут на мой надгробный камень».

— Все? Прыгать?

— Нет. Повтори, чему я тебя учил.

— Сильно прыгнуть, не перевернуться, потом сразу поймать стропы и вести парашют как можно дальше от стены здания. Когда стена останется позади — попробовать приземлиться на набережной. Если промахнусь, то в воду.

— Молодец. Одень это. — Алекс протянул Корби горнолыжные очки.

— Я боюсь отпускать руки, — честно сказал Корби.

— Я тебя держу.

Еще секунду Корби стоял, не шевелясь, потом отпустил руки. Ему показалось, что его сердце остановилось от неконтролируемого животного страха. Он чувствовал, как ветер дует в спину, заставляя его легкое тело наклоняться над пропастью. Но Алекс действительно держал его. Корби взял очки.

— Они нужны?

— По-хорошему, нужен шлем, как у меня. Но я не мог принести тебе полную экипировку.

Корби надел очки. Все вещи стали четкими, зеленеватыми, небо больше не слепило. Он затянул ремешки на висках, снова непроизвольно ухватился за перила.

— Над правым плечом у тебя петля. Туда у обычных парашютов крепят кольцо, но мы прыгаем с маленькой высоты и выводим саму стренгу. — Корби не понимал всего, что Алекс говорит, но не переспрашивал. — Я привязываю стренгу к обрывной стропе, а обрывную стропу к перилам. Ты пролетишь десять метров, а потом парашют раскроется и стропа оборвется.

— Он сам раскроется, а мне главное не перевернуться.

— Правильно. Готов?

— Готов. Тогда пока. Наверное, мы уже не увидимся.

— Не прощаются перед прыжком.

— Тогда просто спасибо. Я прыгаю.

Корби снова отпустил руки и развел их в стороны. Ветер толкнул его в спину. Одновременно со страхом он ощутил покой. Это было немного похоже на ту свободу, которую он чувствовал, когда резал себе вены. Выбор был сделан, он уже наклонялся, па-

дал вперед и в любом случае не успевал снова уцепиться за прутья ограды. Он выдохнул, согнул ноги в коленях, и, продолжая все сильнее наклоняться, оттолкнулся ими от края крыши. В голове пронеслось несколько мыслей — все обрывочные, молниеносные. «Что-то обязательно пойдет не так», потом, — «я слишком быстро падаю», потом, — «хорошо, что позвонил Аре». И последняя, — «Андрей умирал спокойно».

Он расставил руки и ноги так широко, как только мог, но его переворачивало в воздухе: левую руку вводило вниз, правую ногу — вверх. «Запутаюсь в стропах», — понял он, — «и выровняться не успею». Полсекунды земля неслась на него, потом последовал сильный рывок, его перевернуло ногами вниз, а над плечами со звуком спущенной тетивы натянулись стропы. Корби посмотрел вверх и увидел складчатый белый прямоугольник парашютного купола. «Странно, — подумал он, — получилось». Мгновением позже он понял, что получилось не совсем то, что надо — купол раскрылся правильно, но из-за того, что полет был неровным, парашют закрутило, и теперь стропы пересекались над головой, хотя должны были идти в разных направлениях от его плеч. Он протянул руку вверх и попытался ухватиться за место скрутки, но оно было слишком высоко, и он не мог до него достать.

Мимо пролетали этажи небоскреба. Корби успел увидеть вспышку сварки и ошеломленное лицо высотного рабочего, но оно тут же исчезло далеко вверху. «Все еще слишком быстро падаю». Он заметил, что

скрутка разворачивается сама: его вращало в одну сторону, купол парашюта — в другую, и с каждым оборотом скрутка становилась меньше. Корби ухватился за стропы и начал растягивать их в противоположные стороны. Его вращение ускорилося. Он понимал, что опасно приближается к зданию, но ничего не мог с этим сделать: парашют со скрещенными стропами был неуправляемым. Строящиеся этажи закончились, начались доделанные и остекленные; в зеркальной поверхности стены отражалось солнце. Корби почувствовал, что от вращения у него закружилась голова. «Сколько я падаю? Пять или десять секунд. Я разобьюсь».

Скрутка, наконец, развернулась до конца, последовал новый рывок, слабее, чем при раскрытии парашюта, но все же весьма ощутимый, и Корби понял, что теперь падает уже не так быстро. Его больше не крутило — он мягко плыл вниз. Он испытал такое облегчение, что потерял драгоценную секунду. В чувства его привел жуткий свист снова ускорившегося падения — угол купола чертил по стеклянной стене небоскреба. Он попытался управлять парашютом, но сначала рванул стропы не в ту сторону, и его ударило об здание. В эту минуту он был ближе к смерти, чем когда-либо раньше. Его спасло только то, что стеклянная стена небоскреба была почти идеально гладкой. Со второй попытки Корби понял, как управлять парашютом, и заставил купол отклониться от стены. Его тут же подхватило ветром и понесло в сторону.

Он развернулся и увидел под собой землю — слишком близко. Москва-река в пятистах метрах впереди, но Корби понимал, что уже не успеет до нее долететь. Ему грозило приземление на территорию

стройки, на перепаханное поле бетонных каверн и торчащих вверх стальных прутов. Он повернул к ограде стройплощадки и идущей за ней дороге. На дороге было полно машин, по большей части грузовиков, но выбирать было поздно: до земли оставалось метров пятнадцать, и расстояние уменьшалось с каждой секундой. «Падаю. Все еще слишком быстро». Он сел в сплошной автомобильный поток. Перед приземлением Корби заметил, что одна из машин — знакомый ему «хаммер» Токомина. «В последнее время мне везет».

Его ноги пролетели в метре от сетчатой ограды стройки. Он услышал шум моторов, потом его ударило об асфальт, и он упал. Прямо над ним проревел отчаянный гудок. Сверху опускался расслабившийся пузырь парашютного купола. В последний момент Корби успел перевернуться и увидел наезжающий на него бампер грузовика. Оранжевая кабина, кричащее лицо водителя за лобовым стеклом. «Конец. Он не успеет остановить машину. Я умру как тот парень, попавший под колеса моему отцу».

Он чувствовал горячее дыхание мотора, его ноги уже были под грузовиком. Тут его дернуло и быстро потащило из-под наезжающей машины. Корби перекувырнулся на асфальте, упал на спину. Его волочило вперед. «Что происходит?» — не понял он. Запрокинув голову назад, он увидел, что купол парашюта зацепился за кузов другой фуры. Грузовик, который только что мог его раздавить, теперь остался позади. Под задницей стало горячо, и Корби выгнулся так, чтобы по асфальту чертили подошвы кроссовок и спина, защищенная парашютным ранцем. Мимо проплыл забор стройки со знакомыми плакатами «Башня

Северо-Запад». Потом уволокший его грузовик повернул на набережную, и Корби вынесло на середину проезжей части.

В полуметре от него была встречная полоса, совсем рядом проносились машины. Он с испугом осознал, что фура разгоняется; ее водитель не видел нечаянного пассажира — пространство за кузовом машины было закрыто от его обзора. Теперь и под кроссовками стало горячо; вытягивая шею, Корби мог увидеть темный след, который оставляют на дороге разогретые трением подошвы. Но не это было самым худшим — на набережную позади него вывернул «хаммер» Токомина.

Фура проехала под новым мостом в стиле хайтек. Мгновение в тени, и снова над головой бесконечное, солнечное небо. Здесь набережная была превращена в парковку. Корби оказался в царстве машин. Они стояли слева, проносились справа, ехали за ним. Одна из легковушек, водитель которой видел Корби, стала сигналить, кто-то из людей на набережной закричал и замахал руками, но шофер фуры пока ничего не замечал. А «хаммер» Токомина неумолимо догонял.

«Неужели он настолько обезумел, что попытается задавить меня прямо здесь?» — подумал Корби. Его положение становилось невыносимым: ткань над карабинами протерлась, из-под спины вырывались снопы искр, а в ногах чувствовалась острая боль — казалось, резина подошв вот-вот начнет дымиться или даже гореть. Корби стал подтягивать себя вверх по стروпам. Сейчас он пожалел, что у него не такой костюм, как у Однокрылого Ангела — за шелковистые

веревки тяжело было ухватиться, они выскользывали из рук, резали кожу. Скалясь от боли и крича, Корби поймал несколько строп и начал накручивать их на ладонь. Медленно, очень медленно, он приближался к фуре. Автостоянка кончилась, теперь слева была набережная, облицованная серым гранитом. Один за другим оставались позади фонарные столбы, все как один напоминавшие столб, о который разбилась машина его родителей.

«Хаммер» Токомина приближался — Корби уже слышал звук его мотора, мог прочесть номер на бампере. Он вспомнил, как отец объяснял ему, что раз машина едет со скоростью шестьдесят километров в час, это значит, что она проезжает километр в минуту. Какие-то две минуты назад Корби стоял на крыше и разговаривал с Алексом, и вот он уже очень далеко, а его все тащит и тащит за грузовиком. Он сделал еще рывок и дотянулся почти до самого кузова; теперь усилием рук он мог приподнимать себя от земли, чтобы из-под ранца перестали лететь искры. «Мне каким-то образом надо встать на ноги, как встают на водных лыжах, — понял Корби, — иначе я не залезу в кузов».

Грузовик повернул. Теперь он ехал в гору, поднимаясь на эстакаду моста, и Корби был намного ближе к нему, чем раньше. Ему угрожали задние колеса, вращавшиеся в каком-то полуметре от его головы. Мимо проносилось стальное антиаварийное ограждение. Прямо рядом с собой Корби увидел черную морду «хаммера» — автомобиль догнал его. Сейчас они ехали по дорожной развязке, в таком месте, где никто их не видел. Корби увидел, как опускается стекло на задней дверце. За ним было изуродованное лицо отца

Андрея. Корби не слышал, что он говорит, но видел, как шевелятся губы. Ему показалось, что они спрашивают: «Кто ты такой?»

Они въехали на мост, и «хаммер» снова отстал. Корби обессилено висел на стропах парашюта: подъем измотал его, он не мог подтянуться дальше. С ним поравнялся пассажирский автобус. Люди липли к окнам, чтобы посмотреть на него. «Да, — подумал он, — парень в горящих кроссовках. Вы этого долго не забудете». Водитель автобуса открыл переднюю дверь и что-то закричал. Корби не понял его. Ему пришла мысль, что можно попытаться туда запрыгнуть, но это казалось слишком безумным. Секундой позже он понял, что водитель автобуса кричит не ему — он нагнал грузовик. «Что сейчас будет? — вдруг сообразил Корби. — Что со мной будет, если он затормозит?» Отчаяние придало ему сил. Он снова подтянулся, теперь его голова касалась грязевых сосулечек над кузовом грузовика.

Мост кончился. Фура съехала к обочине и начала тормозить. Корби успел перевернуться к ней лицом, уперся руками в пыльную корму и ехал так, пока она не остановилась, потом упал. В десяти метрах за ним затормозила машина Токомина. «У меня нет времени», — понял Корби. Он поднялся, хотя ног не чувствовал; кроссовки дымились. Ему удалось освободиться от половины лямок, когда из-за машины выскочил водитель.

— Ты что творишь? — размахивая руками, с кавказским акцентом закричал он. К нему от «хаммера» шел Токомин. За ним следовали два охранника в строгих костюмах.

— Этот человек мой. Он преступник.

Вид отца Андрея так поразил водителя фуры, что он перестал размахивать руками. Корби, избавившись от последних лямок, бросился бежать.

— За ним, — приказал Токомин, и охранники сорвались с места.

«Я не понимаю, почему я еще жив», — на бегу подумал Корби. Он влетел в маленький парк, бросился по аллее. Ему в нос ударили запахи лета: подстриженная трава, плавящийся асфальт, масляная краска. Он бежал, не чуя ног и сердца, почти не дыша. Одна из подошв отлетела, и он мысленно сказал ей «спасибо» — если бы она отлетела, когда он еще был на дороге, он бы остался без ноги. Через двадцать шагов отлетела вторая подошва. «Это были хорошие кроссовки», — подумал Корби. Он продолжал бежать босиком. Ощущение асфальта под голыми ногами было странным и неприятным, но он предпочитал скорее его, чем жар от горящей обуви. Он выскочил на маленькую площадь и побежал прямо через фонтан. Вода охладила его обожженные стопы.

Никто не пытался помочь ему — наверное, потому, что люди, гнавшиеся за ним, выглядели как агенты власти, а он как преступник. Он не оглядывался; по взглядам прохожих, по ритму собственного сердца и по ощущениям между лопаток он чувствовал, какое расстояние отделяет его от преследователей, и понимал, что они догоняют его. Он был совершенно измотан, у него не было шансов в соревновании по бегу с двумя тренированными громилами. Нужно было спрятаться.

Он повернул в боковую аллею, пересек газон,

проскочил через дорогу, не обращая внимания на визг тормозов — прямо по курсу была спасительная темнота подворотни. Ему пришлось налететь на женщину; она закричала, ее авоська лопнула, продукты веером рассыпались по асфальту. Корби бежал дальше. Правый бок сводила жуткая боль, но останавливаться было нельзя. Он нырнул в подворотню. Здесь пахло сыростью, шаги звонко отражались от темных стен. Десять метров, два удара сердца, и он в маленьком дворике. Дерево. Спуск в подвал. Балкон второго этажа. «Тупик. Я сам себя загнал».

У себя за спиной он слышал топот преследователей, взгляд скользил от одного предмета к другому. Корби метнулся к двери подъезда. Кодовый замок. Следующая была такой же, и к ней Корби уже не побежал — люди Токомина выскочили из подворотни у него за спиной. Он увидел последний маршрут спасения: старая машина, гараж, лестница на крышу. Не давая себе времени испугаться, он сиганул на капот легковушки, с капота — на крышу, с крыши машины — на крышу гаража. Чувствуя под босыми ногами теплый, прогретый солнцем металл, он разбежался и с криком прыгнул на лестницу.

Перелетев провал в два с половиной метра, он повис на ржавых перекладинах. Колено больно ударилось о прутья, конструкция под ним закачалась, но устояла. Он оглянулся. Один из громил подбежал под лестницу под ним и попытался допрыгнуть до нижней перекладины, но не тут-то было — она оказалась слишком высоко. Корби засмеялся истерическим хриплым смешком.

— Рано радуешься. На гараж, как он.

Второй громила, повторяя маневр Корби, полез

сначала на капот машины, а с него на крышу гаража. Корби понял, что погоня не закончилась, и принялся лихорадочно взбираться вверх по лестнице, чувствуя, как ржавые перекладины врезаются в его больные ноги. Ступенька. Ступенька. Ступенька. Одна из планок выломалась, он повис в облаке красной ржавой пыли. Такой высоты он не боялся, он был над пропастью в сто раз выше, и все-таки он понимал, что сейчас может разбиться точно так же, как при прыжке с крыши небоскреба.

Когда до последней планки оставалось полметра, Корби услышал, как один из охранников разбегается по гаражу. Из последних сил он рванул вверх, вцепился руками в жестяной карниз двускатной крыши, подтянулся, забросил ногу и, задыхаясь, упал на пыльную поверхность. В этот момент охранник прыгнул. Старую лестницу встряхнуло. Мужчина был тяжелым, в два раза тяжелее Корби, под его весом ржавые крюки со скрежетом начали выходить из стены. Лестница, по которой Корби взбирался минуту назад, с грохотом обрушилась. Один из охранников неподвижно распластался на земле. Другой так и не успел прыгнуть и стоял на крыше гаража, угол которого разнесло упавшей лестницей.

В подворотню вбежал отставший от своих людей Токомин, увидел Корби и остановился. Корби посмотрел на него и отрицательно покачал головой. Он мог бы крикнуть, что не убивал Андрея, но у него уже не было на это сил. Медленно, боясь соскользнуть, он подполз к коньку, поднялся на ноги и пошел прочь. Гулкие скаты пружинили под ногами, крыши старой, трехэтажной Москвы срастались вместе старой и новой жостью, извиваясь как хребет серебряного

дракона. Впереди, за очередным веером поднявшихся пластинок его чешуи, за рядом тарелок и антенн, Корби видел переплетение железнодорожной развязки — больно сверкали на солнце рельсы, люди в оранжевых спецовках что-то делали с синим щитком, выступающим из земли между железнодорожных путей, а дальше начинались пассажирские платформы. Корби узнал место. Это был Киевский вокзал. Он нашел лестницу и спустился вниз.

Когда он спрыгнул на землю, его охватила слабость. Он сел на корточки и стянул с ног жалкие ошметки обуви. За всю свою жизнь он еще ни разу не был таким грязным и измотанным. Но он был жив, и помнил все, что с ним случилось. Медленно, усталое он пошел в сторону вокзала. Он хотел смешаться с толпой, чтобы Токомин больше не смог его найти.

Глава 17

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Площадь перед вокзалом. Было трудно и непривычно идти по асфальту босиком, ноги устали, болели, и вообще Корби чувствовал все ушибы и ссадины на своем теле. С утра он почти не ел, его мучили голод и жажда, но хуже всего было чувство одиночества и беспомощности. Без денег. Без телефона. Без дома, в который можно вернуться. В непонятных отношениях с друзьями. Он шел мимо киосков, мучительно-мечтательным взглядом заглядываясь на пирожки и хот-доги, бутылки с квасом и «пепси». А вот ларек, где продают белье. «Мне не помешали бы носки», — подумал он, но был вынужден пройти мимо. Проверяя свои карманы, он не нашел в них даже десятикопеечной монеты. Люди Токомина не оставили ему ничего. Возможно, боялись, что он может использовать против них любой кусочек металла.

Корби хотел зайти на вокзал, но сквозь прозрачные двери заметил тройку полицейских и передумал. Он прошел мимо и спустился в подземный переход. Здесь была тень. Он обрадовался ей — он хотел отдохнуть, побыть в прохладе, подумать о том, что ему делать дальше. «Жаль, что здесь нет лавочек», — огор-

чился он. Но ему уже было все равно. «Моими джинсами вытерли три километра дороги, вряд ли я смогу их испачкать, если здесь присяду». Он прислонился к стене, потом неловко опустился на пол. Кафель был приятным, холодным. Корби расслабился, закрыл глаза под подаренными ему Алексом темными очками и долго-долго не шевелился.

Его разбудило легкое прикосновение. Он открыл глаза и увидел, что у него на коленях лежит сторублевая бумажка. Вдоль по переходу, не оборачиваясь, уходил мужчина лет тридцати.

«Что это? Милостыня? Неужели я шел сюда? — с легким удивлением подумал Корби. — Неужели я должен был оказаться именно здесь? Дно. Я дошел до крайней точки. И я, наконец, спрятался. Никто из тех, кто раньше меня знал, не найдет меня здесь. Не сможет даже представить».

Мимо шли люди. Десятки и десятки. Взгляды прохожих невольно цеплялись за босоногого подростка, сидящего в горнолыжных очках на грязном полу. Корби взял бумажку, с силой сжал ее в почти бесчувственной руке. «Деньги, — подумал он, — в какое же беспомощное ничтожество превращается человек, когда у него их нет. Куплю себе попить». Медленно, но целенаправленно он поднялся на ноги. Ему вдруг пришло в голову, что есть еще место, куда он может пойти. Он может попытаться опередить деда и забрать выручку у съемщиков квартиры родителей. За эти четыре года он дважды ездил туда, когда дед плохо себя чувствовал. Двадцать пять тысяч — это достаточно, чтобы купить себе ужин, обувь, одежду и телефон. Корби представил, как странно он будет выглядеть, когда заявится к ним в таком виде, но сейчас

было неважно, о чем они подумают. Главное, чтобы они дали ему деньги. Теперь, когда у него есть эта сотня, он за какие-то сорок минут может доехать туда на метро и на маршрутке. Скручивая мятую бумажку в пальцах, он пошел вдоль по длинному переходу.

За пятьдесят рублей Корби купил бутылку пепси. Он пил жадно, как никогда раньше. Сладкая, холодная, газированная вода, вкус кофе и шипение пузырьков — что может быть лучше? Потом он спустился в метро, купил проездной билет. После этого у него осталась примерно четверть изначальной суммы. Он мог только надеяться, что за последний год маршрутка не подорожала. Было странно босиком идти по платформе метро, сидеть в поезде, допивать пепси и чувствовать, как взгляды людей невольно притягиваются к твоей рваной одежде и голым ногам. Выходя из поезда, Корби обратил внимание на время: шесть вечера. Он удивился. На часах должно было быть либо больше, либо меньше. Ему казалось, что все его приключения укладываются в два десятка минут, но одновременно он чувствовал, будто прошла целая вечность. Когда он вышел из метро, он увидел, что солнце зашло за тучи; на небе еще оставалось достаточно голубых просветов, но было уже не так жарко, как в середине дня. Он пересек знакомую площадь, нашел подходящую маршрутку, заплатил за проезд, и у него на ладони осталось пять рублей. Хватит разве что на самую дешевую зажигалку. Он снова был нищим. У него не было плана «б», он не знал, что будет делать, если ему не повезет и он не получит с жильцов деньги. «Мне нужно еще немножко удачи,

— подумал Корби. — Я знаю, что использую удачу весь сегодняшний день. Но мне нужно еще немножко. Пожалуйста».

Водитель внимательно оглядел странного пассажира, но ничего не сказал. Корби забился на одиночное место в самом конце салона. Двадцать минут ему пришлось ждать, пока маршрутка наполнится. Он поджимал пальцы босых ног и смотрел в окно. Он хорошо знал эту площадь, этот выход из метро. Он помнил, как под новый год шел здесь с родителями: папа выпил немного лишнего, и его заносило на поворотах, а мама вела их, одной рукой держа сына, другой — мужа, и все время смеялась. У Корби появилось странное чувство, что он возвращается домой. Сейчас он приедет в свой микрорайон, войдет в свой подъезд, на знакомом лифте поднимется в свою квартиру. Ему откроет двери отец и спросит: «Где ты был? Мы ждали тебя четыре года».

Машина тронулась.

«А на кухне будет пахнуть пудингом и сливами, и там будет мама в переднике, одетом поверх сношенной голубой блузки. А на моем столе все еще будет лежать открытая тетрадь с математическими уравнениями».

Он улыбался и смотрел, как мимо проплывает завешенная афишами ограда рынка, как ветер качает кроны парковых деревьев, как, соревнуясь с машинами, гонит вдоль шоссе на трехколесном велосипеде малыш.

«Тогда все оборвалось. Я не досмотрел «Полицию Майами», не дочитал «Двенадцать стульев», которые начал за день до смерти родителей. Отец учил меня водить машину, но я по-прежнему не умею этого

делать. Мама показывала мне, как готовить, но потом я помнил только то, чему научился на кухне у деда».

Корби вспоминал и вспоминал. К нему возвращалась вся его жизнь, его друзья, которые лишь мелькнули перед ним, когда его пытал отец Андрея.

«Во-первых, Паша. Мы ходили в один детский сад. Он был несчастным мальчиком, который всех боялся. Его тиранил один жуткий пацан, а я заступился за него. Жуткий пацан разбил мне нос, и мы с Пашей стали друзьями».

Паша был простым и верным. Он всегда играл в ту игру, которую ему предлагали. К двенадцати годам он вымахал в огромного парня и стал на голову выше Корби. После этого уже никто не пытался его обидеть.

«Во-вторых, Комар. Мы познакомились в дошкольной подготовительной группе и вместе пошли в первый класс. Потом его родители развелись, отец запил, а мать занялась личной жизнью. С тех пор он два-три раза в неделю ходил ко мне в гости просто чтобы нормально поесть. И он этого не скрывал».

Корби улыбнулся воспоминанию. Комар никогда ничего не скрывал. Он был тощий и злой, всем хамил, брюзжал, у него была манера выбирать неудачные моменты и талант бесить людей. Но еще Комар был умный, смешной и очень печальный, и он стал замечательным другом. Они с Корби никогда не обижались друг на друга, пока не наступила та последняя осень. В середине сентября Комар сказал то, что Корби сказать боялся — что они оба любят Аню. Неделю спустя Комар стал вести себя так, будто у него совсем поехала крыша, и Корби подбил ему глаз. Паша пытался помирить их, но ничего не получилось.

«Аня появилась последней. Она была на год нас младше. Она переехала в мой дом и пошла в нашу школу. Она оказалась девчонкой, с которой вполне можно дружить. И еще она была сумасшедшей».

«И все это ничем не кончилось, — с грустью подумал Корби. — Я не успел извиниться перед Комаром, не успел поговорить с Аней. Я просто исчез. Мои родители умерли, и моя жизнь вслед за ними сделала мертвую петлю. Какие они теперь? Комар и Паша тоже закончили школу, а Аня закончит через год. Наверное, Комар стал ее парнем. Это было бы хорошо. А Паша вполне мог подрасти еще на двадцать сантиметров».

Он улыбался и смотрел в окно. Маршрутка подъезжала к микрорайону. Корби увидел жилые дома, такие же, как тот, в котором он прожил свое первые тринадцать лет. Потом микроавтобус выехал на ту самую дорогу, по которой перед своей смертью ехали его родители. Пассажиры выходили один за другим.

— У светофора остановите, — попросила женщина. Водитель притормозил, выпуская ее. Маршрутка проехала еще четыреста метров.

— Напротив супермаркета, — теперь вышли двое парней.

«Надо сказать», — лихорадочно подумал Корби. Во рту у него пересохло.

— Перед колледжем.

Кто-то из оставшихся пассажиров оглянулся и странно посмотрел на него.

— Перед колледжем, — громче, срывающимся голосом, повторил он. Водитель затормозил. Корби пробрался через салон, откатил тяжелую неподатливую дверь и вышел на улицу. Маршрутка уехала, а он

остался стоять босыми ногами в зеленой траве придорожного газона.

Вот место, где погибли его родители.

Все столбы вдоль дороги были бетонными, только один заменили на новый, тонкий, металлический. Окрашенный в синий цвет, он явно выделялся среди своих собратьев. На нем не висело поминального венка, но Корби точно знал, что это место смерти. Четыре года назад здесь стояла покореженная машина с номером «НЛО177». Он с усилием отвел глаза, посмотрел на свою старую школу, на колледж, перед которым стоял. Ничего не изменилось. Он вышел на асфальтированную дорожку, медленно пошел к своему дому. Здесь он бежал той осенней ночью. Теперь он шел в обратном направлении. Знакомый забор, знакомые кусты, саженые деревца. Корби поднял голову и увидел окно своей квартиры. Если ему приходилось поздно возвращаться домой, он всегда смотрел туда и знал, что увидит свет. Он окинул взглядом асфальтированную площадку перед домом и поймал себя на том, что ищет глазами машину родителей. Разумеется, ее не было. Не могло быть.

Он подошел к подъезду. Дверь все та же, только краска стала на два слоя толще. Как во сне, Корби набрал знакомый код, потянул тяжелую дверь и вошел в подъезд. Здесь было прохладнее, чем на улице. Его поразило странное чувство — не дежавю, а ощущение нереальной реальности происходящего. Все вокруг было прежним, обычным, нетронутым: почтовые ящики, откуда, возвращаясь с работы, отец доставал газету, ступени со скатами, по которым в незапамят-

ные времена мать катила его коляску. Корби коснулся рукой стены и, чертя пальцами по шершавой поверхности крашеного бетона, пошел вперед. Он чувствовал под босыми ногами плиты пола, вдыхал сладковатый запах мусоропровода, стряпни, человеческого жилья. Он дважды приезжал сюда, чтобы забирать для деда барыши, но сейчас ему казалось, что он не был здесь все эти четыре года. В те два раза он приходил, заперев сердце в железный сейф, отрезав память, притупив ум. Теперь он пришел без скафандра. И эти знакомые ступени, краска на стенах и почтовые ящики, этот лифт с разрисованной кабиной — не убили его. Они оказались очень честными. В его детстве было больше хорошего, чем плохого, и сейчас, глядя на окружающие его вещи, он вспоминал только хорошее.

«Сейчас, должно быть, выходные, и я возвращаюсь домой после долгой прогулки. Мне откроет отец. Он слегка сердито скажет, что обед остыл два часа назад».

Он вызвал лифт. Кабина стояла на первом этаже, ее двери сразу открылись. Корби вспомнил, как несколько часов назад лежал на полу другого лифта, и вокруг него были ноги в черных брюках и лакированных ботинках. Он шагнул внутрь и нажал этаж. «Остановись, — зашептал какой-то голос у него в голове, — ты тешишь себя бесполезными мечтами. Это больше не твой дом. Все другое. Ты не найдешь здесь помощи и приюта. Тебе не откроет твой папа».

Корби закрыл глаза и прислонился к холодной железной стене лифта. Он знал этих людей. Квартиру его родителей снимал пожилой бизнесмен по фамилии Когенман. Он мухлевал с бухгалтерией, всегда

был готов к долгой тюрьме и потому не имел ничего своего. «Ирония, — подумал Корби, — евреи-капиталисты. Мой дед должен был бы ненавидеть их в десять раз больше, чем своего сына и своего внука. Но они позволяют ему складывать пачки денег к себе в стол, и поэтому он не сказал о них ни одного плохого слова».

Снова пришли воспоминания и волшебным туманом застили настоящее. Корби вспомнил, как ехал в этом лифте с Аней и хотел ее поцеловать. Он даже наклонился к ней, но этого так и не произошло. А задолго до этого, совсем маленьким, он ехал здесь с мамой. Она стояла посередине лифта с продуктовыми сумками, а он ходил по кабине вокруг нее и катил по стене игрушечный мотоцикл. А совсем-совсем маленьким он ехал здесь, сидя на плечах у отца. Это было здорово, потому что он мог своей макушкой коснуться низкого потолка лифта.

Кабина остановилась. Корби открыл глаза. Его этаж. Его дверь. Не будет чуда. Родные не откроют ему. Они лежат в земле. Прошло четыре года. Там остались только кости и горстка влажного праха.

— Мне нужно немножко удачи, — прошептал Корби. — Чтобы дед еще не приходил сюда, чтобы никто не посмотрел на мои ноги, чтобы старые евреи просто отдали мне деньги. Пусть будет так.

Он остановился перед знакомой дверью и позвонил. Он предупреждал себя, что там нет его родителей, но все равно иррационально ожидал, что услышит голос отца. Не ответили, и Корби позвонил снова.

— Иду, иду! — закричал женский голос. — Кто там?

Корби замороженно смотрел на крошечный

блестящий блик глазка. С его губ чуть не сорвалось: «мама, я вернулся».

— Кто звонит? — брюзгливый голос. «Ну да, — подумал Корби, — чего я ждал? Все еще чуда?» Глазок вспыхнул тонким лучиком света. — Кто это? — недружелюбно спросили из-за двери.

— Добрый день, — ответил Корби. — Я от деда, пришел за квартплатой.

— Как? Мы же договорились. — Замок щелкнул, дверь распахнулась. Яркий свет из прихожей упал на босые ноги подростка. В квартире был сделан ремонт. Корби увидел незнакомый паркет и незнакомые обои. Вдоль стен стояла чужая мебель. Женщина смотрела сонно и неприветливо.

— Да, — сказал Корби, — все как обычно, двадцать пять тысяч.

— Нет, мы договорились, что он приедет завтра. Поэтому муж уехал. Я без него платить не могу. — Она начала возмущенно, но говорила все медленнее. Ее взгляд соскользнул с лица Корби, остановился на его порванной майке, а потом неумолимо пополз вниз. Подросток поджал пальцы ног.

— Дедушка заболел, — сказал он, — и решил, что не сможет приехать ни сегодня, ни завтра. И раз уже еду я, он решил, что можно и сегодня.

— Что с Вами? — вопрос был задан без тени сострадания.

— Попал в неприятности по дороге, — с равнодушием отчаяния ответил Корби. — Извините, что в таком виде.

— Между прочим, Ваш дед звонил полчаса назад. Это как это вы так быстро все переиграли? — Внезапно одним молниеносным движением она захлоп-

нула дверь перед носом Корби. Он стоял в полутьме подъезда, совершенно огорошенный. — Не уходите! Я позвоню Вашему деду, и если Вы говорите правду, я дам Вам деньги.

Корби бросился вниз по лестничной клетке.

Выскочив на улицу, он неожиданно для самого себя остановился. «Куда я бегу? Куда спешу? Меня никто больше не приютит. У меня нет больше цели. Осталось только дожидаться ночи и через три соседние улицы пройти в то поле, чтобы попросить прощения у березы, на которую я напал четыре года назад». Он устало провел руками по лицу, сел на лавочку перед подъездом. «Дед может приехать сюда. Пусть приезжает. Пусть приезжает с палачами в белых халатах. Я уже не против. Я готов торчать от их уколов».

Он сидел и поджимал пальцы израненных ног. Прошло полчаса. Погода портилась, просветов на небе было все меньше — кажется, собирался дождь. И тут он увидел, что по дорожке вдоль забора колледжа идут трое молодых людей.

Посередине шел огромный парень, косая сажень в плечах. Он казался совершенно квадратным, как самый настоящий живой шкаф, даже его прямые светлые волосы были подстрижены в форме куба. В каждой руке он держал по три бутылки пива, зажав горлышки пальцами. Он посмеивался и меланхолично наблюдал за игрой, которую ведут двое его спутников. Те были на голову его ниже: тощий, сильно пьяный подросток со свисающей на лицо алой эмо-челкой и плоскогрудая девушка в белых джинсах и кожаной куртке. В одной руке она несла роликовые коньки, связанные

вместе шнурками, в другой — бутылку вина. Игра состояла в том, что эмо-подросток обходил великана и пристраивался рядом с девушкой, после чего девушка тоже обходила великана и шла с другой стороны. В конце концов, костлявый молодой человек загнал девушку в траву, и она замахнулась на него коньками. Он обиделся и поплелся сзади.

Корби смотрел на них и чувствовал, что в его голове больше нет ни одной мысли, ни одного расклада, ни одного плана. Осталась только боль во всем теле, усталость и неизреченная мольба к какой-то высшей силе, которая не могла не существовать, без которой не мог бы состояться весь сегодняшний день. Он встал и медленно пошел им навстречу. Он знал их. Он помнил их. Он встретился взглядом с серыми глазами Паши, потом с зелеными глазами Ани. Он видел, что они еще не узнали его. Как и все случайные прохожие, мимо которых он проходил сегодня, они сначала посмотрели на его порванную майку, потом — на босые ноги. Он остановился в двух метрах от них, посреди узкой асфальтированной дорожки. Великан и девушка тоже остановились. Улыбки стали исчезать с их лиц, сменяясь выражением удивления. В их глазах Корби увидел химическую реакцию памяти.

Костлявый эмо нагнал своих спутников, и его лицо появилось у плеча великана.

— Комар, — сказал Корби, — извини, что поставил тебе фингал.

— Это же... — тихо начала девушка.

— Корби, — закончил за нее великан. Одна из бутылок выскользнула у него из пальцев, упала и разбилась. Корби упал вслед за ней. Его ноги подкосились, он навзничь рухнул на асфальт. Солнце над

его головой взорвалось черным светом и погасло. Ему стало холодно и темно. Он был в обмороке, глубоко, как кома.

Глава 18

НОВЫЙ ДЕНЬ

Корби разбудил отдаленный вой полицейской сирены. Он прорвался сквозь мерный шум дождя — плохой, беспокойный звук, который что-то означал, что-то напоминал. Он приближался и приближался, пока не оборвался где-то рядом.

Корби лежал под одеялом. Ему не хотелось шевелиться — кровать была мягкой, теплой, подушка слабо пахла духами. Но находиться в покое больше было нельзя. Вой сирены принес с собой тревогу, ассоциировался со смертью.

Он открыл глаза и увидел бежевые обои. Не его обои. Его обои были белыми. Корби осторожно потрогал растительный узор бронзового оттенка, будто не до конца осознавая реальность происходящего.

Над ним нависали книжные полки, под которыми на игрушечных качелях сидел кукольный мальчик-панк с ирокезом, напоминающим холку попугая. Корби перевернулся на спину, рукой чувствуя край односпальной кровати. Белый потолок. Старая люстра в виде зеленого стеклянного диска. Он уже видел эту люстру, только не мог вспомнить, где. И эту комнату он тоже видел, хотя раньше она выглядела

несколько иначе.

«Где я? Как я здесь оказался?» Он вспомнил смерть Андрея, вечер, укол деда. Ему пришло в голову, что старик, наверное, перевез его куда-то, пока он спал, обколотый наркотиком. Он резко сел на кровати, задел головой игрушечного панка, и тот стал насмешливо раскачиваться над ним. Тут Корби обнаружил, что не одет. Его тело под одеялом было совершенно голым. Ноги болели. На руках остались ссадины.

«Что я с собой сделал?» — испуганно подумал Корби, и тут же вспомнил, что после смерти Андрея был еще целый день. Отделение полиции, друзья, Токомин-старший, небоскреб, воспоминания, Однокрылый Ангел, прыжок, вокзал, тетка-квартиросъемщица.

Он почувствовал на себе взгляд, обернулся и увидел в дверях комнаты Аню. Она была в майке и домашних джинсах, в руке держала сильно початую бутылку мартини. Мокрые волосы, на щеках играет румянец.

— А я все не мог вспомнить, где видел эту люстру.

— Доброе утро.

— Утро?

Аня подошла к кровати. Корби отчетливо представил, как она уже полчаса стоит там, у двери, прикладывается к мартини и смотрит на него.

— Ты проспал часов пятнадцать.

Корби попытался оценить значение этой новости. Значит, за все это время никто его не нашел.

— А кто меня раздел?

— В основном мы с Пашей. Комар застеснялся.

— Аня чуть-чуть улыбнулась. Она не красилась, у нее

от природы были яркие губы. Корби снизу вверх смотрел на нее. Ему пришло в голову, что она не слишком изменилась, просто стала старше. — Извини, ты был весь в пыли и в крови. Нам пришлось засунуть тебя под душ. Как ты себя чувствуешь?

— Мне намного лучше. Спасибо. — Корби попытался представить, как они его раздевали, но фантазии не хватило.

— Паша настаивал, что надо вызвать скорую.

— Я выглядел так плохо?

Аня кивнула.

— А почему не вызвали?

— Ты очнулся и сказал: «Только не полиция».

— Правда? — удивился Корби. — Не помню.

— Зачем мне врать? Мы решили, что раз нельзя полицию, то нельзя и скорую. Что с тобой случилось?

— Это долгая история.

— Сделай краткое изложение.

— Погиб мой одноклассник. Я из пистолета отстрелил яйца какому-то парню. Меня собирались убить, — медленно перечислил Корби, — два раза. Меня держали в плену — тоже два раза. Сумасшедший психиатр из КГБ насильно сделал мне укол...

— У тебя странное выражение лица. Ты не прикалываешься?

Корби покачал головой.

— Я с парашютом прыгнул с крыши небоскреба, а потом меня волочило по дороге за грузовиком... Кажется, я сбиваюсь. Думаешь, я псих?

Аня нахмурилась.

— Нет.

— И еще меня все ненавидят. Особенно мои лучшие друзья.

— Новые лучшие друзья?

— Да. — Корби потупился. — За эти четыре года многое изменилось.

Аня усмехнулась.

— Комар говорит, что ты выглядишь как Раскольников летом. Симпатичный сумасшедший молодой человек студенческого возраста, в рваной одежде и в неладах с законом.

— Почему летом? — Корби чувствовал, что это самый странный разговор в его жизни.

— Потому что в другое время года Раскольников носил пальто с петлицей для топора.

Корби промолчал. Он замечал в ней напряженность. «Она не знает, за кого меня считать, не знает, что я выкину дальше. Может, ей кажется, что я украду деньги из туалетного столика ее мамы и смоюсь восвояси».

— Насчет Раскольникова ты мог бы и догадаться. У тебя пятерки по гуманитарным предметам.

— У меня были тройки, когда я учился с вами.

Аня пожалала плечами.

— Я говорю не про те времена. Сейчас у тебя отличные результаты ЕГЭ.

— ЕГЭ? Откуда ты знаешь результаты моего ЕГЭ?

— Посмотрела в интернете. База данных с результатами работает с девяти утра.

— Точно, — вспомнил Корби, — сегодня же день результатов.

— Добро пожаловать в реальный мир, — сказала Аня. — Все мои друзья, мать их, заканчивают школу. А ко мне... — Она замолчала.

— Что? — спросил Корби.

— Неважно. Есть хочешь?

— Да, очень.

— Тогда пойдем на кухню.

— Но я голый.

Аня фыркнула.

— Я принесу тебе папины шмотки. Родителей все равно нет дома. Уехали в отпуск. Вернутся через две недели.

— А моя одежда?

— То, что от нее осталось, еще не высохло. Он проснулся! — крикнула она кому-то, выходя. Корби перевернулся под одеялом, лег на живот и посмотрел на вход в комнату. Он видел дверь туалета, зеркало в прихожей и движущуюся по полу тень большого человека. Он подумал, что это либо Паша, либо отец Ани.

У его прежней квартиры была точно такая же планировка, а его комната находилась точно под ее комнатой. Они слышали, когда стучали друг другу по батарее, но так и не разработали единой системы сигналов. Корби вспомнил, как в дни депрессии после смерти родителей лежал в своей кровати и иногда слышал, как звонит телефон и как кто-то тихонько постукивает по батарее. На звонки отвечал дед. А на стук по батарее Корби не реагировал. Он почти и не замечал его. А дальше была странная пустота. Он совсем не мог вспомнить, видел ли друзей в период ложного выздоровления перед попыткой самоубийства, когда на несколько дней вернулся в школу. Кажется, они смешались с толпой всех тех, кто выражал ему соболезнования.

Тень большого человека потемнела — из кухни в коридор вышел Паша. Они встретились глазами.

— Привет, — сказал Паша. — Ты как?

— Привет. Кажется, почти хорошо.

Паша кивнул.

— Мог бы позвонить.

Корби вдруг сделалось одиноко и холодно. «И здесь тоже, — подумал он, — здесь тоже все ненавидят меня. Я сам это все устроил. Я плевал на людей. И вот результат».

— Пару лет назад я почему-то ждал, что ты позвонишь. Ладно. — Паше явно было неловко говорить, он отводил взгляд, трогал рукой косяк двери. — Рад, что ты пришел в себя.

— Я не мог позвонить, — тихо сказал Корби. — После смерти родителей я все забыл. Я не помнил, что у меня были друзья. Мне жаль.

Паша посмотрел на него долгим взглядом, опять кивнул, на этот раз чуть-чуть.

— Приходи на кухню.

Когда Аня вернулась в комнату, Корби лежал лицом в подушку и не шевелился.

— Эй. Я выбрала те, что с самой тугой резинкой.

— Спасибо, — глухо ответил Корби. — Прикрой дверь, я сейчас оденусь.

Аня секунду смотрела на него, потом повесила одежду на стул рядом с кроватью и вышла из комнаты.

Несколько долгих минут Корби не двигался. Он смотрел в темноту и тяжело дышал. «Неужели все случайно, — думал он, — неужели так может быть, что вчера вечером я упал в обморок именно под ноги моим старым друзьям? Но Аня живет в этом доме. Эта

встреча была вероятной. Нет, не была. Я бывал здесь и раньше, но никого не встретил. Может, я просто проходил мимо?»

— Не знаю, — выдохнул он. Он вспомнил, как вчера просил удачи. Все получилось странно, не так, как он хотел, но и не так плохо, как он ждал. Он мог бы сейчас лежать посреди улицы, голодный и замерзший, и ловить приоткрытым ртом капли дождя. Он мог бы так умереть. Он мог бы вообще не проснуться, или оказаться в руках каких-нибудь плохих людей. Ему снова стало не по себе, так же, как прошлым утром. «Что-то присматривает за мной, — подумал он, — наверное, надо сказать спасибо». Вот только он не был уверен в том, что это что-то — хорошее.

Он перевернулся на спину, спустил ноги с кровати, сел. Он был голодным и побитым, но чувствовал себя намного лучше, чем вчера утром. Его тело снова стало легким и послушным, голова не болела и не кружилась. Он встал с кровати и, неожиданно сильно смущаясь собственной наготы в чужой комнате, сделал первые шаги. Семейники Аниного отца оказались просто огромными, зато с забавными узором: зеленые слоники несли на спинах стопки золотых монеток. Кроме трусов, Аня дала ему старые спортивные штаны, рубашку в бежевую клетку и тапочки с помпончиками. Все вещи были велики и пахли средством от моли. Корби криво улыбнулся — выбора у него не было. Он затянул до предела резинку на поясе, подвернул штанины и рукава, но все равно выглядел как лилипут, обокравший великана. Ощущая себя одетым в пыльные мешки и при этом все еще полуголым, он вышел из комнаты.

На кухне негромко играла музыка: на столе сто-

яли колонки, подключенные к мп3-плееру, а Аня сидела на угловом диванчике у стены и прокручивала треки. Корби узнал Limp Bizkit. Паша хозяйничал у плиты. Аня перехватила взгляд Корби.

— Он отнял у меня сковородки. У него все равно лучше получается.

— Будешь жареную картошку с пикачиками? — спросил Паша. Корби сглотнул так громко, что Аня его услышала и фыркнула. — Придется подождать еще пятнадцать минут.

— Значит, ты научился готовить?

— Угу.

Корби посмотрел на Аню.

— Можно я умоюсь и почищу зубы?

— А, конечно. — Девушка встала, обошла его, зажгла свет в ванной. — Бери ту щетку и то полотенце.

Корби остановился перед раковиной и долго не мог заставить себя взглянуть в зеркало. Ему казалось, что сейчас он снова увидит страшную галлюцинацию. «Этого не будет, — действительно сказал себе Корби, — тогда я просто был под наркотой». Он нерешительно поднял глаза. Зеркало было обычным, и отражение тоже было обычным: бледный парень со спутанными черными волосами, еле заметным налетом щетины на щеках, кровоизлиянием на скуле и черточками царапин на лбу. Корби уже не мог вспомнить, где получил эти мелкие травмы. Но не они его волновали. Он по-прежнему видел что-то чужое в своем лице. Как будто за последние сутки тот призрак из видения немножечко с ним слился. Он потрогал свой шершавый подбородок, потянул себя за щеки — и вдруг догадался, в чем дело. Его лицо перестало улыбаться.

Позавчера оно делало это само. Оно улыбалось, даже когда он был серьезен. А теперь это ушло. Не было искорок в глазах, уголки губ вели себя как-то иначе.

«Все равно, — подумал Корби, — что бы там ни было, а я приведу себя в порядок и буду таким же душкой, как в любой другой день». Он тщательно почистил зубы, умылся. В волосах засели остатки вчерашней дорожной пыли, и он сунул голову под кран.

Когда он вытирался, на пороге ванны показался Комар. Один его глаз был закрыт ниспадающей прядью, другой пристально смотрел на Корби. Корби выдержал его взгляд.

— Давно тебя не было в наших краях, — мрачно сказал Комар.

— Приехал при первой возможности.

Комар постоял, посмотрел на него, потом протянул руку. Корби ответил на рукопожатие и вздрогнул, когда ему в ладонь воткнулась булавка. Он удивленно посмотрел на нее. Булавка засела глубоко, торчала вверх зеленой пластиковой головой. Корби молча вытащил ее, положил на край раковины, облизнул с ладони кровь.

— А ты думал, я скажу «здравствуй, дорогой друг»?

— Я думал, ты стал парнем Ани.

Комар усмехнулся, встряхнул алой прядью.

— Нет.

— Почему?

— Ты бы видел ее нынешнего бойфренда. Большой на всю голову и крутой, как бычья яйца. Экстремал. Я его боюсь.

— Давно?

— Год.

- А раньше?
- А то ты не знаешь.
- Откуда?
- Она была в тебя по уши влюблена.
- С чего ты взял?

Комар пожал плечами.

— Она на твою фотку дрочила три года и говорила, что никому не даст. А потом появился этот новый.

Корби повесил полотенце на крючок.

— Вы здесь сидели всю ночь?

— Мы с Пашей, когда можем, живем в гостях у других людей. Мои родаки не просыхают и стали совсем говном, а его мать нашла тридцатилетнего мужика, и тот шпарит ее шесть раз в день. Ты представляешь, что это такое в однокомнатной квартире?

— Да.

— Куришь?

— Почти нет. Так получилось, что денег мне хватало только на выпивку.

Комар скривился.

— Тоже мне отмазка. Эти двое тоже не курят, типа ведут здоровый образ жизни. Пойдем на балкон. Я покурю и покажу тебе кое-что.

Балкон выходил в комнату Аниных родителей. Здесь было уютно и цивилизно, напротив двуспальной кровати стоял большой телевизор. Комар привычно открыл балконную дверь и вышел на улицу.

Дождь не переставал. Ветер нес волны серой мглы. Пол лоджии был вымощен плиткой, и его уже наполовину залило водой. Они остановились на сухой

половине. Комар вытащил из кармана пачку сигарет.

— Слышал сирены? — прикуривая, спросил он.
— Или спал еще?

Корби вдруг вспомнил, с чего начался этот день, и встревоженно посмотрел на Комара.

— Они меня разбудили.

Комар затанулся, потом отставил руку с сигаретой так, чтобы ее не потушил дождь, и перегнулся через перила балкона.

— Иди посмотри, — предложил он. Корби подошел, глянул вниз. На подъездной дорожке перед домом выстроился целый ряд машин: полицейский уазик, патрульная легковушка, автомобиль скорой помощи и второй автомобиль, похожий на скорую, но без мигалок. Труповозка. — Думаешь, они за тобой приехали?

У Корби заболело сердце. Он отпустил перила и попятился от края балкона, пока не уперся спиной в косяк приоткрытой балконной двери. Отступать дальше было некуда, и он медленно сел на корточки.

— Слушай, они там стоят минут сорок, — сказал Комар. — Нам бы спецназ уже десять раз двери выломал за это время.

— Какой спецназ? — тихо спросил Корби.

— Тебе виднее. Я же не знаю, почему ты бродил по Москве ободранный и босиком. Срань господня, ты бы видел сейчас свое лицо, — криво ухмыльнулся Комар.

— Корби, — окликнула Аня с кухни. Корби не шевелился. Комар сел перед ним на корточки.

— Эй, хватит так париться.

Корби почувствовал, что Аня подошла к балконной двери, но не обернулся.

— Я не парюсь. Просто кто-то умер.

— Ты, типа, медиумом теперь стал? — Комар протянул мимо Корби дрожащую руку с зажатой между пальцами сигаретой. — «Я чувствую смерть», — изрек он, — «это место пронизывают темные эманации души, покинувшей тело против своей воли».

Корби бледно улыбнулся. «Все-таки некоторые вещи не меняются, — подумал он. — Комар такой же прикольный».

— Можно? — спросил он.

— Да не вопрос.

Корби взял сигарету из его пальцев, затянулся, закашлялся.

— Я не медиум, — хрипло сказал он, — я просто знаю.

Сигарета вернулась к Комару.

— Ты успел кого-то мочкануть у нас в подъезде? Лучше скажи.

— Там внизу стоит фургончик без мигалок. Это труповозка. Я знаю, как она выглядит, потому что вчера видел такую же.

Комар встал, перегнулся через перила и снова посмотрел вниз. Корби снизу вверх разглядывал его тощую, обтянутую джинсами задницу. На правом кармане были вышиты губки, из левого свисала цепочка. Под коленом зачем-то была вколота английская булава.

— А я-то думал, на хрена вторая скорая.

— Это не скорая, — сказал Корби. Комар перестал смотреть вниз, по-собачьи отряхнулся от воды, снова затянулся. Дождь оставил на его черной майке россыпь особенно темных пятен. Аня пролезла мимо Корби и тоже глянула за край балкона.

— Че-то я замерз, — потирая узкие плечи, сказал Комар. Он печально посмотрел на Анину филейную часть, сделал последнюю затяжку и бросил окурок в дождь. — Пошли отсюда.

— Несут, — сказала Аня.

— Что, труп?

— Кажется. Лицо закрыто.

— Значит, точно труп. — Несмотря на дрожь, Комар снова высунулся под дождь. Корби медленно встал, присоединился к ним. Он увидел двух людей в синих комбинезонах, выходящих из подъезда с закрытыми носилками.

— Подождите, я бинокль принесу. — Аня убежала обратно в комнату.

— Ты все пропустишь! — крикнул Комар ей вслед.

Носилки поставили прямо на асфальт. Один из синих комбинезонов открыл двери труповозки. Корби смотрел на их неспешную работу и чувствовал, как тонкая боль, возникшая в сердце, расплзается по всей груди. У него онемело левое плечо, левая рука ослабла и задрожала.

«Мне плохо, — удивленно подумал он, — но почему? Нежели я думаю, что это...» «Кто?» — почти испуганно спросил он. «Это может быть кто угодно. В этом подъезде живет несколько сот человек. Мог умереть любой из них или любой, кто заходил к ним в гости. Мог умереть почтальон, слесарь или электрик. Да мало ли кто мог умереть».

«Случайность, — подсказал предательский шепот. — После всего, что случилось, ты еще веришь в случайности. Так вот. Это случайность. Совпадение. Просто там, куда ты приходишь, иногда умирают

люди. Не больше и не меньше».

Корби стало холодно. Он так ослаб, что повалился грудью на ржавый брус балконных перил. Он почти ничего не видел, но продолжал смотреть вниз.

Глава 19

НЕВЕСОМОСТЬ

Труп уже грузили в машину, когда Аня вернулась с Пашей и биноклем.

— Мокро, — отметил Паша, но вместе со всеми перегнулся через перила и глянул вниз. Корби пришлось потесниться.

— Он прав, это точно труповозка, — сказала Аня. — Там внутри ничего нет, только полки для тел.

— Дай посмотреть. — Комар почти вырвал у нее бинокль.

— Осторожно, он не мой.

— А чей? — поинтересовался Паша.

— Моего парня.

Комар закрутил ремешок на запястье, поднес бинокль к глазам.

— Я даже не думал, что бывают такие штуки. Прикиньте, я могу прочитать марку сигарет на пачке у санитаря в кармане.

— Правда?

— Сам посмотри.

— Ой, — сказал Паша, — земля как будто в глаза прыгнула.

— Классная вещь, — констатировал Комар. — У

него что, цифровой дальномер?

— Да, — подтвердила Аня. Корби видел, как санитары отщелкивают какие-то стерженьки на углах носилок и задвигают закрытого брезентом покойника в одну из ячеек в кузове своего автомобиля. Он представил, что стоит около носилок. Все остановилось. Капли дождя висят в воздухе и не падают. Оцепенели руки и плечи людей в синих комбинезонах. Носилки замерли, один край лежит в полозьях ячейки, другой еще держат двое мужчин. Неподвижное лицо полицейского за лобовым стеклом патрульной машины. Два оперативника курят под коньком подъезда, дымок их сигарет завис в воздухе. Корби мог смотреть сквозь него, как сквозь тонкую кисейную ткань. В мире, где больше не падали капли дождя, наступила абсолютная тишина. Корби переступил с ноги на ногу, снова взглянул на носилки. Очертания тела под гладкой поверхностью. Покойник рядом, до него можно дотянуться рукой, ощупать сквозь эту скользкую резину. А потом откинуть покров. Увидеть лицо.

— Интересно, что за жмурик, — сказал Комар.

«Да, интересно, что это за жмурик? Что там будет, если поднять брезент? Может, там уже нет лица, его соскоблили ножом или вытравили кислотой? А может быть, там тот, кого ты знаешь».

— Его задвигают, — сообщил Паша. — Корби, хочешь посмотреть?

Корби заторможено оглянулся. Паша совал ему в руки бинокль. Огромный, тяжелый, с рифленным корпусом из черного металла, с какими-то кнопочками и колесиками на боку. Он вспомнил, как четыре года назад чужой человек обругал его за то, что он, мальчишка, смотрел на разбившуюся машину своих

родителей. Но даже если тот мужчина был неправ насчет него, он был прав насчет всех остальных, кто пришел туда поглазеть. Корби повернулся к Паше, взял бинокль и импульсивно швырнул об пол балкона. Тяжелый прибор с грохотом упал на кафель; одна из плиток раскололась, из металлической рамы бинокля выпала стекляшка окуляра. Корби сам немного испугался того, что сделал — он не хотел таких разрушений. Он стоял, дрожа, прижавшись спиной к боковой стене лоджии, и смотрел на трех людей, которые когда-то немало для него значили.

— Срань господня, ты разбил его, — сказал Комар.

— Это не цирк, — ответил ему Корби.

Аня села на корточки и подняла стекляшку окуляра.

— Ты сумасшедший, — растерянно произнес Паша.

— Там умер кто-то! — закричал ему в лицо Корби. — А вы пялитесь на носилки с трупом, как на бесплатное шоу!

В наступившей тишине Комар издал странный смешок. Аня пыталась вставить стекло обратно в бинокль. Ее руки немного дрожали.

— Люди всегда пялятся. Они смотрят мертвым в глаза, или на крышку гроба, или на разбитую машину. Им не больно. Им это нравится.

— Старый добрый Корби вернулся, — сказал Комар. — Теперь я вижу.

Аня так и не смогла установить окуляр на прежнее место. Она поднесла бинокль к глазам.

— Работает одна половина. Я обещала Сане, что с этой штукой ничего не случится.

— Может, получится починить? — спросил Паша.

Аня перевела взгляд на Корби.

— Уходи. Я верну тебе твою одежду, и вали отсюда.

— Никуда он не пойдет, — сказал Комар.

— Это мой дом, — огрызнулась Аня.

Корби молча открыл балконную дверь и вернулся в комнату. Комар бросился вслед за ним.

— Никуда ты не уйдешь, — повторил он, хватая Корби за руку. Они остановились. В комнате было тепло и сухо. Комар потирал плечи, а Корби просто стоял на пушистом ковре и медленно согревался. Вслед за ними с балкона вернулись Паша и Аня.

— Сними одежду моего отца, — сказала Аня. Ее лицо было диким, взбудораженным, на щеках горели красные пятна. Корби медленно начал расстегивать рубашку.

— Ты кончаешь на цацки своего бойфренда, — взвился Комар, — а на человека тебе насрать. А он, черт подери, прав. Мы вели себя, как говно. Люди всегда пялятся.

— Зачем ты его защищаешь? Мы его не знаем. Он неизвестно кто. Он не появлялся четыре года. Он жил неизвестно как, неизвестно чем.

— Пусть он хотя бы поест, — заступился за Корби Паша. — Я готовил на четверых.

— Пусть он убирается, — ответила Аня и села на кровать своих родителей. Она все еще сжимала бинокль в руках, ко лбу прилип локон промокших от дождя волос.

— Ты можешь орать про свой дом, — сказал Комар, — но жрачка куплена на общие бабки и приго-

товлена не тобой. Так что он будет есть.

— Нет, я пойду, — пробормотал Корби. — Она права. Мы чужие.

— На хрена ты разбил бинокль? — спросил Паша. — Можно было просто сказать, что мы не правы.

— Так получилось. Я все в последние дни делаю неправильно. Я всех предаю и подвергаю опасности. Я ненормальный. — Он медленно стянул рубашку и бросил ее на кровать рядом с Аней. — Дай мне мои вещи.

— Вы что, все вконец сдурели? — спросил Комар.

— Одень рубашку, — зло сказала Аня. Руки Корби замерли на перетянутой резинке спортивных штанов. Он стоял, опустив голову, бледный свет пасмурного дня бликами ложился на его хрупкие плечи.

— Будет то же самое. Вы меня возненавидите.

— Я начинаю понимать, как он оказался босым и избитым, — сказал Комар.

Паша принюхался.

— Картошка горит! — воскликнул он и выскочил из комнаты.

— Ну вот, жрачку испортили.

— Я хочу знать, где ты взял свои темные очки, — неожиданно сказала Аня.

— Зачем? — спросил Корби.

— Не спрашивай.

— Мне их дал один человек перед тем, как я прыгнул с парашютом с крыши башни Северо-Запад.

— Чего? — переспросил Комар.

— Это строящийся небоскреб в комплексе Москва-Сити.

— Ты остаешься, — решила Аня. — Надень рубашку и иди есть.

— Ничего не понял, — пробормотал Комар. — Ты прыгал с парашютом?

— Прыгал. — Корби поднял с постели рубашку Аниного отца и надел ее обратно.

— Еда готова! — крикнул с кухни Паша.

— Пойдем. — Комар бросил на Аню тревожный взгляд и легонько дернул Корби за рукав. — Пока она добрая.

Корби пошел за ним. Ему казалось, что мир вокруг него вот-вот снова обрушится в пустоту чужой смерти, слезы заволокут глаза, а память о моментах счастья исчезнет. Он боялся, что может снова захотеть убить себя. Он понял, что запутался. Жизнь и смерть были так близко, дышали друг другу в лицо. Веселые, молодые, красивые люди, его бывшие лучшие друзья, только что с азартом смотрели, как из их подъезда выносят чужой труп. «А разве я вел себя иначе? Когда думал, что это не мои родители погибли, я все равно решил перейти дорогу, чтобы взглянуть на мертвых. И потом, когда погиб Андрей, все было таким странным. Сначала его смерть вызывала только удивление и дурацкие мысли».

Они вошли на кухню. Паша оглянулся на них. Его взгляд на секунду задержался на лице Корби, потом он снова занялся сковородкой.

— Картошка пережарилась.

— Съедим, — сказал Комар.

Молчание. Запах еды. Горка золотистой картошки, вокруг нее — полумесяц красных, сочащихся жи-

ром колбасных долек. Корби не ел уже сутки и должен был бы сходить с ума от голода, но вместо этого сидел и отчужденно смотрел на еду. Он забился в самый угол. Комар достал из холодильника банку пива, взял у Паши свою порцию и устроился рядом с Корби. Аня пришла на кухню только через несколько минут, взяла еду и села напротив. Паша поставил перед Корби полную тарелку и последним опустился за стол.

Корби пришло в голову, что все ненавидят его потому, что он не рассказывает им одну-единственную вещь, которая объясняет все его поступки. Из-за этого он виноват перед своими новыми лучшими друзьями, из-за этого может сейчас навсегда потерять своих старых лучших друзей. «Но я не смогу», — подумал Корби. Его лицо дернулось. Есть начал только Комар. Аня наколола картошку на вилку, но отложила ее и снова стала перебирать на плеере музыкальные треки. Паша, хмурясь, выдавливал майонез на край своей тарелки.

— Четыре года назад... — начал Корби, и оборвал.

— Что? — спросил Комар.

— Я делал уроки и услышал, как на улице затормозила и разбилась машина. Я подошел к окну. Я видел место аварии, но не понял, что это машина моих родителей.

Паша поднял голову от тарелки и прямо посмотрел в глаза Корби. Что-то изменилось в его лице. Палец Ани замер на экране плеера. Корби почувствовал руку Комара у себя на плече.

— Эй, приятель, может, не надо? У тебя страшное лицо.

Корби медленно покачал головой.

— Я должен объяснить, почему разбил бинокль, и почему не звонил четыре года. — Он нечаянно коснулся столового ножа, лежащего рядом с его тарелкой. Его рука так тряслась, что лезвие выбило из фарфора мелкую звонкую дробь. — Я сейчас поем, но сначала договорю. Прошло полчаса, а потом эта машина стала казаться мне похожей. Я позвонил родителям на сотовые и на работу. Сотовые молчали, а на работе мне сказали, что они уехали час назад.

— Давай ты все-таки поешь, — странным голосом попросил Паша.

Аня замерла и смотрела в стол.

— Послушай, расслабься, все окей, — говорил Комар.

— Дай мне сказать, — потребовал Корби.

Комар замолчал.

— Я вышел на улицу, — продолжал Корби, — и дошел до дороги.

— Я не люблю душещипательных историй, — сказала Аня, — и события, случившиеся четыре года назад, не повод ломать дорогие мне вещи.

— Ну ты и сука, — тихо произнес Комар.

— Там собралась толпа зевак, и они пялились на три трупа. Один — какого-то парня. И два в машине — моих родителей.

— Хватит, — попросила Аня.

— Насчет бинокля я закончил, — сказал Корби. Он начал есть. Он жевал и чувствовал, как истерика понемногу оставляет его. Сначала его руки так дрожали, что он боялся вилок проткнуть губу, но потом тремор прошел. Комар отлил Корби пива в чашку, и он сделал пару больших глотков.

— А как ты вообще оказался в наших краях? —

осторожно спросил Паша.

— Босой и в темных очках, — добавил Комар. — Мы знаем, что ты неплохо закончил школу — Аня сказала про результаты. Какую музыку слушаешь?

— Разную. Но, в общем, рок.

— На концерты ходишь?

— Только на бесплатные. Денег нет.

— А живешь с кем? — любопытно спросил Паша.

— С дедом.

— А как личная жизнь? — поинтересовался Комар. Корби посмотрел на него долгим взглядом.

— А что?

— Просто.

— Была.

— Хочешь куда-то поступать?

— Не решил еще. Это что, допрос? Лучше расскажите, как у вас дела.

Повисла пауза.

— Пусть Аня начнет, — решил Комар.

— С чего это? — спросила Аня.

— Дамы вперед, и хватит дуться.

Аня пожала плечами.

— Я закончила десятый класс. Катаюсь агрессив инлайн. У меня все нормально.

— Катаешься что? — спросил Корби.

— Экстремальные ролики.

— У нее все экстремальное, — вставил Комар. — Особенно парень.

— А, вспомнила. Еще я все время слушаю, как он говорит про моего парня.

— А агрессивные ролики, это как?

— Катаюсь на роликах по перилам школьного крыльца и сломала руку. Видишь? — Аня составила

запястья вместе. Выступающая косточка на одном из них была чуть больше, чем на другом. — Отец вправил мне мозги, и потом я два года училась у ребят в скейтпарке. Теперь без травм катаюсь везде и по всему.

Корби кивнул.

— А вы как закончили?

— У меня пять только по физкультуре, — сказал Паша, — но это как раз то, чего я хотел.

— Звучит не очень. Так можно попасть в армию.

— Я хочу поступать в физкультурный.

— Серьезно? — удивился Корби. Паша кивнул.

— Хочу стать преподавателем системы Пилатеса.

— Сейчас он спросит, системы чего, — предупредил Комар.

— Системы чего? — спросил Корби.

— Кого. Это человек. Он разработал систему контроля над телом. Это когда ты не просто делаешь зарядку, а учишься узнавать и настраивать каждую свою мышцу.

Корби поднял брови.

— Он мне показывал видеозапись, — сказала Аня. — Это просто фитнес.

— Пилатес погуб в восемьдесят три года, когда вытаскивал из своей горячей студии шестисоткилограммовые тренажеры. После обычной оздоровительной зарядки люди такого не делают.

— Старый спор и старые аргументы, — сказал Комар. — Плевать, что это такое. Если он станет инструктором, то будет зарабатывать три косяра в час.

— Ты уже этим занимаешься, или только хочешь начать? — спросил Корби.

— Я уже различаю по четыре группы мышц с каждой стороны своей спины.

— И еще вкусно готовишь, — улыбнулся Корби.

— Спасибо, — улыбнулся в ответ Паша.

Корби был среди людей, у которых никто не умер. Не покалеченные, цельные, они не теряли попусту годы своей жизни, знали, что будут делать в следующие несколько лет. Корби не завидовал им. Он был рад, что они есть.

— А ты? — спросил он у Комара.

— Играю на электрогитаре. Но меня выгоняют из всех групп. Вот так.

— Что играешь?

— Хардкор. Гитары тоже нет. Я брал ее в кредит. Не заплатил бабки, и ее забрали обратно. — Аня фыркнула. — Она надо мной смеется, а в косяке с гитарой виноват не я, а мои гребаные родители.

— Хорошо играешь?

Комар пожал плечами.

— Мне говорят, я неправильно держу руки. А я отвечаю, что имел их в гробу. У меня есть несколько песен. Ищу, с кем их можно исполнять.

— По-моему, он хорошо играет, — вставил Паша.

— А ЕГЭ?

— Сдал на пятерки химию, алгебру и английский. Поступлю куда-нибудь. Буду делать пищевые добавки, чтобы от них все сдохли.

Звонок в дверь.

Корби вздрогнул. Все посмотрели на него.

— Что? — спросил он. — Просто звук такой же, как в моей старой квартире.

— Естественно, — рассудил Паша, — у вас же с Аней одинаковые квартиры. Только этаж разный.

— Не знаю, кто это, — сказала Аня и вышла с кухни. Комар совсем заглушил колонки. В наступившей тишине Корби услышал, как она разговаривает с кем-то через дверь.

— Кто там?

Ей глухо ответили несколько голосов.

— Хорошо. — Щелкнул замок. — Значит, вы наш участковый?

— Да. — Густой мужской голос. Корби встретился глазами с Комаром. «Все-таки они пришли за тобой», было написано у того на лице. — Мы бы хотели поговорить со всеми жильцами квартиры. Вы одна?

— Родители уехали в отпуск. А что случилось?

— Мы делаем поквартирный обход.

— Зарезали пожилого мужчину, — добавила какая-то женщина.

Корби закрыл глаза. В темноте остались только голоса из прихожей и аритмичные удары усталого сердца. «Пожилого, — подумал он, — она сказала, пожилого. Это ерунда. Есть очень много пожилых людей».

— Местного?

«Сейчас он скажет что-то. Наверняка не то, что я думаю. Любую вещь».

— Владельца пятьдесят седьмой квартиры. Он здесь не проживал, только приезжал раз в месяц. Вы его знали?

— Нет, — как-то медленно ответила Аня. Корби провел трясущей рукой по лбу, почувствовал холодный пот. Он по-прежнему сидел с закрытыми глазами. Ему некуда было падать, но все равно каза-

лось, что он теряет равновесие. Его будто подняло на странной волне и бросило в невесомость. Земля ухнула из-под ног.

— Вы видели что-нибудь? — спросил второй мужской голос.

— Нет.

— А сегодня утром из дома выходили?

— Нет. У меня друзья закончили школу. Мы вчера гуляли. Я поздно встала.

— Вам еще нет восемнадцати?

— Мне семнадцать. Я закончила десятый класс.

— А зовут Вас?

— Анна Ивановна Собелик.

— Вы здесь прописаны?

— Здесь.

— А ваших родителей зовут?

Аня назвала. Корби сидел с закрытыми глазами и смотрел, как в темноте под веками вспыхивают искорки.

— Может быть, Вы что-то слышали?

— Вроде бы нет. Не знаю. Ну, то есть, что-то я всегда слышу. Это панельный дом. Стены тонкие.

— Крик, беготню, звуки борьбы. Падение каких-нибудь вещей.

— Нет. А когда было убийство, сегодня или вчера?

— Часов в девять утра. А почему Вы спрашиваете?

— Нипочему. Просто в это время я еще даже не проснулась.

— Ладно, спасибо. Простите за беспокойство.

— Все нормально.

— Вот Вам моя визитка. Если что-то вспомни-

те...

— Конечно. До свидания.

Аня закрыла дверь. Корби медленно открыл глаза.

— Подождите-ка, — сказал Комар. — Пятьдесят седьмая квартира. Что-то знакомое.

— Да, точно! — Паша хлопнул себя рукой по лбу. — Это же прежняя квартира Корби. — В его голосе прозвучала идиотская радость догадки, но уже секундой спустя он изменился в лице и испуганно устался на Корби.

— Срань господня, — тихо сказал Комар. Вошла Аня, комкая в руке белый квадратик визитки.

— Корби, — окликнула она.

— Я все слышал, — глухо ответил Корби. — Это мой дед.

Глава 20

ДРУЗЬЯ

Корби сидел на кожаном диванчике, смотрел в одну точку и чуть покачивался всем телом взад-вперед. Аня, Комар и Паша смотрели на него.

— Не знаю, что сказать, — сказал Паша.

— Тогда помолчи, — предложил Комар. Аня медленно села на стул напротив Корби.

— Я им про тебя не рассказала. Я все правильно сделала? — испуганно и как-то по-детски спросила она.

— Да, спасибо.

— Но ведь это не обязательно его дед, — предположил Паша. — Владелец квартиры может быть уже другой, или номером ошиблись.

— По крайней мере, мы знаем, что не Корби его зарезал, — отметил Комар. — В девять утра он крепко спал.

— Заткнитесь вы оба! — крикнула на них Аня.

В наступившей тишине Корби издал сухой смех. Он вдруг понял, что меньше всего ждал того, что сейчас произошло. Даже весь последний час, когда мысль о смерти деда уже подкрадывалась к нему, он все еще воспринимал ее как нечто совершенно неве-

роятное. «Теперь я последний Рябин», — опустошенно подумал он.

— Тебе что-нибудь сделать? — спросила Аня. Корби перевел на нее невидящий взгляд. — Еще осталось мартины.

— И банка пива в холодильнике, — добавил Комар.

— Не надо.

— Твой дед был ничего? — спросил Комар.

— Он говорил, что убил семнадцать человек, пока работал в КГБ. Он был жадным, грубым уродом, пресмыкался перед властью и ненавидел все современное.

— Тогда, может, неплохо, что он откинулся?

— Дурак, — обругал Комара Паша.

— Он поносил моих родителей, не давал мне денег, пытался заставить меня учиться на военного. Позавчера он разбил мне нос. Включите музыку.

Аня покрутила громкость на колонках. Снова зазвучала музыка.

— Просто не обращайтесь на меня внимания, — попросил Корби. — Мне надо подумать.

— Ладно, — тихо согласился Паша.

Корби отодвинул полупустую тарелку, по-ученически сложил руки на краю стола и уткнулся в них лбом. Деда зарезали. Еще один труп. Корби представил дряблую шею старика, красноватую кожу, покрытую растительностью грудь. Теперь там раны.

Это было не так, как с родителями, и одновременно очень похоже. Поверить в их смерть Корби не мог, потому что они составляли весь его мир. И поверить в смерть деда он не мог по той же причине. Это был столп.

Все эти четыре года Корби боролся с этим человеком. Он ненавидел его голос и его взгляды, терпел его мелкие пакости, ругался с ним, притворялся перед ним, клячил у него деньги, собирался от него убежать. И вот все закончилось. После стрельбы в школе ему казалось, что звонок деду обесценивает его побег. Теперь он понял, что ошибался: это сейчас, а не тогда, был утрачен смысл всего, что связывало их. Кто-то одним движением снял с доски фигуру, с которой и против которой Корби играл четыре года. Он начал осознавать, что это означает. Он увидел себя посреди кладбища ничтожных планов, мимолетных побед и опустошающих поражений. Пугающие мысли приходили к нему одна за другой. Чего теперь стоит вся история с пистолетом? Дед был ложным свидетелем перестрелки в школе, на нем держалось все вранье, которое они рассказали полиции. Но сейчас дед мертв. А значит, правда выплывет наружу.

Кто убил старика? Корби видел здесь два варианта, один не лучше другого: либо это сделали убийцы Андрея, либо его сумасшедший отец. Скорее даже последнее, потому что убийцы не стали бы охотиться на ложного свидетеля. И если это правда, значит, отец Андрея перешел черту и ему больше ничто не мешает проливать кровь. Может, он не собирался убивать деда, но тот оказал сопротивление его громилам. Корби вполне мог такое представить.

«Он выходил из подъезда, нагруженный двадцатью пятью тысячами рублей, — попытался он переубедить себя. — На него могли напасть из-за денег. А еще он старый кагэбешник, и его смерть может быть расплатой за давние делишки».

«Ты хоть сам-то себе веришь? — спросил у Кор-

би его внутренний голос. — Ты всерьез думаешь, что это совпадение? Совпадение, что старика зарезали через тридцать шесть часов после смерти Андрея? Совпадение, что это произошло в двухстах метрах от того места, где ты мирно спал?»

«Не верю», — ответил Корби. Ему стало совершенно не по себе. Гибель деда показывала, что все свидетели убийства Андрея находятся в смертельной опасности. «Или уже мертвы, — подумалось ему. — Кто сказал, что мои друзья дожили до этого часа? Может, я — последний? Может, я жив только потому, что убежал и отсиживаюсь там, где меня никто не будет искать?» У него внутри все похолодело. «Я же ничего не знаю, — понял он, — я уже сутки отрезан от мира. Могло случиться все что угодно». Он медленно поднял голову. В колонках играли Smashing Pumpkins. Паша мыл тарелки, Аня куда-то ушла. Только Комар по-прежнему сидел в углу и допивал свое пиво.

— Ты как? — спросил он у Корби.

Корби посмотрел на него диким взглядом.

— Мне нужен телефон.

— Городской или сотовый?

— Все равно.

Комар протянул ему свой мобильный.

— Разблокировка звездочкой.

— Спасибо. — Корби взял телефон и вышел с кухни. По дороге он услышал, что Аня в своей комнате тоже с кем-то разговаривает по телефону. Договаривается о встрече.

— Сегодня вечером, — долетело до Корби. — Да, я принесу...

Он повернул в комнату Аниных родителей. Здесь было тихо и сумеречно. Разбитый бинокль все

так же лежал на кровати. Корби сел на покрывало рядом с ним. Ему было страшно. Он не знал, кому позвонит, чей голос услышит. Что, если Ара и Ник мертвы? Корби показалось, что он снова стоит в своей квартире, у телефона на кухне. Сначала будут холостые гудки, а потом трубку снимет чужой человек. А если они живы, будут ли рады его звонку, станут ли говорить? У Корби задрожали руки. Он положил телефон Комара на покрывало рядом с собой, поднял тяжелый бинокль и сжал его в обеих руках, как талисман.

Он мог позвонить Аре. Черный брат не станет кричать, обвинять. Не потому, что не сердится, а потому, что почти никогда так не делает. Он не Ник. Корби почувствовал себя отвратительным трусом. Они могли умереть, а он сидит здесь, в относительной безопасности, и прикидывает, как бы все обставить так, чтобы ему, после всего, что он сделал, не сказали недоброго слова. Ему стало тошно от самого себя. Бездумно он поднял бинокль к глазам. В единственном работающем окуляре плавала надпись: «to close». Корби перевел бинокль на окно, и из-за пелены дождя на него прыгнуло размытое изображение дальнего дома. Поплыли значения дальномера: «2300 m > 2400 m > 2500 m». Корби увидел чей-то балкон, кактус за окном, кирпичную стену. Он опустил бинокль. Ему стало только хуже. «Я сломал хорошую дорогую вещь незнакомого человека». Он положил бинокль на место и поднял телефон.

Ник снял трубку почти мгновенно. Его голос прозвучал прежде первого гудка, как будто он уже держал мобильный в руке.

— Алло.

«Живой», — подумал Корби.

— Ник, это я.

Повисла пауза.

— Моего деда убили.

Ник ответил не сразу, некоторое время в трубке был слышен только слабый звук его дыхания. Корби закрыл глаза, ожидая, что сейчас раздастся матерное слово, или просто гудки.

— Я знаю, — наконец, сказал Ник. — Мне звонил Крин. А откуда об этом знаешь ты?

— Я нахожусь в том же доме, где его убили. Я слышал, как полиция опрашивала свидетелей. — Корби заметил, что сжимает в кулак свободную от трубки руку. Он медленно расслабил пальцы и увидел, что на ладони остались следы ногтей. «Ник говорит со мной, — подумал он. — Не так, как обычно, но все-таки говорит».

— Я мог бы спросить, как ты там оказался. Но если честно, мне плевать.

— Я... — Корби хотел ответить, что знает это чувство, но не знал, как об этом сказать.

— Ты, — повторил Ник.

— ...знаю, что ты чувствуешь.

— Да?

— Я тоже чувствовал равнодушие.

— Сомнительная заслуга.

— Ара тебе звонил? У него все в порядке?

— Да. Вчера утром нам угрожала только одна банда убийц, а теперь их стало две. — Ник говорил очень спокойно. — Зачем ты позвонил?

— Мы ведь еще друзья.

— Ты уверен?

Трубка вспотела у Корби в руке.

— Только ты можешь мне сказать, — еле слышно ответил он.

— Ты мог отправить в тюремную больницу всех трех убийц Андрея. Вместо этого они на свободе. Ты мог нормально дать показания в полиции и поговорить с отцом Андрея. Вместо этого ты сделал так, что он теперь тоже готов нас убить.

Корби молчал.

— На нас с Арой давит полиция. Нас допрашивали еще раз. Теперь убили твоего деда, и через час я опять пойду в полицию, потому что у них снова есть вопросы. И знаешь что? Не знаю зачем, но мы продолжали нести лабуду про пистолет твоего дедушки, прикрывая твою гребаную задницу. Ты убежал из отделения и шлялся черт знает где, пока мы врали людям в глаза. А через два часа Ара позвонил мне и сказал, что ты погиб.

— Погиб? — переспросил Корби.

— Да, погиб. Ара получил ммс с твоей фоткой и перезвонил на сотовый, с которого она пришла. Твой странный новый знакомый сказал ему, что ты прыгнул с крыши с парашютом и попал под грузовик. Мы тебя похоронили, а еще через два часа узнали, что ты жив, что тебя волочило по дороге через пол-Москвы, и что ты чуть ли не герой вечерних новостей. И тогда нас второй раз дернули на допрос. — Корби слушал в оцепенении. — Ты не стоишь слез черного брата. И мне даже неинтересно, как ты оказался в месте, где убили твоего деда.

— Я не хотел, — ответил Корби. Ему показалось, что вот, вот сейчас это произойдет: Ник бросит трубку. Но этого все не происходило, и он понял, что

снова должен говорить, как полчаса назад говорил за столом на Аниной кухне.

— Мои родители умерли, и я порезал вены. — Его голос сорвался. — Я ненормальный. Когда Андрей погиб, у меня стало сносить крышу. Не сразу. Сначала я просто испугался, что меня посадят. А потом у меня стало сносить крышу. Как будто все повторилось. Кровь, смерть, машины ночью. Я снова захотел покончить с собой. Прошлой ночью дед нашел черного психиатра, и тот вколол мне какую-то дрянь.

— Это правда?

— Да. Утром я сбежал из отделения, потому что снова хотел себя убить. Я прошел полквартала, а потом они меня забрали.

Ник молчал.

— Не надо меня ненавидеть, — голос Корби опять сорвался. — После смерти деда я испугался, что вас с Арой тоже могли убить. Я позвонил узнать, как у тебя дела.

— Не знаю, — сказал Ник. — Наверное, очень плохо.

— Нам нужно встретиться.

— Зачем?

— Чтобы держаться вместе. Мы в опасности, нужно что-то придумать.

— Я не уверен, что хочу тебя видеть. Извини, Корби. В какой-то момент мне слишком понравилось думать, что ты тоже умер.

Корби пришло в голову, что ситуация странным образом перевернулась. Несколько дней назад он вот так же отвергал дружбу Андрея: гнал навязчивого мальчика от себя, просил его не звонить и не появляться.

— Ник, я никому не хотел причинять боль. Я просто хотел не испытывать ее сам.

— Это пустые слова.

И Андрей тоже говорил много слов. Корби не знал, были ли они пустыми, но точно помнил, что они до него не доходили. Его отношение изменилось только тогда, когда Андрей погиб.

— Ник, как ты можешь говорить, что тебе это понравилось? Что тебе понравилась моя смерть?

Ник ответил не сразу.

— Обещай мне, что не позвонишь Аре, — сказал он.

— Почему я должен тебе это обещать? — затравленно спросил Корби.

— Потому что он может сойти с ума, если ты не оставишь его в покое. Мы все можем сойти с ума. Ты сам сказал, что сумасшедший. Твое безумие заразно. Я тоже в эти дни вспомнил, как умирала мама, и я не хочу этого больше.

Корби вдруг понял, что ему было дано почти невозможное. Это невозможное ему дали друзья. Четыре года он жил в неведении, посреди разрушения и смерти он снова стал счастливым. От ненависти, которая заставляла его бросаться даже на траву и деревья, он пришел к тому, что снова смог дышать воздухом, ходить в школу, слушать музыку, смеяться.

«А Ник? — подумал Корби. — У него умерла мать, отец медленно спивается. Ара? Он живет с матерью-кликушей, которая таскает его, чернокожего, в армянскую общину, где он никогда не будет своим. Мы все должны были быть несчастны на протяжении всех этих четырех лет. Но мы были счастливы. Пока не погиб Андрей».

— Все кончилось со смертью Андрея? — спросил он. — Вся наша дружба?

Ник молчал. Корби на глаза навернулись слезы.

— Я благодарен, — пробормотал он, — что мы были вместе. И я не могу тебе обещать, что не позволю Аре. Потому что он и мой друг тоже, и только он может мне сказать, что не будет со мной общаться.

В трубке раздались гудки. «Все-таки Ник бросил трубку, — подумал Корби, — как он и сказал, мои слова ничего не значат». Он выронил телефон из рук и отчужденно уставился на серую пелену дождя за окном.

— Все-таки ты замочил кого-то, — сказали у него за спиной. Корби вздрогнул и обернулся. В дверях комнаты стоял Комар.

— Нет. Но лучше бы замочил. — Он сполз с кровати на пол и скорчился на коленях под серым квадратом окна. Комар прошел через комнату, поднял с пола свой мобильник, сел на край кровати рядом с Корби.

— Хочешь, покажу кое-что?

Корби посмотрел на него. Угловатые колени Комара почти касались его плеча.

— Вот. — Комар показал Корби свою левую руку. На тыльной стороне запястья были выющиеся неровные шрамы. — У меня ничего не было. Я резал руку осколком водочной бутылки. Выпил ее, потом разбил о стену и стал резать руку.

Корби показал ему свои руки.

— Круто, — оценил Комар. — Длинные, и на обеих.

— Тебе кто-то помешал?

— Паша. Он нашел меня в сортире, в том, который напротив школьной библиотеки. Помнишь?

— Конечно. Самое тихое место в школе.

— Да. А тебе кто помешал?

— Я резался у себя в комнате. Меня застукал дед. Первый раз в жизни кому-то об этом рассказываю.

— Я рассказал одной девке, — вздохнул Комар, — после того, как она рассказала, как травилась таблетками. А эта сука стала надо мной ржать, сказала, что пошутила, и что такие, как я, должны сдохнуть.

— Лучше бы она сама сдохла.

— Я ответил ей то же самое.

— Почему?

— В смысле, почему я это сделал?

— Да.

— Ты уехал. Аня не дала. Родители говно. Люди суки. Мне казалось, я никому не нужен.

Корби вскинул на него глаза, и его вдруг обожгло внутри. Комар смотрел на него почти как Андрей.

— Я — первая причина, по которой ты резал вены?

Комар молча смотрел на него. То выражение ушло из его глаз. Они стали холодными, как у Ани, когда Корби разбил бинокль, как у Ника утром прошлого дня.

— Иди на хрен, — вдруг с ненавистью сказал он, вскочил и быстро вышел из комнаты. Корби остался сидеть на полу. Он вдруг ясно вспомнил момент смерти Андрея.

— Это я вам принес! Корби, ты должен... — Договорить он не успел. На него налетели преследователи, несколько секунд он с перочинным ножом в руках

пытался защищать свою жизнь, а потом его сбросили с крыши.

«Это безумие, — подумал Корби. — Он же понимал, что его убивают. Как он мог думать о какой-то карточке и обо мне? Как он мог думать о нашем идиотском испытании, которое я изобрел за минуту похмельного утра, только чтобы отделаться от него?»

«Как же Комар хотел дружить со мной, что порезал вены, когда я уехал». «Ты не стоишь слез черного брата», — вспомнил Корби слова Ника. Он начал понимать, что его друзья должны были чувствовать, когда узнали о его смерти, что должен был чувствовать Андрей, когда они говорили на лестничной площадке перед флэтом «Зеленых Созданий», что чувствовали Аня, Комар и Паша, когда он уехал, не оставив ни адреса, ни телефона.

«Я хотел бы быть тем, за кого они меня принимают, — подумал Корби, — тем, кто заслуживает такой сумасшедший преданности, как та, которую мне подарил Андрей. Я хотел бы заслуживать дружбы Ары и Ника, и Комара, и Паши, и Ани. И дружбы Андрея».

— И я этим стану. Я буду бороться за каждого из них до смерти.

Он мог бы попытаться снова позвонить Нику, но этого было недостаточно. Ему пришло в голову, что он может встретиться с Ником лично. Ник сам сказал ему, что через час будет у отделения полиции. Корби понял, что у него мало времени. Он поднялся с пола и неверным, но решительным шагом пошел на кухню.

— И что делать с его тарелкой?

— Не знаю. Я бы после известия о смерти род-

ственника не смогла есть.

Корби остановился в дверях. Аня задумчиво трогала колючки стоящего на окне кактуса. Паша собирался мыть посуду. Комар сидел в своем углу, сжав голову руками и запустив пальцы в вихры взъерошенных волос. Увидев Корби, он подобрался.

— Мне нужно срочно идти, — сообщил Корби. Комар отпустил голову, и она безвольно склонилась, пока его лоб не коснулся стола.

— Как хочешь, — сказала Аня. Паша посмотрел на нее, на Корби и, наконец, на Комара.

— О чем вы говорили в той комнате? Оба как будто спятили.

— Не говори им, — глухо попросил Комар.

— О прошлом. — Корби нервным жестом потер лоб. — Прежде, чем я уйду, у меня есть одна просьба. — Он повернулся к Ане. — Ты могла бы одолжить мне одну вещь?

— Какую?

— Какой нож самый острый?

Аня уставилась на него.

— Зачем тебе?

— Я бы не хотел говорить. Но очень нужен.

— Не дам.

Комар поднял голову и безумно посмотрел на Корби.

— Срань господня. Решил опять?

— Нет. Не то, о чем ты подумал.

— О чем он подумал? — спросил Паша.

— Неважно. Нож мне нужен для того, чтобы вернуть друга.

— Может, чтобы убить?

— Просто поверь мне, ладно? — попросил Кор-

би. Аня молчала. — Я постараюсь тебе его вернуть.

— Когда?

— Не знаю. Где-нибудь на неделе.

Аня открыла верхний ящик стоящего рядом с плитой кухонного столика и достала маленький нож с десятисантиметровым лезвием и маленькой ручкой.

— Мы им почти не пользуемся в хозяйстве. Бери.

— Не давай ему, — попытался остановить ее Паша.

— Он мог просто его стащить. Но он попросил.

И этот нож действительно не нужен.

Корби взял нож.

— Спасибо большое. За нож и вообще за все. И извини, что разбил бинокль. — Уголки его губ нервно вздрогнули. — Ну ладно. Я пойду.

Аня слегка кивнула.

— Сейчас дам тебе твою одежду.

— И он вот так просто уйдет? — привскочил Комар.

— Если хочет, — пожал плечами Паша.

— Я постараюсь вернуться.

Аня вышла в коридор. В этот момент снова раздался звонок в дверь.

— Это еще кто? — вслух удивился Паша. Аня остановилась, потом подбежала к двери. Корби, Комар и Паша напряженно прислушивались.

— Кто там?

— Участковый. Откройте, пожалуйста.

Глава 21

ИНКОГНИТО

— Корби, положи нож, — попросил Комар.

Корби понял, что действительно сжимает в руке Анин нож. Он расслабил побелевшие от напряжения пальцы и положил его на край обеденного стола. Аня открыла дверь.

— Извините за беспокойство. Мы повторно спрашиваем жильцов. Вы случайно не видели этого человека?

— Сейчас, — сказала Аня. — Темно. — Она зажгла в коридоре свет. — Нет, не видела.

«Кого ей показывают?» — подумал Корби.

— Он мог выглядеть иначе, — пояснил другой голос. Корби он показался знакомым. — В рваной одежде, возможно, с разбитым лицом.

«Меня», — понял Корби. И тут же он вспомнил обладателя голоса. Это был оперативник Крина, тот, что любил кукурузу. Барыбкин.

— Я бы запомнила, если бы увидела такое. Вы же спрашивали про все странное. Я бы и раньше сказала.

Паша шумно вздохнул.

— А этого человека?

— Нет, тоже не видела. У него на лице шрам. Я бы опять же запомнила.

«Отец Андрея», — подумал Корби. Голос Ани слегка дрогнул. Участковый, видимо, принял это за раздражение.

— Последний вопрос. Вы не видели зеленый внедорожник с золотой полосой на борту? Предположительно, «шевроле» девяносто седьмого года.

«Ник узнал о смерти деда от Крина, — подумал Корби, — значит, Крин узнал об этом от местной полиции. На все вместе ушло несколько часов, и вот Барыбкин здесь. Они не знают, кто убил, и думают о разных вариантах».

— Я не разбираюсь в машинах и не запоминаю их.

— Хорошо, спасибо. Больше мы Вас не побеспокоим.

— До свидания. — Аня закрыла дверь. Щелкнул замок. С лестничной клетки долетали едва различимые голоса: видимо, опрашивали других соседей.

Паша первым озвучил очевидное.

— Кажется, тебя ищут.

Аня появилась в дверях кухни, молча посмотрела на него. «И она тоже, — подумал Корби, — второй раз лжет ради меня, как Ара и Ник, хотя я только что ее обидел». Потом она отвернулась и ушла в ванную.

— Что ты на самом деле сделал? — спросил Комар.

— Позавчера один парень погиб из-за того, что хотел дружить со мной.

Аня вернулась из ванной. Она принесла джин-

сы, до дыр протертые на заднице, и майку с подолом, превратившимся в рваную бахрому. Корби взял вещи. Он смотрел в пол.

— А я не хотел с ним дружить. Он казался мне придурком. Я придумал пари, чтобы от него отделаться. И он погиб, когда его выполнял.

— Он этого заслуживал? — спросил Паша.

— Его на моих глазах избили и столкнули с крыши. Не знаю, за что и почему.

— Я не понял, — сказал Комар, — пари было такое, что он должен был через это пройти?

— Он должен был что-нибудь украсть. Что-нибудь важное, по собственному выбору. Он украл карту доступа на один закрытый объект, успел бросить ее мне, и сразу после этого погиб. Я не знаю, убили его из-за этого или из-за чего-то еще.

— Грязная история, — вздохнул Паша.

— В любом случае так не может продолжаться, — сказала Аня. — Я не могу прятать преступника. Раз ты хотел уйти, уходи.

— Но там полиция, и теперь его фотографию видели все жильцы дома, — возразил Комар.

— Зачем ты его защищаешь? Посмотри на себя. Мы разговариваем с ним только два часа, а он уже успел всем испортить настроение. Он не такой, каким был раньше. Он ведет себя как говно, и даже довел человека до смерти. Все. Конец.

— Зачем тогда было его спасать, если теперь его поймают?

Аня пожала плечами.

— Лишь бы они не видели, как он выходит из моей квартиры.

Комар встал из-за стола.

— Строишь из себя ледяную суку?

— Мне действительно надо уйти прямо сейчас, — возразил Корби. — Я должен встретиться с другом.

Комар удивленно посмотрел на него. А Аня неожиданно взяла его за руку и потянула к Корби.

— Иди-ка сюда, — с какой-то мстительной радостью сказала она.

— Зачем? — не понял Комар.

— Иди-иди, — настаивала Аня. Другой рукой она схватила Корби и потянула обоих к дверям ванной. Затолкав их туда, она поставила Комара рядом с Корби, потом зажгла свет. Оба отражались в зеркале над раковиной. — Повернись. Видишь?

— Что?

— Рост. Комплекция. — Комар и Корби удивленно смотрели на нее. — Хочешь его спасти? Отдай ему свою одежду.

— Что? А в чем я буду ходить?

В дверях ванной появился Паша.

— Паша, Корби нужно уйти незамеченным. Мы сможем сделать из него Комара?

— Но мне раньше не подходила его одежда, — сказал Комар.

— В тринадцать ты был ниже ростом, но теперь ты его догнал.

Корби посмотрел на Комара. Его губы тронула неуверенная улыбка. Аня говорила дело. Если он хочет действительно встретиться с Ником, ему нужно изменить внешность. Он не может больше ходить по Москве в своей изорванной одежде.

— И челку? — спросил он.

— Я не говорил, что согласен, — нервно заметил Комар.

— Пожалуйста, — попросил Корби. — Мне это очень нужно.

— У меня единственные джинсы.

— Ты хотел спасти Корби? — напомнила Аня насмешливо. — Значит, перебежешь.

Комар поджал губы.

— Это тебе за ледяную суку.

— Да ладно вам, — сказал Паша, — не ругайтесь. Он вернет одежду.

— Я вообще не хочу его отпускать, — пробормотал Комар. — Пусть остается. Что, если он опять исчезнет на четыре года?

— У меня квартира, а не коммуна. Где он будет спать, когда придет Саня? Собственно, я вообще всех вас тогда отсюда выгоню.

— А когда он придет? — уточнил Паша.

— Сегодня вечером.

Комар стоял мрачный, потом повернулся к Корби.

— Поклянись, — потребовал он, — что мы еще увидимся, и ты вернешь мне мои шмотки.

— Хорошо, — сказал Корби. — Я снова вас найду. Я больше не потеряю свое прошлое.

— Нет, это херня! — заорал Комар. — Сегодня вечером. В клубе «Sacrifice». Считаю, что я тебе забиваю стрелку.

Корби смотрел на него. Он знал, что не может этого обещать. Собственно, он даже не знал, успеет ли перехватить Ника. Будущее тонуло в неизвестности. Он, вероятно, сможет доехать до отделения полиции, но что будет потом?

— И друзей своих приводи. Хочу посмотреть, с кем ты якшался эти четыре года.

— Я постараюсь. Но я не знаю, где этот клуб.
Комар назвал адрес.

— Нет, ты, гнида, не постарайся. Ты действительно придешь туда. Жизнью клянись.

— Клянусь жизнью, — ответил Корби. «Это самое неценное, что у меня еще осталось, — подумал он, — я ведь не приду туда. Я уже обманываю Комара. Какая же я сволочь».

— Теперь ты согласен? — спросила Аня.

— Да! Ты не могла бы выйти, пока мы будем переодеваться?

— Он не вернет тебе твои штаны, — сказала Аня и вышла из ванной.

— Корби, не подведи его, — угрюмо пожелал Паша и последовал за ней.

Они остались одни. Корби начал расстегивать рубашку Аниного отца.

— Спасибо, — сказал он.

— Почему я чувствую себя идиотом? — Комар стянул майку. Его тело было очень худым: угловатые плечи, четкие линии ребер, живот с мелкими складочками. — Потому что ты не придешь. Но я все равно буду там. Буду ждать в этом долбанном клубе.

— Что за клуб? — Корби снял рубашку и бросил ее на стиральную машину рядом с майкой Комара.

— Ну, это не совсем клуб. Там куча помещений. Комнаты репетиционной базы, музыкальные кружки и даже школа танцев. Я туда хожу, потому что там самая дешевая в Москве аренда гитар. — Комар стянул штаны до колен, сел на край ванны, нервно оглянулся на Корби. — Ты странно смотришь.

— Да? Извини. — Корби отвел взгляд и стал возиться с морским узлом, который у него случайно получился на резинке треников Аниного отца.

— Говоришь, у тебя была личная жизнь? У тебя была девушка? — Комар вытряхивал вещи из карманов своих штанов и одновременно поглядывал на Корби. «Он тоже меня рассматривает», — подумал Корби.

— Да. Несколько. Всегда недолго.

Комар протянул ему свои джинсы.

— Не уколись. Там цепочки, булавки и прочее веселье.

— Я буду осторожен. — Корби освободился от треников, и они обменялись одеждой. «Боже, — подумал Корби, — теперь я буду ходить с губками на заднице». Он ждал подвоха, ждал, что Комар устроит фокус вроде той булавки, которую он вколол ему в ладонь, но ничего не произошло. Штаны сидели туго. Корби чувствовал, как они облегают его бедра и ягодицы. Он проверил карманы и нашел немного мелочи.

— Можно, я оставляю это себе? Мне понадобится на проезд.

— Бери. — Комар забрался в непомерные штаны Аниного отца. — Как они с тебя не свалились?

— Завяжи узел на резинке.

Комар неловко выполнил.

— Ненавижу штаны без пояса. Как гопник.

Корби натянул его майку. Она была почти чистой, но слегка пахла потом и пивом. Корби подумал, что так же обычно пахнет от одежды Ника. Он решил, что это хороший знак, и посмотрел на свое отражение в зеркале. Он все-таки был чуть выше Комара — майка еле доходила до пояса джинсов, и он догадывался,

что если потянется, у него над поясом будет видна полоска голого живота. Но это оказался единственный недостаток.

— А как делать челку?

— Это буду делать не я, а Аня. Мне она делает. Она и косички классно вяжет. Ань!

— Иду, — отозвалась Аня. Она и Паша пришли вместе.

— Тебя не узнать, — сказал Паша.

— Да, — согласилась Аня, — но челки не хватает.

— Сколько на нее уйдет времени? — тревожно спросил Корби.

— Тебе ведь надо только на один день?

— Да. И быстро.

— Будет быстро. Меньше чем за десять минут.

— Сделаешь прямо сейчас?

— Да. Паш, принеси табуретку. — Паша послушался. Аня убежала в свою комнату. — У тебя волосы чуть короче, поэтому и челка будет короче!

— Первый раз увижу это со стороны, — вздохнул Комар.

Паша принес табурет. Корби сел перед раковиной. Комар вышел в коридор и смотрел на него оттуда. Аня вернулась с коробкой пастельных мелков.

— Не обещаю, что будет такой же оттенок.

— Неважно.

— Ты будешь красить этим? — ужаснулся Комар.

— Зато быстро. — Аня выбрала красный мелок, наклонилась над плечом Корби и стала скручивать в

жгут прядь волос над его лбом. — Закрой глаза.

Корби закрыл, почувствовал запах меловой пыли, услышал, как полилась вода.

— Просто конкурс двойников, — сказал Паша.

— Вот так малолетние преступники становятся эмо-боями, — мрачно прокомментировал Комар. Аня фыркнула. Корби почувствовал, что улыбается.

— Комар, почему ты носишь эту прядь?

— Мне нравится.

— Цвет огня и крови. Позавчера один из моих новых друзей обокрал церковь и вынес оттуда три бутылки вина для причастия.

— Ты серьезно? — Аня закончила красить и уже расчесывала его волосы.

— Если твой друг так крут, я тем более хочу с ним познакомиться, — сказал Комар.

— Он шутит, — предположил Паша.

— Нет. Это была часть того же пари, из-за которого погиб другой мальчик.

— И ты тоже что-то украл?

— Автоматический пистолет Стечкина и семьдесят косарей.

— Ты и твои новые друзья — чокнутые.

Аня чем-то попшикала. Запахло лаком.

— Похож, — признал Комар.

Несколько раз щелкнули ножницы. Корби понял, что Аня подравняла его стрижку.

— Все.

Он открыл глаза и увидел в зеркале чужое лицо. Слева его прикрывала прядь выпрямленных красных волос. Глаза смотрели темно и холодно. Губы не умели улыбаться, но словно заново учились это делать. Выражение этого лица могло напугать.

— Это я? — тихо спросил Корби.

— А кто бы еще это мог быть?

Корби понял, что ждал другого. Ему казалось, что, когда Аня закончит, он будет выглядеть глупо и нелепо. Но человек в зеркале выглядел как тот, над кем никто никогда не посмеется. Он смотрел на Корби странным и немного пугающим взглядом.

«Он украл мое лицо, — подумал Корби. — Тот парень из зеркала, которого я видел вчера утром. Он украл мое лицо». Корби медленно встал с табуретки и провел пальцами от центра лба к виску. Алая прядь всколыхнулась. «И это не мой жест», — подумал он. Он повернулся и посмотрел на друзей.

— Тебе идет даже больше, чем мне, — сказал Комар. Паша, и тот казался удивленным.

— Спасибо, — поблагодарил Корби. Ему захотелось пить. — Можно стакан воды перед тем, как я уйду?

Паша налил кипяченую воду в большую старую фаянсовую кружку. Корби пил и чувствовал, что все на него смотрят. Вода была холодной, с легким кислотным привкусом.

— Ты помнишь, что у нас был целый мир? — спросил Комар. — Помнишь, какие ты придумывал игры?

Корби допил, поставил чашку на стол. Взял нож, который полчаса назад ему подарила Аня, и долго не знал, куда его убрать. Наконец, сунул в карман, лезвием вверх.

— Мне здорово отшибло память после смерти родителей. Но я продолжаю вспоминать. Я вспомню.

— Неожиданно для себя он слегка обнял Аню за плечи. Она удивленно вздрогнула. Потом он посмотрел на Комара и Пашу. — Я снова хочу быть вашим другом. Но сейчас мне нужно идти.

— Может, вернешь Комару штаны, — без особой уверенности ответил Паша. Корби пожал руку ему, потом Комару. На этот раз тот не держал между пальцами булавку, а глаза его странно блеснули.

Все вчетвером они вышли в прихожую. Комар отдал Корби носки и черно-красные кроссовки, попадающие в цвет его прически.

— Если ты не вернешь мне мои вещи, это будет маленькая катастрофа.

Аня открыла дверь. В последний момент Корби показалось, что сейчас они скажут что-нибудь сочувственное насчет смерти его деда, что-нибудь формальное, как все то, что самые разные люди говорили ему после гибели его родителей. Но он ошибся.

— Я рад, что снова тебя увидел, — признался Паша.

— И я, — сказал Комар. — А еще больше я буду рад, если увижу тебя сегодня вечером.

— Удачи, — закончила Аня.

В подъезде было шумно: полицейские продолжали опрашивать жильцов. Корби вызвал лифт. У него появилось странное чувство, что он все-таки побывал дома, прыгнул в прошлое, увидел мираж — и теперь снова уходит отсюда в то время, где его родители уже четыре года как мертвы.

На крыльце подъезда он встретил Барыбкина. Тот курил, устало прислонившись к стене.

— Без зонтика? — спросил он, скользнув взглядом по подростку.

— Ночевал у друзей. Не знал, что будет ливень. — Не оборачиваясь, Корби быстро пошел в дождь. Вот забор платной школы. Опять тот же путь. Несколько секунд ему казалось, что сейчас Барыбкин узнает его и бросится вслед, но он заставил себя не оглядываться, и этого так и не произошло. Он уходил неузнанным. Красная пряда мокла под дождем и липла ко лбу. Впереди была встреча с Ником, и он понятия не имел, чем она может закончиться.

Часть четвертая

МЕЛОДИЯ МАСОҚ

Глава 22

БРАТ

Все собрались?

Все собрались?

Все собрались?

Церемония начинается!

Джим Моррисон

Корби выскочил на платформу. Табло электронных часов показывало час пятьдесят; через десять минут Ник уже должен говорить с Крином. Он буквально взлетел вверх по эскалатору, пронесся через пустынный, светящийся окнами киосков коридор подземного перехода. На улице бушевала стихия — ветер гнал по асфальту волны дождя, они хлестали со всех сторон, подхватывали и несли вперед, как настоящая морская волна. Корби немного обсох, пока ехал в метро, но теперь снова промок до нитки. Отсыревшие джинсы Комара липли к ногам, кроссовки шлепали по лужам. Он задышался влажным воздухом, терпел резкую боль в правом боку, но все равно не сбавлял темп.

Когда серое здание полицейского отделения проступило сквозь пелену дождя, Корби перешел на шаг. Его немного шатало от усталости и странного пьянящего чувства, которое поднималось изнутри, от сердца. Показался вход в отделение — мокрый шлагбаум, едва различимый силуэт полицейского за забрызганным дождем стеклом сторожевой будки. Корби подумал, что опоздал, а потом увидел, что ему

навстречу идут две фигуры.

Отец Ника защищался от стихии хлопающим черным зонтом. Он явно не справлялся с этой задачей, походка была рассеянной и шаткой, и Корби подумал, что Олег Борисович пьян больше, чем обычно. Ник, в сером дождевике, руками придерживал края капюшона; его лицо выглядело усталым и больным, он смотрел себе под ноги и щурился, когда дождь падал ему в лицо.

Корби стоял посередине тротуара, прямо у Ника на пути. Они встретились взглядом. Корби кончиками пальцев провел от середины своего лба к виску, стряхнул воду с алой пряди. Ник снова устремил взгляд себе под ноги и начал обходить Корби, потом тревожно дернул головой и вновь посмотрел на него. Он узнал.

— Ник, — сказал Корби.

Ник остановился.

— Кто это? — спросил Олег Борисович.

— Корби, — сказал Ник.

Корби молча протянул ему руку. Ник взглянул на нее, но в ответ руки не подал. Он выглядел вялым, наполовину спящим. По лицу Корби прошла нервная судорога, он опустил руку.

— Откуда ты здесь? — спросил Ник.

— Ты сам сказал, что тебя вызывает Крин.

— Зря сказал.

— Коля, — опомнился Олег Борисович, — тебя искала полиция. Я не рад, что ты впутал моего сына в эту историю, но я бы тебе советовал пойти с нами и рассказать им, почему ты убежал, и вообще... все остальное.

На его слова не обратили никакого внимания.

— Зачем ты пришел? Я же говорил, что не хочу тебя видеть.

— А я тебя — хочу. Я прошу прощения за все, что сделал не так. И хочу, чтобы ты тоже передо мной извинился.

— И за что мне извиняться? За то, что отмазывал тебя перед ментами? Или за то, что еще жив?

— За то, что тоже сказал пустые слова.

— Да ладно. И когда же?

— Когда сказал, что тебе понравилось думать, что я умер.

— Это была правда, — тихо сказал Ник, — и я не буду извиняться. Пойдем, пап. — Он отвел глаза, втянул голову в плечи, еще сильнее сжал края своего капюшона и попытался обойти Корби. У него не получилось — Корби преградил ему путь. Скользя рукой в карман, он вытянул нож и приставил его к своему горлу. Движение было очень быстрым: Ник вздрогнул, но ничего не успел сделать.

— Если ты этого хотел и тебе нравилось об этом думать, ты можешь это увидеть. Мою смерть. — Корби чувствовал, как холодное лезвие прижимается к его коже. Острый кончик колот под самым ухом.

— Я не имел в виду, что тебе надо убивать себя.

— Ты имеешь в виду, что хочешь знать обо мне, как о мертвом. Но чтобы быть мертвым, надо умереть. — Корби увидел, что вниз по руке вместе с дождевой водой сбегает размытые струйки крови: он поранил подушечки пальцев, когда вытаскивал из кармана повернутый лезвием кверху нож. Ник тоже увидел кровь, но не понял, где рана — ему показалось, что Корби режет себе шею. Он перестал придерживать капюшон дождевика, тот заполоскался на ветру и сле-

тел.

— Прекрати, — срывающимся голосом попросил он.

— Значит, это были пустые слова?

— Да. Если хочешь, это были пустые слова. Ты добился своего. — Лицо Ника было бледным, немигающий взгляд не отрывался от струйки крови, стекающей вниз по руке Корби.

— Ты не хочешь, чтобы я умер?

— Не хочу. Я вообще не хочу, чтобы умирали люди.

Корби медленно опустил руку с ножом.

— Никогда не говори, что хочешь чьей-то смерти. И никогда не отвергай друзей. Андрей умер за то, чтобы быть нашим другом. Я этого не забуду. Я буду таким, как он. Если надо, я умру.

Ник с лихорадочным блеском в глазах смотрел на него. Вся его вялость вдруг исчезла. Его затрясло.

— Ублюдок! — закричал он. Корби увидел его взметнувшуюся руку, но не успел защититься — она мелькнула в воздухе и врезалась ему в подбородок. Он выронил нож и навзничь упал на мокрый асфальт. Ник наклонился к нему и схватил за ворот майки.

— Вздумал меня шантажировать?

— Нет. Вправить тебе мозги. — Корби вцепился в руки Ника, сделал подсечку ногами, и они вместе выкатились на край проезжей части. Мимо с истерическим гудком вильнула легковая машина. Корби оказался в завихрениях стремящейся к водостоку дождевой воды. Он попытался ударить Ника, но тот схватил его за руки и, навалившись всем весом, положил на лопатки.

— Это ты здесь неадекват, — процедил он. —

Все из-за тебя.

— Мы друзья! — крикнул ему в лицо Корби. Олег Борисович бросил зонтик, схватил сына за плечи и начал оттаскивать от Корби.

— Хватит, — потребовал он. Хватка Ника ослабла. Корби воспользовался ситуацией, вывернулся из-под друга и подобрал Анин нож.

— Пусти! — закричал на отца Ник. Корби увидел, что от отделения к ним бежит постовой, и вновь приставил лезвие к своему горлу.

— Я убью себя, — предупредил он. Он стоял на коленях и смотрел на полицейского. Его руки были перепачканы кровью и придорожной грязью, глаза безумно сверкали. Полицейский в нерешительности остановился.

— Чрезвычайная ситуация, — сообщил он в рацию. Ник зло оттолкнул своего отца и поднялся на ноги. Пуговицы его дождевика лопнули. Корби тоже поднялся.

— Либо ты со мной — либо я умру.

— Хватит, Коля, — задыхаясь, попросил Олег Борисович. — Мир не делится на черное и белое. Умирать не обязательно.

От отделения бежали еще люди. Корби медленно вдавил лезвие в кожу. «Сейчас будет больно, — подумал он, — даже больнее, чем когда я резал руки». Он чувствовал под пальцами пульс, чувствовал, как близко его жизнь и смерть. Сейчас он сделает то, что не получилось у Комара и что получилось у Андрея — вскрыет сонную артерию, и его не спасет даже толпа полицейских. А Ник будет кричать и зажимать руками бьющий фонтаном алый поток.

— Нет! — закричал Ник. — Я с тобой.

— Тогда бежим, — ответил Корби, и бросился в сторону метро.

Он слышал за собой топот ног. Это был не только Ник — за ними гнались еще несколько полицейских. Корби охватил сумасшедший восторг. Ник был рядом. Пластиковый дождевик мешал ему, он сорвал его и бросил на капот припаркованной у тротуара машины. Они вместе бежали сквозь дождь. Впереди был подземный переход.

— Вниз, — на выдохе произнес Корби. Сбегая по лестнице, он чуть замешкался, чтобы сунуть нож Ани обратно в карман. Первый из их преследователей отставал всего на двадцать шагов. Он бежал ритмично, плавно. Корби узнал его — это был Белкин, который так досаждал Крину вчерашним утром. Корби прибавил ходу. Сердце яростно стучало, вернулась боль в боку. Он чувствовал, что теряет скорость. А звук шагов за спиной был ровным и четким. Тренированные взрослые люди догоняли их.

Через прозрачные двери метрополитена, мимо касс, через турникет — они с Ником прыгнули одновременно. Грохот, оглушительный свист дежурной по эскалатору. «Если нас сейчас поймают, будет много-часовой допрос, а потом меня отправят в обезьянник или даже в психушку. Я не должен этого допустить. Я должен договорить с Ником». Корби остановился, обернулся. Из-за кромки льющихся сверху вниз ступеней показался Белкин. Корби встретил его холодный и странный взгляд, и ему снова стало не по себе, как при их первой встрече.

— Хватит убегать, — задыхаясь, прошептал Ник.

— Ради нашей же безопасности мы должны сдаться и все им рассказать. Особенно ты.

Корби рванул черную ручку контроля эскалатора. Движение переключилось, ступени замерли, дернулись и потекли обратно. Белкин качнулся, его ноги повело; он попытался сохранить равновесие, но лицом вперед упал на ступени. Эскалатор понес его вверх.

— Зачем ты это сделал?

Корби услышал гул подходящего поезда.

— Бежим! — Он рванул Ника за руку и бросился к платформе. Люди мелькали мимо. Поезд окатил их теплой, ревущей волной воздуха, нагнал и обогнал. Несколько секунд они бежали вдоль него, потом открылись двери, и они запрыгнули внутрь. В середине летнего дня вагон был полупустым. Поезд тронулся. Через окно Корби увидел Белкина, выскакивающего на край платформы. Он уже опоздал.

Ника трясло. Он в изнеможении опустился на сиденье в углу вагона, его шея шла красными пятнами. Корби снова протянул ему руку. На порезанных пальцах начинала запекаться кровь.

— Пожми ее. Вспомни, что мы друзья.

— Иначе что? Опять попытаешься себя зарезать?

— Иначе ты забудешь все, что было хорошего в твоей жизни. И останется только то, что с нами случилось после смерти Андрея.

— Потому что ты себя убьешь?

— Потому что ты меня пошлешь, как я послал его. Пошлешь просто потому, что тебе показалось, что я сделал не все, что мог.

— Это не лучше, чем посылать человека за то, что он не любит рок.

— А я и не говорю, что я лучше тебя. Я говорю, что так нельзя делать. Никому. Никогда.

— Я не знаю... Меня все это достало. У тебя рука в крови.

— Плевать. Я хочу, чтобы мы помирились.

— Хорошо. Только если ты не станешь больше шантажировать меня своей смертью.

— Только если ты не станешь желать мне смерти.

— Я не желаю тебе смерти. — Лицо Ника дрогнуло. — Я хочу, чтобы ты вырос в хорошего человека.

— Я не стану просто так шантажировать тебя своей смертью.

Ник протянул ему руку, пожал ее и накололся на булавку. Это была одна из тех булавок, которые Комар вкалывал в свои штаны.

— Какого черта? — морщась от боли, спросил он. Корби сжимал его руку, пока булавка не вошла глубоко и ладонь Ника не перепачкалась в крови его порезанных пальцев. Наконец, он отпустил. Ник вытащил булавку. На месте прокола выступили капельки крови.

— Я объясню. Помнишь историю, которую вы с Арой мне рассказали?

— Какую?

Корби сел рядом. Люди сначала нервно оглядывались на них, а потом старались совсем не смотреть. За окнами проносилась грохочущая черная пустота тоннеля. Вагон был старый, с желтыми круглыми лампами, стенами из пластика, покрытого древесным узором, сиденьями из залатанного кожаменителя.

— Как Ара стал черным братом. Вы рассказали мне это, когда мы только познакомились.

Это произошло в третьем классе, после чтения Купера, когда они порезали, а затем скрестили свои ладони. Их кровь смешалась. Они немного перестарались, и им пришлось идти к матери Ары, чтобы она помогла остановить ее. Сначала они хотели назвать Ару красным братом. Но его мать, заливая их руки перекисью, сказала, что индейской крови в ее мальчике нет, только негритянская. В результате Ара стал черным братом, а Ник — красным братом. Вот только к Аре его кличка прижилась, а к Нику — нет.

— Будь моим братом, — сказал Корби. — Наша кровь теперь тоже смешалась.

Ник посмотрел на перемазанную в крови руку и как-то странно улыбнулся.

— Буду. Но, Корби, все, что ты делаешь, какое-то странное. Сумасшедшее. Чрезмерное.

Корби улыбнулся ему в ответ.

— Ты — белый брат. А я — красный. — Он тронул прядь над своим лбом.

— Да, действительно. Нам тогда не хватало настоящего красного брата.

— Я индеец Джо.

Ник покачал головой.

— Ты псих. Мы убежали из отделения полиции. Из единственного места, где нам могли помочь! Андрея убили. Твоего деда убили. А мы просто едем в метро. Мы можем не дожить не то что до суда, но даже до поимки преступников.

— Ты боишься?

— Как любой нормальный человек. Но дело не в этом. Дело в том, что все, что ты сделал за последние

дни, неразумно. Я хочу, чтобы ты это понял.

«Ты помнишь, что у нас был целый мир? Помнишь, какие ты придумывал игры?»

— Перестань, — сказал Корби. — Давай поиграем.

— Давай вернемся. И ты все расскажешь Крину.

— Ник, — вздохнул Корби, — все, что я делаю, разумно, потому что я достиг за последние два дня большего, чем ты. Вчера утром я хотел себя убить. А потом стал вспоминать свое детство, время до гибели родителей. И кажется, я что-то понял. Если мы сделаем то, о чем ты говоришь, смерть Андрея снова достигнет нас и на этот раз убьет. Она раздавит тебя и меня, сведет с ума. Мы снова увидим, как умирали наши родители, и никогда не выберемся из этого покляченного мира.

Ник долго молчал.

— Ты Джек, — сказал Корби, — бедный фермер из Томстауна. Перекупщики земли оставили тебя без гроша. Я — индеец Джо, сбежавший из резервации. Ара — негр Джим, обокравший своих хозяев.

Корби вдруг почувствовал, как настроение изменилось. Ник слушал его. По-настоящему слушал.

— Мы вместе потому, что на нашей стороне больше никого нет. Мы банда. Мы ужас каньонов и гроза поездов. За наши головы дают по десять тысяч баксов.

— Но каждая охота оказывается неудачной, — вдруг ответил Ник. — Мы появляемся ночью и уходим на рассвете, оставляя за собой темные города. Шерифы бросают оружие, когда встречают нас в пустыне.

— Мы пахнем порохом и виски. Кровь на наших

руках, — сжимая в кулак окровавленную ладонь, сказал Корби. — Женщины специально ищут нас, чтобы завести смелых детей.

— Днем и ночью мы мчимся под небом на наших вороних скакунах, — продолжал Ник. — Дым наших костров стелется по карнизам ущелий. Дым наших костров столбом поднимается в дикой степи. Мы везде и нигде. Никто не поймают нас, никто не остановит.

Поезд прошел мимо станции. Они спрятали окровавленные руки, и люди перестали обращать на них чрезмерное внимание.

— Но каждый знает, — закончил Корби, — грохот твоих револьверов, бесшумный блеск моих стрел и страшные всполохи пламени, вырывающиеся из винтовки черного Джима.

Они замолчали. Ник низко опустил голову. Через некоторое время он заговорил снова, но каким-то другим голосом, подавленным и осипшим.

— Я действительно почти забыл, что ты мой друг. Когда вы уже были в школе, я подошел к Андрею. Тогда что-то произошло. — Он дико и встревоженно посмотрел на Корби. — Мне кажется, что я чего-то не могу вспомнить. Мне кажется, что Андрей был живой. Но ведь так не может быть?

— Наверное, не может, — удивленно ответил Корби. — Он же упал с третьего этажа.

— Я слышал, что иногда люди выживают. Была история, когда с десятого этажа выбросился мужчина с ребенком. Мужчина умер на месте. А ребенок вообще не пострадал.

Корби вздохнул.

— Я забыл все свое детство после смерти роди-

телей. Так что ты мог забыть.

— Я стоял над ним и так и не вызвал скорую, — пробормотал Ник. — Это сводит меня с ума. Я не помню, как я повернул за вами. Он мог умирать там те полчаса, что мы были в школе.

«Так вот в чем причина», — подумал Корби.

— Ник, — спросил он, — Ара сейчас один или со своей матерью?

— Она на работе. А он сидит дома. Но он поклялся ей, что никуда не уйдет.

— Тогда пойдём к нему.

— Ты собираешь банду?

— Да.

Корби наконец-то чувствовал, что они делают что-то правильное, чувствовал, что стал цельным человеком. С ним было его детство. Он снова мог придумывать те удивительные игры, о которых ему напомнил Комар. Он вернулся к Нику и вернул Ника.

Их поезд мчался вперед.

Глава 23

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Они вышли на следующей станции. На эскалаторе Ник обернулся к Корби и долго разглядывал его. У него явно было много вопросов, но он не мог выбрать, с какого начать.

— Где ты раздобыл такой прикид?

— Встретил друзей. Тех, с которыми общался до смерти родителей. После прыжка с парашютом от моей одежды почти ничего не осталось.

— Ты поехал к своим старым друзьям?

— Нет. Я поехал на свою старую квартиру. Думал, что смогу развести жильцов на деньги. Не получилось.

У Ника зазвонил телефон. Он вытащил его из кармана. Его лицо изменилось, когда он увидел, кто звонит.

— Да, — сказал он. Они вышли на улицу. Дождь начинал редеть, но лило еще достаточно сильно. Ник остановился под портиком, окружающим выход из метро. — Нет, я не скажу, где я. Потому что не могу. Я в порядке. Он тоже в порядке.

Корби подумал, что это либо из полиции, либо отец Ника.

— Он не убьет себя, и никому другому тоже не навредит. Нет, он не против, чтобы я говорил по телефону. Если ты думаешь, что я заложник, ты не прав. Так было только вначале.

«Отец», — понял Корби.

— Я не оставляю его, потому что он мой друг. Я не знаю. Я не скажу. — Трубка задрезжала от резонанса, Ник отстранил ее от уха. Видимо, его отец кричал. — Потому что я знаю, что ты сделаешь, если я скажу. — «Он никогда не врет», — с восхищением подумал Корби. Олег Борисович заговорил тише. — Я отвечаю за свои поступки.

Корби смотрел, как едут по мокрой улице машины, как спешат пешеходы, отряхивая зонты перед входом в метро.

— Да, я взрослый. Да, занимайся своими делами, как если бы меня не было. — Лицо Ника стало очень мрачным. — Когда-нибудь приду домой. Пока. Он и Корби встретились глазами.

— Спасибо, — поблагодарил Корби.

Ник улыбнулся.

— Бежим, — сказал он, — вон наш автобус.

Они успели запрыгнуть в двери. Ник использовал свой проездной, Корби прошел через турникет вслед за ним.

— Надо предупредить его, что мы едем. — Ник снова достал телефон, но не спешил набирать номер и вертел мобильник на ладони. — Не знаю, может, я и перегнул палку, когда сказал, что он сойдет с ума, если ты еще будешь с ним общаться, но мне все равно как-то не по себе.

— Не говори ему про меня, — предложил Корби.

— Как?

— Просто, — пожал плечами Корби. — Он открывает дверь, и я покажусь. Пусть будет сюрприз. А там посмотрим.

— Чтобы он не нервничал в ожидании?

— И это тоже.

Ник набрал номер черного брата. Тот снял трубку очень быстро. Корби вспомнил, как быстро ответил ему Ник, когда они созванивались два часа назад, и подумал, что в последние дни у его друзей вошло в привычку нервно хватать телефон.

— Привет. Ты как? Нет, мы с Крином так и не поговорили. Сейчас долго рассказывать, почему. Можно к тебе заехать?

В ответ Ара начал бурно что-то рассказывать.

Корби смотрел, как мимо проплывают мокрые улицы. Он ехал в микрорайон, в котором прожил четыре года. Здесь была пустая квартира деда, а в ней — пустая комната Корби. Он пытался обжить ее, но она все равно оставалась бывшей комнатой бабушки. Все, что он туда принес, теперь казалось ему жалким мусором. Он увлекался роком, но не стал заниматься им так основательно, как Комар; общался с друзьями, но не мог пригласить их в гости; воевал со стариком, но того больше нет; готовился поступать на юрфак, но это больше не нужно. Его плакаты, книги, диски, ноутбук, фотография родителей, немного одежды и щеколда-запор на двери — всего этого было слишком мало, чтобы сделать это место по-настоящему своим.

— Я уже в автобусе. Да, давай. — Ник сбросил вызов. — Ара нас ждет. Точнее, меня.

Корби кивнул.

— Ты в порядке?

— Пункт адаптации для тех, кто потерял все.

— Что?

— Я думал про свою комнату, про мертвого деда и про то, как мало мне было нужно в эти четыре года.

— Мне казалось, ты больше не думаешь о мрачном.

Корби усмехнулся и провел рукой от середины лба к виску — откинул алую прядь.

Когда они вошли во двор Ариного дома, дождь уже закончился и на небе появился первый голубой просвет, хотя солнце все еще скрывалось за тучами. Ручейки воды журчали, устремляясь к водостокам, с деревьев и козырьков подъездов капало. Примерно в тридцати метрах от подъезда Ары Корби стало не по себе. Он почувствовал чье-то внимание, в поле которого не хотелось находиться. Это ощущение было настолько сильным, что перекрыло тревожное ожидание встречи с черным братом. Корби оглянулся. Ему показалось, что в него уперся чужой холодный взгляд. Все равно, что идти ночью по улице и вдруг заметить, что кто-то идет за тобой след в след. Только был день, светло, и пустой двор.

— Ник.

— Что?

— Не знаю. — Ник удивленно посмотрел на него. — Там машина с темными стеклами.

— Думаешь, здесь стоит наружка?

— Не знаю. Пойдем быстрее.

Ник набрал код домофона. Корби стоял, прижавшись спиной к стене подъезда, и смотрел на двор. Ему пришла в голову картинка из комедийных боеви-

ков про шпионов: некий агент выходит на площадь и острым взглядом сразу определяет ситуацию. «Вон в той машине сидят люди из МИ-6, — говорит он товарищу, — а на этой крыше — пара снайперов ЦРУ. Торговец хот-догами — это русский разведчик, а старушка у фонтана носит в сумочке секретное оружие Моссад». Здесь ничего такого не было.

— Ара, — сказал Ник, — это я. Откроешь?

— Привет, — ответил слабый, искаженный шипением голос черного брата. — Заходи.

Корби поразила какая-то невероятно грустная нотка, с которой он это сказал. Дверь подъезда щелкнула и открылась. В темноте серели почтовые ящики, горел одинокий, прожженный чьим-то окурком огонек вызова лифта, слабый сквозняк шуршал целлофаном и вытягивал из мрака запахи краски и сырого бетона.

— Моего деда убили в подъезде, — сказал Корби.

Ник оглянул темноту.

— Это когда ты ездил на свою старую квартиру?

— Да. Дед приехал за деньгами жильцов. Там его и убили.

Кабина лифта открылась, свет тусклым желтым прямоугольником упал на пол подъезда. Темнота отступила.

— Видишь, — сказал Ник, — никого.

Лифт остановился на этаже. Дверь Ариной квартиры была открыта, но черный брат предусмотрительно держал ее на цепочке.

— Ник? — окликнул он.

— Да, — сказал Ник. Ара скинул цепочку, открыл дверь. Его лица почти не было видно, только

блестели глаза.

Корби, неузнаваемый, с алой прядью над левым глазом, стоял в трех метрах от него. Ару будто качнуло, сначала — от него, потом — к нему. Корби показалось, что черный брат сейчас упадет, и он бросился вперед. Они обнялись. Тело Ары было тонким, гибким и таким горячим, словно его лихорадило. Корби почувствовал, как руки друга стискивают его спину, а дыхание щекочет шею. Все смешалось в его сознании, словно они были все вместе у ручья, только они и больше никого, в мире за пределами мира. Ветви и солнце, облака и листья кружились над головой, он падал в небо и вспоминал, как они на велосипедах мчались через непроглядные кукурузные поля и желтое море подсолнухов, как щелкали семечки и пытались варить незрелую кукурузу. Ворованные пожарные шланги становились тарзанками — без сидений, только узлы на концах, на которые еле-еле умещались сведенные от напряжения стопы. Они качались над высоким обрывом реки и падали в воду. Корби помнил, как Ник, лежа животом на огромной дубовой ветке, до неба раскачал их с Арой, как ветка обломилась, и они все трое полетели в воду... Последние годы в школе прошли в напряженном ожидании конца детства, но конец так и не наступил, они снова здесь, и светит солнце. Это было как татуировка, только изнутри, их маленькая каперская грамота, их чудесный ордер на то, чтобы менять все вещи к лучшему.

— Живой, — сказал Ара, — целый.

— И ты, — ответил Корби. Ник смотрел на них, его лицо дрогнуло. — Осторожно, у меня руки в крови.

Ара, наконец, отпустил его, закрыл дверь.

— Откуда кровь?

— Руку порезал.

— Мы побратались, — объяснил Ник, — как с тобой в детстве.

— Я теперь красный брат, — представился Корби. — А Ник — белый.

Ара засмеялся, его глаза засверкали, как в то утро, когда он придумал проделку с церковным вином.

— Вы вместе. *Мы* вместе.

— Мы — банда, — сказал Корби. — Мы теперь будем вместе всегда. То, что случилось позавчера, не должно пройти просто так.

Ара вдруг прислонился к стене коридора, обмяк, сполз и сел прямо на пол.

— Ара, — испуганно позвал Ник.

Ара закрыл глаза.

— Все нормально. Просто кружится голова. — Он запустил пальцы в густые волосы. На его запястьях, как обычно, золотились фенечки.

— Точно нормально? — спросил Ник. — Сколько пальцев?

— Девять. Десятый ты потерял в битве за галактику Сепек. Вы оба, снимайте ботинки и идите мыть руки. Я сейчас встану. — Он сидел не шевелясь и улыбался.

Корби первым зашел в ванную. Сунув руки под кран, он осторожно оттирал запекающуюся кровь и слушал, как Ник и Ара разговаривают в прихожей.

— Вы встретились в полиции? Корби им все

объяснил?

— Нет. Он перехватил меня у входа в отделение, и мы убежали. — Ник рассказал Аре про красного Джо, белого Джека и черного Джима, про их оружие и кровавый путь. Розовая от крови вода с журчанием втягивалась в сливное отверстие, в пальцы пришла тягучая ноющая боль. Корби вытер руку полотенцем и увидел, что ранки припухли и снова кровоточат.

— Перекись есть? — спросил он.

— Сейчас. — Ара поднялся с пола и через минуту принес баночку из темного стекла. Корби облил порезы белой шипучей жидкостью. Ник отмыл руки вслед за ним.

Когда они уже заканчивали, в дверь позвонили. Они переглянулись.

— Кто это может быть? — спросил Ара. Ник выключил воду. Тишина. Потом позвонили снова. — Я пойду с ними поговорю.

Что-то было не так. Что-то было не так с того самого момента, как они подошли к дому. Корби поймал Ару за руку.

— Ничего не говори, — шепотом сказал он. — Просто посмотри в глазок.

Ара тихо подошел к двери, бесшумно сдвинул диск глазка, заглянул в коридор.

— Кто там? — еле слышно спросил Ник.

Ара закрыл глазок.

— Крин, — одними губами сообщил он. — Надо открыть.

— Нельзя, — сказал Корби. — Меня задержат или даже упрячут в психушку.

Они вздрогнули от нового звонка. Дребезжащая трель прямо над головой. Ник жестом показал: «Отой-

дем от двери». Все трое зашли на кухню.

— Он так быстро нашел нас. Что будем делать?

В дверь заколотили.

— Я знаю, что вы здесь! — крикнул следователь. — Не вынуждайте меня принимать меры.

— Он не может войти, — сказал Корби. — Я же готовился поступать на юриста. Чтобы войти на территорию частной собственности, нужен ордер или разрешение владельца.

Крин продолжал звонить и стучать.

— Он говорит про меры, — сказал Ник.

— Это и есть ордер. Но так как мы не воры и не убийцы, он может вообще никогда его не получить. А если и получит, то не раньше, чем через несколько часов.

— Но мы свидетели по делу о двух убийствах. И сейчас мы явно препятствуем следствию.

— Он и не будет получать ордер. — В голосе Ары зазвучали истерические нотки. — Скоро он догадается позвонить моей маме, а она придет и без всякого ордера откроет ему дверь. И она будет очень сердиться.

— Страх не помешал тебе украсть церковное вино, — сказал Корби. Черный брат поморщился.

— Мне через месяц восемнадцать, а она таскает меня за руку.

В коридоре внезапно наступила тишина.

— Что это он? — тревожно спросил Ник.

— Понял, что мы не откроем, — сказал Корби.

— Давайте убежим.

— Мимо Крина?

— В окно.

— Это же третий этаж.

— Если спускаться с кухни, то только второй, — поправил Ара. — Там крыша супермаркета.

— И как мы спустимся? Свяжем канат из простыней?

— Если мы банда, это не преграда.

Черный брат посмотрел на Ника, потом на Корби. Его глаза потухли, губы задрожали.

— Корби, — сказал он, — нам надо открыть дверь. Я не хочу снова раскаиваться. — Он опустил голову и смотрел в пол. — Я не хочу предавать своих обещаний, но и не хочу, чтобы еще кто-нибудь умер. А этим все может кончиться. Как в прошлый раз. Будет плохо.

Вот так всегда, подумал Корби. Люди хотят что-то сделать, а потом отступают, стоит им увидеть, что под ногами пропасть. Они мучаются этим всю жизнь, передают это дальше, своим детям — причастие слабости и страха, кусочек всеобщей правды, испуганного знания, что убивают тех, кто стал чуть лучше, захотел чуть большего.

— Ты в любом случае предашь, — медленно произнес он. — Либо нашу дружбу, либо свое слово.

Ник перевел взгляд на Корби.

— Ты опять устроил шантаж.

Корби спокойно смотрел ему в глаза.

— Это не шантаж. Это выбор.

— Я дам тебе убежать, а потом открою Крину, — вдруг решил Ара. — Это будет правильно.

— Нет, — покачал головой Корби. — Если мы порознь, это не правильно.

Ара взял табуретку и вышел с ней в коридор. Раздался скрип и грохот. Корби бросился за ним. Ара стоял на табуретке перед открытой антресолю и пы-

тался вытащить оттуда легкую, но очень большую коробку.

— Что ты делаешь?

— Есть идея. У меня раньше стояла детская стенка. До ремонта пять лет назад.

— О чем это ты? — не понял Корби. — Я, видишь, это не застал.

— Маленький спортивный комплекс. Трапеция, кольца, веревочная лестница.

— Веревочная лестница...

— Дошло? Помогай, брат, — срывающимся голосом ответил Ара. Корби принял коробку из его рук и поставил к стене. Вещи пошли конвейером: пара старых чемоданов, пластиковая новогодняя елка, лыжи и лыжные палки, коробки с пазлами — последнее былого увлечения Ариной мамы, запыленный куб старого аквариума — его черный брат передал очень осторожно. Ник подошел и составил третье звено цепи. За пять минут они разгрузили половину антресоли. Работая, Ара успокаивался.

— Есть, — наконец, сообщил он и, чихая от пыли, вытянул из глубины длинный и тяжелый холщовый мешок с завернутыми в него стальными трубками. Корби догадался, что из них когда-то собирался тренажер. Ара растянул горловину мешка и пошарил внутри. На свет явился хаос из веревок и лакированных деревянных перекладин. Черный брат начал распутывать эту мешанину. Вскоре лестница, качаясь, повисла у него на руках — длинная, от потолка до пола.

— То, что надо, — обрадовался Корби.

— Но это только один этаж, — скептически заметил Ник.

— Там стоят кондиционеры. Мы спустимся на них. — Ара спрыгнул вниз с табуретки и, волоча лестницу за собой, пошел обратно на кухню. Зазвонил телефон. Черный брат остановился. Корби думал, что он не ответит, но Ара снял трубку.

— Мама. — Его лицо немного побледнело, но не так сильно, как после смерти Андрея. Он крепко сжимал трубку. Его взгляд остановился на Корби. — Мама, прости, но я больше не могу тебя слушаться. — Он положил трубку, его губы дернулись, складываясь в странную нервную улыбку — казалось, он одновременно хочет заплакать и засмеяться.

— Спасибо, — тихо поблагодарил Корби. Ник молчал. Ара на несколько секунд закрыл глаза.

— Мне жалко ее. Она же с ума сойдет.

Не говоря больше ни слова, он сложил лестницу под окном кухни и начал переставлять с подоконника на стол цветочные горшки.

Банда стала бандой.

Глава 24

ДРАЙВ

Корби открыл широкое окно, и в комнату ворвался свежий, пропитанный запахом дождя воздух.

— Я могу взять немного вещей, — сказал Ара. — Что нам нужно?

— Зависит от того, что мы будем делать дальше. — Ник посмотрел на Корби. Корби молчал. Плана у него не было. Он просто знал, что если они не уйдут сейчас, все станет так же плохо, как вчера утром, или даже хуже. — Сколько ты можешь взять денег?

— Рублей пятьсот.

— Всего?

— Я не хочу грабить маму. Я могу взять больше, но это хуже чем просто убежать. Это все равно что второй раз украсть вино.

Корби вспомнил, как сидел над рюкзаком и пересчитывал краденые деньги, как дед, шипя ругательства, выкручивал ему ухо. Он подумал, что это должно прекратиться. Пусть их банда станет такой, какой ее с самого начала хотел видеть Ник, пусть побег Ары будет последним плохим делом, последним предательством.

— Ты не будешь брать мамины деньги, — сказал

он, — но ты одолжишь мне джинсы, майку и кроссовки.

— Зачем?

— Я поклялся жизнью, что верну те вещи, которые сейчас на мне. И поскольку я все еще жив, это надо сделать.

Ник странно посмотрел на него. По его глазам было видно, что он помнит про нож в кармане Корби.

— У меня есть старые кроссовки, — сказал Ара.

— Отлично. Только бы пришлось по ноге.

— Не сомневайся, они разношенные.

Они прошли в его комнату. Здесь было очень светло. Монитор компьютера был сдвинут в сторону, на широком письменном столе стояли плоские ячеистые коробки, в которых всеми цветами радуги сверкал бисер. Ара перехватил взгляд Корби.

— Я пытался успокоиться. — Он распахнул скрипучие двери старого платяного шкафа и бросил Корби белую майку. — Пойдет?

На майке был Eminem.

— Пойдет. Переквалифицируюсь в рэпера. — Корби стянул через голову майку Комара. Ара посмотрел на него и замер.

— Это отец Андрея?

— Что? — не понял Корби.

— Тебя избил. Ты весь в синяках.

Корби посмотрел на свой живот. При свете распогодившегося дня под кожей стали заметны темные пятна кровоизлияний. Он побыстрее натянул майку.

— Не только. Я больше пострадал, когда от него убежал.

Ара протянул ему джинсы. Они были сношенные, но хорошие, не такие залихватские, как у Кома-

ра.

— Карточка, — вдруг вспомнил Корби. — Карточка Андрея. У кого она?

— У меня.

— Ты не отдал ее Крину?

— Перед вторым допросом хотел. Но когда мы с Ником стали это обсуждать, выяснилось, что все вранье разваливается, если изменить хоть одно показание.

Корби кивнул.

— Переодевайся быстрее, мама может прийти уже с минуты на минуту.

— А где она?

— Сейчас у девочек-близняшек. — Мать Ары работала репетитором французского. — От них ехать всего полчаса.

Корби в темпе сменил джинсы. Ему стало комфортнее.

— Что еще нужно?

— Кепка — спрятать прядь, и рюкзак, чтобы сложить вещи.

Ара вручил ему свой старый рюкзак и белую рэперскую кепку. Когда они вернулись на кухню, Ник уже выпустил лестницу за окно, продел свободные концы стропил под звеньями батареи и хорошо завязал. Корби проверил узлы.

— А батарея точно выдержит?

Ник ухватился за батарею и попробовал ее раскачать. Та не шелохнулась.

— Выдержит.

Ара принес их обувь. Было странно стоять на кухне, как в прихожей, и чувствовать, что окно превратилось в дверь.

— Кто первый?

— Я, — сказал Корби.

— У тебя порезанные пальцы, — напомнил Ник.

— Если кто-нибудь из нас разобьется, пусть лучше это буду я.

— Ты не разобьешься, — слегка испуганно сказал Ара.

Корби улыбнулся.

— Тогда не о чем волноваться.

Ему пришлось лечь животом на карниз, и почти минуту он не мог сдвинуться дальше: не удавалось поставить ноги на ступеньки, круглые перекладины прижимались к стене и выкатывались из-под мысков кроссовок. Наконец, Корби подцепил одну и медленно, проверяя каждое движение, вылез за окно. Ара и Ник придерживали его за плечи. Порезанной руке было больно, но Корби терпел. Дальше было легче. Вереочная лестница поскрипывала под его весом, пока он спускался.

— Осторожно, — предупредил Ник, — сейчас должны закончиться ступеньки.

Корби сделал еще несколько шагов вниз и почувствовал, что под ногами пустота. Пришлось повиснуть на руках. Качаясь и натирая кожу на пальцах, он продолжил спуск. Одолев последнюю ступеньку, он повис; на мгновение его охватил страх, что лестница закончилась, обратно не подняться, а до крыши супермаркета все еще слишком далеко — но секундой спустя его ноги нашли спасительную опору карниза, и он понял, что это окно квартиры второго этажа. Сквозь стекло Корби увидел чужую кухню. За

обеденным столом на высоком стульчике сидел четырехлетний мальчик. Он тоже смотрел на Корби, его рот был приоткрыт, рука с ложкой, полной разведенных в молоке шоколадных хлопьев, застыла в воздухе. Корби показался мальчику язык. Тот засмеялся. Ноги надежно стояли на карнизе, так что Корби позволил себе освободить левую руку. Форточка была открыта, и ему удалось ухватиться за раму окна. Крыша супермаркета была в двух с лишним метрах под ним.

— Кондиционеры, — подсказал сверху Ара. — Прыгай на них.

Кондиционеры — огромные белые монолиты с забранными мелкой решеткой круглыми подувами — стояли не прямо под стеной, а примерно в метре от нее. Корби казалось, что либо под ним провалится решетка, либо он промахнется и ударится об угол стального ящика. «Будет глупо после всего, что случилось, свернуть себе здесь шею», — подумал он и с криком прыгнул. Решетка лязгнула, но не провалилась. Он замер с часто бьющимся сердцем. Кондиционер негромко шумел под ногами, белый корпус вибрировал, и тело вибрировало вместе с ним. Корби посмотрел вверх. Ник показал ему большой палец. Чувствуя безумную свободу, он спрыгнул на крышу.

Ара полз следом; его ноги уже стояли на средней перекладине, фенечки на запястьях вспыхнули золотыми бликами — из-за туч выглянуло солнце. Корби встал под лестницей, но помощь не понадобилась — Ара в точности повторил его маневр: коснулся ногами карниза, переставил руку на раму форточки, помахал мальчику, прицелился и прыгнул.

Ник шел последним. Сверху его никто не страховал, и Корби с замиранием смотрел, как он спускает

ноги за окно и переворачивается на живот. Вот он начал ловить перекладину лестницы мыском ботинка, не поймал — раз, другой; в его действиях было что-то лихорадочное.

— Ник! — крикнул Корби. — Спокойней!

Ара спрыгнул с кондиционера и присоединился к Корби.

— Что он делает?

Ник перестал искать опору и просто выскользнул за окно. Мгновение казалось, что он сейчас сорвется, но он как-то умудрился повиснуть под карнизом на одних кончиках пальцев. В тот же момент из квартиры донесся женский крик. Корби понял, что мать Ары уже пришла. Ник дрожал всем телом, пытался снова встать ногами на лестницу, но ему это никак не удавалось.

Из окна высунулся Крин. Он увидел Корби и Ару внизу, увидел Ника — и схватил его за руку. Другая рука Ника сорвалась, он повис в воздухе. Мгновение его держал только Крин, потом Ник смог по-настоящему ухватиться за лестницу и вырвал руку. Он повернулся к стене боком, так что перекладки лестницы оказались между его руками, и быстро пошел вниз. Он был не таким ловким, как его друзья, но превосходил их в силе. Несколько долгих мгновений Крин обессиленно смотрел на подростка, которому только что спас жизнь, потом бросился обратно в квартиру.

— Он нас обойдет, — сказал Ара.

Ник поставил ноги на оконный карниз и, не перехватываясь, прыгнул. Решетка кондиционера жестко грохнула под его ногами. Еще через мгновение он спрыгнул на крышу, тяжело дыша.

— Бежим! — крикнул Корби.

К стене супермаркета был пристроен трансформатор (несколько лет назад они даже забирались на него). Они вихрем пронеслись по крыше, их кроссовки подняли в воздух тучи серебристых брызг.

— Стойте! — закричала у них за спиной мать Ары. Ара, не оборачиваясь, прыгнул на залитую варом крышу трансформаторной будки, а с нее быстро спустился на землю. Корби и Ник последовали за ним. Крина нигде не было видно, но Корби знал, что очень скоро следователь начнет их нагонять. Возможно, на машине.

— Сюда, — позвал он, и побежал вокруг дома, снова во двор, навстречу Крину.

— Ты спятил! — вскрикнул Ник.

— Спрячемся, — еле дыша, ответил Корби. Он выжал максимальную скорость и бежал даже быстрее, чем тогда, когда его гнали охранники Токомина. Сейчас он знал, что бежать недалеко: либо успеют, либо нет. Они пересекли газон, обогнули угол дома и увидели спуск в подвал, к которому их вел Корби. Не считая ступеней, Корби прыгнул вниз. Его руки ударились о бетонную стену, он задохнулся от боли. Ара и Ник налетели на него сзади, и они все повалились на асфальтированный пол. Наступила тишина. Корби слышал лишь стук сердца и дыхание друзей. В закутке пахло мочой, от двери подвала тянуло холодом. Прошла секунда, и мимо кто-то пробежал: один человек, потом второй. Корби чуть приподнял голову и увидел, как спина Крина исчезла за углом дома.

— Есть, — выдохнул он.

— Хитро, — похвалил Ник. Они выбрались из укрытия, быстрым шагом, иногда переходя на бег, пересекли двор и вышли на следующую улицу. Им повезло: к остановке в ста метрах впереди подходил автобус.

— Какой номер? — спросил Ара.

— Неважно. Главное — скрыться.

Они побежали снова. Автобус закрыл двери и начал отходить от остановки, но Корби замахал ему рукой. Водитель, увидев шальных ребят, бегущих по обочине дороги, притормозил. Они запрыгнули внутрь. Ник открыл турникет своим проездным.

— Ставки за наши головы повышаются, — сказал Корби. Они рассмеялись. Ара упал на ближайшее сиденье. Корби сел напротив. Ник сложил руки на поручне и встал рядом с ними.

— Что будем делать дальше? — спросил он.

— Поедем в клуб «Сакрифайс». — Корби вкратце рассказал им про уговор с Комаром.

Клуб располагался в полуподвальном этаже старой четырехэтажки. Вход был с квадратного двора, одну половину которого занимала автостоянка элитного многоквартирного дома. Другая, ближе к клубу, превратилась в площадку для мастеров граффити. По кирпичным стенам струились и перетекали белые, голубые и фиолетовые фантастические лица. В одном из них Корби угадал Курта Кобейна.

— Художник был психопатом, — заметил Ник, когда они дошли до середины двора.

— Почему? — спросил Ара.

— Я здесь не всех узнаю, — сказал Ник, кивнув

на лица, — но все, кого я знаю — это покончившие с собой музыканты. Йен Кертис. Курт Кобейн. Ингве Олин и Дейв Леппард. Вы их не знаете. Это шведские металлисты.

Корби стало слегка не по себе.

— Клуб называется «жертвоприношение». Наверное, поэтому такая подборка.

На афишах перед входом висели объявления концертов, листки с предложениями арендовать помещения клуба для репетиции или поступить в школу молодых музыкантов. Корби толкнул дверь. Слева была маленькая касса, справа — закрытая на лето раздевалка. Они прошли мимо нее и наткнулись на охранника.

— Билеты, — преграждая им путь, потребовал тот. Из глубины клуба доносилась приглушенная музыка.

— А сколько стоит вход?

— Двести.

— Со всех или с человека? — без надежды уточнил Корби. Охранник усмехнулся.

— Прикальваешься? С человека.

Они переглянулись.

— У меня ровно пятьсот, — напомнил Ара.

— У меня только мелочь, — сказал Ник. — Может, рублей пятьдесят наберу.

— Вы вообще совершеннолетние? — спросил охранник.

— У вас же там таблички висят про кружки для детей.

— Сегодня концерт и пиво. С четырех пускаем только старше восемнадцати.

— Пошли, — сказал Ник. — Неважно, сколько

нам лет, у нас все равно нет таких денег.

Они поднялись обратно на улицу. Лица музыкантов смотрели на них своими нарисованными глазами.

— И что теперь? — спросил Ара.

— Похоже, твой друг тебя кинул, — сказал Ник. — Или рассчитывает, что ты заплатишь за вход.

— Давайте позвоним ему, — предложил Корби. — Я с его телефона звонил тебе. Он должен был остаться.

Ник достал мобильник, пролистал последние вызовы.

— Есть. Держи.

Корби взял трубку. Некоторое время на линии были только гудки, потом Комар снял трубку.

— Это кто?

— Корби. Стою у входа в клуб. Не пускают.

— Срань господня! Ты пришел.

— С друзьями.

— Это хорошо. Ждите. Я выйду через минуту.

Корби вернул Нику телефон.

— Должен вас кое о чем предупредить. У Комара тяжелый характер, и, когда мы познакомились, он бесил всех, кроме меня.

— Комара? — переспросил Ник.

— Его так зовут все сверстники. Даже малознакомые.

— Понятно, — сказал Ара.

Двери клуба открылись, и появился Комар. Он выглядел забавно — Корби заподозрил, что Аня отдала ему свои старые джинсы, а кроссовки он, очевидно, не смог раздобыть, поэтому на ногах у него были лакированные ботинки, выглядевшие совершенно не-

уместно.

— Красная челка, — сказал Ник. — Что-то напоминает.

Комар увидел Корби и весь дернулся.

— Где мои шмотки? Ты убил мои шмотки?!

Корби скинул с плеча Арин рюкзак.

— Все здесь. Успокойся.

Комар выхватил рюкзак у него из рук.

— Что ты с ними сделал? То же, что и с предыдущими?

— Просто снял, чтобы целее были. Я в его одежде. — Корби указал на Ару.

— Этот негр — твой друг?

Черный брат поднял брови.

— Ара и Ник, — представил Корби. — А это Комар.

Ник протянул Комару руку. Вместо того, чтобы ее пожать, Комар открыто его разглядывал.

— Значит, вы друзья. Ну, пойдете, раз никому из вас не хватило мозгов войти самому. — Он закинул рюкзак со своими вещами за плечо и пошел в клуб. Ник и Ара переглянулись.

— Пойдем, — сказал Корби. Они пошли за Комаром. Тот остановился перед охранником.

— Это группа. Вот ударник, — он ткнул в Ника, — видишь, руки жилистые какие. А это басист, — он ткнул в Ару, — ему почти ничего делать не надо. Гитарист и фронтмен, — Комар показал на Корби, — просто звезда.

Корби видел, что Ник не может скрыть скептического выражения.

— А где их инструменты?

— Да ты че, мужик? Сюда без инструментов хо-

дят. Я же без гитары.

— Раньше ходил с гитарой.

— А теперь без гитары. И они без инструментов.

— Ну и как они докажут, что они группа?

— Послушай, ты же меня знаешь.

— Тебя знаю. А их — нет.

— Да они классные музыканты. Отлично играют. Лучше меня.

Громила сонными глазками изучал Корби и его друзей.

— Классные, значит. А почему сразу не сказали, что группа?

— Ну мы же все равно не в зал пойдем, — устало сказал Корби. — Деньги надо платить за вход на концерт, а мы туда пойдем, в комнаты.

Охранник причмокнул губами.

— Ладно. Зайду проверю, как вы там играете. Если не играть пришли, никогда больше сюда не вернетесь. И ты тоже. — Он ткнул пальцем в грудь Комара. Комар поднял руки, как будто на него навели не палец, а дуло пистолета.

— Ладно, ладно, будем играть. — Он повернулся к Корби и остальным. — Ведь будем играть?

Ара нерешительно кивнул.

— Вот и зашибись. — Комар отстранил руку охранника и вошел в клуб. Они последовали за ним.

— Классные музыканты, — повторил Ник. — И как мы будем играть?

— Да он забудет, — отмахнулся Комар. — В зал мы действительно не пойдем, а что мы там делаем, ему плевать.

Музыка зазвучала громче, потом они свернули в боковой коридор, и она снова начала отдаляться.

Горели тусклые лампы, вдоль стен извивались нарисованные руки и лица. И Корби охватило странное предчувствие.

Глава 25

УПУЩЕННОЕ ЗВЕНО

В помещениях клуба было жарко, витали запахи табака, электричества, старой мебели. В полутьме расходящихся коридоров фосфорически мерцали зеленым и голубым призрачные лица; их искаженные черты охватывали рамы нарисованных окон, за которыми открывался вид на фантастический черно-желтый город с дождливыми ночными улицами, полными темных пешеходов в плащах и шляпах. Поверх безумных рисунков кто-то повесил фотографии в рамках: дети и подростки из школы современной музыки.

— Странное место, — сказал Ник.

— Рыжей бы здесь понравилось, — заметил Ара.

— Да и всем «Зеленым Созданиям», наверное.

— Кто это? — поинтересовался Комар.

— Местная группа из нашего района.

— Значит, вы в теме?

— Рыжая, их ударник — моя девушка.

— А ты? — Комар глянул на Ника.

— Слушаю металл, — лаконично сообщил Ник.

— Слушает металл, — с выражением повторил Комар. Ник пристальным и одновременно рассеянным взглядом скользил по настенным граффити. Кор-

би подумал, что с ним что-то не в порядке, но спросить не успел.

— Сюда. — Комар толкнул одну из дверей, и они оказались в маленьком зале — стены и потолок закрыты металлическими сетками, из-под которых торчит дранка звукоизоляции, по углам серые кубы колонок. На составленных вместе стульях светился огоньками запутавшийся в проводах микшерный пульт. В центре помещения на коленях стоял огромный парень с чуть ли не полуметровым зеленым хайром над головой и возился, выстраивая гирлянду из гитарных педалей. В кресле рядом с пультом сидел мальчишка с дредами. Он помахал вошедшим рукой, и Комар подошел к нему.

— Это кто? — спросил мальчишка.

— Они не будут арендовать инструменты. Мы просто посидим, хорошо?

— Лады. Добро. Чувствуйте себя как дома.

Комар вывел Корби и его друзей обратно в коридор. Они пошли назад, потом повернули в какую-то другую сторону.

— А он кто? — поинтересовался Корби.

— Этого чела зовут Главный. Он как бы никто, но об аренде инструментов договариваются с ним. — Комар провел их в пустую комнату. На столе у стены горела настольная лампа, в круг ее света попадала мятая ученическая тетрадь, обрывок гитарной струны, пачка сигарет и пустая бутылка из-под пива. Дальше начинался полумрак, в котором угадывались очертания ударной установки.

— Вот здесь я и музицирую. На этих двух крошках. — Комар показал в угол, справа от входа в комнату. Там на подставках стояли две гитары. Ник присел

на корточки рядом с ними, его лицо скрывала полутьма. — За барабанами пиво. Можете брать.

— Хорошо. — Корби запрокинул голову и посмотрел вверх. Высокий потолок, под ним какие-то трубы.

— А можно посидеть за установкой? — спросил Ара.

— Да, вперед. Она все равно говенная, так что ею здесь почти никто не пользуется. — Комар плюнулся в большое раздолбанное кресло, открыл рюкзак Ары и начал придирчиво изучать свою одежду. Корби медленно двинулся вдоль стены, затянутой драпом, под которым угадывалась та же металлическая сетка, что и в зале с Главным. Ник прижал, а потом отпустил струны гитары; та еле слышно тренькнула. Корби охватило странное чувство, что он уже был здесь, чувствовал эту душную смесь запахов, видел этот свет, эти стены с рисунками, эти инструменты. У него начала слабо болеть голова. Он подумал, что это от духоты и усталости, но больше всего от того, что он не знает, что делать дальше. Он осторожно глянул на друзей. Ара сидел за ударной установкой, но не барабанил. Лицо Ника тонуло в полумраке, только блестели глаза. Он внимательно рассматривал гитары. Одна была красная с треугольной декой, другая — черная с обтекаемой декой, изгибающейся у основания грифа двумя вершинами-полумесяцами. Под струны на гриф кто-то наклеил вырезанные из бумаги желтые осенние листочки.

Корби поймал себя на том, что вместе со слабой головной болью к нему в голову пришел странный туман. «Надо сосредоточиться, — через силу подумал он. — Скоро они спросят меня о том, что мы будем

делать дальше. И что я им отвечу?» Из задумчивости его вывел нервный возглас Комара.

— Чья это кровь?

Корби обернулся. На лице Комара застыла брезгливая гримаса. Двумя пальцами он держал окровавленный Анин нож.

— Моя, — ответил Корби.

— Ага. Судя по виду ножа, она вытекла вся, и я говорю с призраком.

— Я порезал только пальцы на руке. — Корби показал Комару тыльную сторону ладони. Через подушечки пальцев шла кривая полоса запекшейся крови. — Естественное следствие ношения ножа в кармане лезвием вверх. Извини, если испачкал твои джинсы.

— Почти не испачкал. Ты как-то отчаянно все делаешь.

— Ты ходил с ножом? — спросил Ара.

— Какое-то время мне казалось, что он может понадобиться.

— Думал, тебя прирежут, как твоего дедушку? — уточнил Комар.

— И это тоже.

— Знаешь, я думал, что ты не приедешь. Я даже был в этом уверен. — Комар нервно покачивал в руке одну из своих кроссовок. — И знаешь что еще?

Корби сел за стол напротив него.

— Нет.

— Мне было довольно спокойно. В смысле, я не парился. Сказал себе, что никогда не увижу свои гребаные вещи и никогда не увижу этого гребаного засранца, и мне стало спокойно. — Комар бросил кроссовку на пол. Звук падения вышел глухим и слабым, потонул в ватной тишине звукопоглощающих стен.

— А теперь выходит, что мы все еще друзья, раз ты вернул мне мои шмотки. Ты ходил с окровавленным ножом в моем кармане. И я начинаю париться.

— Ты знаешь обо всем, что случилось, — сказал Корби. — Погиб мой одноклассник. Его убили какие-то люди. А мы трое это видели. Потом убили моего деда. Это главные вещи.

— А Ане утром ты сказал другое. Про похищение, про сумасшедшего психиатра.

Корби стянул с головы кепку, бросил ее на стол; алая прядь высвободилась и упала на лоб.

— Все это связано. В ночь после смерти Андрея у меня поехала крыша. Дед нанял черного психиатра, и они не дали мне покончить с собой.

Ара тихо зазвенел тарелкой. Корби вдруг осознал, что черный брат до сих пор ничего не знал об этом.

— Потом я сбежал из отделения. Думал, что найду способ убить себя, когда мне никто не будет мешать. Но меня похитил сумасшедший отец погибшего парня.

— Карточка, — сказал Ара. Он встал из-за ударной установки, снова нечаянно звякнув тарелками, подошел к Корби и выложил в центр стола белый прямоугольник «West Wind».

— Да. Помнишь, я тебе, Паше и Ане рассказывал, что было пари? — спросил Корби. Комар кивнул, переводя сосредоточенный взгляд с Корби на его друзей и обратно. — Это магнитный ключ. То, что украл Андрей. Его отец — бизнесмен, работает в сфере строительства. Его люди отвезли меня в строящийся небоскреб в Москва-Сити, где все открывается такими же карточками.

— Зачем ты ему все это рассказываешь? — вдруг взорвался Ник. Корби удивленно посмотрел на него. — Кто он такой? Какое отношение он имеет ко всему этому? К этой истории? К нам? Ты вернул ему его одежду. Ну и пойдем отсюда. Он не часть банды. Все это не его дело.

— Не мое? — негромко спросил Комар. — А по-моему, оно уже стало моим. Здесь могут быть два основания. Замешанность в истории. Она есть, потому что моя одежда в чьей-то крови. И личная заинтересованность в Корби. Она есть, потому что он мой друг уже десять лет. А сколько ты его знаешь? Четыре года?

— Хочешь посоревноваться, кто знает его лучше? — спросил Ник. Ара испуганно переглянулся с Корби.

— Это бессмысленный спор, — сказал Корби. — А Комар единственный человек, который может нам помочь. Нам больше некуда идти.

— Значит, вот почему ты вернулся? — спросил Комар.

Корби мгновенно осознал, как прозвучали его слова. Его руки вспотели.

— Вы все мои лучшие друзья.

Комар рассмеялся.

— Так не бывает. Лучший друг может быть один. Ну, максимум два. Мы все твои друзья. Но не все лучшие. — Он повернулся к Нику. — Что ты знаешь о его жизни? Он хоть что-то тебе рассказывал о своем прошлом? Нет.

— Только потому, что я не спрашивал, — ответил Ник. Корби по-прежнему не мог понять, что с ним такое: он иногда смотрел на Комара, но потом его

взгляд отвлекался, а лицо искажалось, будто к нему подступали призраки.

— То есть, ничего. Ничего ты про него не знаешь.

— Я знаю, что он жил эти четыре года в аду.

— Я знаю, как он резал вены. А что ты об этом знаешь? Ведь это центр ада.

— Хватит! — закричал Ара. — Хватит его делить. Мы здесь не для того. Хватит сориться.

— Да? — спросил Комар. — А для чего? Чтобы вместе целовать ему задницу? Нет уж, извини.

Корби вскочил и влепил ему пощечину, звонкую и жесткую. Голова Комара мотнулась в сторону. Корби уронил стул, повернулся и пошел на Ника.

— А теперь ты! Бешеный! Успокойся. Будешь отвечать за все, что сказал.

Ник стоял неподвижно и смотрел то на него, то мимо. Корби до него не дошел — на нем сзади повис Ара, и они вместе повалились на пол. Комар по-прежнему сидел за столом, его щека покраснела. Корби перестал вырываться.

— Отпусти меня, — попросил он. Ара отпустил. Корби встал с пола и посмотрел на Ника. — Вот что. Мы примем Комара в банду.

— Где здесь туалет? — неожиданно спросил Ник.

— Направо, прямо и налево. — Комар пошевелил челюстью, попробовал тронуть щеку кончиками пальцев. — Там мальчик с девочкой нарисованы.

Корби поднял опрокинутый стул.

— Ник, ты вообще в порядке?

— Да. — Ник на мгновение зажмурился. — Я вернусь. Мы с ним пожмем друг другу руки. И все

будет нормально.

Он вышел из комнаты.

— Банда? — спросил Комар.

— Да. Что-то вроде. Мы трое дали клятву стать лучшими, настоящими, не такими, как наши предки.

— Мне нравится, — сказал Комар. Ара посмотрел на него.

— Ты говорил, есть пиво.

— За ударной установкой. Ты на нем практически сидел.

Ара принес четыре бутылки. Корби сел за стол, отодвинул все лишние вещи; посередине столешницы осталась только лампа и карточка Андрея в круге ее света.

— На чем я остановился?

— Отец твоего одноклассника — богатый перец. Имеет какое-то отношение к небоскребу.

— Да. У него личная служба охраны. Они поймали меня, отвезли к этому небоскребу, подняли на верхний этаж и угрожали сбросить с крыши, если я не расскажу, кто убил его сына. Но я не знал. — Корби потер лоб, отбросил прядь. — Отец Андрея оставил меня на крыше и сказал, что едет ловить моих друзей. Меня спас сумасшедший чувак, который поднимался на парашюте с крыши соседнего небоскреба. Он прилетел и дал мне парашют, чтобы я мог спрыгнуть на землю.

— И потом тебя тащило за грузовиком? — спросил Ара.

— Да, и потом вы все знаете.

Комар кивнул.

— Ты приехал обхитрить жильцов из своей старой квартиры, но они обхитрили тебя. Ты упал в обморок, и мы принесли тебя в Анину квартиру. Ты очнулся на следующий день, а через час стало известно, что у нас в подъезде порешили твоего деда.

— Потом я заново собрал банду. И мы убежали от полицейских, которые очень хотели с нами поговорить. Здесь дело еще в том, что после смерти Андрея я стрелял в его убийцу из пистолета, который украл у деда. С тех пор у меня проблемы с законом. Дед меня почти отмазал, но теперь его нет.

— Ты стрелял в его убийцу? Ты раньше ничего про это не говорил.

— Стрелял. Мог задержать их и сдать в полицию, но испугался, что будут проблемы из-за пистолета деда, и отпустил.

— Корби, хорошо, что ты сейчас все это рассказал, все вместе, — сказал Ара. — Ты знаешь, что нам делать дальше?

— Нет, — честно ответил Корби.

Комар взял карточку Андрея и повертел ее в пальцах.

— Это типа все, что у вас есть?

— В каком смысле? — не понял Корби.

— Ты знаешь, кого, когда и как. Но не знаешь, кто и за что. Нормальная детективная ситуация. Я люблю детективы.

— Думаешь, мы можем найти преступников?

— Если это все, что у вас есть, то не можете. Но если сложить это с другими составляющими, возможно, картинка сложится. — Комар вернул карточку в центр светового круга. — Ты говорил, его столкнули с крыши.

— Да.

— С какой?

— Нашей школы, — ответил Ара. — Мы стояли внизу и все видели. Он бросил нам эту карточку. Я ее поймал.

— Еще он что-то кричал, — вспомнил Корби. — «Корби, ты должен...» — начал он, а закончить не успел.

— Это было позавчера, — прикинул Комар. — Выходной день. Лето. В школе ни души.

— Верно, — сказал Ара. — А ты умный. Но что это дает?

— В школе ни души. Как он оказался на крыше? Ара и Корби переглянулись.

— Это первый большой вопрос.

— Понятия не имею, — признал Корби.

— Что вы вообще о нем знаете? Что он делал и говорил в день своей смерти?

— С ним больше всего общался Ник. Но даже он поверхностно.

— И еще, какую часть происшедшего вы не видели? Я бы сказал, что это три маленьких вопроса, без которых не решить один большой.

— Мы видели все, кроме того, как он вошел в школу, — сказал Ара.

— Значит, вопрос о крыше равен вопросу о том, чего вы не видели. — Комар ухмыльнулся. — Приятно строить из себя сыщика.

Корби тяжело вздохнул. «Ник, — вдруг ясно осознал он, — все вопросы Комара как будто заданы ему. Он знал Андрея. Он управлял вертолетом, а значит, имел самый подробный обзор. И он единственный был у тела Андрея». Он ощутил укол тревоги.

Ник говорил про свою странную растерянность, забвение и даже безумие. Вдруг Андрей умирал медленно? Вдруг он договорил свою фразу насчет того, что Корби должен? Вдруг он сделал что-то, или при нем было что-то? Все это мог знать только Ник.

— Что-то Ника долго нет, — нервно заметил он.

— Это не так уж плохо, — ответил Комар. Внезапно его лицо изменило выражение. Корби проследил за его взглядом и увидел, что в дверях комнаты стоит охранник.

— Пиво вижу, а музыки не слышу.

— Ударник в туалет вышел, — мигом нашелся Комар. — Сейчас вернется, и будем играть.

— Что ты мне лапшу вешаешь? Они вообще не музыканты, просто твои друзья со двора.

— Ничего подобного, — возмущенно заявил Комар.

— Тогда пусть сыграют.

Комар лихорадочно облизнул губы.

— Да вот он сейчас сыграет. — Он кивнул на Корби. Корби попытался выражением лица показать ему, что это плохая идея. — Вон на той, на черной. Она включена.

Громила фыркнул.

— Ты хоть знаешь, с какой стороны ее держать?

— Да, пару раз в кино видел, — отшутился Корби.

— У него особенный стиль, — сказал Комар. — А руки неправильно ставят почти все. Я вот неправильно ставлю руки, и что?

Охранник ухмыльнулся.

— Если он три аккорда сыграет, я уйду. Слово даю. Только он не играет. А ты, пока я на работе,

сюда больше не войдешь.

Корби осторожно снял гитару с подставки. Гриф был теплым, струны, наоборот, казались холодными и жесткими, пружинили под пальцами.

— Ремень через плечо перекинь, — подсказал охранник.

— Да за кого вы его держите? — Корби отстраненно подумал, что за все эти годы у Комара не исчезла привычка идти до конца даже в самом безнадежном деле.

— Что, парень, пас?

Корби медлил. Он чувствовал вес гитары в своих руках, гладь ее лакированной поверхности, видел шнур, идущий вдоль стены к другому углу комнаты, где стояли черные блоки комбиков.

— Нет, — сказал он. Собственный голос показался ему глухим и странным. У него появилось чувство, будто он падает навзничь, даже пришлось сделать шаг назад. Но он не падал, а уверенно стоял на ногах. Он перекинул ремень гитары через голову и поставил руки на струны. Улыбка охранника застыла, а потом начала таять. Ремень был широким и потертым, удобно лежал на плече. Корби тронул струну и услышал, как у него за спиной загудел, завибрировал динамик комбика. Последнее, что он успел увидеть, было удивленное лицо Ары, повернувшегося к нему на своем стуле у стола. А потом темнота комнаты исчезла, и сквозь нее проступила другая темнота — темнота ночного неба.

Глава 26

ДОМ МРАКА

Корби оказался в безграничном пространстве расчерченной огнями темноты. Он стоял на сцене, бесконечной линией уходившей налево и направо. Такой же бесконечной линией тянулись вдоль нее софиты, холмики суфлерских рубок, ударные установки. Бесконечной была и толпа зрителей. Люди стояли тихо: ни шороха, ни дыхания, ни слова — неподвижные лица, ожившие маски, воплотившиеся мертвые монстры с рисунков на стенах клуба. Каждый и каждая могли бы стать песней. Все вместе они огромный черный клад. Откуда-то Корби помнил их, откуда-то знал. Он почувствовал, как перебирает струны. Его охватил ужас. Не он двигал своей рукой, но он понимал, какую музыку играет. Он играл гипнотическую мелодию, которая вбирала в себя весь калейдоскоп страданий и смертей, все бесконечное множество историй о падении и гибели. Он играл мелодию масок.

Он играл и видел, как в их полных мрака глазах отражается мир кирпичных стен и выбитых окон, где развращенные души могут летать со скоростью света, где спорают по кусочку траченные червоточина-

ми сердца, где черные призраки идут сквозь дождь, чтобы танцевать с осенними листьями на окраинах вечно темного города. Край сцены превратился в пропасть, в шов, по которому смыкаются миры. Переступи через него, и ты никогда не вернешься назад. Ты станешь одной из масок, одной из историй, одной из колыбельных, которые, засыпая, поет себе сытое чудовище. Ты станешь им самим, его холодной плотью и кровью. Корби пытался противостоять, противопоставить этому хоть какое-то доброе заклинание, хорошее воспоминание, но ничего не получалось. Сумрачные образы заполнили его сознание: крыши, с которых кто-то сорвался, опустевшие троны и пьедесталы, пыльные плиты дворцовых зал, почерневшие страницы книг, которые теперь перелистывает только ветер. Тысяча мест мира, предназначенных для счастья и славы, превратились в пустоши. И сам он был мертв, или хуже, его никогда не было, он не существовал по-настоящему, он был маской, только начавшей догадываться, чье лицо закрывает, и удерживался в этой иллюзии непозволительно, роскошно долго. Но вот, пришло время сорвать маски, или наоборот, соединить их с лицами навеки, чтобы никто уже ничего не узнал и никогда никуда не сбежал.

Руке было тепло, она как-то странно скользила по струнам. Казалось, вот сейчас эта затянувшаяся импровизация закончится, ему позволят опустить гитару и сделать перед молчаливой публикой жутковатый марионеточный поклон. Но этого не происходило. Песня рассыпалась, ускользая меж дрожащих струн, собиралась снова, в новой формации, с новым ритмом и рифмами, ухватывала крошечный аспект настроения — и рушилась опять. Волны. Листья.

Кровь. Асфальт. Сироты. Лезвия. Глаза. Крик. Корби начал догадываться, что у этой песни нет конца. Она была змеей, пожирающей свой хвост.

— У тебя кровь идет, — прорвался сквозь видение испуганный голос Комара. Корби почувствовал, что кто-то схватил его за руки и заставляет перестать. Он слышал, как захлебывается, опадает мелодия. Ему, наконец, удалось остановиться. Руку жгло болью. Комната медленно проступила сквозь видение масок, но само видение не рассеялось, а продолжало стоять перед глазами. Это было все равно, что постоянно видеть одним глазом одно, а другим другое. С ним это уже происходило — вчера утром, когда он всю ночь смотрел безумные сны, а потом, стоя перед зеркалом в ванной, увидел, как сквозь его лицо проступает чужое. Теперь ощущения повторились, но стали сильнее.

Охранник ушел. Гитара все еще висела у Корби через плечо, а Комар мягко держал его за обе руки.

— Ну ты и шутник. Не сказал, что умеешь играть. Где же ты раньше был? Мы бы такую группу...

— Я не умею играть, — оборвал его Корби. С руки на пол падали крупные капли крови: порез от ножа открылся и снова кровоточил.

— Ты сейчас играл. Круто играл.

Корби полуослепшими глазами смотрел ему в лицо.

— У меня расфокусированный взгляд?

— Да. Станный, как у твоего злобного друга. Вы что, обдолбались, что ли, по дороге сюда? — Комар помог Корби снять гитару с плеча. К ним подбежал Ара. Он где-то раздобыл бумажную салфетку и сунул ее в кровоточащую руку Корби.

— Где Ник? — спросил Корби. — Его надо спасать. У меня галлюцинации, и у него тоже.

— Если бы я так играл под кайфом...

— Это совсем не похоже на кайф. — Корби, шатаясь, вышел в коридор. — Пойдем. Надо срочно найти Ника.

Они прошли мимо изображения Джима Моррисона. Его лицо в нимбе вьющихся волос слабо светило в полутьме. Корби шарахнулся от прямого взгляда его глаз.

— Ты можешь объяснить, что это было? — истерически спросил Ара. — Что вообще происходит?

— Я ошибался. Я думал, Ник изводит себя раскаянием, а он по-настоящему сходит с ума. Точно так же, как я.

Ара замотал головой.

— Что ты такое говоришь? Ты только что здорово играл на гитаре. Как ты это сделал? Я же знаю, ты не умеешь.

— Где может быть Ник?

— Он шел в туалет.

Их нагнал Комар.

— Здесь налево.

Они повернули. Корби шел неровной, дергающейся походкой, быстро, как только мог. Ему казалось, что рисунки смотрят на него со стен, шевелятся, шепчут. Салфетка в руке насквозь пропиталась кровью. Они прошли мимо двери, за которой звучала приглушенная музыка, повернули еще раз и увидели вход в туалет. Корби ворвался в него, одну за другой толкнул двери кабинок. Во всех было пусто.

— Да что ему будет? — спросил Комар. — Может, он вообще обиделся и уехал.

— Он не такой.

— Послушай, мы ведь можем просто ему позвонить, — предложил Ара. — А ты пока полей руку холодной водой. Кровь быстрее остановится.

— Хорошо. Звони. — Корби бросил набухшую от крови салфетку в мусорный бак, открыл кран, сунул порезанные пальцы в поток холодной воды. Розовая лента крови зазмеилась по белому кафелю раковины.

Ара набрал номер Ника.

— Не берет.

Корби напряженно смотрел на него. Ему казалось, что он может различить приглушенное эхо гудков.

— Мы теряем время. Мы должны найти его.

— Ник! — внезапно воскликнул Ара. — Ник, где ты? — Он встретился с Корби взглядом. Его лицо было очень напуганным. — Ник, куда ты пропал? Я тебя плохо слышу. Какая ловушка? Куда бежать?

— Он галлюцинирует, — сказал Корби. — Дай я с ним поговорю.

Ара передал ему трубку.

— Ник, это я.

Ник странно рассмеялся.

— Зачем ты нас сюда привел? Чего ты добиваешься?

— Что ты видишь?

— Андрея.

— Это просто галлюцинация.

— Нет. Я вижу его на фотографии. — Корби понял, что слышит в трубке приглушенную музыку. Значит, Ник все еще в клубе.

— Где ты? — спросил он, возвращаясь в коридор. «Я должен догадаться, где сейчас Ник, — подумал он. — Если он видит то же самое, что и я, куда он мог пойти и что сделать?» Он остановился и, чувствуя, что окончательно сходит с ума, начал всматриваться в рисунки.

— Так я тебе и скажу, — рассмеялся Ник. — Это ты будешь отвечать на мои вопросы. Зачем. Ты. Привел. Нас. Сюда.

Город за нарисованными окнами. Крадущиеся тени в полутьме. Корби пошел вдоль изображения.

— Потому что Комар назначил мне здесь встречу.

— Не прикидывайся идиотом. Зачем тебе все это? Что ты скрываешь? Что ты задумал?

У людей города были лица — не такие, как у мертвых музыкантов, но тоже наделенные индивидуальными чертами. Окно у разветвления двух коридоров открывало вид на парадный подъезд какой-то гостиницы. На переднем плане было такси, к его окну склонялась молодая женщина, закутанная в манто с меховым воротником. Корби, пачкая стену кровью, коснулся изображения.

— Не может быть, — пробормотал он. — Я схожу с ума.

— Ты не сходишь с ума. Ты сводишь с него других.

— Чего не может быть? — спросил Ара.

Корби зажал трубку рукой.

— Скажи, ты ее узнаешь? — Ара вдруг побледнел. — Это она душила тебя в школе. Это ее портрет. Только теперь ее лицо выглядит вот так. — Он провел кровавую полосу по нарисованному лицу от

середины лба и вниз, через переносицу и щеку. Ему показалось, что он снова слышит грохот выстрела, видит, как расходится порванная пулей ткань на черной маске убийцы.

— Ты не сумасшедший, — бледным голосом сказал Ара. — Просто похоже. Тот же тип лица.

Корби повернул в тот коридор, который был со стороны рисунка с девушкой в манто.

— Ник. Ник, ты здесь? — Но в трубке была только музыка. Ник не сбросил вызов, он просто отложил телефон. Корби вернул мобильник Аре. — Не вешай трубку. Вдруг что-то услышишь.

Они вышли в небольшой зал, где стояли металлические ресторанные столики и стулья, обитые красным драпом. На одной стене висели зеркала и фотографии в рамках, на другой были нарисованы окна. Корби остановился и замер. Он почувствовал рядом существо, похожее на призрак, ставшее неотличимым от мертвеца. Для него больше нет препятствий, нет достойных соперников. Ему никогда не очистить свою душу, никогда не выбраться из ада. Медленно, как в дурном сне, он обернулся и посмотрел налево. За крайним столиком у стены сидел одинокий юноша. Сквозь нарисованное окно он смотрел на улицу дождливого города. Этой сырой ночью камни мостовой кажутся темно-зелеными. Голубь, застрявший в проводах, умирает во всполохах белого света. Из-за пелены ниспадающих волос, сквозь дымный чад, юноша смотрит на его смерть своими бездонными глазами и плачет. Плачет все его существо. Он оплакивает смерть, хотя несет ее сам и сам ей принадлежит.

— Кто ты такой? — спросил Корби. Юноша-призрак оторвал взгляд от птицы, и Корби почувствовал, что теперь эти страшные глаза смотрят на него. Юноша улыбнулся жестоко и безрадостно.

— Я — это ты.

— Куда ты дел Ника?

— Ник не имеет значения.

Корби бросился на него, ударил в призрачное лицо, но попал в пустоту и повалился грудью на металлический столик. Когда он поднял глаза, перед ним никого не было, лишь в пепельнице истекла тонкой струйкой дыма только что затушенная сигарета. Комар и Ара встревоженно смотрели на него. Ара все еще держал трубку у своего уха.

— Там никого нет, — сказал Комар. — Корби, что ты делаешь?

— Ничего. — Корби обессиленно опустился на ближайший стул.

— С кем ты разговаривал?

— Ни с кем. Неважно. Мне уже лучше. — Это была правда — Корби чувствовал, что видения на время почти оставили его: свет казался ярче, рисунки на стенах больше не шевелились. — Ник должен быть где-то здесь.

— Почему?

— Я уверен. Поищи его дальше по коридору.

Ара послушался, но не успел сделать и двух шагов, как Ник сам вошел в зал. Он выглядел, как наркоман во время бэдтрипа, его лицо блестело от пота. Он увидел друзей и остановился.

— Ник, ты нас видишь? — спросил Корби.

— Так же ясно, как и Андрея.

— Здесь нет Андрея, — сказал Ара.

— Ты уверен? — Ник подошел к стене, ткнул в одну фотографию, потом в другую. — Что это, Корби? А это что?

— Фотографии...

— Не прикидывайся идиотом. Ты знал, ты не мог не знать. — Голос Ника сорвался. — Ты хотел, чтобы мы окончательно спятили! Ты все это устроил!

Корби непонимающе взглянул на него, потом снова на фотографию — и только теперь увидел, на что Ник показывает. Рядом с ударной установкой, незаметный в толпе других подростков, стоял Андрей. В руках у него была та самая черная гитара с декой, изогнутой в форме двух полумесяцев, с желтыми осенними листочками на грифе.

— Не может быть, — прошептал Корби.

— Хватит. Я больше тебе не верю. Говори правду.

— Но я не знал, что он ходил в этот клуб...

— Опять совпадение?

— Он же не разбирался в рок-музыке, — сказал Ара. — Как это может быть?

— А ты у Корби спроси.

Корби смотрел на фотографию. В ее ламинированной поверхности он увидел отражение своего лица. Только в его лице больше не было ничего своего. Оно стало лицом другого. А Андрей застенчиво улыбался, задвинутый за ряды молодых талантов. И с его лицом тоже было что-то не то. Корби показалось, что он видит улыбку мертвеца или чучела. Кожа была слишком бледной, глаза — безжизненными.

— Сегодня мой первый концерт, и ты не мог не прийти, — тихо сказал Андрей. — Ведь ты мой лучший друг. Я нужен тебе больше всех остальных. А ты

— единственный, кто нужен мне.

Еще раз щелкнула ослепительная фотовспышка, и толпа подростков зашевелилась, убирая с лиц чрезмерные улыбки. Корби стоял посреди зала. Справа и слева от него шли два ряда раскладных кресел. Он заворожено смотрел, как Андрей выходит из толчи других ребят и, придерживая гитару, спрыгивает со сцены. Он шел прямо к нему. Вдруг его лицо начало меняться — живая болезненная гримаса прорвалась из-под восковой маски, губы задрожали, на них показалась кровавая пена. Глаза заблестели от слез. Его волосы снова были темными от крови. Он рванул вперед, но его ноги подкосились, и он начал падать на Корби. Корби хотел подхватить его, но не смог: призрачное тело Андрея прошло сквозь его руки. На мгновение они оказались лицом к лицу.

— Ты должен использовать видения, — прошептал Андрей и, распадаясь, проскользнул сквозь Корби. Корби обернулся и увидел, как разлагается упавшее на пол тело. По безвольным рукам поползли сизые трупные пятна, пальцы скрючились и покрылись буграми, затылок вспух и позеленел, из раны в расколоте черепа, свиваясь кольцами, выполз трупный червь.

Корби закричал и понял, что снова видит пространство кафетерия. Он лежал на спине, на холодном каменном полу между стальных столиков, и Ара несильно бил его по щекам.

— Ник, — прошептал Корби, — ты обязательно должен вспомнить, что ты видел, когда подошел к телу Андрея.

— Разыгрываешь обморочного?

— Разве не видишь, что ему не лучше, чем тебе?

— с нескрываемой яростью поинтересовался Комар.

— Это все ложь. Я не верю в случайности. Корби знал, что здесь был Андрей, и специально привел нас сюда.

— Вам обоим нужен врач, — дрожащим голосом сказал Ара. Корби тяжело дышал. Он все еще видел другой мир, видел, как смерть празднует победу над телом, как кости проступают сквозь истлевший белый свитер, видел, как в метре от разложившегося трупа подростки-музыканты укладывают инструменты в чехлы, надевают куртки и разговаривают со своими родителями.

— Ник, — сказал он, — это не я здесь что-то скрываю. Это ты не рассказал нам, что было, когда ты подошел к его телу.

— Ничего не было, — ответил Ник, но побледнел. Теперь все смотрели на него.

— Почему ты не вызвал скорую?

— Он был мертвый.

— Я тебе не верю. Так же, как и ты мне. — Корби тяжело поднялся. Вокруг него в разных направлениях кружились две комнаты: одна — настоящая, другая — поддельная, пропахшая тленом и полная могильных червей. — Комар правильно сказал, что мы должны найти упущенное, — повторил он, чувствуя, как в своем бреду цепляется за островки разумных мыслей. «Я могу это сделать, — подумал он, — я могу расколоть его прямо сейчас».

— Ник, — сказал Ара, — он говорит правду?

— Никто не выживает при таком падении. — Губы Ника предательски задрожали.

— Ты не вызвал ему скорую.

— Некому было вызывать скорую! — закричал Ник. Корби шагнул к нему и взял его лицо в свои руки. Ник попробовал вырваться, но внезапно ослаб. Кафетерия больше не было. Они с Корби стояли в уже почти опустевшем зале, а у их ног лежал жуткий, вздувшийся труп подростка. — Нет! Я не хочу!

— Ты должен. Вспоминай. — Корби стиснул виски Ника между своих ладоней и заставил смотреть на тело.

Все вдруг сорвалось со своих мест. Подул ветер, появилось солнце — оно клонилось к горизонту, его предзакатные лучи упали на стену школы, вспыхнули в ее окнах пожаром отражений. Андрей лежал на спине, неподвижный, бледный, его глаза были закрыты, светлые волосы медленно пропитывались кровью. В первое мгновение он казался мертвым, но потом вздрогнул и попытался сделать вдох; грудь содрогнулась от спазма, веки затрепетали. Он открыл глаза и странным, жалобным взглядом посмотрел на Ника. Ник замер и не мог сдвинуться с места. Мобильный вспотел в его руке.

— Нет, нет, нет, — шептал он.

— Смотри, — приказал Корби, чувствуя, как немеют руки.

Серебристые капельки выступили на коже Андрея. Они напоминали ртуть, снег, белую золу. Дрожа, изменяясь, они превращались в новое лицо над лицом Андрея, двигались, пока не сложились в маску. Губы подростка побледнели, глаза застыли. Ник порывисто вздохнул, сунул мобильный обратно в карман и, как

сомнамбула, пошел вслед за своими друзьями.

Корби отпустил его. Видение кончилось, они снова были в кафетерии. Обоих трясло. Комар и Ара пристально смотрели на Корби.

— Этого не может быть, — сказал Ник.

Корби устало сел на край столика.

— Ты не можешь говорить, что этого не может быть. Потому что ты не знаешь, что это было.

— А это было?

— Ты видел.

— Ты это тоже видел?

— Да.

— Что ты сейчас со мной сделал?

— Не знаю. Призрак Андрея посоветовал мне использовать видения.

— О чем вы говорите? — спросил Ара.

— У нас общие галлюцинации, — ответил Корби.

— И что вы видите?

— Ничего хорошего, — сказал Ник. — Мне стало легче, но я по-прежнему не знаю, почему я должен тебе верить.

Корби пожал плечами.

— То, что мы попали сюда, не может быть случайностью. Но это устроил не я. — Он посмотрел на Комара. — Давно ты сюда ходишь?

— С полгода.

— Ты знал Андрея?

— Нет, конечно!

— Тебя кто-нибудь просил меня сюда позвать? Заплатил или запугал?

Комар издал стон.

— Все-таки вы обдолбались.

— Слушайте, — вдруг вмешался Ара, — а можно что-нибудь узнать про мальчика с этой фотографии?

— Спроси у Главного. Он всех здесь знает.

Корби взял фотографию и за рамку потянул ее вверх и на себя. Она легко снялась со стены.

— Ты что творишь?

— Потом мы повесим ее обратно. А теперь пойдём к Главному.

Они снова шли по полутемным коридорам с фосфоресцирующими лицами. У поворота, где была изображена девушка в манто, Корби замедлил шаги.

— Видел ее? — спросил он Ника.

— А откуда шрам?

— Это кровь из моей порезанной руки. Ранки снова открылись, и я испачкал стену.

— Я видел ее же в другом окне. Там она в банде и в костюме супергероя.

— Может, там и другие? — спросил Ара.

— Мне показалось, что да. Но их на том рисунке не трое, а больше.

— Значит, люди, убившие Андрея, связаны с этим клубом.

— Не туда. Здесь быстрее. — Комар провел их еще незнакомым коридором, и они снова вышли к репетиционному залу. За двустворчатыми дверями гремел панк. Корби толкнул их и вошел в затемненный зал. Он чувствовал: что-то происходит. С ним, с его друзьями, вокруг них. Их взяли в оборот, заставили играть в одну игру — такую, от которой кровь стынет в жилах. И теперь он очень хотел узнать правила. Он хотел понять и перестать бояться.

Глава 27

АНДРЕЙ

Трэшер с гитарой, периодически наступая на педали, танцевал пого, хайр мотался из стороны в сторону. Вокалист напротив наклонялся вперед и кричал в микрофон. От гроулинга у Корби заложило уши.

— Кроу крау! Ракиррра-а-а! Райнра! Роу-у-у!

— В таком шуме мы не сможем поговорить! — прокричал Корби.

— Я позову его. — Комар подошел к Главному. Корби чувствовал, как вздрагивает под ногами пол. Главный чему-то рассмеялся, оторвался от микшерного пульта и показал на выход. Они вернулись обратно в коридор.

— Пошли туда, где еще тише, — предложил Главный. На вид ему было лет четырнадцать — на полголовы ниже Корби, дремучие дреды торчат во все стороны соломенно-желтым валом. Еще до начала разговора он широко улыбнулся и показал зубы. Они зашли в небольшую комнату, где не было рисунков на стенах. Главный с ногами сел на край письменного стола.

— Так в чем проблемка?

Ник показал коллективную фотографию учени-

ков школы современной музыки.

— Скажи, пожалуйста, светловолосого парня с черной гитарой зовут Андрей?

— А зачем тебе?

— Он был нашим одноклассником, — ответил Корби. — Позавчера его убили на наших глазах.

С лица Главного сошла улыбка.

— Они не врут, — сказал Комар. — Я ручаюсь.

— Андрей, — подтвердил Главный. — Кажется, по фамилии Токомин. Он живет, в смысле, жил здесь рядом. Его комната выходит окнами в наш двор.

Они переглянулись. Исчезло последнее сомнение.

— Он занимался с гитарой? — спросил Ара.

— Не просто занимался. Он оформлял клуб. Очень талантливый пацан, только не в музыке. В смысле, был талантливый.

Корби вспомнил девушку в манти.

— Это он рисовал город за окнами?

— Он нарисовал вообще все. Прошлым летом, каждый день, по два-три часа.

У Корби по спине пробежал холодок. Он переглянулся с Ником.

— И из его окна открывается вид на портреты музыкантов-самоубийц?

Мальчишка с дредами кивнул.

— Ему никто не задавал тему. У людей бывают странные увлечения. Но, по-моему, вышло классно.

От оценки Главного Корби едва не пробило на истерический смешок, но удалось сдержаться.

— Он был немного того. Иногда вроде нормальный — разговаривает, шутки понимает. А потом подходишь — так он смотрит сквозь тебя, будто тебя здесь

нет. А один раз подошел ко мне и спросил, где выход. Это было уже зимой, когда он ходил брать уроки гитары. Я его спрашиваю: «Ты чего? Ты же здесь каждый поворот знаешь». А он: «Простите?» И вежливый такой, будто обедает с английской королевой.

— Типа как шизофреник? — уточнил Комар. — В клуб пришла одна личность, а вышла другая, и память как отрезало.

Корби посмотрел на Ару.

— Слушай, это ведь ответ на твой вопрос. Если Комар прав, то вот как Андрей мог ничего не знать о роке?

— У него здесь были друзья? — спросил Ник.

Главный помотал головой.

— Странные люди с трудом заводят друзей.

— А рисунки людей из города за окнами? — спросил Корби. — Это ведь не музыканты. Они с кого-то списаны?

Главный пожал плечами.

— Не знаю. Все может быть. Я у него над душой не стоял. Он, кажется, не любил, когда на него смотрят. К тому же, когда рисуют баллончиком в узком коридоре, там без респиратора стошнит.

— Ему никто из клуба не позировал? — уточнил Ник. — На стенах нет портретов кого-нибудь из местных?

— Нет. Ни одного. Я бы знал.

У Комара зазвонил мобильный телефон.

— У меня где-то лежит договор, по которому клуб оплатил его работу художника, — сказал Главный. — Могу поискать.

— Э-э-э, — протянул в трубку Комар, — ладно, заходите.

— Нет, спасибо, — ответил Главному Ник. — Это уже не нужно.

Тот спустил ноги со стола.

— А кто убил Андрея?

— Мы не знаем, — сказал Корби. — Мы только видели, как его столкнули с крыши.

Главный поморщился.

— Ну ладно, — недовольно согласился Комар. — Мы подойдем, раз не пускают. — Он сбросил вызов и выругался. — Вот черт!

— Кто это? — спросил Корби.

— Аня. Притащила своего бойфренда, у него вопросы насчет бинокля.

— А откуда они узнали, что я здесь?

— Ну-у, так получилось. Мы говорили по телефону после того, как ты позвонил. Я сказал ей, что ты здесь.

— Пойдем, — решил Корби. — Я хочу извиниться перед ее парнем.

— Кто такая Аня? — поинтересовался Ара.

— Я с ней дружил четыре года назад, как и с Комаром.

— Я бы на твоём месте прятался, — сказал Комар. — Вдруг ее бойфренд решит начистить тебе хлебальник?

— Тогда мы пойдем все вместе, — предложил Ник.

Корби повернулся к Главному.

— Спасибо, ты нам очень помог.

— Жалко парня, — ответил Главный. — Если будут вопросы, приходите еще.

Они двинулись обратно к входу. Главный отстал от них и свернул в репетиционный зал. Коридор

упирался в поворот с нарисованным на нем несимметричным лицом Сида Вишеса. Как и при жизни, он казался спящим наяву, полумертвым, черные волосы пиками втыкались в потолок.

— Значит, убийцы Андрея не связаны с клубом, — подвел Корби. — Но они связаны лично с Андреем. Андрей их знал.

— Как минимум, видел и запомнил. — Ник повернулся к Корби. — Ты знал, где он живет? Только честно.

— Нет. Откуда?

— Совпадение? — предположил Ара.

Корби нахмурился.

— Нет. Нас сюда привели. Я просто еще не понимаю, кто и как.

Ник посмотрел на Комара. Тот нервно шархнул от его взгляда.

— Опять вы за свое?

— Ты здесь полгода? — уточнил Корби.

— Ну да. До этого было местечко поближе к нашему району, но меня оттуда выперли — типа навсегда. Ну и потом, мне здесь нравилось.

— И ты ни разу не встречал Андрея?

— Я же не брал уроки музыки. Просто арендовал гитару. Может, видел его пару раз в коридорах. Не помню. — Комар втянул голову в плечи.

Они подошли к выходу. Охранник проследил за Корби взглядом.

— Новый Джими Хендрикс, — буркнул он. Корби не понравилось его замечание. Он помнил, что Хендрикс захлебнулся в своей блевотине после отравления снотворным. Его лицо должно было быть где-то здесь, среди других, нарисованных Андреем.

— Тут еще двое пришли, — обратился к нему Комар. — Они не так круто играют, но мы хотим с ними попробовать.

— Увижу в общем зале — больше сюда не войдете.

— Не увидите, — ехидно заверил Комар. Они поднялись вверх по ступеням и вышли из клуба. Аня и ее спутник ждали у щитов с афишами, там же, где в прошлый раз остановились Корби и его друзья. У обоих на шее висели связанные шнурками роликовые коньки. Сердце у Корби екнуло: рядом с Аней стоял высокий жилистый парень — стрижка ежиком, темные очки, белая майка с черной надписью на груди: «5Dman: Downshifter, Drugdealer, Driver, Diver, Digger». Корби узнал его, несмотря на новую одежду. Это был Однокрылый Ангел.

Аня достала кошелек.

— Твои полкосаря, — она протянула Комару деньги.

— Она ставила на то, что ты не придешь, — объяснил Алекс, — а он на то, что придешь.

«Значит, он звонил Ане, чтобы сказать, что она должна ему пятьсот рублей, — пронеслось в голове у Корби, — но откуда здесь Алекс?»

— Очень надо было это говорить? — ощерился Комар. Никто не обратил на его слова внимания. Корби смотрел на Ангела.

— Не думал, что еще тебя увижу. Как ты меня нашел?

Алекс переглянулся с Аней.

— Я ее парень.

Корби вглядывался в его лицо с резко очерченными скулами, в смутный блеск глаз за стеклами темных очков. Эта встреча казалась невероятной, но она произошла.

— Вы что, знакомы? — опешил Комар. Корби оглянулся на него и на своих друзей. «Мы стоим здесь, посреди места, которое разрисовал Андрей, — подумал он, — шестеро подростков, связанных узами, крепче которых нет. Дружба. Кровное братство. Долг жизни и чести. Любовь». Корби не знал, хорошо это или плохо, не знал, какая сила их сюда стянула, но чувствовал в появлении Однокрылого Ангела что-то страшное. Еще минуту назад он имел роскошь считать часть происшедшего случайностью. Теперь эту роскошь у него отняли.

— Это он мне помог на крыше небоскреба, — сказал Корби. Комар глупо приоткрыл рот. Ара весь подался вперед. Ник остался стоять на месте. В его глазах Корби увидел свои мысли.

— Это мои друзья, — представил Корби, — Ара и Ник.

— Алекс. Значит, те парни вас не поймали?

— Это с твоего телефона вчера звонил Корби? — спросил Ара. — Ты потом сказал, что Корби погиб.

— Я ошибся. Сверху его посадка выглядела очень плохо.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Корби, — а я ответил тебе тем, что сломал твою вещь. Я твой большой должник.

Он протянул Однокрылтому Ангелу руку. Тот пожал ее.

— Ты сам спас свою жизнь. Я всего лишь дал тебе парашют.

Их разговор был прерван женским криком.

— Убирайся! Убирайся вместе со своим ребенком! Убирайся от моего дома!

Они обернулись. В просвете между щитами афиш Корби увидел большую черную машину, и его сердце екнуло второй раз за последние пять минут. Это был «хаммер» Токомина. Он припарковался у забора, разделяющего двор равные части. Двери автомобиля были открыты, сам отец Андрея стоял перед решеткой и ругался с Маргаритой, которая была с другой стороны.

— Умер наш сын, а ты даже не хочешь впустить меня в дом?

— А ты, наверное, думаешь, что это нас так сближает?

— Это и мой дом! Ты здесь жила на мои деньги. Он рос на мои деньги. И я имею большее, чем ты, право на вещи моего сына!

Мать Андрея шарахнулась от решетки, потом издевательски рассмеялась.

— Каким ты был, таким и остался. Никогда не думаешь о других. Тебе было плевать на своего сына, пока он не спалил тебе половину лица.

— Ты ничего об этом не знаешь! Он спас мне жизнь!

— А теперь тебе плевать на свою дочь! Тебе плевать, что она сейчас все это видит!

Корби проследил за направлением ее взгляда, шагнул ближе к просвету между плакатными стендами и увидел, что у открытой двери «хаммера», держась за нее одной ручкой, а другой комкая край своей блузки, стоит маленькая девочка. Вьющиеся светлорусые волосы, перехваченные на висках серебри-

сто-зелеными заколками, лицо усталое и грустное.

— Или ты привез ее специально? Чтобы я мучилась от того, что у тебя все еще есть ребенок? — Крик Маргариты перешел в рыдания. Корби почувствовал, как Ара схватил его за плечо.

— Пойдем, — прошептал тот, — пойдем обратно в клуб.

Корби отступил на шаг назад, но не терял девочку из вида.

— Ты забыла, что Андрей и мой ребенок! Ты увезла его в другую страну, а потом прятала от меня, когда тебе все равно пришлось приползти обратно!

Девочка отвернулась от отца, ее взгляд скользнул по двору и вдруг остановился прямо на Корби. Глаза у нее были светло-карие, немного темнее, чем у Андрея.

— Открой калитку. Я хочу увидеть его комнату. Открой, пока я не сделал этого сам.

— Ты мразь! Всегда любил выставить напоказ свои богатства!

— Корби, — сказал Ник, — он один, а нас много. Я хочу, чтобы он пережил то же, что и ты.

Аня и Алекс непонимающе переглянулись.

— Нет. Мы не будем так делать. — Корби, наконец, смог оторвать взгляд от сестры Андрея и двинулся к дверям клуба.

— Это что, родители того парня? — догадался Комар.

— Но он же сволочь, — сказал Ник. — Может, это он убил твоего деда.

— И что мы с ним сделаем? Тоже убьем? Уходим, — приказал Корби. И в этот момент у него за спиной раздался детский крик:

— Корби, я знаю, это ты! Я знала, что ты настоящий!

Корби оглянулся и увидел, что девочка бежит к нему, огибая шеренгу стендов с афишами.

— И Дед Мороз тоже есть! Андрей сказал, что ты придешь, и ты пришел! — Она влетела в центр группы подростков и остановилась перед Корби. У него внутри все замерло: он смотрел на маленькую незнакомку и видел уменьшенную, более нежную копию лица Андрея. — Меня зовут Алеся. А ты — Корби.

Ара издал какой-то странный звук.

— Андрей сказал? — еле слышно повторил Корби.

— Ты меня не знаешь, а я тебя знаю. Андрей мне показывал. Он мой брат. Мне семь лет, и я тоже скоро пойду в школу.

Корби молчал, привалившись спиной к двери клуба. Его сердце билось с безумной частотой. Из-за дальнего щита вышел Токомин, его лицо исказилось. Ара беззвучно шевелил губами, будто читал заклинание. Запутавшаяся Аня хмурилась. Взгляд Комара метался от одного лица к другому. Алекс сосредоточенно ждал, что случится дальше.

— Можно тебя потрогать? — спросила девочка. — Ты ведь теперь настоящий?

Корби вдруг с ослепительной ясностью понял, что у всего, что сейчас происходит, есть только один смысл — Андрей. «Умер он или нет, — подумал Корби, — но он сейчас здесь. Друзья мы или нет, но мы у него в гостях. И лучше бы он не умирал, а мы бы просто пришли сюда попить пива». Медленно, неуверенно

но он протянул девочке руку. Его пальцы дрожали. Ему было так же страшно, как на краю крыши.

— Пожалуйста.

— Не смей! — крикнул Токомин. Он двинулся к дочери, но та его опередила и ручкой обхватила три пальца Корби.

— Настоящий, только руки холодные.

Мужчина одной рукой подхватил девочку, а другой замахнулся, чтобы ударить Корби в лицо. Однокрылый Ангел сделал шаг в их сторону, однако его помощь не понадобилась: Ник поймал Токомина за кулак. Он не смог остановить тяжелую руку, но замедлил ее движение, чтобы Корби успел увернуться.

— Папа, мне больно! — закричала девочка. Отец Андрея не обратил на ее мольбу никакого внимания. Корби увидел прямо перед собой его жуткое лицо, побагровевшие шрамы, оскаленный рот. Глаза стали безумными. Токомин еще не остыл после ссоры с бывшей женой, а теперь перед ним был тот, кого он ненавидел в десять раз больше, чем ее. «Он убьет меня и раздавит девочку», — пронеслось в голове у Корби. Не думая, что делает, он положил свою ладонь отцу Андрея на лицо, почувствовал под пальцами теплые, скользкие от пота извивы шрамов. На мгновение в глазах мужчины появилось удивление, но потом Корби нащупал большим пальцем Озеро Боли и надавил на него, и удивление сменилось ужасом.

Зашевелились лица на стенах. Лучи солнца сверкнули в свежих лужах, и те вспыхнули, как осколки разбитого стекла. Небо потонуло в потоке белого сияния. Вместо него Корби увидел оштукатуренный по-

толок незнакомой комнаты, яркие казенные лампы. Потом комната начала наполняться вещами и людьми. Они свивались из серебристой слизи вроде той, которая проступила сквозь лицо упавшего Андрея. Соткались и застыли металлические рамы коек, серебром и сталью блеснул широкий поднос, заполненный лентами окровавленной марли. Сам Корби сидел на стуле рядом с койкой и держал за руку мужчину с покалеченным лицом. Кошмарный ожог был еще свежим, сочился кровью, а прямо из центра раны смотрел страшный, окруженный потеками желтой мази глаз. Другой глаз, здоровый и живой, смотрел на полицейского.

— Как именно мальчик вытащил Вас из огня? — спросил тот.

Корби почувствовал, что раненый сжал его руку.

— Очень смутно помню лицо сына, горящий дом, жуткую боль... Все уходит в темноту. Спросите у него, — кивнул он в сторону Корби.

— Это было трудно, потому что папа очень тяжелый, — услышал Корби свой и не свой голос.

— Ты спас меня, сынок, — пробормотал раненый. Корби увидел отражение своего, но чужого лица в блестящих стенках окровавленного подноса. У него были светлые волосы.

Все распалось. Из бликов света выросли ярко-желтые языки пламени. Они поднимались вверх по стенам большого нового дома, пожирали рамы окон и соседние с домом ели. Шел снег. Корби лежал на спине, а у него на животе, придавив его грудь руками, сидел еще нестарый мужчина.

— Это ты поджег дом! — кричал он. — Ты поджег дом!

— Я не хочу убивать папу, — как молитву, шептал придавленный к земле мальчик, — я не хочу убивать папу. Не заставляй меня. Не заставляй меня. Я не хочу быть тобой.

Кристаллики полупрозрачного серебристого тумана закружились над его лицом, грудью, обессиленными руками.

— Мне надо было убить тебя, — сказал мужчина.

— Ты не сделаешь этого, не сделаешь, я не дам тебе, — шептал мальчик.

Вдруг мужчина перестал прижимать его к земле. Туман каплями слизи осел на его кожу. Он разъедал ее как кислота, резал кристаллами.

Корби почувствовал, что из его глаз, из глаз придавленного к земле мальчика, текут горячие слезы.

— Этого не будет. Я этого не позволю, ты не сделаешь. Ты ничто, ничто, мы убили тебя, убили все вместе, убили, когда ты был слаб.

Дикий крик мужчины, лицо которого распалось, перекрыл шум огня. Он эхом полетел между черных елей, а мальчик все продолжал шептать:

— Я не убью папу, я не буду этого делать. Я не ты. Не ты.

И кристаллы стали меньше, а капли кислоты перестали сверкать. Из жуткой раны текла кровь. Мужчина попытался прикоснуться к своему лицу и снова дико закричал. На его трясущихся руках повисли волокна распавшейся плоти. Из огня выстрелил снап искр. Дом загрохотал, крыша провалилась. Огненный вихрь взвился вверх и снова начал превращаться в небо.

Корби почувствовал, что лежит на асфальте. Его голова была на коленях у Ары, и тот очень мягко гладил его по волосам. Рядом стоял встревоженный Ник. А в двух метрах от них, тихо и горько плача, сидел Токомин. На него издали смотрела Маргарита. Маленькая Алеся в темных очках Однокрылого Ангела сидела у Ани на руках. Комар тщетно пытался убедить охранника клуба, что здесь ничего не происходит и все присутствующие вот-вот разойдутся по своим делам.

— Что случилось? — спросил Корби.

— Очнулся! — громко, обрадованно сказал Ара. Все к нему повернулись.

— Что я сделал? — снова спросил Корби.

Ара кивнул на отца Андрея.

— Кажется, ты несколько изменил его жизненные приоритеты.

Глава 28

КОРБИ НАСТОЯЩИЙ

Корби чувствовал ужасную слабость. Ему удалось сесть. Небо было уже не таким ярким, как тогда, когда они заходили в клуб. День клонился к вечеру и все никак не кончался. Он уже казался Корби самым длинным из всех в его жизни.

— Ты в порядке? — спросил Ник.

— Никто здесь не в порядке, — тихо ответил Корби. Его начинало мутить при мысли о том, как Токомин получил свое увечье, но не думать об этом он не мог. Кем или чем был Андрей? Кошмарная белая слизь. Галлюцинации. Призраки. Безумные депрессивные рисунки. Богатая несчастливая семья. Двойная жизнь. И, наконец, смерть в семнадцать лет от организованной группы убийц.

— Корби проснулся, — затараторила Алеся. — Братик говорил, что ты будешь делать чудеса. Ты потрогал папочку, и папочка успокоился.

Корби дико оглянулся на девочку. Он не мог отделаться от чувства, что у Ани на руках сидит маленькая копия Андрея. Ее слова рефреном повторились у него в голове. «Братик говорил, что ты будешь делать чудеса». Братик говорил. Андрей говорил о нем.

Лепет Алеси произвел сильное впечатление не только на него: обернулись Ара и Ник, вздрогнула подошедшая ближе Маргарита. Она больше не плакала, но со вчерашнего дня ее лицо сильно осунулось, а глаза запали.

— Эй, ты, великий гитарист, — перебил Алесю охранник, — кто тебя так?

— Никто, — сказал Однокрылый Ангел.

— Нет, не никто. Он приходит из долин, — возразила Алеся.

— Кто приходит из долин? — спросила Аня.

— Я тоже спрашивала братика, но он сказал, что из долин приходит тот, кто приходит из долин.

Охранник удивленно посмотрел на нее, потом отмахнулся.

— Я хочу знать, здесь была драка?

— Нет, — сказал Корби, — я просто упал. Что-то вроде припадка.

— Он потерял сознание, — подтвердил Ара.

— Вот и я говорю, — жизнерадостно заявил Комамар. — С ним это с пяти лет. Ходит туда-сюда, и вдруг — раз: упадет.

— Я сказала Андриюше, что это нечестно, потому что он сказал то же самое, что и сначала. А он перестал со мной разговаривать и просто ушел.

— Она никогда не встречалась с моим сыном! — внезапно выкрикнула Маргарита. — Она не могла с ним встречаться! — Она повернулась к Токомину. — А ну, признавайся. Ты его привозил к себе. Без меня. Без моего ведома.

— Он сам приходил. Несколько раз.

— Не может быть! Он ненавидел тебя!

Сквозь небольшую толпу, собравшуюся у входа в

«Сакрифайс», прошла группа посетителей. Они нервно оглянулись на плачущего мужчину с покалеченным лицом, шарахнулись от кричащей женщины. Для охранника это стало последней каплей.

— Все, хватит! Валите ссориться в другое место. — Он схватил отца Андрея за грудки и рывком поставил на ноги. Тот устоял, хотя и выглядел странным, перекосившимся.

— Да ничего же не происходит, — запротестовал Комар.

— Ты! Либо в клуб, либо вон с этого двора! Ты, истеричка, — он ткнул пальцем в Маргариту, — будешь сцены устраивать у себя на кухне!

Корби понял, что следующий наезд будет на него, и поднялся на ноги. Ара ему помог.

— Иди, иди, — толкнул Токомина охранник. — Это публичное место. Давайте! Все! Вон отсюда!

— Нет, ты ответишь, — мать Андрея цепко схватила бывшего мужа за плечо. — Ты воровал моего мальчика? Ты сводил его с ума?

— Я сейчас вызову полицию, — предупредил охранник.

— Вы двое стоите друг друга, — вдруг сказал Ник. — Всю жизнь делили своего несчастного сына. А у него, видно, были другие проблемы, побольше ваших.

— А ты кто такой? — вскинулась на него Маргарита. — Один из так называемых друзей? Смотрел, как его убивают, и пальцем не пошевелил?

У Ника задрожали губы. Ара испуганно схватил Корби за руку. Корби и сам почувствовал, что если никто сейчас ничего не скажет, то что-то случится: либо мать Андрея бросится на своего бывшего мужа,

либо Ник на нее, либо они все друг на друга.

— Андрей хотел, чтобы мы все здесь встретились. — Он говорил негромко, но все взгляды устремились на него. Это было как тогда, в отделении полиции, только тогда их глаза пожирали и уничтожали его, а теперь он, пусть и с трудом, мог держать удар. — Андрей нас любил, всех. Он хотел бы, чтобы его друзья, сестра, отец и мать перестали грызться как собаки.

— Будем дружить и пить чай? — спросила Аlesia.

Маргарита зажала рот рукой, у нее по щекам потекли слезы. Корби встретился взглядом с Ником. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга. «Если мы хотим знать больше, — пронеслось в голове у Корби, — это наш единственный шанс».

— Все плачут. Братик умер. — У Алеси на глаза тоже навернулись слезы. Маргарита отвернулась и быстро пошла обратно, вокруг щитов с афишами, к ограде своего дома. Ник схватил ее за рукав.

— Подождите, — попросил он, — постоит.

— Прочь от меня!

— Пожалуйста. Простите, если я не то сказал.

— Вы же сами хотите знать больше, — присоединился к нему Корби. — Пустите нас и отца Андрея к себе домой. Давайте поговорим.

— Братик говорил, что Корби должен посмотреть его комнату, — вдруг сообщила Аlesia. — Мама Рита должна его пустить.

Корби почувствовал, как на лбу у него выступает холодный пот. Ему показалось, что он снова слышит последний крик Андрея, его обрывающиеся слова: «Корби, ты должен...».

Маргарита оттолкнула Ника и нелепо, полубегом, бросилась к калитке. «Все, — подумал Корби, — мы уже никогда ее не увидим и ничего от нее не узнаем». Он ощутил не только разочарование, но и радость. «Я не хочу туда, не хочу знать, что мне оставил Андрей. Что еще он мог оставить».

— Рита, — вдруг позвал Токомин. Мать Андрея почти инстинктивно обернулась на его голос. — Хочешь знать? Я скажу. Это он захотел, чтобы у него была сестра. Вся моя новая семья существует потому, что он так сказал. Он сказал, что его не станет и что мне нужен новый ребенок.

Женщина остановилась. На секунду ее лицо утратило вообще всякое выражение. Она широко открытыми глазами смотрела на бывшего мужа и смешавшуюся вокруг него толпу подростков.

— Мы все расскажем, — неожиданно обещал Ара. — Мы расскажем, как он упал с крыши. — Он положил руку на плечо мужчине с покалеченным лицом. — Давайте все друг другу расскажем. Все, что мы знаем.

Маргарита обернулась, долгим взглядом посмотрела на них на всех.

— Можно? — спросил Корби.

— Проходите, — как-то отрешенно согласилась Маргарита. Корби оглянулся и увидел, что за ним и его бандой следуют все: Комар, Аня с Алесей, Алекс, отец Андрея. Охранник стоял между щитов с афишами и наблюдал, как они уходят. Когда они проходили через автостоянку, Корби сбивчивым шепотом пересказал друзьям свое последнее видение. Ника его

слова заставили побледнеть. Ара остался более спокойным, и Корби подумал, что он просто не способен поверить в услышанное.

Вестибюль дома был роскошным: равнодушный консьерж, мрамор, лестница с параллельными маршами, сверкающие хромом двери лифтов. Маргарита поднялась на второй этаж. Дверь была не закрыта, она просто толкнула ее и прошла внутрь. Это была квартира американского типа: широкая прихожая с огромным гардеробом, спрятанным за раздвижными панелями, плавно переходила в огромную гостиную. Часть просторного помещения занимала кухня, отделенная высокой стойкой. Белые стены. Половина мебели из стекла и нержавеющей стали. Синие диваны напротив домашнего кинотеатра. Ни пылинки. Нет грязной посуды, разбросанных вещей, книг, газет, тапочек. Пульт от телевизора лежит ровно в центре журнального столика. У Корби сложилось впечатление, что в этой квартире не живут. Маргарита опустилась в одно из кресел рядом с диваном, скрестила руки на груди и замерла. Ее спокойствие выглядело еще менее приятно, чем истерика: изможденная женщина посреди стерильной чистоты своего безжизненного дома казалась фигурой из бледного воска, выставленной в музее абстрактного искусства. Подростки остановились на черно-белом шахматном ковре в центре комнаты. Все молчали. Даже Алеся, которая до этого легко и много говорила, теперь безмолвно и серьезно рассматривала незнакомую обстановку. Отец Андрея зашел в квартиру последним.

— Не похоже на наш прежний дом, — обронил он.

— Я вчера убиралась. Везде, кроме его комнаты.

Корби представил, как она мыла все эти стеклянные поверхности, чистила ковры и выкидывала разные маленькие необходимые вещи. «Родители Андрея безумны, — подумал он, — не чуть-чуть, как мы с Ником, а совершенно, абсолютно безумны. Безумны навсегда».

— А где комната братика? — спросила Алеся.

— Та дверь, — чуть приподняв руку от подлокотника, показала Маргарита.

— Пойдем? — спросила Алеся. Никто не двигался с места. Все смотрели на Корби. Ему стало страшно. «Сейчас мои ноги подкосятся, — подумал он, — и я упаду. Пожалуйста. Пусть так и будет. Пусть я никогда не открою эту дверь. Андрей, зачем ты все это сделал со мной и с нами со всеми? И как ты это сделал?»

Он медленно подошел к двери. Ему пришло в голову, что у всего происходящего должен быть предел. Сейчас он коснется пальцами хромированной ручки — и просто проснется. Он окажется в своей комнате, в кровати, одетый, и снова будет утро вчерашнего дня и наркотический бред, а потом — проглоченные бритвенные лезвия, ужасная боль, горловое кровотечение и смерть. Все закончится.

Он надавил на холодный металл дверной ручки. Замок тихо щелкнул, и дверь открылась.

Он ждал чего-то загадочного или страшного, ждал, что эта комната будет такой же холодной и неживой, как и вся квартира. Но он ошибся. Комната была очень светлой, но белизна стен выглядела теплее. Ворох белья на неубранной постели. Тумбочка у изголовья со сбитым на бок будильником. На ковре

— мягкие тапочки. Над кроватью — конструкция из тонких металлических трубочек; легкий сквозняк заставлял их тихо звенеть. Матово блестящий пластик письменного стола. Стеллажи вдоль стен, часть занята книгами, на остальных — скатанные в рулоны листы бумаги. У окна — накрытый тряпкой мольберт. Окно открыто, после дождя на подоконнике собралась лужа. В ней, истекая красками, мокнет палитра. У Корби перехватило дыхание. Казалось, Андрей только ушел отсюда, или не уходил вовсе, что он сейчас явится — из чистого воздуха, из солнечных лучей, из мягкого перезвона колокольчиков.

— Он что, рисовал? — еле слышно спросил Токомин.

Маргарита странно рассмеялась из своего кресла.

— Ты не знал? Он не рассказывал тебе?

Токомин промолчал. Комар оглянулся на него.

— Вашему сыну принадлежат все граффити на стенах клуба, который во дворе.

Корби пересек комнату и дрожащей рукой стянул тряпку с мольберта. Ткань беззвучно соскользнула на паркет. Под ней был смеющийся мальчишка. Одной рукой он приглаживал непокорные волосы, в другой держал банку с пивом. Его черная шевелюра обрывалась в белую пустоту листа.

В комнату вошли другие.

— Это же ты, — сказала у Корби за спиной Аня. — Как красиво.

Корби стало нехорошо. Он слышал, как кровь стучит у него в ушах. Он мог поклясться, что Андрей нарисовал это позавчера, в день своей смерти, нарисовал это смеющееся солнечное лицо после их позор-

ного утреннего разговора. Корби зажмурился, но все равно чувствовал в глазах горячую резь подступающих слез. «Почему он не показал это мне? — подумал он. — Если бы я увидел это раньше, я бы все сделал по-другому. Зачем он пытался говорить свои неловкие сбивчивые слова, когда у него было это?»

Он почувствовал, как кто-то теребит его за руку, и открыл глаза. Это оказалась Алеся. Она больше не сидела у Ани на руках, а стояла перед Корби и снизу вверх смотрела на него.

— Не плачь. Братик не хотел, чтобы ты плакал. Это тот, кто приходит из долин, хочет, чтобы ты плакал. Он всех делает другими. — Она подцепила у себя на шее незаметную цепочку и вытянула из-за ворота ключ. — Вот, смотри. Братик мне это дал. Он говорил, что ты найдешь, что этим открыть.

Корби машинально подставил руку, и Алеся вложила ключ ему в ладонь. Он был простой, матово-серебристый, и казался ужасно холодным и тяжелым.

Корби услышал, как скрипнула кровать, и оглянулся. Там сидел Андрей. Он был в домашних шортах, на обнаженной груди висел такой же ключ, как тот, который Корби сжимал в руке. Тело мальчика было полупрозрачным, его лицо мерцало в лучах заходящего солнца. Призрак чему-то улыбнулся, соскользнул с кровати и опустился на одно колено. Пошарив рукой под кроватью, он вытянул оттуда тяжелый черный чемодан.

Корби почувствовал, как его несильно ударили по щеке. Он помотал головой и очнулся.

— Ты опять... — испуганно начал Ара.

Корби разжал кулак. Ключ по-прежнему лежал на ладони. Он уже не казался холодным.

— Ник, — попросил он, — загляни под кровать Андрея. Там должен быть старый черный чемодан.

— Откуда ты знаешь? — спросил Комар.

— Мне так кажется. — Корби подумал, что хочет, чтобы это была ошибка, шутка, галлюцинация, чтобы Андрей ничего им не оставлял. Но он знал, что чемодан там.

Ник мгновение смотрел на него, потом, как Андрей, встал на одно колено и пошарил в полутьме под кроватью. Что-то глухо звякнуло, потом зашуршало. Ник вытащил чемодан на свет. На черной коже стояли вылинявшие от времени штемпели английской таможни.

— Что там? — поинтересовался Ара.

— Не знаю, — дрогнувшим голосом ответил Корби, садясь на край кровати Андрея. Он перевернул чемодан и увидел замочную скважину.

— Я помню этот чемодан, — вдруг сказал Токомин. — Я его купил пятнадцать лет назад, и потом Рита с ним уехала из страны.

Корби вставил ключ в замочную скважину, повернул. Раздался тихий щелчок, половинки чемодана распались, и на пол россыпью вылетел ворох рисунков.

— Везде я, — прошептал он.

Вот он сидит за партой в классе. Вот стоит на лестнице клуба. Вот лежит в сугробе, во дворе школы. Веселый и грустный, стриженный покороче или отпустивший длинные волосы. Здесь не было плохих рисунков — все либо хорошие, либо гениальные. Ко-

мар и Ара принялись собирать их с пола.

Под первым слоем лежал второй. Корби увидел, что часть рисунков сделана по-другому — они были старые, карандашные, нарисованные не на А4, а на клетчатых тетрадных листках. Он поднял одну из график и увидел мальчишку в расстегнутой куртке, идущего по асфальтированный дорожке. Это был он, но не сейчас, а пять или шесть лет назад. Это была дорожка, идущая мимо забора колледжа, по которой он тогда ходил в школу. Корби схватил другие листы. Он увидел себя рядом с машиной отца. Он увидел, как мама у подъезда ерошит волосы на его голове.

— Комар, — слабым, непослушным голосом позвал Корби. Комар с ворохом А4 подошел к нему. Корби протянул ему первый попавшийся из тетрадных листков.

— Ты с Пашей, — сказал Комар. Ник тоже подошел к постели Андрея, поднял один из листков. Мгновение он молчал, потом показал Корби рисунок.

— Кто это с тобой?

Корби помнил тот день, тот момент. Это было за полтора месяца до катастрофы, в последнюю теплую неделю бабьего лета. На рисунке они с отцом играли в бадминтон на траве в двух десятках метров от забора колледжа.

— Это его отец, — ответил за Корби Комар. Ник изменился в лице.

— Верно. Корби здесь совсем мальчик.

— Ничего не понимаю, — прошептал Корби.

— Все-таки ты знал его. Только это может объяснить старые рисунки.

— Андрей наш одноклассник. Как он мог знать меня раньше? Ничего не понимаю, — повторил Кор-

би. Ник несколько секунд всматривался в его лицо, потом смягчился.

— Может, ты забыл?

— Может быть.

Комар по одному вынимал листки из чемодана, рассматривал и собирал в стопку.

— А я понимаю. Ты не знал этого парня. Зато он знал тебя. — Он сел на кровать рядом Корби и развернул раскрашенные карандашом тетрадные листки. — Точка зрения. Присмотрись к точке зрения.

— Чьей? — не понял Ник.

— Художника. Взгляд всегда сверху. Крупных планов почти нет. — Комар сунул половину листков в руки Корби, другую половину Нику. Корби начал перебирать рисунки.

— Он смотрел из окон, — догадался он. — Из окон той частной школы.

— Верно. Эврика. Тогда он еще не так хорошо рисовал, и то, что он рисовал, больше зависело от параметров изначальной сцены.

— О какой школе речь? — спросил Ара.

— О колледже, который был прямо рядом с моим домом. Мы мимо него ходили в школу. — Корби посмотрел на Токомина. Тот стоял в центре комнаты и странным, замороженным взглядом скользил по вещам своего сына. — Где Андрей учился четыре года назад?

— Когда они вернулись из Англии, я оплатил ему частную школу. Только Рита почему-то забрала его оттуда.

— Где была эта школа?

Токомин назвал улицу. Корби и Комар переглянулись.

— Это она.

Корби зяглянул в чемодан и ощутил, как кровь отливает от лица. Под карандашными рисунками лежала книга — самодельная, с клееным вручную матерчатый переплетом и обложкой из толстого картона. На обложке был изображен город, похожий и на город за нарисованными окнами клуба, и на вид ночной Москвы. Корби охватило неясное предчувствие. От чего-то он вспомнил ту непогожую ночь, когда стоял на краю дороги в оранжевом свете уличных фонарей и смотрел на то, что осталось от машины его родителей. Осторожно, как сапер мину, он поднял книгу со дна чемодана. Она оказалась удивительно легкой, между твердыми страницами оставались большие интервалы. Прежде чем решиться открыть ее, Корби заглянул сбоку, но увидел только слои клееной бумаги. Ара положил руку ему на плечо. Рука друга была теплой и легкой. «Спасибо, — подумал Корби. — Да, я боюсь. Но у меня нет выбора. Я уже здесь. К этому все шло». Он медленно перевернул первую страницу.

Это была книга с раскладными картинками. Над разворотом поднялась панорама из объемных аппликаций — чем шире раскрывался переплет, тем выше вставали фонарные столбы, фигурки людей и ступени крыльца, с которых они сбегали. Над страницами была ночь. Уличные фонари разбрызгивали блики оранжевого света. Впереди бежал мальчишка без куртки. Его лицо было искажено страхом, ветер трепал светлые волосы. Андрей. За ним гнались пять подростков: четыре парня и девушка. В их руках сверкали ножи, они скалились и шурились, как хищники,

вышедшие на охоту. Маленькая стая. Старшему было около восемнадцати лет, младшему — не больше, чем Андрею.

— Он что, нарисовал свою смерть? — спросил Ара.

— Нет, — прошептал Корби. — Это было раньше. Я знаю это крыльцо. — Он дотронулся пальцами до объемных темно-серых ступеней. Его рука задрожала. Он знал, но никак не решался сказать. За него это сделал Комар.

— Это опять та частная школа. Ее центральный выход.

— Но нарисованы те же, кто его убил, — заметил Ник. — Я узнаю девушку и вот этого, который бежит третьим. Синие глаза, и так же скалится.

Корби непослушной рукой перевернул страницу. Над следующим разворотом поднялась мастерски вырезанная ограда колледжа. Андрей балансировал над остrokонечными прутьями решетки, а мимо его виска пролетал брошенный одним из преследователей камень.

«Он бежит к дороге, — подумал Корби, — они гонят его в темноту, прочь от людей, которые могли бы помочь». Он вспомнил, как стоял там в точно такую же ночь и видел рядом с тормозным следом машины родителей сбитое и перекореженное тело подростка. «Как знакомо, — промелькнуло у него в голове, — как будто...» Его мысли остановились, рука машинально перевернула страницу, и вот уже Андрей выскакивает на дорогу, преследователи за ним, они почти касаются его, бегут по газону у него за спиной. Вперед вырвался подросток лишь немногим старше Андрея. Его лицо показалось Корби смутно знакомым, но он

никак не мог вспомнить, где мог его видеть, только почему-то был уверен, что этого парня не было среди тех, с кем они столкнулись в школе.

— Мне кажется... — пробормотал отец Андрея. Теперь он тоже склонялся над книжкой. Вокруг Корби сгрудились все, кто был в комнате. Комар и Ник сели на кровать по обе стороны от него.

Корби перелистнул еще одну страницу.

Прежде, чем разворот полностью раскрылся, ему показалось, что он умирает. Его сердце больше не билось, он больше не дышал. Руки ослабли, он выпустил книгу, и та упала на пол.

Корби сидел без движения. Он вспомнил, когда видел того подростка. Он вспомнил это, как только увидел, как над следующим разворотом поднимается изображение темно-синей легковушки. Этот подросток был там, в ту ночь, на дороге. Это его сбил отец Корби.

— Осторожнее. — Ник поднял книгу с пола и снова развернул ее. Андрей пробежал перед тормозящей машиной, а первый из преследователей, отброшенный ударом бампера, падал на обочину. Его ноги были неестественно вывернуты, от коленей разлетались брызги крови.

— Кажется, я знаю вот этого, — договорил отец Андрея. — Это сотрудник полиции, который все время досаждал нашему следователю. — Он коснулся пальцем фигурки самого старшего из преследователей.

— Что? — спросил Ара. — Лейтенант Белкин?

Ник развернул последнюю страницу. Андрея на ней не было. На одной стороне разворота дымилась разбитая машина с капотом, забрызганным кровью.

На другой — подросток, указанный отцом Андрея, склонялся над сбитым товарищем и щупал его пульс.

— Лицо действительно похоже, — признал Ник.

— Это же машина родителей Корби, — перебил его Комар.

— Покажи, — наклонилась ближе Аня.

Корби закрыл глаза. Он почти не слышал их слов. «Андрей мог умереть на четыре года раньше, — подумал он, — но вместо него умерли мои отец и мать». Он вспомнил, как утром, три дня назад, когда они спускались вниз по лестничной клетке от квартиры «Зеленых Созданий», Андрей начал что-то говорить про судьбу, а он его перебил. Все было бы по-другому, если бы он дал себе труд его дослушать.

— Здесь что-то еще, — сказала Алеся, — кроме картинок.

Она наклонилась и сняла последние листки со дна чемодана. Под ними, сверкая золотом и серебром, лежал DVD-диск.

Часть пятая

ОГОНЬ В
НЕБЕ

Я люблю тебя, друг.
Я люблю тебя, друг.
Я люблю тебя потому, что ты — это ты.
Но ты должен спасти нас, друг.

Джим Моррисон

Глава 29

ВЫБОР

Корби сидел как оглушенный. Вокруг постепенно разгорался спор.

— Раз мы знаем одного из убийц, — говорил Ара, — надо срочно звонить в полицию.

— Во-первых, он не убийца, — возражал Ник. — Его не было в школе. Во-вторых, как мы можем звонить в полицию, если он сам работает в полиции?

Отец Андрея достал свой сотовый.

— Отнимите у него телефон, — потребовал Ара. — Он же сейчас снова прикажет кого-нибудь убить без разбора.

Ник и Алекс подошли к Токомину. Казалось, снова начнется драка, но в этот момент из гостиной донесся усиленный динамиками домашнего кинотеатра голос Андрея.

— Привет. Есть два варианта: либо я погиб, либо все настолько изменилось, что я сам достал этот диск из своего чемодана, чтобы показать его вам. Но это вряд ли.

Он замолчал, и в комнате тоже наступила тишина. Было слышно только какой-то фоновый звук, похожий на шум ветра. Токомин сам опустил свой мо-

бильник обратно в карман и быстрыми шагами вышел из комнаты. Корби, как зачарованный, поднялся с кровати и пошел за ним. Когда он вышел в гостиную, Аня и Алеся, разбираясь с пультом, стояли перед телевизором. На экране было небо. Камера слегка дрожала в руке оператора, и вместе с ней слегка дрожали растворившиеся в беспредельной вышине легкие перистые облака.

— Я многое должен объяснить, но не знаю, как. Почти никто мне не верит. А те, кто поверил, хотят меня уничтожить.

Камера медленно опустилась, и стало видно шаровидные кроны ив над маленькой речушкой, яблони, цинкованные крыши дач, а за ними, до самого горизонта, темно-зеленый массив леса. У Корби перехватило дыхание. Он вдруг понял, откуда ведется съемка. Это была крыша их школы, их ручей, только показанный сверху, с высоты птичьего полета. Поворачивая камеру, оператор пошел вдоль края крыши. В кадре появился мостик, продолжение ручья, далекие поля, потом жилая многоэтажка. Камера снова поднялась вверх и показала солнце, плавающее над верхним углом здания. Все утонуло в свете, и мгновение на экране телевизора был только белый прямоугольник. А потом из сияния снова выплыло небо, только уже другое, и под другим небом было другое солнце. Камера нырнула вниз, показывая крыши соседних домов, маленький двор, разгороженный на две части, стену с лицами музыкантов-самоубийц.

— Почти в каждом здании, где я бывал, я находил выход на крышу. — Голос Андрея перекрывали шум ветра и мерный гул города с его ревом двигателей, шорохом шин, гудками. Он повернул камеру,

и в кадре появилось его лицо: ветер трепал светлые волосы, в больших, странных, солнечных глазах отражалось небо. Он был очень бледен, и от этого его губы казались особенно яркими.

— Мама, я надеюсь, что ты здесь, слушаешь меня. У тебя было столько проблем из-за меня. Ты потеряла семью, которую берегла. Потом были все эти бесполезные врачи. А я стал хулиганом, рисовал на стенах и залезал на крыши.

Маргарита пыталась рукой зажать рот, но из-под ее ладони все равно вырывались жалобные всхлипы. Наконец, она оторвала руку от лица и закричала: «Не могу! Не могу! Хватит! Перестань!», скорчилась в кресле и заплакала в голос.

— Мама, мне кажется, ты часто думала, будто я делаю это специально, чтобы мучить тебя. Это не так. — Андрей сбился, его лицо исказилось. — Мне самому очень больно. Я не просто так все это делаю. Я рисую, чтобы не сойти с ума. Я поднимаюсь вверх, потому что там он теряет силу. Я поднимаюсь, чтобы освободиться от него. — Он опустил взгляд и долго смотрел мимо камеры. — Мама, я хочу, чтобы ты перестала ненавидеть отца. Я хочу, чтобы ты перестала думать, что я его ненавижу. Это давно не так. Он бывал неправ, как и все мы. Как и все мы, в этой истории он — жертва. И самое главное. Мама, если я умер, я хочу, чтобы ты жила. Я тебя люблю.

Его голос дрогнул. Он снова навел камеру на солнце, и все утонуло в белом свете. Несколько мгновений тишину нарушал только плач Маргариты. Потом из света появилось солнце, и оно опять было другим — алым, заходящим. Оно висело над самым горизонтом, а под ним был бескрайний город.

— Это вид из Москва-Сити, — тихо заметил Алекс.

— Папа, — позвал Андрей, — я надеюсь, что ты здесь. Я прошу у тебя прощения. Я пытался заставить тебя меня убить. Это было жестоко. Не представляю, какой была бы твоя жизнь, если бы тебе это удалось.

— Что? — спросила Маргарита. Корби взглянул на отца Андрея. Тот стоял за креслом бывшей жены. Его бледное лицо застыло.

— Папа, ты должен знать, что ты ни в чем не виноват и никому ничего не должен. Пожалуйста, не мучай себя и других.

Токомин издал странный горловой звук. Андрей повел камеру вверх, и все заполнилось белым туманом. Из-за пелены вставали дымящиеся трубы каких-то заводов, а ближе, под стенами здания, с которого велась съемка, раскинулся город из двух-, реже трехэтажных домиков стандартной застройки. По улице проехал одинокий желтый автобус. Маргарита подалась вперед. Она явно знала это место.

Камера резко повернулась и показала ноги в детских зеленых кроссовках.

— А что это за кнопка? — спросил звонкий мальчишеский голос.

— Я сама не знаю, — ответил веселый голос Маргариты. В кадре появилось лицо белокурого мальчика лет десяти. Потом он, видимо, побежал, и все вокруг замелькало. Он остановился на углу крыши плоского здания и снова посмотрел в камеру. Он улыбался, но его глаза оставались совершенно серьезными.

— Этого никто не увидит, — тихо сказал он. — Никто, кроме тебя. — Камера снова задрожала, лицо мальчика исчезло, но скоро вернулось в кадр. — Я ко-

е-что придумал, — прошептал он. — У меня должен появиться братик или сестренка. Поэтому это для тебя, братик или сестренка. Я, наверное, уже умру, когда ты это увидишь, но я хочу, чтобы ты знал или знала, что я тебя люблю.

— Спасибо, — серьезно сказала Алеся. — Я тебя тоже.

— Ты вырастешь большой или большая, и сделаешь все, что у меня не получилось. Желаю тебе удачи. Пусть тебе повезет больше, чем мне.

Камера вздрогнула, раздался щелчок, и наступила темнота. Хотя вся запись длилась не больше пяти минут, все присутствующие зашевелились, будто устали сидеть и стоять. Но вдруг голос Андрея раздался снова.

— Корби, если ты тоже здесь и слышишь эти слова, значит, произошло маленькое чудо. — В темноте экрана что-то зашевелилось, вздрогнуло, щелкнуло, и появился маленький огонек — пламя над зажигалкой, зажатой в руке. Андрей, снова взрослый, стоял в кромешной темноте и еле-еле освещал свое лицо огоньком.

— Я не знаю, что я успел тебе рассказать. Мне всегда было трудно с тобой говорить. Наверное, я тебе очень неприятен. Наверное, это из-за того, что я ношу в себе. Прости, что лезу, что пытаюсь снова и снова. — Зажигалка погасла, и Корби показалось, что Андрей в темноте утирает слезы. — Просто у меня совсем не осталось времени. Он вот-вот вырвется. Он сделал больно всем, кто любил меня, всем, кого любил я. Он высасывает их всех по капле. Моя мать стала почти призраком. Мой отец сходит с ума. — Огонек снова вспыхнул. — Корби, прости, что смотрел на

тебя из окон своего интерната, похожего на тюрьму, прости, что начал тебя рисовать. Я не знал, что это будет что-то значить для тебя, не знал, что через год после того, как я сделаю твой первый портрет, из-за меня погибнут твои родители.

Огонек погас. Было слышно, как Андрей дует на раскалившийся металл сопла зажигалки.

— А потом я пошел в обычную школу, первый раз в жизни в обычную школу, — он рассмеялся, — и каково же мне было увидеть, что ты учишься в моем классе? Прости, что был нерешительным. Я все время боялся сказать прямо... — Его голос сорвался. — Ладно, все это ерунда. Глупо, что я это записываю. Если ты это слушаешь, то, наверное, ты это все уже знаешь. — Он снова чиркнул зажигалкой. — Я просто хотел сказать, что то, что у меня в руках — это все, что тебе нужно для победы. — Он поднял вторую руку и поднес в круг света вокруг зажигалки свою ладонь. На ней лежала карточка «West Wind».

Кадр остановился, потом на экране снова появилось меню видеопроигрывателя.

Все молчали. Даже Маргарита, наконец, справилась с собой и затихла. Корби опустошенным взглядом смотрел на синий экран. Его глаза оставались сухими, а лицо — спокойным, но сейчас он предпочел бы биться в истерику, как она или как он сам день назад. «О какой победе он сказал? — с отчаянием подумал он. — Ведь это все одно сплошное поражение. Он упал с третьего этажа. Даже если он был жив, когда упал, потом он в любом случае умер. Мы никогда не будем друзьями. Я уже никогда не исправлю того, что оттолкнул его. Он уже никогда не скажет мне за это спасибо». Он почувствовал на своем плече руку

Ника, вздрогнул. Они встретились взглядом.

— Снова возненавидишь меня?

— Нет.

— Чем эта карточка может помочь? — спросил

Ара.

— Она все еще у тебя?

— Да. — Черный брат полез в карман, но карточку достать не успел. В прихожей раздался шорох. Все разом обернулись и посмотрели на вход в комнату. Там стоял Белкин.

Он выглядел не так, как раньше. Не осталось ни кошачьей походки, ни военной выправки, ни темных очков. Его пиджак был расстегнут, и он странно придерживал его левую сторону. Первая мысль, которая пришла Корби в голову, была почти нелепой: он подумал, что Белкин несет за пазухой котенка. Уже потом до него дошло, что, скорее всего, это какое-то большое оружие, вроде автомата, и сейчас им всем предстоит умереть.

— Дверь была открыта, — странным тихим голосом сказал Белкин. — Могу я узнать, что здесь за собрание?

Первым на его появление отреагировал отец Андрея. Он безрассудно бросился вперед. На мгновение Корби узнал в лице Токомина то же выражение, с которым тот пытал его на крыше небоскреба: шрам побагровел, на губах выступила пена. Мужчина налетел на Белкина и ударил его в лицо. Белкин упал навзничь. Это произошло очень легко, будто он еле держался на ногах. Он не пытался встать. При ударе об пол с его губ сорвался короткий стон.

— Что за собрание? Я тебе все расскажу, гнида, убившая моего сына! — Токомин оседлал свою жертву и вдруг замер. Белкин больше не удерживал край своего пиджака — тот раскрылся, и стало видно, что он прятал за пазухой. Из левой стороны его груди торчала короткая рукоятка ножа. Вокруг нее по белой рубашке расплзлось пятно крови.

Белкин бледно улыбнулся.

— Никто из них не знал, что у меня сердце с правой стороны. — Он закашлялся, от уголка его рта по щеке потянулась ниточка кровавой слюны.

— Что за шутки? — спросил Токомин.

— Я пришел... сдаваться, — прохрипел Белкин и обессилено раскинулся на полу.

— Значит, ты один из них?

— Сами узнали?

Токомин вместо ответа схватил его за шею и начал душить.

— Плевать, кто тебя на нож насадил, теперь добью.

— Нет! — Корби бросился к борющимся мужчинам. Его опередил Однокрылый Ангел: он подскочил к отцу Андрея и тонкой, но жилистой рукой обхватил его сзади за шею. Токомин начал хватать ртом воздух. Корби вцепился в одну его руку, Ник — в другую. Втроем они оттащили его от Белкина. Двое мужчин, оба полузадушенные и один истекающий кровью, остались лежать на полу.

— Дайте мне это сделать, — бормотал Токомин, — дайте закончить.

Алекс повалил его лицом вниз, завернул руку за спину. Корби остался стоять на коленях перед Белкиным. Тот долго лежал совершенно обессиленный,

потом медленно поднял руку и тыльной стороной ладони вытер кровь, текущую из уголка рта.

Несколько мгновений Корби не мог ничего сказать. Его мысли перепутались. Он лишь осознавал, что перед ним человек, который может, наконец, объяснить, что происходит. И при этом он был союзником убийц Андрея, разрушителем. Внезапно из всех вопросов, которые мучили его, выделился один, самый насущный.

— Они рядом? Те трое?

— Они поехали убивать Андрея.

— Что? — переспросил Ник.

— Убивать Андрея, — повторил Белкин.

Ник лихорадочно облизнул губы.

— Он не умер?

— Он жив, просто на нем маска смерти.

— Братик жив, — повторила Алеся. Корби почувствовал, как по всему его телу внезапно выступили мурашки. Его бросило в жар. Он услышал глухой звук падения тела, оглянулся и увидел, что Маргарита, соскользнувшая с кресла, в обмороке лежит на полу.

— Где они? — спросил Ник. — В морге?

— Мы забрали его из морга. А дальше мнения настолько разошлись, что Леонид решил меня сплести. — Белкин скосил глаза на торчащую у себя из груди рукоять ножа.

— Ты защищал Андрея? — спросил Корби.

— Да.

— Я ему не верю, — вдруг вмешался Ара. — Корби, вспомни, как они напали на нас в школе. Один отвлекал, пока другие подкрадывались.

Корби напряженно посмотрел на него, потом на остальных. Маргарита лежала в обмороке. Андрей

держал Токомина. Свободны были только маленькая Алеся, Аня и Комар.

— Аня, закрой дверь в квартиру, — попросил Корби. — Комар, проверь окна и другие комнаты. На нас могут напасть.

— Есть простой способ проверить, притворяется он или нет. — Ник взялся за нож и потянул его вверх. Белкин издал хриплый крик, его лицо из бледного стало желтоватым, на лбу выступили крупные капли пота. Трясущейся рукой он попытался остановить Ника.

— Отпустите его! — закричала Алеся. — Он спасал братика!

— Прекрати, — потребовал Корби.

— Если вытащить нож, он быстро умрет от кровопотери, — сказал Однокрылый Ангел. Ник остановился и снял руку. Его трясло. Он все же кое-чего достиг: теперь из груди Белкина торчала рукоять и один сантиметр лезвия.

— Если ты не будешь говорить правду, я буду вытаскивать его из тебя, — дрожащим голосом предупредил Ник.

— Не надо так делать, — с ужасом сказал Ара.

Корби посмотрел на Ника.

— Мы не будем поступать, как они.

— Все окна закрыты, во дворе спокойно, — сообщил Комар. — А ему надо бы вызвать скорую.

— Если приедет скорая, мы не сможем больше его допрашивать, — возразил Ник.

Корби закрыл глаза, и мгновение сидел в молчании. «Что я сейчас сделаю? — подумал он. — То, что сделал бы раньше, или что-то другое? Андрей сказал, у меня есть все, что мне нужно. Что я сейчас сделаю?»

— Если он говорит правду, нам надо спасать Андрея, — ответил он Нику. — А это значит, что у нас нет времени на лишние действия. Больше не будет мести, разборок, допросов.

В наступившей тишине стало слышно, как Комар разговаривает по телефону. Алекс отпустил Токомина и тот, отдуваясь, перевернулся на спину.

— Зачем было убивать Андрея? — спросил Корби у Белкина.

— Незачем. Это была идея Леонида. Он совсем озверел в своем лесу.

— Кто такой Леонид?

— Высокий, здоровый, с голубыми глазами...

— Оскаленный, — узнал Корби.

— Где они теперь? — спросил Ара.

— Далеко. Они повезли его за город. Туда, где все началось.

— Что началось?

Белкин схватил Корби за руку. Его ладонь была скользкой от пота и совершенно ледяной.

— Мы что-то нашли в лесу, когда были детьми. Оно наводило ужас. Сводило с ума. Заставляло страдать. Люди предпочитали скорее убить себя, чем приблизиться к нему хотя бы на сто шагов.

Падали, кружась, осенние листья. Ветер шумел в кронах деревьев. Солнце только зашло, но в глубине леса уже наступили сумерки. На коленях посреди палой листвы стоял подросток, еще почти ребенок. Его лицо было запрокинуто вверх. Он смотрел на старый клен, на нижних ветвях которого повесился человек. Дерево слегка раскачивалось на ветру. Толстая, натя-

нутая до предела веревка скрипела и терлась о сучья. На ней с передавленной шеей висел мужчина в форме милиционера. Его лицо превратилось в кровавую кашу. Две вороны, каркая, делили распухший синий язык мертвеца.

— Я не верю, что это мой отец, — сказал подросток. Дрожащими, перепачканными в лесной земле руками он начал растирать свое лицо. Корби узнал его. Это был Белкин. Сквозь видение он продолжал слышать жуткий, прерывающийся рассказ раненого.

— И так получилось, что пятеро детей собрались вместе, чтобы избавиться от него. У него были длинные руки, и оно мучило всех нас. Оно мучило и других, но те были не в состоянии поверить в него и просто гибли.

Листья закружились, тьма сгустилась, картинка исчезла. Корби увидел того же подростка, но чуть повзрослевшего. Он стоял на автобусной остановке у асфальтированной лесной дороги и разговаривал с другим мальчиком, чуть младше. Тот был светловолосый, с голубыми глазами, уголки его губ то и дело растягивались в нервной кривой усмешке.

— Мой отец любил жизнь, — сказал Белкин. — Он не мог убить себя.

— А моя сестра никогда бы не стала спускаться в овраг одна, — ответил белобрысый мальчик. — Она боялась оврага. — Его губы снова дернулись в усмешке, не выражавшей радости. — Почему люди делают то, чего никогда бы не сделали? Почему вчера все было нормально, а теперь мне тоже хочется умереть? Почему так происходит?

— Это не твои мысли, — ответил Белкин. Его детский голос слился с нынешним шепотом, который

слушал Корби. Корби увидел, как четверо мальчиков и заплаканная девочка стоят полукругом в углу двора, обнесенного деревянным забором. Предметом их интереса был кот. На спине у животного была квадратная рана — кто-то снял с нее ровный лоскут кожи. Белая линия открывшегося позвоночника делила квадрат на два симметричных прямоугольника. Светлые штрихи ребер, розовые тяжи мышц. Умиравший, но еще не мертвый, доведенный болью до безумия, кот казался ожившим анатомическим экспонатом. Его шерсть стояла дыбом, расширенные от ужаса глаза слезились.

— Барсик, кто это с тобой сделал? — сквозь слезы спросила девочка. Корби вдруг показалось, что на поверхности раны, сливаясь с белым пунктиром оголенных костей, поблескивает серебристый кристалл.

— И мы придумали способ его убить. Мы решили выжечь ту часть леса, где оно живет, закрыть его ходы и навсегда запечатать страх. Но вышло не так, как мы хотели. У его логова мы нашли мальчика.

Корби увидел пятерых подростков с канистрами горючего и черную, обросшую корнями деревьев дыру в земле. Казалось, из темного провала дует ветер. Он не касался лиц детей, не трепал их волосы, не заставлял ткань их одежды хлопать и вздвигаться пузырями. Он был неосязаемым, не принадлежащим физическому миру. Но идти против него было почти невозможно. Струющийся поток энергии был таким плотным, что Корби буквально видел его. Он видел, как странно искажается пространство, как шевелятся коряги и камни, как ползут тени. Он слышал шепот, будто чей-то холодный беззубый рот почти касался его уха. А у самого провала, раскинувшись на зем-

ле, лежал маленький Андрей. Его кожа была такой бледной, что казалась совсем прозрачной, над губами колебалось облачко пара, на ресницах блестящими кристалликами застыли капли росы. Рядом с ним и из-под него по черной земле тянулись тонкие серебристые ленты, по которым, как жидкость, уходила его жизнь.

— Мы спасли его, и сожгли там все, что могло гореть. Нам казалось, что мы победили. Страх ушел. Но через несколько лет он вернулся, и мы поняли, что дело в Андрее. Он подошел слишком близко. Он стал почти частью. Его надо было сжечь прямо там, вместе...

— И вы начали охотиться на него? — спросил Ник.

— Мы были еще детьми, а его было не так просто найти. Особенно когда он уезжал за границу. Мы не столько искали его, сколько следили за лесом. Четыре года назад он снова туда пришел. Тогда мы проследили за ним до школы.

— И попытались убить, — тихо сказал Корби.

— Да. Но нам помешал несчастный случай. Только несколько месяцев назад мне удалось найти его снова, потому что я получил звание и статус, позволяющий искать людей.

— После этого вы его убили.

— Нет. Когда он понял, что мы его нашли, он дал нам знать, что мы все делаем не так. Он говорил, что знает способ, как по-настоящему победить. Я ему поверил. Остальные — нет.

— Но ты не остановил их.

— Они мои самые близкие люди. Но они все сошли с ума оттого, что ходили по этим лесам и думали о чудовище. Что мне было делать? До этого дня я пытался защитить и помочь им. Но Леонид стал убивать свидетелей дела. Твой дед. Леонид считал, что все, кто в этом замешан, могут быть заражены. Он напал на Крина и даже на меня.

Белкин явно выдохся — его шепот стал совсем слабым, рубашка на груди с новой силой набухла от крови.

— На следователя? — переспросил Ник.

— Крин догадался, что мы собираемся похитить тело, и за это сильно получил по голове. Он в больнице.

— Как ты нас нашел?

— Я пришел в квартиру Токомина.

— Неправда, он здесь не живет.

— Он здесь прописан.

— Где эти леса? — спросил Корби. Но глаза Белкина закатились, и он замолчал.

— Умер? — упавшим голосом спросил Ник.

— Скорая едет, — сообщил Комар. Алекс подошел к раненому, наклонился, пощупал пульс на шее.

— Потерял сознание. Думаю, выживет.

Корби поднялся с колен.

— И как мы их найдем? — спросил Ник.

— Я же знаю, где был мой сгоревший дом, — ответил Токомин. — Это неподалеку от Майского. Поехали.

Ребята удивленно посмотрели на него. Корби вспомнил, как он душил своего сына рядом с пылающим особняком, вспомнил слова Белкина, что через несколько лет стало ясно, что ничего не закончилось.

Он подумал, что это связано.

Тот, кто приходит из долин. Как сказал Белкин: «Те, кто в него не верил, просто погибали». «Верю ли я в него?» — спросил себя Корби, и у него перед глазами встала разбитая машина его родителей и кровь, хлещущая из его перерезанных вен.

Он верил.

Глава 30

ДОРОГА

— В машине только пять мест, — сказал Токомин. Корби переглянулся с Ником и Арой.

— Я еду точно. Что касается остальных, я больше не вправе тащить вас за собой. Там может случиться все, что угодно. — Он почувствовал, как кровь отливает от его лица. На мгновение ему стало страшно, что никто сейчас не сдвинется с места, что ему придется ехать вдвоем с полусумасшедшим отцом Андрея.

— И это после всего, что мы сказали друг другу? — странным голосом спросил Ара. Его губы дрогнули. Неожиданно он положил свою ладонь Корби на лоб, другой рукой оттянул средний палец и закатил другу звонкий щелбан. Ник бледно улыбнулся.

— Мы не делали так уже года три. Тоже хочу.

Он повторил жест черного брата. Корби почувствовал его теплую руку у себя на лбу, но не отстранился. От щелбана Ника у него загудело в голове.

— Конечно, мы едем втроем, — подытожил он, и рассмеялся на грани истерики.

— Еще одно место, — сказал Токомин.

— Я побуду с раненым, пока не приедет скорая, — решил Алекс. — Если он притворяется, я помешаю

ему убежать. Если он начнет захлебываться кровью, я его откачаю.

— Я хочу поехать! — вызвалась Алеся.

— Нет, ты остаешься, — резко ответил ей Токомин. Он посмотрел на Аню. — Девушка, извините, я даже не знаю, как Вас зовут. Вы побудете с моей дочерью?

— Да, — ответила Аня.

— Но, папочка... — начала Алеся. Ее отец только мотнул головой. Маргарита по-прежнему была в обмороке. Определелись все роли, кроме одной. Корби взглянул на Комара. Тот стоял бледный, прикусив нижнюю губу, и молчал. Корби подумал, что сейчас он скажет: «Я еду».

— Удачи, — пожелал Комар.

— Хорошо, — сказал Корби. — Значит, нас четверо.

Никто не прощался. Трое подростков и мужчина с покалеченным лицом в безмолвии вышли из квартиры.

«Хаммер» вблизи показался Корби очень большим и угловатым. Он выбрал сиденье рядом с водителем, друзья сели сзади. Когда двери захлопнулись, из-за тонированных стекол в салоне наступила зеленая полутьма. Корби невольно вспомнил свою поездку в Москва-Сити. «Тогда у меня не было надежды, — подумал он, — и я совсем не боялся. Теперь надежда есть, но я не знаю, что делать, и мне страшно».

— Пристегнитесь, — сказал отец Андрея. Его лицо бледнело в полутьме. Корби взялся за ремень,

но не успел его застегнуть: Токомин выжал сцепление и сдал назад так резко, что пришлось упереться руками в бардачок. Он пристегнулся чуть позже, на выезде со двора. Они вылетели на улицу.

— Если будете так ехать, нарветесь на ДПС, — заметил Ник. Токомин не ответил, перешел на другую передачу. Тяжелая машина лавировала, оставляя позади другие автомобили.

— А если план Белкина был в том, чтобы нас разделить? — вдруг предположил Ара.

— Тогда мы скоро об этом узнаем. Я все равно поеду спасать Андрея.

— Корби, неужели все это правда?

— Что именно?

— Вся эта мистика. И то, что Андрей может быть жив. Он же не только упал. Он лежал в морге. Я точно не знаю, но ведь там с телами делают всякие разные вещи.

— Я дал Белкину взятку, чтобы он устроил все без вскрытия, — не отводя взгляда от дороги, сказал Токомин. Корби вспомнил, как они с Белкиным разговаривали во дворе отделения полиции.

— Вы знали? — спросил он.

— Я не знал, кто такой Белкин. Думал, просто чей-то влиятельный сынок решил поразвлечься, тирая простых ментов.

— Я не о том. Вы знали, что Андрей не умер?

— Не знал. До того момента перед клубом, когда ты вцепился мне в лицо, я почти ничего не знал. У меня в голове была страшная путаница. — Машина пронеслась по трем улицами, вывернула на большой проспект. Игнорируя правила, отец Андрея повел «хаммер» мимо пробки по полосе, выделенной для

автобусов. — Думаю, что косвенно помог им украсть тело.

— А что насчет остального? — спросил черный брат. — Насчет этого... существа?

Корби вывернулся на своем сиденье и посмотрел на Ару.

— Я вижу галлюцинации. С утра вчерашнего дня. И Ник видит такие же галлюцинации.

— Я верю. Но я-то их не вижу.

— С нами случился десяток невероятных совпадений. Чудо, что я остался жив, что мы помирились, что пришли именно в этот клуб и вышли из него именно тогда, когда Токомины были во дворе. Понимаешь?

Ара остановившимся взглядом смотрел в спинку кресла Токомина.

— Чудо? Как ты можешь в это верить?

— Ты же ходишь в церковь, — напомнил ему Ник. — Ты должен знать об этом больше, чем мы.

— Это ничто. Просто моя мама так успокаивается. Бог иудеев был способом сделать историю еще страшнее. А Иисус — добрым фокусником и первым психологом. Помогал людям. Иногда то, чему он учил, помогает им до сих пор. Вот и все.

Корби снова вспомнил слова Белкина: «Те, кто не верил в монстра, просто гибли». Ему стало совсем не по себе. Они ехали очень быстро. Токомин беспощадно обгонял другие машины. Старая Москва осталась позади.

— Тогда как ты объяснишь то, что с нами происходит? — спросил Ник. — Черeda случайностей?

— Или чей-то план. И это меня пугает.

— Корби, ты можешь просто показать ему?

— Я попробую. — Корби протянул руку через спинку сидения.

— Что? — не понял Ара.

— Возьми меня за руку.

Ара взял. Впервые за их общение его пальцы показались Корби холодными. Они встретились глазами. Корби попытался сделать то, что происходило раньше, провалиться в видение, как тогда вместе с Ником, как потом с отцом Андрея. Но ничего не происходило. Он по-прежнему видел своих друзей. Они по-прежнему были в машине, превышая скорость, неслись по шоссе.

— Ничего? — спросил Ник.

— Я не знаю, — сказал Ара.

Корби отпустил его руку.

— Не получилось, — признал он. Внутри него нарастал страх. Они ехали неизвестно куда, на встречу с неизвестно чем. Там будут трое очень сильных и совершенно сумасшедших людей, которые чуть не убили их в прошлый раз. И там будет Андрей. Или то, что от него осталось.

«Возможно, он снова станет сочиться кислотным туманом. А возможно, случится что-то еще. Возможно, мы начнем сходить с ума и, как сказал Белкин, предпочтем покончить с собой прежде, чем приблизимся к нашей цели даже на сто шагов».

Ник, будто отвечая на его мысли, нарушил молчание.

— Корби, ты знаешь, что мы будем делать, если найдем их?

Корби молчал. Его охватило отчаяние. «Победа, победа, — пронеслось у него в голове, — Андрей говорил о победе. Ведь не может же быть так, что после

всего случившегося мы просто отправились умирать!»

— У меня в бардачке револьвер, — сказал Токомин. — Я просто перестреляю этих убийц.

— А что потом? — спросил Ник. — Вы знаете, как спасти вашего сына от того, что он носит в себе?

Солнце зашло. Небо розовело на горизонте, дневной свет еще не угас, но из белого постепенно становился сумеречно-синим. Они въехали на эстакаду. Внизу гудящей рекой автомобилей протянулся МКАД. Москва закончилась. Корби обернулся к Аре.

— Давай еще раз взглянем на карточку.

— Какую карточку? — поинтересовался Токомин.

— Карточку вашей компании, — ответил Ара. — Наверное, ту самую, которую Андрей показывал в своем видео.

— Она пропала после того, как он приходил в последний раз, но я не думал, что это он ее взял.

— Вот. — Ара протянул карточку над плечом отца Андрея. Тот ее взял, переложил в пальцы руки, которой держал руль.

— Да, это она. Откуда она у вас?

— Мы же обещали все рассказать, — напомнил Ара. — Так давайте расскажем.

— Я слушаю, — сказал Токомин.

Корби оглянулся на друзей. Ник незаметно ему кивнул.

— Я испытывал к Андрею необъяснимую неприязнь, — срывающимся, непослушным голосом начал он, — и мне очень не нравилось, что в последнее время он проявляет ко мне повышенный интерес, хо-

дит за мной, звонит...

Шоссе было огорожено запыленными панелями из полупрозрачного зеленого пластика. Они пронеслись мимо, сливаясь в единую мелькающую пелену. Даже здесь, на трассе со скоростным ограничением в сто километров в час, Токомин продолжал обгонять другие машины.

— Три дня назад мы сильно выпивали в одной компании. А когда проснулись утром, Андрей все еще был с нами. Я попытался улизнуть, но это не получилось, и тогда мне пришлось в голову, как от него отделаться... — Корби напряженно оглянулся на Токомина, ожидая увидеть багровеющий шрам, но тот слушал его с каменным лицом и сосредоточенно вел машину. — Мне правда жаль. Сейчас я бы сделал все по-другому. В общем, я придумал испытание.

Машина летела вперед. Заграждение кончилось, вдоль автобана потянулись поля и полосы саженных деревьев. В сгущающихся сумерках становилось все больше огней. Токомин тоже включил фары, и теперь на дороге перед «хаммером» лежала полоса желтого света. Корби вдруг осознал, что они доедут до места назначения уже в темноте. Он продолжал рассказывать и чувствовал, как в салоне автомобиля, вокруг него и его спутников сгущается тяжелая, нервная атмосфера. Все думали о том, что будет дальше. С каждым десятком километров, оставшихся позади, они впадали во все большую неуверенность.

Корби рассказал, как Андрей появился на крыше, как на него охотились и как он упал. Сначала он по привычке проскочил то место, когда Андрей остановился у края крыши, крикнул свои слова и бросил вниз карточку, но вовремя опомнился и вернулся к

этому моменту.

— Он принес ее нам. Отдать ее было для него важнее, чем защитить собственную жизнь.

Токомин перевернул карточку в пальцах.

— А что если это как бы скрытое послание? — спросил Ара.

Ник отрицательно покачал головой.

— Мы несколько раз ее рассматривали. Что в ней еще может быть такого, о чем мы не догадываемся?

— А что, если на ней что-нибудь написано? — предположил Ара. — Что-нибудь, чего мы не видим? И ее, например, надо подержать над огнем. Он же сидел с зажигалкой и говорил: «все, что вам нужно, у меня в руках».

— Это пластик, а не письмо, написанное молоком. Она просто будет навсегда испорчена.

— Эта карточка ничем не отличается от всех остальных, — заметил отец Андрея. — У меня есть такая же.

Корби подумал, что Ара может быть прав, просто дело не в невидимых надписях.

— Извините, можно? — спросил он. Токомин отдал ему карточку. Корби сжал ее в руке, несколько мгновений сидел не шевелясь.

— Что? — спросил Ник. — Ты ждал, что увидишь очередное видение?

— Да. Думал, будет, как с ключиком от чемодана. — Корби отвернулся от друзей и начал вертеть карточку в руках.

— И с Арой у тебя не получилось. Может, это работало только вблизи дома Андрея, где сильнее всего его присутствие?

— Я не знаю.

Токомин притормозил и свернул на крайнюю полосу.

— Куда это мы? — удивился Ара.

— Кончается бензин.

Совсем стемнело. Над дорогой зажглись уличные огни. Они съехали на подъездную дорожку бензозаправки. Токомин вышел из машины. Корби смотрел, как он расплачивается с автоматом банковской картой.

— Это ключ от небоскреба, — вслух подумал Ара. — Андрей, должно быть, использовал его, чтобы подниматься на крышу.

— Он сказал, — вспомнил Ник, — что чем выше он находится и чем больше там света, тем ему было лучше.

— Может, это и есть способ победить? Может, это ответ на вопрос? — Корби чувствовал, как сильно карточка Андрея согрелась от тепла его рук. Ему неожиданно пришло в голову, что он и сам мог бы догадаться. Ведь с ним это уже произошло. Пока он был на крыше небоскреба, к нему вдруг вернулись воспоминания. Именно там его оставила скорбь, там он принял решение жить.

— В лесу, куда мы едем, нет небоскребов, — сказал Ник. — В лучшем случае, там можно залезть на дерево или на крышу какого-нибудь двухэтажного дома. А ночью нет света.

Корби устало потер лоб, уже привычным жестом отбросил выцветшую прядь.

— Вы как будто о вампирах говорите, — заметил Ара, — типа их нужно заманить на святую землю или заставить попасть на солнце.

За бортом машины щелкнуло. Токомин заливал

бензин.

— Надо сказать ему, чтобы набрал еще, — вдруг оживился Ник. — Мы тоже можем его сжечь.

— Нет, — отрезал Корби. Ник уже начал опускать свое стекло, потом удивленно оглянулся на друга.

— Почему?

— Андрей сказал Белкину, что они все делают неправильно. Бензин нам не поможет, если только мы не хотим сжечь Андрея и половину леса вместе с ним. Тогда была осень, а сейчас жаркое лето. Начнется страшный пожар.

— А откуда желтый лист? — вдруг перебил их Ара.

Корби проследил за его взглядом и тоже увидел. На соседней колонке трепетал мокрый, совершенно осенний по виду кленовый лист. Казалось, он вырвался из другого времени года и из места с другой погодой.

Корби почувствовал, что это первая весточка из того места, куда они решили отправиться. Карточка Андрея неожиданно и сильно вспотела в его руке.

— Помнишь, — спросил он у Ника, — на грифе той гитары были листочки?

— Да, — мрачно подтвердил тот.

Отец Андрея вернулся в машину и резко тронул «хаммер» с места.

— Далеко еще? — спросил Корби.

— Недалеко. — В Токомине что-то изменилось: в глазах появился лихорадочный блеск, а руки, когда он не держался ими за руль, слегка дрожали. Еще

минуту они ехали по шоссе, потом мимо мелькнул указатель «Черная искра 17км», и они свернули на двухполосную лесную дорогу. Фонари здесь стояли редко. Свет фар вырывал из темноты нависшие над обочиной ветви елей.

Корби вспомнил, как, убегая из отделения полиции, думал, что можно просто уйти в лес, лечь там, забыться и умереть от голода и холода. «Вот этот лес», — подумал он. Из темноты памяти выплыла картинка: тело его матери, наполовину вывалившееся на капот разбитой машины. «Разве я не предал ее и всех, кто умер, когда решил жить дальше? Как я мог это сделать?»

— Кому хочется покончить с собой? — вдруг спросил Ник. — Мне хочется от самой бензоколонки. Только говорите честно. Нам не победить, если мы будем друг другу врать.

— Мне, — ответил Корби. — Снова как раньше.

— Там, в бардачке, пушка. Можете начинать, ребята, — со странной, безразличной иронией сказал отец Андрея. Корби тревожно посмотрел на него.

— Плохо дело, — тихо заметил Ник. — Мне тоже плевать, если вы повышибаете себе мозги. А когда пушка освободится, я, пожалуй, к вам присоединюсь.

— Нам не справиться, — сказал Ара. — Я боюсь.

Колеса «хаммера» поглощали пространство темной дороги. Корби сидел и смотрел на бардачок.

— Нет, — сказал он, — это не мои мысли. И у вас у всех не ваши мысли, помните об этом.

— Как мои мысли могут быть не мои? — спросил Ара. — Ведь это же все правда. Я ненавижу мою мать, а она ненавидит меня.

— Оно делает тебя хлюпиком, — сказал Корби,

— но это не ты. Ты другой. Ты способен отвечать за себя без твоей мамы.

Над темным лесом за пределами машины проносился жуткий звук. Даже плотно закрытые окна «хаммера» легко его пропустили. Это был дикий, тоскливый, нечеловеческий, но все же полный боли и скорби вой. От него кожа покрывалась мурашками и начинало тонко ныть в висках.

— Что это? — спросил побледневший Ара.

— То, во что ты не верил, — сказал Корби.

Дорога пошла абсолютно прямо. Далеко впереди в стене леса замаячил просвет. Корби подумал о крови — о том, какая она густая, вязкая, как блестит на свету, как стекает с рук. Он слышал тяжелое дыхание своих спутников; особенно трудно и неравномерно дышал отец Андрея. Они проехали еще несколько сотен метров по прямой, и Корби понял, что просвет между деревьями получился из-за того, что дорога выходит на насыпь. Впереди был неглубокий овраг. Он вспомнил одну из картин, которые видел, прикоснувшись к Белкину.

«Моя сестра боялась оврага, — прозвучали у него в голове слова мальчика, который вырос в Оскаленного, — моя сестра никогда бы не спустилась в овраг».

Машина выехала на мост. Внезапно отец Андрея ударил по тормозам. Завизжали покрышки. «Хаммер» занесло немного в сторону, и он остановился.

Что-то стояло впереди, посреди моста, всего в двух метрах от капота. Что-то блестящее и полужидкое, при этом похожее на зверя.

Корби не мог понять, что это такое, пока оно

не сдвинулось с места. Это был волк или здоровый сильный пес. Ничего ни осталось ни от его ушей, ни от глаз. Его тело было равномерно покрыто сочащимися ранами, и шерсть вся насквозь пропиталась кровью, будто он потел ею. Непонятно было, как он еще жив, но он двигался, медленно шел вперед, оставляя кровавые следы. Он слепо ударился о бампер остановившейся машины и прошел мимо. Свет фары, перемазанной в крови, померк. Волк поравнялся с окном Ары и ушел во тьму. Корби повернулся и посмотрел на спутников. Лицо Токомина было покрыто потом. Ару бил озноб. Ник внезапно открыл свою дверцу и высунулся из машины. Его стошнило на асфальт.

Отец Андрея трясущейся рукой открыл бардачок. Револьвер выпал наружу, ударил Корби по колену и исчез где-то на полу под сидением.

— Что вы делаете? — спросил Корби.

— Хочу пристрелить это. Убери ноги. — Токомин полез под сидение. Корби схватил его за плечи. Тот оказался удивительно слаб, и остановить его не составило особого труда: Токомин перестал шарить руками по полу, обессиленно откинулся на спинку своего сидения.

— Будет только хуже, — сказал Корби. — Это лишь его жертва, а там, впереди — оно само.

— Сколько осталось? — спросил Ара. Ник вытирал рот бумажной салфеткой.

— Километра два, — ответил отец Андрея. Корби вдруг захотелось его убить. За прежнюю жестокость, за нынешнюю слабость, за то, что он возит с собой это оружие. Он наклонился и посмотрел вниз, под свое сиденье. Там поблескивал пистолет. Корби почувствовал, как тянет руку вниз, а потом замер.

В его руке все еще была карточка. Андрей. Андрей останавливал того, кто приходит из долин. Андрей ему сопротивлялся. Медленно, словно в кошмарном сне, он заставил себя разогнуть спину и сесть ровно.

— Что? — спросил Токомин. — Не нашел?

— Давайте все выйдем из машины и подышим свежим воздухом, — заторможенно, еле слышно попросил Корби.

— А оно там ходит? — спросил Ара.

— Ходит. Но это неважно, потому что оно у нас в голове.

— Да, — согласился Ник. Он первым выбрался из машины, Ара — за ним.

— Вылезайте, — сказал Корби Токомину. — Я не могу Вас оставить в салоне с револьвером.

В лице отца Андрея что-то дрогнуло. Мгновение он выглядел ужасно, как маньяк, который не может скрыть ни одной эмоции, но все равно пытается хитрить.

— Вылезайте, — повторил Корби. — Так нужно.

Токомин открыл дверцу и вышел из машины. Корби еще несколько секунд сидел на своем месте. Он уперся руками в бардачок и попытался сосредоточиться.

— Ни одного лишнего движения, — тихо приказал он самому себе. Наклонился. Нащупал оружие, убедился, что держит его не за рукоятку, а за дуло, и медленно вылез из машины. Было прохладно, воздух пах ночью и лесом. От машины, напротив, несло жаром перегретого мотора. Корби стоял и сжимал пистолет в одной руке, а карточку в другой. Оранжевые перила моста казались белыми. На асфальте — россыпь битого стекла, темный силуэт растрепанной кем-то

веточки. Мимо ничтожных предметов шли кровавые волчьи следы. Корби услышал мерный шум воды. Он посмотрел вниз.

Вода была почти черной. Мост стоял на дамбе, грубо сложенной из источенных рекой и временем бетонных блоков. Полуметровым водопадом река переливалась через них, шумела и мощными суженными потоками уходила под сваи. Корби оглянулся на своих спутников и увидел, как хищно они смотрят на оружие в его руках. «Этого не будет, — подумал он, — как и Андрей, я не ты». Из всех сил он швырнул пистолет с моста. В темной воде раздался громкий всплеск. Корби стоял, задыхаясь, и чувствовал, что его всего трясет. «Еще немного, — осознал он, — и я бы сам убил их всех, а потом себя». Он положил руки на ограждение. Металл показался ему ледяным.

Внезапно одно из бревен мусорной кучи переломилось и ушло в воду. Плотина сдвинулась. За секунду она вся изменила свою форму. Какие-то ветки, дрожа и щелкая, будто неведомое чудище, выдавились на поверхность бетонных свай, перевернулись и полетели вниз, под мост. Их обдало тучей мелких брызг. Над водой медленно начали формироваться нити тумана, тонкие и белые, как волосы старика. Корби подумал, что к утру они поднимутся отсюда единой серой пеленой. Он различал темные силуэты ив, разорванные погруженной в реку пустотой неба. В зарослях осоки громко плеснулась вода, потом снова раздался призрачный ночной крик, исполненный сводящей с ума тоски. Он длился несколько секунд, протяжный, испуганный — и все же холодный, а потом резко и безвозвратно оборвался. Где-то рядом был космос, и в нем скиталась черная душа, которой

остался только этот нечеловеческий крик.

Корби понял, что еще немного, и ему уже будет все равно. Он перестанет различать жизнь и смерть, воду и воздух, сам прыгнет в водопад, где его разрубят стальные прутья, изрежут утонувшие осколки стекла, и тварь с тоскливым голосом попирует в последний раз, разматывая по заросшему берегу лабиринт из его внутренностей.

— Дальше я пойду один, — сказал он.

— Ни за что, — пробормотал Токомин.

— Сосредоточьтесь, — приказал Корби ему и друзьям. Он увидел, как в их глазах стало на капельку больше жизни и смысла. — Если пойдем вместе дальше, мы все поубиваем друг друга.

— А если ты пойдешь один, то покончишь с собой, — возразил Ник.

— Нет. Я уже не сделал этого. Кто еще из вас мог бы сейчас взять этот пистолет и выбросить в воду? — Он не бравировал. Он чувствовал, что это глубокая правда. И они все тоже это чувствовали, и поэтому молчали. — Я пойду один. Я должен один. У меня долг перед человеком, который там.

Он говорил без всякой надежды. Он знал, что там, в темноте, его ждет кошмар и боль. Но теперь, после всего, что случилось и не случилось, он не мог бросить Андрея, даже если это означало, что они вместе умрут.

Глава 31

ОХОТНИЧЬИ УГОДЬЯ

В небе над лесом вспыхнули звезды, их крошечные бледные отражения задрожали в черной воде у запруды. Тихину ночи нарушал только холостой ход двигателя. За стеной ярко освещенных фарами «хаммера» листьев зависла наблюдающая пелена черноты. Громкие крики, стрельба и ревуший ужас войн были не так страшны, как безмолвное внимание, исходящее от нее и постепенно смыкающееся вокруг них.

— Значит, ты пойдешь один? — спросил Ник.

— Да.

— Это ведь не предательство с нашей стороны?

— Нет. Я прошу вас ехать обратно. В город, в дом Андрея, к другим моим друзьям.

Ара опустил голову.

— Мы не смогли, — прошептал он.

— Никто бы не смог. Держи. — Корби протянул карточку обратно Аре.

— Лучше возьми ее с собой, — посоветовал Ник.

— Как ты сказал, там нет небоскребов, — возразил Корби, — а мне ничего не нужно, разве что фонарик, чтобы не споткнуться.

— У меня есть. — Отец Андрея обошел «хам-

мер» сзади, открыл багажник. Черный брат попытался взять карточку Андрея, но она запотела в руках Корби и начала выскользывать из пальцев. Она бы упала, но снизу ее подхватил Ник. Долю мгновения они держались за карточку все трое. И тут что-то произошло. Корби ударил в глаза резкий свет, на несколько мгновений он почти ослеп. Это было как белая пустота, заливавшая экран, когда Андрей в своем видеоролике наводил камеру на солнце. В белом сиянии Корби услышал голоса друзей.

— Снова, — сказал Ник.

— Что это? — спросил Ара. — Я падаю?

— Нет, уже упал. — Глаза Корби начали привыкать к свету, и он увидел друзей. Ара лежал на траве, а Ник, щурясь, как и Корби, стоял рядом с ним. Ветер шелестел в кронах деревьев, сияло солнце, журчал ручей. Блики света отскакивали от его поверхности, наполняя поляну танцующими солнечными зайчиками.

— Мы в порядке? — спросил Ара.

— Кажется. — Корби ощутил, как вдруг, внезапно, их оставила чужая гнетущая воля. Здесь, в этом зеленом мире, они были свободны.

— Это же наше место, — первым осознал Ник.

— И наши вещи, — увидел Корби. Они были недалеко от школы, у ручья, в обычном месте своих встреч. Но теперь оно стало другим: не осталось вытопанной земли, мусора, здание школы не виднелось за кронами деревьев. Только вода, трава, разросшиеся кусты и ивы. И ручей, кажется, журчал громче, чем раньше. Посреди поляны Корби увидел знакомые бревна, но теперь они поросли сухим мхом и казались остатками каких-то вековых деревьев. На брев-

нах лежали их вещи: рюкзак Ары с торчащими из него бутылками, сумка Ника с выступающим из-под не застегнутой молнии ребром вертолетного хвоста, пистолет деда Корби. Кто-то аккуратно сложил все предметы, выстроил их в ряд, а последним, четвертым, лежащим чуть отдельно, была карточка Андрея.

— Как мы здесь оказались? — спросил Ара.

— Может, тебе стоит поверить в чудеса? — предложил Корби.

— Ребята, а вы заметили, что не открываете рта? — поинтересовался Ник.

Корби взглянул на Ару.

— Как? — удивился тот.

«Он молчит», — пронеслось в голове у Корби.

— Да, он молчит, — беззвучно подтвердил Ник. — Мы все молчим.

«Вот что Андрей нам нес, — в восхищении подумал Корби. — Значит, теперь я смогу показать Аре все».

Ара вскрикнул — теперь уже по-настоящему, в голос — и они все снова оказались на мосту. Корби и Ник каким-то чудом остались стоять на ногах, а черный брат сидел в придорожной пыли у самого ограждения и с перекошенным от ужаса лицом показывал рукой на отца Андрея.

— Я... я... я видел, как эта штука пожирала его лицо!

— Прости, — выдохнул Корби, — я не хотел так все на тебя обрушивать.

— Что там у вас? — спросил отец Андрея.

— Долго объяснять, — сказал Ник. Корби опустился на колени рядом с Арой и взял его за плечи. Ара дрожал.

— Я раньше думал, что схожу с ума, а теперь понимаю, что все это была ерунда. Вы с Ником пережили такое! — Испуганными глазами он смотрел на Корби. Корби тоже смотрел на него. Он заметил, что Ара не говорит, лишь его губы чуть шевельнулись. «Ты слышишь, — подумал он, — видишь, чувствуешь то же, что и я». Ара моргнул. «Это ты, — подумал он в ответ, — или это мне все мерещится?»

— Это он, — вслух сказал Ник. — Я тоже все слышу.

Корби вдруг охватило чувство надежды — не призрачной, как после слов Белкина, а настоящей. Он понял, что Андрей позаботился о них, позаботился об их победе. Его друзьям не обязательно куда-то с ним идти. Они будут вместе, они уже не расстанутся. Он будет не один против убийц Андрея и ужаса из долин крови.

Корби медленно поднялся на ноги.

— Я не прощаюсь, — подумал он, — ведь мы не расстаемся.

— Да, — хором подумали Ара и Ник.

Токомин включил и протянул Корби большой желтый фонарь с ручкой. Яркий луч света промчался по темной воде, отогнал, рассеял туманное марево.

— Большое спасибо, — поблагодарил Корби.

— Как фара, — сказал Ник.

— Заряда часа на четыре, — предупредил отец Андрея.

«Если я проживу четыре часа», — подумал Корби, и огорчился, поняв, что друзья слушали его мысли.

— Ты постарайся, — вслух сказал Ник.

— Да, я постараюсь, — обещал Корби. — Теперь

уезжайте. Пока тот, кто приходит из долин, окончательно не свел вас с ума.

Токомин остановился у крыла «хаммера» и несколько долгих мгновений смотрел на него.

— Спаси моего сына, — сказал он. Корби ответил молчаливым кивком. Отец Андрея сел в машину. Ник поместился на переднее сидение рядом с ним, туда, где раньше сидел Корби. Ара остался сзади. Двери захлопнулись. За тонированными стеклами Корби почти не видел их лиц. Тяжелая машина медленно сдала назад с моста, развернулась на широкой части дороги и покатила назад. Корби смотрел ей вслед, пока красные габаритные огни не растворились в темноте. Он знал, что Ара повернулся на заднем сиденье и сквозь стекло смотрит на удаляющийся луч одинокого фонаря.

— Ну вот, мы одни, — тихо сказал Корби. Он почувствовал на себе тяжелое холодное внимание. Взгляд невидимых глаз струился из темноты, поднимался пузырьками зловония со дна черных вод. Он был повсюду.

Корби пошел вперед.

Большой фонарь тяжело было нести в руках, и Корби положил его на плечо. Он чувствовал исходящее от диодов тепло — оно медленно нагревало корпус из толстой желтой пластмассы. Корби постарался сосредоточиться на этом ощущении, понимая, что оно может быть последним нормальным переживанием этой ночи. Он шагал посередине совершенно пустой дороги и смотрел, как по асфальту мечется белый луч света.

Затем он увидел что-то на дороге далеко впереди.

Что-то большое. Луч фонаря с трудом доставал до цели, и предмет, окутанный темнотой, казался совершенно черным. Корби еще не понял, что именно видит, но его сердце забилося чаще.

Пятьдесят, сто, двести шагов. Многолетние ели поредели, уступая место не менее старым листовым деревьям. В безлунную ночь кленовый лес казался таким же темным, как и еловый бор.

Корби прошел полторы сотни метров, прежде чем понял, что предмет посреди дороги — это брошенная машина.

Еще через пятьдесят метров Корби узнал ее по описанию Барыбкина. Это был старый зеленый джип-внедорожник с золотистой полосой на борту. Его багажник был распахнут, салон чернел темнотой. С заднего бампера, как слюна, свисали знакомые Корби нити белесой субстанции. Они издали заиграли серебристым блеском в луче фонаря.

С передней частью машины тоже было что-то не так. Из нее торчало какое-то аморфное, обвисшее тело. Корби не мог понять, что видит, пока не подошел совсем близко. Когда он понял, ему пришлось закрыть глаза и несколько секунд стоять не шевелясь, подавляя судорожные спазмы в желудке. Машина убийц сбила беременную олениху. Массивная голова животного пробила лобовое стекло и тонула в темноте салона, среди осколков стекла и потеков крови, а ее задняя часть свисала через крыло автомобиля. Из промежности самки вываливалась розовая голова оленка.

— Корби, Корби, — раздался странный липкий

шепот. По коже будто провели чем-то холодным. Корби вздрогнул и открыл глаза. Голос был где-то рядом.

— Корби, ты пришел ко мне. Открывающий двери, ты пришел, чтобы впустить меня.

«Это не Андрей», — подумал Корби. У него на лбу выступил холодный пот. Стоять стало тяжело — фонарь невыносимо давил на плечо. Он направил луч света на лес, но там никого не было.

— Корби, — снова позвал голос. Корби оглянулся на машину и осветил ее. Пусто. Только кровь и стекло. Но голос был так близко. Он был прямо здесь. — Я преобразу нас обоих.

Корби осветил олениху и с ужасом увидел, что с ним говорит голова нерожденного детеныша. Его глаза были закрыты — они не откроются уже никогда — но губы шевелились, произнося человеческие слова, и с них вместе с кровью стекала серебристая слюна. Стекала и капала на асфальт.

Корби отступил от разбитой машины. Пятясь, он двигался от центра дороги к чаще, сердце колотилось, как после стометровки. «Бежать, бежать, бежать, — думал он, — я не смогу к этому приблизиться, не смогу на это смотреть».

— Корби, — сказал Ник, — остановись и успокойся.

Корби остановился.

— Ник, — вслух спросил он, — ты здесь?

— Конечно, мы здесь, — ответил Ара. — Мы уже проехали мимо бензоколонки. У нас все хорошо.

«Спасибо, друзья», — подумал Корби.

— Что бы ты ни увидел, — сказал Ник, — рассказывай нам. Мы не дадим тебе сойти с ума.

«Я увидел машину убийц. Она сбила беремен-

ную олениху и стоит разбитая посреди дороги».

— Значит, все это правда, — сказал Ара. — Они действительно приехали в этот лес.

«Да. Есть повод идти дальше». Корби заставил себя сдвинуться с места. Шаг, еще шаг. Через пять минут машина осталось далеко позади. Дорога петляла, и, оглянувшись, Корби увидел у себя за спиной только серую полосу асфальта и темные силуэты деревьев, тянущих к дороге свои черно-зеленые лапы. «Сколько я прошел?» — подумал он. Неожиданно ему ответил Ара.

— Отец Андрея говорит, что там будет развилка и щит-указатель: «Черная искра пятьсот метров» и «Охотничьи уголья Белая Запь один километр». Они могли повернуть на любую из двух дорог.

«Охотничьи уголья, — подумал Корби. — Вот откуда бегут олени и волки».

Он прошел очередной поворот и увидел впереди зарево. Казалось, прямо на дороге горит огромный костер — но его пламя не поднималось высоко вверх, а как бы стелилось по земле, иногда распадаясь на несколько отдельных очагов огня.

Корби двинулся к источнику света. Ему в лицо несло гарью. Дым был удушливым, едким, пах бензином и тлеющей листвой. Он клубился, сгущался в ветвях деревьев, и казалось, что старые клены оживают и шевелятся в темноте. Даже небо изменилось. С него одна за другой пропадали звезды. У Корби исчезло ощущение, что он идет вперед. Дорога будто сама ползла ему под ноги, втягивая путника в себя, а обратным током, навстречу, выбрасывая свое тяже-

лое, сводящее с ума дыхание. Корби стало казаться, что в темноте вокруг него появляются полупрозрачные лица. «Помнишь, как ты рубил траву в ночь после смерти своих родителей? — шептали они. — Хочешь напасть на нас? Хочешь бороться с нами? Мы не такие безобидные, как то несчастное дерево, которое ты избивал. Мы будем кусать в ответ».

Когда Корби подошел ближе к огню, он увидел, что необычное кострище находится прямо в центре дорожной развилки, о которой говорил Токомин. На земле был выложен круг из кленовых ветвей. Они почти прогорели, но пламя еще держалось за счет того, что кто-то облил сырые, не очищенные от листьев ветви керосином. Из центра круга поднимался закопченный в огне стальной щит с указателями направлений. К его круглому стальному основанию был привязан человек.

Корби в безумном порыве бросился вперед. У него в голове билась единственная лихорадочная мысль: «Это Андрей, все было напрасно, он уже умер, его добили и сожгли». Он добежал до границы горящих ветвей. Дым разъедал глаза, на асфальте под ногами плясали языки керосинового пламени, но он, не обращая внимания на копоть и жар, задыхаясь, измученным, слезящимся взглядом смотрел на привязанного к столбу человека. Его шея и нижняя часть лица были страшно изуродованы — ему не просто перерезали горло, а удалили губы и часть щек. Под уцелевшими глазами мертвеца висела бахрома рваного мяса. Рот с двумя рядами сжатых в муке окровавленных зубов. Корби направил луч света прямо на него и увидел, что это не Андрей. Мертвец ответил на его взгляд тусклым блеском своих, уже подернув-

шихся пеленой смерти, но по-прежнему широко раскрытых глаз. Он был черноглазым и черноволосым, коренастым, но не таким крупным, как Оскаленный. Корби узнал в нем одного из убийц — того, которого подстрелил в школе.

Казалось, он должен радоваться — теперь его врагов не трое, а только двое. Но при виде изувеченного трупа он испытал только ужас. Чудовище не проигрывало. Оно просто списывало тех, кто был ему больше не нужен. Корби боялся, что мертвый убийца заговорит, скажет какую-нибудь жуткую гадость вроде: «ты отстрелил мне яйца, а они доделали все остальное». Он отошел от огня, его трясло. Он опустился на колени, прямо на пыльный асфальт дороги и поставил фонарь перед собой.

— Ник, Ара, — позвал он, — где вы?

— Мы снова в Москве, — ответил Ник, — только что переехали МКАД.

— Как ты? — спросил Ара.

— Похитители Андрея совсем сошли с ума. Они убили одного из своих. Привязали его к указателю, о котором ты говорил, изрезали лицо, а вокруг зажгли огненное кольцо.

— Это бы угрожало и нам, — сказал Ник.

— Куда ты дальше пойдешь? — спросил Ара.

— Не знаю. Наверное, туда, куда меньше всего хочется.

«Простите меня, — подумал он, — я пока помолчу». Голоса и мысли друзей затихли вдали. Корби провел рукой по поверхности дороги. В свете фонаря пыльный асфальт серебрился, как лунная пустыня. Ветер принес одинокий осенний лист. Он промелькнул в темноте, прибился к колену. Корби поднял его.

Влажный и холодный. «Опять кленовый», — подумал он. Он оглянулся на затухающее пожарище. Остатки пламени еще подсвечивали щит указателя, и можно было прочесть надписи. Корби понял, что лист принесло с той стороны, куда уходила дорога на Белую Запь. Значит, ему туда. Он поднял фонарь, встал с дороги и пошел дальше.

Через двести метров он услышал, как звонит телефон.

Звук был дребезжащий, механический, будто у старого аппарата. Корби медленно пошел ему навстречу. Телефон все звонил и звонил, терпеливо. «Неужели кто-то из убийц Андрея потерял мобильник?» — подумал он.

Но это был не мобильник. Корби пошарил лучом фонаря по асфальту и увидел старый желтый аппарат с круглым диском — такой же, как тот, что стоял на кухне в квартире его родителей четыре года назад. Оборванный провод телефона лежал в дорожной пыли.

Корби пришла в голову дикая мысль: «Это меня». Не в силах сопротивляться, он сел на корточки рядом с аппаратом и снял трубку.

— Алло, здравствуйте, — раздался на линии мальчишеский голос, — а Рябина можно?

— Кто это? — тихо спросил Корби.

— Это его сын. Он еще на работе?

Корби молчал.

— Скажите, пожалуйста, он еще на работе или уже уехал?

Трубка начала безумно дрожать, и Корби при-

шлось схватить ее второй рукой.

— Алло, алло, алло, — повторял мальчик. — Вы меня слышите? Вы меня слышите?

Корби не мог ему ответить. Он не мог сказать самому себе, что его отец мертв.

— Вы меня слышите? — спросил голос в трубке. — Слышите? Ты слышишь меня?

Он менялся. Это уже не был голос мальчика.

— Ты знаешь, что это я привел тебя сюда? Ты знаешь, какое нас ждет будущее? Я покажу тебе другие миры. Мы вознесемся вместе.

Корби бросил трубку. Где-то далеко в стороне от дороги раздался дикий надорванный смех. Он умножался лесным эхом, бился в темноте среди деревьев. «Оскаленный», — узнал Корби. Он поднял фонарь и пошел в сторону от дороги, в чащу, в том направлении, где смеялся обезумевший убийца.

Почва была неровной, бугрящейся корнями. Он то и дело спотыкался о коряги, лесная подстилка хрустела под кроссовками. В прогалинах между кленами разросся кустарник, и Корби пришлось продирааться сквозь него. Свет фонаря рассеивался в листьях, отсвет луча казался зеленым.

Через несколько десятков шагов Корби потерял дорогу из виду. Он испугался, что может просто заблудиться, заплутать в темноте между деревьев, но очень скоро ночную тишину снова разорвал дикий хохот. Теперь смеялись в два голоса. Корби понял, что к Оскаленному присоединилась его боевая подруга. Их голоса звучали по-настоящему страшно — казалось, они пьяны или одурманены. Корби была

нервная дрожь, но он продолжал идти на звук. Иногда ему начинало казаться, что деревья — вовсе не деревья, листья — вовсе не листья. Они шевелились, расступались перед ним и смыкались за его спиной.

— Все! — вдруг завопил Оскаленный.

— Все! — откликнулась девушка.

— Все, все, се... се... — повторило эхо. Корби чувствовал, как влажные листья касаются его лица, гладят его по волосам, по рукам. Он наткнулся на лесную паутинку, и она серебристой ниточкой прилипла к его щеке. Он нервно сорвал ее. На мгновение ему показалось, что с ним случится то же, что и с отцом Андрея.

— Все и каждый! — крикнул Оскаленный.

Корби прорвался через последнюю линию кустов и вышел на лесную тропу. Она была достаточно широкой, чтобы по ней проехал внедорожник. Над старыми колеями нависали ветви деревьев, а посередине шла еще не заросшая до конца тропинка. Корби посветил себе под ноги и увидел следы — подорожник, разросшийся по бокам от тропинки, был смят, будто по нему тащили что-то тяжелое. На листьях остались следы крови и серебристой слизи.

«Я почти пришел», — подумал Корби. Он повесил фонарь на низкий сук ближайшего дерева и уставшими руками вытер с лица холодный пот. Он чувствовал, как часто и слабо бьется его сердце. Каждое движение казалось мучительным.

— Ты в порядке? — спросил у Корби Ник.

— Если честно, я, кажется, не могу идти дальше, — признался Корби. Он сел на землю, подальше от испачканной в крови травы, прислонился спиной к ближайшему дереву.

— Мы тебя вытянем, — сказал Ара. Корби вдруг увидел, как растет, разливается свет фонаря. Он прищурился и различил на листьях блики солнца, отраженные от ручья. Они забегали вокруг, запрыгали по стволам старых кленов. Кровь потемнела и начала запекаться, а слизь поднялась облачками пара и исчезла.

— Что это? — спросил Корби.

— Не знаю, — ответил Ник. — Сила Андрея.

Корби посмотрел на свои руки и увидел, что они светятся. Эти блики, эти волны солнечных зайчиков исходили от него.

— Тебе лучше? — спросил Ара.

— Да, черный брат. Спасибо.

Прошла минута, и света стало меньше. Корби поднялся с земли. «Я скоро их догоню», — подумал он.

— Сделай все правильно, — пожелал Ник.

— И останься в живых, — попросил Ара.

Корби снял фонарь с ветки и пошел дальше. Скоро тропа повернула, и из-за деревьев показался неясный далекий свет — это мелькали лучи двух маленьких, но очень ярких карманных фонариков. Он ускорил шаги.

— Еще одна болезнь идет сюда! — завопил Оскаленный. — Еще одна пропащая душа!

Корби на мгновение ослеп: в него издалека осветили фонариком. Он ответил тем же и пошел быстрее. «Может, еще не все потеряно для них, — с безумной надеждой подумал он, — может, мы сможем поговорить». Как будто издеваясь над его мыслью, спутница Оскаленного снова разразилась диким смехом. Корби вспомнил, как эта девочка жалела уми-

рающего кота Барсика. Теперь она сама могла у кого угодно вырезать на коже квадрат.

Один из фонариков, направленных на Корби, замигал, а потом потух. Он не обратил на это внимания и продолжал идти вперед.

Из темноты выступили старые сетчатые ворота. За их распахнутыми настезь створками начинался ветхий деревянный мост. Овраг, над которым он шел, был больше и глубже, чем тот, на дне которого Корби утопил револьвер Токомина. На середине моста, рядом с волокушами, замотанными в черный целлофан, стоял Оскаленный.

На заборе рядом с воротами висела заржавленная табличка: «Охотничьи угодья Белая Запь».

Корби поднял свой фонарь выше и направил луч над головой убийцы, на другую сторону оврага. Его сердце замерло. Бледный, рассеянный блик света высветил из темноты деревья, и Корби мог поклясться, что они не зеленые. Их листья были желтыми и красными. Там, за этим мостиком, уже наступила осень.

Он прошел через ворота и остановился у начала моста. Внезапно в него сбоку ударил луч другого фонаря. Корби сообразил, что это спутница Оскаленного устроила ему засаду, но было уже слишком поздно. Девушка набросилась на него. Он попытался уклониться, поскользнулся на мокрой траве и упал навзничь. Она ударила его ногой в бок. Сердце Корби ухнуло, по ребрам растеклась невыносимая боль. Он перевернулся лицом вниз и начал вставать. Когда он уже почти был на ногах, девушка стальной хваткой обхватила его за шею.

— Знаешь, случилась одна ужас-с-сняя вещь-щ-

щь. — Фраза превратилась в шипение, шипение — в мелкий сумасшедший смешок. — Как ты думаешь, какая? Угадай, хороший мальчик. Нет? Не хочешь угадывать? Молчишь? Ну-у... тогда я скажу сама! — Она стиснула горло Корби так, что тот почувствовал, как в его шее трещат и рвутся связки. В висках стучала кровь, он видел, как красные блики ненастоящего огня поползли сквозь темноту. Это листья ближайших деревьев из зеленых превращались в желтые и красные. Он терял сознание.

— Ты — уже не ты. Вот что случилось. Людей больше нет. Нас всех съели, понимаешь? Я говорю не с человеком, а с тобой, адская тварь. — Она вдруг отпустила горло Корби и толкнула его на соседнее дерево. Он стукнулся лбом и упал на землю. Его лицо было в крови и в садинах, а над ним хороводом кружились осенние листья.

— Поэтому все пустые оболочки надо убить, а тела сжечь. И тогда ты умрешь, проклятый монстр, ты вернешься в свой перекошенный мир.

Она схватила Корби за волосы, поставила одно колено ему на солнечное сплетение, а другим придавила шею. Он услышал странный влажный звук где-то у себя внутри и почувствовал, как обрывается жизнь. Из темноты поднимались столбы красного пламени. Алели ветви деревьев. Они казались вырезанными из раскаленного докрасна металла. А высоко в диком желтом небе, издавая нечеловеческие крики, парили крылатые люди.

Глава 32

ДОЛИНЫ КРОВИ

Девушка-убийца перестала давить коленом на его горло. Корби хрипло вдохнул странный теплый воздух, почувствовал во рту привкус гари и крови.

— Вот ты и здесь. С нами. С нами. Я проявила твою истинную природу. — Она провела мыском тяжелого тупоного сапога по земле, бросила Корби в лицо черную пыль, напоминающую пепел, смешанный с песком, похожую на прах тел, умерших и распавшихся столетия назад. Он закашлялся. — Я добыю твою жалкую оболочку на глазах твоего хозяина.

Корби чувствовал, как его глаза щиплет от ядовитого праха черной земли. Подружка Оскаленного схватила его за ногу и тяжело, но упрямо потащила за собой. Он был слишком поражен увиденным и слишком слаб, чтобы сопротивляться. Убийца втащила его на узкий пешеходный мост; ненадежные, источенные коррозией металлические щиты загрохотали под ее ботинками. Корби посмотрел вверх и увидел сплетения истлевших от времени и готовых оборваться стропил. Вывернув голову, он взглянул сквозь перила моста. На другом берегу мерцали кварцевым блеском здания черно-красного города. Над их вершинами

кружили люди-птицы. А внизу, под высокими опорами, текла кровавая река. Она не была однородной — по ней, как льдины в начале весны, сплавлялись корки запекшейся крови. Они хрустели и ломались, насакивая друг на друга. Прогорклый воздух был полон их влажного треска.

Вдалеке раздался сумасшедший смех Оскаленного.

— Ты привела его! Еще одного. Скоро здесь будут все. Все.

Его голос эхом отдался от берегов реки, загудел под ржавыми перекрытиями, заставив нескольких людей-птиц сорваться со своих мест и взмыть в небо.

— Еще один год, еще один труп, еще один верный солдат! — закричал Оскаленный. В его воплях появилась дикая ритмика; казалось, он читает бредовые стихи. Корби слушал его и продолжал скользить вперед, к страшному городу, по металлическим плитам моста. Девушка-убийца без усталости тащила его за собой, как большую, старую, нелюбимую куклу.

— Ник, — попытался позвать Корби. — Ара. Помогите мне. — Но он не услышал их ответных мыслей — только новые выкрики обезумевшей парочки разрывали воздух чужого мира, умирающим эхом разносясь над загустевшей красно-коричневой рекой.

«Где я? — с ужасом подумал Корби. — Это уже не видения. Я чувствую, как ржавая короста на металле моста царапает мою спину. И эти люди — они настоящие».

«Долины крови, — сам собой прозвучал у него в голове ответ. — Это отсюда приходит то, что изувечило жизнь Андрея и твою жизнь. Это его земля».

Девушка догоняла Оскаленного. Корби начал

различать впереди его тяжелые шаги, а потом их звук оборвался. Мост кончился, и они ступили на брусчатку черного города.

Этот был странный город. Его безлюдные улицы наполнял неясный шепот тысячи голосов. Здания казались только что построенными — и в то же время успевшими обветшать и распасться. Здесь не было ни одного разбитого окна, но улицы были завалены камнями и целыми фрагментами обрушившихся стен.

Когда девушка-убийца поравнялась со своим напарником, Корби смог лучше рассмотреть запеленатые в черный целлофан волокуши. С одной стороны они были приоткрыты, и из них торчала копна светлых, перепачканных в крови волос.

Андрей.

Сердце Корби сжалось. «Если друзья не отвечают, — подумал он, — значит, единственный, на кого я могу надеяться, это я сам». Ему удалось подхватить с дороги, по которой его волочили, крупный булыжник. Ощущая, как камни до крови сдирают кожу на лопатках, Корби вытянул шею и начал сосредоточенно смотреть в спину своей мучительнице. На ней были водолазка с длинным рукавом и сетчатый жилет с множеством карманов. Пучок грубо стянутых на затылке волос мерно покачивался из стороны в сторону. Шея на коже девушки лоснилась, и Корби показалось, что это не только пот, но и слезы.

Когда подружка Оскаленного устала его тащить и обернулась, чтобы поменять руку, он на мгновение ясно увидел ее глаза. Они больше не были человеческими. Их закрывала серая пленка, а под ней плавал

черный, по-кошачьи вытянутый зрачок. Веки девушки наполовину растворились и стекали по ее щекам алыми и серебристыми каплями.

Корби швырнул свой снаряд прямо в это лицо.

Его удар был неожиданным и точным. Убийца пошатнулась. Оскаленный увидел это и дико захохотал, но не остановился и продолжал тащить Андрея дальше. Он смеялся и плакал, и по его щекам тоже текли двухцветные слезы.

Свободной ногой Корби ударил девушку по колену. Он дрался с ожесточением последнего отчаяния. Ему удалось вырваться. Она отскочила, но, когда он попытался сесть, ударила его сама. Ее сапоги были подкованы металлическими накладками. Корби защитил лицо руками, но удар отбросил его обратно на землю. Девушка налетела на него и стала избивать ногами.

— Оболочка сдохнет! — кричала она. — Оболочка сдохнет!

С ее губ слетали брызги серебристой пены. Оскаленный продолжал смеяться. Корби свернулся калачиком и вздрагивал от ударов. Он не мог сопротивляться. Они были одного роста и веса, но она умела драться, а он — нет. К тому же она была одержимой. Когда он окончательно ослаб, избиение прекратилось. Убийца устало вытерла тыльной стороной ладони свое лицо, несколько мгновений удивленно смотрела на испачканную руку.

— Ты больна, — прошептал с земли Корби. Она не ответила, схватила его за ногу и потащила дальше. Его и Андрея выволокли на площадь, огромную и пустынную. Черные небоскребы уходили в желтое небо, между ними скрипучей паутиной тянулись провода

электропередач. Влажные блоки брусчатки казались сделанными не из камня, а из старой, жесткой, пористой резины. Они будто дышали, и от них поднимался слабый гнилостный запах.

— Здесь, — сказал Оскаленный и начал срывать с Андрея пакеты. Корби почувствовал, как девушка-убийца отпустила его ногу. Он лежал, распростершись на брусчатке, обессиленный, избитый, прислушиваясь к тому, как шуршит целлофан. Над их маленькой группой, снижаясь, делая круги и снова взлетая, парили люди-птицы. «Им как будто что-то нужно», — сквозь боль подумал он.

Наконец подружка Оскаленного подняла его за плечи и заставила сесть. Теперь Корби впервые увидел лицо Андрея. Тот был освобожден от своих пут. Он тоже стоял на коленях и потускневшими глазами смотрел на Корби — или сквозь Корби. Его лоб был залит кровью, щеки и губы испачканы в черной пыли. Но все-таки он был жив. Сердце Корби сжалось. Он не думал. Нужные слова сами вырвались из его груди.

— Я пришел, — сказал он. — Я принимаю твою дружбу.

— Не вякай, тварь, — запретила девушка-убийца. Корби почувствовал, как ее холодная ладонь зажимает ему рот. Он был вынужден замолчать, но продолжал смотреть на Андрея.

— Значит, друг, — сказал тот. — Спасибо, что пришел, друг.

Сердце Корби вспыхнуло новой надеждой, он почувствовал, как по щекам текут слезы. «Ну вот, — пронеслось у него в голове, — я исправил самую страшную свою ошибку».

— Мы победили, — будто отвечая на его мыс-

ли, прошептал Андрей. Он улыбнулся. На мгновение Корби увидел, как его глаза снова стали прежними, солнечными, наполнились светом. «Сейчас что-то произойдет, — подумал Корби, — он ведь ждал, когда я приду. У него должно быть что-то припасено на этот случай».

Где-то на соседней с площадью улице раздался шум едущего автомобиля. Он был не очень громким, но в пустынном городе, где царили только ветер и эхо, его звук разносился достаточно далеко. Подружка Оскаленного захихикала.

— Время умирать, — обрадовала она Корби. А Оскаленный вдруг почти осмысленно пошутил.

— Я не скажу: встретимся в аду, потому что мы уже в аду, — и вытащил из поясных ножен огромный мечете. На отполированном, наточенном лезвии темнели разводы запекшейся крови. Корби подумал, что это кровь их третьего, того, кого они привязали к дорожному указателю. Оскаленный запрокинул голову Андрея и приложил свой тесак к его горлу. В его руках шея светловолосого мальчика казалась хрупкой и уязвимой — на один удар. «Сейчас, — взмолился Корби, — чудо должно случиться прямо сейчас».

Шум мотора приблизился, стал различим шорох шин, и на площадь въехала машина — обтекаемая синяя «ауди». Скоро Корби смог прочесть номер на ее бампере: «НЛО 177». Его сердце стукнуло в последний раз и замерло. Он узнал автомобиль своего отца.

Легковушка замедлила ход и плавно, аккуратно повернула, останавливаясь в пяти-шести метрах перед поставленными на колени подростками. Корби

увидел что-то странное за стеклами салона. Они будто запотели, и что-то клубилось за ними, вращаясь, подыскивая себе форму.

Вышел водитель. Корби без облегчения увидел, что это он сам, точнее, его двойник — печальный юноша. Черные волосы ниспадали на бледное, почти серое лицо; глаза — лакуны мрака, в их взгляде можно утонуть. Призрак медленно обошел машину, открыл ее заднюю дверцу и слегка поклонился тому, что сидело внутри. «Пародия на швейцара, открывающего дверь лимузина», — подумал Корби. Но ему не было весело от этой пародии.

Пассажир спустил на брусчатку площади сначала одну ногу, потом другую, и неспешно выбрался из автомобиля. Его тело как будто состояло из клубящегося пара. У него не было четкой формы, но в его метаморфозах иногда вдруг начинали угадываться отдельные детали: ботинки с длинными носами, рука с тонкими пальцами, с большим перстнем на мизинце, лицо, от которого кровь стынет в жилах.

— Добро пожаловать в долины крови, — произнесло существо.

Не дыша, не шевелясь, ни о чем не думая, Корби смотрел, как ленты слизи тянутся вслед за пришельцем. Силуэт человека уже отделился от автомобиля, но его нечеткая, распадающаяся плоть еще только сползала с заднего сидения. Что-то случилось и с серебристыми каплями на лицах убийц. Они больше не стекали вниз — вместо этого они поднялись и повисли горизонтально. Центром их гравитации был тот, кто приходит из долин.

— Видишь, Андрей, — сказал он, — ты ошибался. Ты думал, что у тебя с Корби есть какие-то дела.

Но их нет, потому что он мой. Он не твой друг, он мой друг.

Он шевельнул рукой. Подчиняясь его жесту, двойник Корби сделал шаг вперед.

— Говори, — приказал тот, кто приходит из долин.

Призрак повернул голову и посмотрел на Андрея. Его лицо было таким же, как и когда Корби увидел его в первый раз — темным, неизбежно печальным.

— Я пришел, — копируя интонации Корби, произнес он. — Я принимаю твою дружбу.

С ужасом Корби увидел, как вытянулось, осунулось лицо Андрея, как потускнели глаза, как по грязной щеке скатилась слеза.

— Ну же, давай. Скажи, что я победил. Скажи, что вы оба мои.

— Корби, — прошептал Андрей.

— Я придумал Корби, чтобы играть с тобой. Я взял его из твоей головы. Если ты напряжешь свою память, то вспомнишь, что Корби — это маленький город в Англии, где ты прятался от меня со своей мамой.

— Корби, ты не... — пробормотал Андрей.

Корби попытался укунить руку девушки-убийцы, которая зажимала ему рот, но его мучительница будто окаменела. Из ее хватки было невозможно вырваться.

Тот, кто приходит из долин, нетерпеливо подался вперед.

— Если не скажешь, придется уничтожить остатки того, что ты любишь. Твою сестру.

Андрей дрогнул.

— Мы...

— Почему ты замолчал? Не уверен? А помнишь, как твоя замечательная мама водила тебя к доктору, чтобы избавиться от придуманных друзей?

Корби видел, как Андрей ломается. «Нет, — мысленно закричал он, — ни за что. Ты же говорил, что мы победили. Что же ты делаешь!» Ему показалось, что от этого внутреннего крика у него в голове лопнула какая-то перепонка.

— Корби, Корби, — вдруг услышал он голоса друзей, — ты жив?

— Сделайте как раньше, — потребовал Корби, — дайте мне свет.

— Мы, — снова начал Андрей, — я и Корби... мы...

Пальцы Корби, которыми он цеплялся за руки подружки Оскаленного, вдруг вспыхнули светом. Тот, кто приходит из долин, недовольно повернул голову и уставился на Корби. От бликов по субстанции его призрачного тела пошли волны.

Корби бросил друзьям видение того, что с ним происходит. Он ощутил их страх, страх за него, и света тут же стало больше. В вечных сумерках черного города это сияние казалось чем-то невозможным. Корби вдруг почувствовал, как девушка-убийца оттаяла. Она шевельнулась, дрогнула, и он оторвал ее руку от своего лица.

— Я не ты! — закричал он уже знакомые слова. — Не монстр, не твоя игрушка, не твоя подделка!

Его голос эхом отразился от стен темных небо-скребов, зазвенел в их блестящих непрозрачных окнах. Андрей смотрел на него. Он все еще плакал, но уже по-другому.

— Что? — удивленно спросила подружка Оскаленного. Корби ощутил ее растерянность, ее живое расслабленное тело у себя за спиной. Не думая, он схватил сияющей рукой ногу девушки и рванул вперед. Она упала навзничь.

Корби вскочил. Тот, кто приходит из долин, поднял руку, и Корби увидел, как Оскаленного оставляет оцепенение. Убийца взглянул на монстра, и его лицо исказилось безумной усмешкой. Одной рукой он держал Андрея за волосы, другой занес тяжелый нож. «Нет, — подумал Корби, — только не это»,

— Час пришел, — сказал Леонид.

— Коснись меня, — одновременно с ним прошептал Андрей.

Корби видел, как начинает подниматься упавшая девушка, видел, как из-за спины того, кто приходит из долин, взметнулись серебристые нити-щупальца. Подросток прыгнул вперед. Пока мачете опускалось, он падал с протянутой к Андрею рукой.

«Нам конец», — мелькнуло в голове у Корби. И одновременно: «Неужели будет чудо? И если да, то какое?»

Он схватил руку Андрея и продолжал падать, но так и не коснулся камней мостовой.

Их ладони, слившиеся в рукопожатии, вдруг взорвались, выбросили из себя свет и энергию. Корби ощутил, как сильный, свежий, холодный, порывистый ветер бьет ему в лицо, треплет волосы, заставляет его тонкую белую рубашку идти пузырями. Он закричал, но не от страха, а от восторга. Он держал Андрея за руку, и одновременно он сам был Андреем

и держал за руку кого-то очень похожего на себя — и все-таки не себя. Они летели, раскручивались вокруг энергетического центра своего рукопожатия, ввинчиваясь в воздух, несясь сквозь небо. Корби услышал звонкий смех, свой и не свой, увидел внизу зеленые холмы, деревья, ручьи, далекие горы и ажурные башни из стекла и белого камня, взметнувшиеся высоко в небо, соединенные в вышине прозрачными коридорами света. Они с Андреем проносились между этих сияющих переходов, летели над зеленой страной в сторону высоких гор, покрытых блестящими белыми шапками снегами. Корби вдруг понял, что Андрея за руку держит совсем не он. Это был его двойник, но не печальный, а смеющийся, дикий, радостный, наделенный силой.

— Друг! — закричал Андрей.

— Друг! — ответил двойник Корби. Корби смотрел на Андрея его глазами и смотрел на своего двойника глазами Андрея. Он как будто видел двойное видение, общее для двух людей. Белой стрелой они упали вниз, в долину между предгорьями. Корби почувствовал, как их хлещут ветви деревьев, а потом полет прекратился, сияние пропало из рук и они, смеясь, покатались по зеленой траве у ручья. Корби узнал это место. Это снова была их поляна. Андрей лежал рядом на траве и смотрел на него. Корби узнал этот его взгляд. Именно этот взгляд раньше выводил его из себя. Светловолосый подросток как будто хотел что-то сказать, но не мог. И вдруг Корби услышал мысли. «Корби, — думал Андрей, — каким мучением было верить в тебя. Как трудно было найти тебя. Спасибо, что ты, наконец, пришел».

А потом волна света опала, и Корби почувство-

вал, что стоит на коленях рядом с другом.

Их врагов разбросало. Оскаленный лежал на спине в нескольких метрах от Андрея, а его мачете, улетевший в противоположную сторону, торчал из борта автомобиля. Вся машина была забрызгана серебристой слизью. От того, кто приходит из долин, осталось лишь темная тень. Но он не был повержен. Он шипел и быстро регенерировал свою дымчатую плоть. Корби увидел, как его щупальца, по-змеиному извиваясь, снова танцуют на камнях, тянутся к ним с Андреем.

«Что это было? — ошарашенно подумал Корби. — Если я видел прошлое, то где и когда оно возможно? И кто этот призрак, моя тень, которая теперь подчиняется монстру?»

Из раздумий его вырвал Андрей.

— Бежим! — Он вскочил и рванул Корби за собой. Корби почувствовал, что они действительно могут бежать — взрыв света дал им силы, его избитое тело уже не так сильно болело. Но они успели сделать лишь несколько шагов, прежде чем прозрачные слизистые жгуты захлестнули их ноги. Они снова упали. Корби почувствовал страшную ноющую боль внутри, как будто его подцепили невидимым крюком. В отчаянии он оглянулся на Андрея и увидел, что тот задыхается. Из его глаз, как раньше из глаз убийц, потекли серебряные слезы. Не было только крови. Тело Андрея не распадалось, оно вступало в странные взаимоотношения с призрачной плотью.

— Глупо, — свистяще выдохнул тот, кто приходит из долин. — Разве не прекрасную жизнь я вам сулил? Вознесение, слияние, вечность. А вы даже не хотите слушать.

Корби коснулся своего лица и с ужасом обнаружил на нем следы слизи. Монстр был в нем, в них. Он питался ими, втягивался в них. Корби перевернулся на спину и смотрел, как оставшаяся часть клубящегося чудовища приближается к ним. Но вдруг оно остановилось, сбилось, его хватка ослабла. Корби увидел, что в его призрачное тело ворвался какой-то человек.

Это был лишенный возраста мужчина, почти старик. Просесть в черных волосах, темные, усталые глаза. Корби узнал в нем своего отца. Размахивая руками, мужчина бил по призрачной плоти монстра, и та начала таять, пеной и хлопьями оседать на его руки и лицо.

Андрей поднялся на ноги и, истекая серебряной слизью, начал отступать от борющейся пары.

— Беги, Корби! — снова крикнул он. Но Корби не мог бежать. Как загипнотизированный, он смотрел в знакомое лицо.

— Папа, папа, — сорвалось с его губ, — ты...

Вдруг Корби понял, что это говорит не только он. Его двойник, будто очнувшись, смотрел на сражающегося с чудовищем мужчину.

— Ты снился мне, — закончил фразу призрак. — Отец, я пришел сюда за тобой. Я верил, что ты не погиб.

Монстр вдруг исчез, закончился. Отец Корби стоял с запрокинутым к небу серебристым лицом и тяжело дышал. С его рук капала слизь, и тонкое облачко пара поднималось над его ртом, как будто во круг было очень холодно.

— Папа, что ты сделал? — спросил Корби.

Но он уже знал, что произошло. Он вспомнил кровоточащего волка, вспомнил, как стоял у разбитой машины своих родителей и смотрел на окровавленное, уничтоженное лицо своего отца. Он знал, что сейчас произойдет.

— Ты был жив все это время, — прошептал двойник Корби, — чтобы теперь умереть за нас.

Корби увидел, как на лбу отца выступают капли алого пота. Мужчина покачнулся и расставил руки в стороны, будто искал равновесие. Корби бросился к нему.

— Нет! — закричал Андрей. — Ты тоже погибнешь.

«Мне все равно», — подумал Корби. Он подхватил отца под руки, не дал тому упасть, заглянул в умирающие глаза. Старик улыбнулся сыну. Корби почувствовал его руку у себя на плече, она соскальзывала вниз, и Корби вдруг сообразил, что ему надо делать. Он вспомнил свой сон, свое видение, первое из череды будущих кошмаров, где в этом самом мире, где летают крылатые люди, среди поверженных в бою, держась за руки, пробирались Андрей и его отец.

Корби взял отца за руку.

Он ощутил знакомую ладонь отца и липкую, склизкую гадость чуждой плоти, которая проступала через нее. Андрей остановился и пошел обратно, к ним.

— Корби, нет, — взмолился он, — не делай этого.

— Я не могу его отпустить, — ответил Корби. Это была правда. Теперь он уже не мог, даже если бы захотел. Серебристая гадость оплетала его руку. —

Если умрем, то вместе.

— Ты прав, — бледным голосом согласился Андрей. — Я могу тебя понять.

Он подошел еще ближе.

— Во сне ты держал его за руку, — обращаясь к Андрею, вдруг сказал двойник Корби. — Пожалуйста, возьми и сейчас.

— Ты говоришь это потому, что служишь ему? — спросил Андрей.

Печальный призрак покачал головой.

— Хорошо, — решил Андрей. Он взял отца Корби за другую руку. Серебристые жгуты-щупальца тут же сомкнулись вокруг его ладони и поползли вверх. Корби снова ощутил тянущую боль внутри, увидел, как мучительно исказилось лицо Андрея. И вдруг между их руками возникла слабая дуга света. Она шла сквозь распадающееся тело мужчины.

Тот, кто приходит из долин, схлопнулся вокруг своего противника, превратился в острые режущие кристаллы, в капли кислоты. Лицо отца Корби мгновенно стало кровавым, таким, каким подросток помнил его после аварии. Корби закричал. Но он ничего не мог сделать. Изувеченный труп отца упал на одно колено и пропал, растворился в воздухе. На его месте остался только монстр, пронзенный белой дугой. Его хватка внутри Корби ослабла, и подросток вдруг понял, что тот, кто приходит из долин, застрял, повис, нанизанный на свет между ним и Андреем.

— Не может быть, — прошептал Андрей. Он нерешительно, неверяще улыбнулся. Корби почувствовал слезы на щеках. Еще никогда он не испытывал такого мучения и такой скорби, такого торжества и такой благодарности.

Из смятения чувств его вырвал голос подружки Оскаленного.

— И кто из этих двоих наш? — спросила она, показывая на Корби и на его двойника.

Оскаленный начал тяжело подниматься с земли.

— Какая разница? Убьем обоих.

— Бегите, — приказал призрак. — Я их задержу.

Держа за руки схваченное чудовище, они выбежали с площади на улицу. Серое существо шипело и дергалось между ними, капало слизью на камни мостовой.

— Эй! — услышал Корби у себя за спиной крик, свой и не свой. — Громила, я здесь!

Оскаленный безумно захохотал.

— Бей стекла, — сказал Андрей.

— Зачем? — не понял Корби.

Андрей не ответил, просто схватил камень и бросил его в одно из окон ближайшего здания. Непрозрачное стекло разбилось с хрустальным звоном. Дыра получилась намного больше, чем сам камень, за ней зияла крошечная темнота.

Хохот Оскаленного удалялся, но сзади звучали шаги. Корби оглянулся и увидел, что за ними с Андреем бежит девушка-убийца. «Мы теряем время», — подумал Корби.

— Не это! — крикнул Андрей. — Бей другие!

Он подобрал новый булыжник и запустил им в соседнее стекло. Корби не знал, зачем Андрей это делает, но ему ничего не оставалось, кроме как тоже поднять и бросить камень. Раздался звон стекла, еще одна черная дыра появилась в зеркальной стене небо-

скреба.

— Уже близко. Оно должно быть здесь.

Продолжая отступать вдоль по улице, они поднимали и швыряли камни в окна. Темные осколки усыпали асфальт. Корби увидел, как девушка на ходу подняла один из них. Острое, как меч, стекло сверкнуло в ее руке. «Нам конец», — подумал Корби.

— Бей, — приказал Андрей. В его голосе звучала лихорадочная убежденность. Корби схватил еще один камень и бросил его в новое окно. На этот раз за пробоиной оказалась не темнота, а тусклый свет.

— Что это? — спросил Корби.

Андрей потащил его и монстра за собой. На ходу он бросил еще один камень. Остатки стекла осыпались, открывая проход. Подружка Оскаленного наступала им на пятки. Корби слышал свист ее кварцевого клинка прямо у себя за спиной.

Впереди, в квадрате света, появились очертания коридора. Корби увидел знакомые рисунки на стенах — лица мертвых музыкантов. Они с разбегу прыгнули в разбитое окно. Мгновение беспросветной черноты, колышущаяся пелена кровавого дождя. Потом они упали на пол клуба.

Глава 33

НАГРАДА УБИЙЦ

Несколько мгновений Корби не шевелился. Ему пришло в голову, что нет ничего лучше, чем чувствовать под руками обычный пол, слышать приглушенную музыку, чують духоту клуба, отдаленные, рассеянные в воздухе запахи пыли и сигарет. «Наверное, тогда, после эксперимента с гитарой, я просто упал в обморок», — подумал он. Его рука была в плену какой-то липкой неподатливой массы. Он посмотрел налево и увидел рядом с собой полупрозрачное, корчащееся и безмолвно кричащее лицо того, кто приходит из долин.

Корби понял, что все, что было, было правдой. Он тревожно оглянулся назад, на мир долин крови. На мгновение ему показалось, что прямо сейчас убийца настигнет их и вонзит ему в спину осколок стекла. Однако у них за спиной было не разбитое окно, а сплошная стена с нарисованным на ней разбитым окном. За бахромой стеклянных обломков была видна улица. По ней бежала девушка в маске-бабочке, в прорезях которой были видны сверкающие глаза. В ее руках блестел длинный полупрозрачный клинок.

— Мы спаслись? — спросил Корби. — Мы снова

в обычном мире, в клубе «Сакрифайс»?

Он не услышал ответа, оглянулся на Андрея и увидел, что тот лежит на боку с ужасной бледностью в лице. Андрей странно задрожал, кашлянул, на его губах вздулись пузырьки кровавой пены.

— Что с тобой? — испугался Корби.

— В этом мире я упал с третьего этажа, — еле слышно прошептал Андрей. — Но я все еще держу его. Я буду держать его столько, сколько понадобится.

Его рука, как и рука Корби, сливалась с монстром, а между ними, внутри туманного тела, по-прежнему проходил тускло светящийся энергетический разряд.

— Не умирай, — сказал Корби.

— Пока не время, я не умру. Зачеркни ее моей кровью. — На губах Андрея стало больше розовой пены. Он силился приподнять голову. Корби проследил за его взглядом, и увидел, что нарисованное окно заблестело слизистой влагой. Девушка в маске все больше была похожа на подружку Оскаленного, а ее клинок все больше напоминал осколок стекла.

— Быстрее...

Корби пришлось вывернуться, чтобы мимо монстра дотянуться кончиками пальцев до лица Андрея. Он коснулся его губ, почувствовал на своей руке его слабое, трепещущее дыхание — и мазнул капельками крови по граффити.

Несколько секунд капли крови были просто каплями, а потом вдруг вошли в сочащуюся влагой структуру стены. С девушки-убийцы сорвало маску, ее рот приоткрылся в безмолвном крике. Корби увидел, что теперь шрамы на ее лице напоминают «X»: тот, что оставила его пуля, уже заживал, но теперь

появился второй, свежий, перпендикулярно первому.

— Останови ее. Пусть останется там.

Корби снова потянулся к губам Андрея, взял капелку крови и перечеркнул руку с осколком стекла. Оружие выпало из рук нарисованной героини. Корби увидел, как из ее ран сочится кровь и серебристая слизь. Его замутило. Это было все равно, что резать живого человека.

— Ты не успеваешь. Не жалеяй ее. Она уже давно только часть монстра.

Корби на глаза навернулись слезы. Он видел, что Андрей прав. Подружка Оскаленного приближалась, ее лицо на рисунке стало больше. Корби понимал, что надо перечеркнуть ей горло или поставить жирную точку у нее на груди, там, где находится сердце. Но он не мог этого сделать.

— Андрей, — позвал Корби. — Андрей, нам надо уходить.

— Найди мою сестру, — прошептал Андрей. Его глаза закрылись. Он потерял сознание, но продолжал крепко держать клубящееся серое существо своей правой рукой. На его губах понемногу прибавлялось крови. Корби снова собрал ее и ранил нарисованную девушку в ноги. Она упала и поползла к нему. Он увидел, что здоровой рукой она подняла новый осколок стекла. «Еще пара минут, и она будет здесь», — понял Корби. Он перебрался через того, кто приходит из долин, и встал на колени рядом с Андреем. Он хотел попытаться обнять и поднять его, но испугался и остановился. Он слышал, что нельзя двигать людей, у которых сломан позвоночник.

— Помогите! — крикнул Корби. — Кто-нибудь, помогите!

В коридоре царил ватная тишина. Все помещения клуба были звукоизолированы друг от друга.

Вдруг Корби услышал голоса друзей.

— Корби, Корби, — хором звали Ник и Ара, — ты снова стал ближе.

— Где вы?

— У меня на кухне, — ответил Ник.

— У Ника случился голодный обморок, — добавил Ара, — и я решил отвезти его к нему домой. Сейчас мы едим.

«Что же делать?» — лихорадочно подумал Корби. Дыхание Андрея стало тише, крови на губах совсем не осталось, а лицо преследовательницы уже было в натуральную величину. Корби снова мазнул по нему кровью, но оставил лишь царапину на лбу девушки-убийцы. Он видел, как от монстра к картине, будто руки чудовищного акушера, тянутся жгутики-щупальца. Они врезались в плоть стены и начали очерчивать лицо подружки Оскаленного, вытаскивать его наружу. Корби не знал, как этому помешать. И он, и Андрей были соединены с монстром. Они не могли ни бежать, ни даже просто подняться на ноги.

— Я звоню Комару, — сказал Ник. Корби понял, что друзья слышали все его мысли.

— Комар еще здесь? — спросил он.

— Он идет к тебе, — ответил Ник. Корби догадался, что друг прямо сейчас говорит с Комаром.

Из стены вырвалась рука с темным стеклом-лезвием. Корби ударил по ней ногой и почувствовал, как толстый скол кварца распорол подошву его кроссовок и почти достал до стопы. Из стены вырвалось и захотало серебристо-красное лицо подружки Оскаленного.

— Вот я и догнала тебя! Умри, пустая оболочка!
— Она замахнулась на Корби стеклом. Большая часть ее тела еще была в стене. Корби сумел увернуться, схватил ее скользкую руку своей свободной рукой, но даже сейчас, вся израненная, она была очень сильной. Она извлекла из стены вторую руку и, оставляя на полу кровавые отпечатки ладони, продолжала ползти дальше. Корби почувствовал, как она наваливается на него. Его рука дрожала, он еле удерживал над собой смертоносное стеклянное лезвие.

— Не подчиняйся ему, — попросил он.

— И кто сейчас со мной говорит? — расхохоталась убийца. Казалось, ее тошнит ртутью. С оскаленных в усмешке губ на одежду Корби капала стекло-видная слизь. Она выволокла из другого мира свои перебитые ноги и, хохоча, всем весом навалилась на его руку. Корби почувствовал, как острие осколка входит в основание его шеи. Он боролся изо всех сил, уперся ногами в живот противнице и попытался оттолкнуть ее от себя, но у него не получилось. Монстр играл на ее стороне. Его щупальца поддерживали ее тело.

«Я так ничего и не понял, — с грустью подумал Корби. — Неужели придется умереть, не разгадав ни одной загадки?» Он знал, что рядом с ним лежит Андрей, но сейчас это уже не имело никакого значения. «Мы умрем вместе».

— Прощайте, друзья, — обратился он.

— Нет, нет, нет! — закричал у него в голове Ара.

— Уже, — сказал Ник. Корби почувствовал, что рядом кто-то есть. Кто-то четвертый. Внезапно тело убийцы, нависшее над ним, содрогнулась и ослабло. Корби услышал голос Комара.

— Отпусти Корби! Отвали от него, долбаная сука!

Корби отбросил обессиленную руку убийцы и увидел, как над его головой промелькнуло что-то большое, черно-серебристое. Раздался влажный звук удара, и сразу вслед за ним — тихое гудение струн. Тело девушки, той самой, которая когда-то так жалела изувеченного кота Барсика, почти беззвучно упало на пол, провалилось сквозь серую субстанцию монстра и начало распадаться, превращаясь в серебристо-алое облако.

— Бирюлево — мировая столица бейсбола, мать твою! — заорал на нее Комар. Он все еще держал в трясущихся от напряжения руках поднятую для замаха гитару. Корби увидел знакомый узор из осенних листьев на ее грифе.

— Срань господня. Я порешил эту девку.

— Она уже была мертвая, — задыхаясь, ответил Корби.

Не опуская гитару, Комар показал взглядом на того, кто приходит из долин.

— Что это за хрень? — непослушным голосом спросил он. — Я и этой хрени могу навалить.

— Бесполезно. С ней придется делать что-то другое.

За спиной Комара послышались шаги, и из-за поворота коридора выбежал Однокрылый Ангел. Корби устало сел на полу и посмотрел на Андрея.

— А это что за перец? — спросил Комар.

— Это художник, который здесь все нарисовал.

— Тот самый?

— Да. — Андрей лежал совершенно неподвижно, как будто умер, но Корби знал, что он жив. Он все так же крепко держал монстра.

— Что случилось? — спросил Алекс. Уже подбежав, он невольно отступил от них с Андреем на шаг назад.

— Алеся с вами? — вместо ответа спросил Корби.

— Она уснула у Ани на руках.

— Надо ее разбудить. Андрей умирает.

Алекс, не задавая больше вопросов, бросился обратно. Наступившую тишину нарушил Комар.

— Она исчезла, — сказал он. Корби проследил за его взглядом и увидел, что от девушки-убийцы осталась только серебристая слизь. В центре лужи еще были пятнышки крови, но они со всех сторон затягивались ртутью.

— Неважно. Сколько сейчас времени?

— Около часа ночи. Может, ты все-таки хоть что-то объяснишь? — Монстр разбросал по полу свои жгутики, и Комар шарахнулся от них в сторону.

— Это тот, кто приходит из долин, — сказал Корби. Услышав свое имя, чудовище повернулось к нему.

— Тебе обязательно держать его за руку? — спросил Комар.

— Да. Иначе нам всем станет очень плохо.

Комар сглотнул.

— У него есть лицо? — он неприязненно взгляделся в того, кто приходит из долин.

— Кажется.

— Это же твоя мама, — вдруг сказал Комар.

Корби посмотрел на чудовище — и действительно

но увидел родное лицо. Но оно появилось не так, как лицо его отца. Оно было серебристым, по эфемерной коже ползли капли стекловидной слизи.

— Корби, — произнес знакомый голос, — ты делаешь ошибку. Тебя обманули.

Двое подростков не могли оторвать взгляда от поддельного лица. Корби подумал, что его мать никогда не была так красива. Он знал, что это не она, и все равно продолжал смотреть.

— У тебя украли душу, а у меня — мое царство. Давай объединимся. Ты, я и Андрей. Мы сможем вернуть вселенной былую красоту.

Тени залегли под черными глазами, волосы струились вокруг лица, легкие, как воздух, подвижные, как змеи.

— Братик сказал, что ты будешь врать, — прервал сладкие речи звонкий голос сестры Андрея.

Корби моргнул и будто очнулся. Он увидел, что Комар приблизился к ним с монстром и наклоняется, почти целует призрачное лицо. Корби схватил его за руку и потянул назад. Монстр выбросил к лицу Комара свои щупальца, но он уже упустил свой шанс. Комар вздрогнул и шарахнулся от него. Алеся подбежала к Андрею.

— Братик, братик, братик Андрюша, — позвала она. Потом упала на колени, запустила руки в светлые волосы брата, наклонилась и поцеловала его в лоб. Корби в очередной раз поразило их сходство. Они будто были сделаны из одного луча солнца. И хотя Андрей лежал бледный, умирающий, а личико его сестры несло на себе следы усталости и недосыпа,

оба словно светились в полутьме коридора.

Тот, кто приходит из долин, потянулся к девочке, но Андрей, разбуженный прикосновением сестры, открыл глаза и сильнее сжал свою руку на руке чудовища. Жгутики слизи обессиленно опали.

— Братик, — повторила девочка.

— Я мечтал тебя увидеть, — прошептал Андрей.

Алеся гладила его рукой по голове. Ее собственные волосы почти касались его волос. Они были одного цвета, тон в тон. Потом он повернул голову и посмотрел на Корби. — Ты все сделал правильно.

Корби встретил его взгляд и тут же ощутил, что Ник и Ара рядом, смотрят его глазами на все происходящее.

— Я старался, — предательски слабым голосом ответил он, — хоть и не знал, что делаю. Я... Прости меня. Я не видел, какой ты.

— Ты всегда был моим лучшим другом.

Корби на глаза навернулись слезы.

— Это же неправда.

— Наши души подружились вдалеке — там, куда они уходят. Мы были вместе очень долго, просто ты, который здесь, про это не знал.

— Я, который здесь, и я, который там... — Корби вспомнил полет над зеленой страной, смех и свет, ручей.

— Я сразу тебя узнал, как только увидел. Но не знал, как показать и объяснить. — Андрей снова посмотрел на сестру. — Мне скоро придется уйти. Я умру, если останусь. Прости меня.

— Я знаю, братик. Ты ведь будешь мне сниться?

— Буду.

Корби не выдержал и все-таки заплакал. Его ох-

ватила страшная грусть. «Все это было только ради того, чтобы он все-таки умер», — подумал он. В отчаянии он сжал руку Андрея своей свободной рукой — но вместо теплой кожи почувствовал под пальцами холод металла.

Он уже не стоял на коленях рядом с Андреем. Хватаясь за проржавевшие перила, он бежал вверх по лестнице, прилепившейся к стене бесконечно высокого небоскреба, все выше и выше. Металлические ступени звенели под его ногами. Так же они звенели далеко внизу, там, где бежал запыхавшийся безумец. Он все еще смеялся; его хриплый хохот, словно вороный грай, несся под тусклым желтым небом черного города. Будто насмехаясь над ним, на него отвечали своими криками пронсящие мимо в воздухе люди-птицы. Корби чувствовал, как взмахи их крыльев разгоняют волны теплого воздуха.

Последний пролет — и вот над головой только небо. Юноша выбежал на крышу, взмахнул руками, как будто собирал что-то и охватывал.

Площадка на вершине небоскреба была пустой и черной, не такой, как у реальных зданий — здесь не было ни одного вентиляционного выхода, ни одной надстройки, ни даже бордюра у края. Там, где кончалась крыша, все просто обрывалось в пустоту. Двойник Корби пересек черный квадрат и остановился на краю. Внизу, под его ногами, расстилалась страна долин. За границами города были поля черной земли. На них росли рощи красных металлических деревьев. Рассекая поля, леса и холмы чудовищным алым лезвием, медленно текла кровавая река.

— Ну вот и все, — прохрипел Оскаленный. — Некуда больше бежать.

Другой Корби оглянулся и увидел, как его враг выходит на противоположную сторону крыши. Его лицо разрушалось, сквозь него проступала серебристая маска того, кто приходит из долин.

— Мне и не нужно бежать, — ответил печальный юноша. Ухмылка Оскаленного потускнела. Медленно вращая мачете в распадающейся руке, он пошел на Корби. Корби почувствовал, как сложил вместе кончики пальцев, и вдруг между ними зажглись маленькие огоньки.

— Эта тварь научила тебя фокусам?

— Она сама чей-то плохой фокус. Как, к сожалению, и ты. — Юноша развел руки в стороны, и между его пальцев натянулись пять светящихся золотых нитей. Лицо убийцы странно дернулось при виде этих легких, вибрирующих линий света, из глаз с новой силой хлынуло серебро. Его щеки уже почти распались, с них слоями сходила кожа, и Корби понял, что скоро его улыбка станет такой же, как у его друга, убитого под указателем на дорожной развилке.

Оскаленный налетел на юношу, рубанул его тяжелым лезвием. Тот отразил удар золотыми нитями. Они спружинили, отбросили оружие врага далеко назад. Мачете с металлическим звоном упал на середину крыши. Тогда Оскаленный ударил в лицо противнику кулаком. Двойник Корби даже не покачнулся. Он снова подставил свой гибкий щит под удар, и на этот раз сам громила отлетел от него на десяток метров. От его кулака почти нечего не осталось, из обрубка изувеченной руки брызнул фонтан серебристой крови. Оскаленный взревел от боли и ярости.

Его лицо плавилось, теряя прежние очертания. Корби увидел лицо монстра, зыбкое, состоящие из пара и капель кислоты, режущих кристаллов, белого тумана и ядовитой ртути.

Монстр подхватил здоровой рукой мачете и снова бросился в атаку. Двойник Корби не торопился и не отступал. Медленным театральным жестом он отвел левую руку в сторону и вверх, а правую поместил чуть ниже солнечного сплетения.

— Любишь фокусы? Тогда я покажу тебе свой самый-самый лучший.

Тварь с шипением и клекотом бежала к нему. Другой Корби шевельнул пальцами, и под желтым небом черного города раздался звук. Он вибрировал, нарастал, отдавался звонким эхом. Нити света под пальцами юноши стали струнами. В его руках появилась сияющая гитара. Корби услышал мелодию, мелодию, которую уже знал — он сам исполнял ее, когда потребовалось показать охраннику клуба, что они являются музыкантами.

Чудовище налетело на гитариста и так же отлетело назад. Оно упало на колени. А в желтом небе поднимался вихрь. Там собирались багровые тучи. Корби увидел, как один за другим прилетают и садятся крылатые люди. Они складывали свои крылья и садились на поверхность крыши, по-обезьяньи согнув ноги и опустив между них сложенные вместе длинные руки. Их древние грубые лица преисполнились странного восторга. Они смотрели на юношу и его врага. Их глаза были ярче неба. Они кричали и показывали клыки. Они ждали развязки. И Корби вдруг понял, что ради этого они и кружились в небе с самого начала, ради этого они спускались ниже и смотрели на него, когда

подружка Оскаленного волочила его по камням.

Из вихря, который крутился над небоскребом, сгустились багровые облака. Пошел дождь, но музыкант все продолжал играть. И вот в такт его безумной музыке из тучи ударила молния. Она прошла сквозь гитару, отскочила от нее и поразила тварь. Пальцы печального юноши создали новый рифф, и новая вспышка небесного огня ринулась вниз, чтобы поразить чудовище. Тело Оскаленного исчезло. Остался только монстр. Он умирал в корчах, охваченный всполохами белого света, пока не исчез совсем. А блики небесного огня играли в черно-золотом оперении летающего народа.

Корби очнулся от видения и понял, что по-прежнему сидит на полу. Он открыл глаза и встретил взгляд монстра. Ему показалось, что в черных провалах на клубящемся лице он видит страх. Андрей лежал с закрытыми глазами, а Алеся продолжала ласкать его волосы.

— Братику нужно подремать, — сказала она.

Корби почувствовал, что у него за спиной стоят другие люди. Он оглянулся и увидел Комара, Аню, Однокрылого Ангела и Пашу.

— Паша, — удивился он.

— Я приехал, когда мне показалось, что Комар и Аня сошли с ума.

— Мы уже снова в машине, — сказал Ара. — Будем через полчаса.

— Что у тебя там? — спросил Ник.

Корби почувствовал, что улыбается. Его банда тоже была здесь, пусть и не лично, а в его голове.

— Хорошо, что все собрались, — и вслух, и про себя произнес он. — Наконец-то я знаю, что нам нужно сделать, чтобы тот, кто приходит из долин, ушел навсегда. Комар, мы можем устроить концерт?

Глава 34

ЭСТАФЕТА ПРОЩАНИЙ

— Ну, в принципе...

— Этим утром, на крыше небоскреба в Москва-Сити. Нужен мощный звук.

— Ты рехнулся.

— Мы же в клубе, который сдает в аренду инструменты. Их всего лишь надо перевезти в другое место.

Комар недоверчиво смотрел на Корби.

— Никого уже нет. Пара групп доигрывает свое время, но Главный ушел. Без него арендовать ничего нельзя. И дело даже не в этом. На какие деньги ты собираешься снять инструменты? Кто на них будет играть?

— На деньги отца Андрея. Играть на этой гитаре будешь ты. — Корби кивнул на инструмент в руках Комара. — Остальную группу соберу я.

— Зачем все это? — спросила Аня.

— Это убьет его. — Корби показал на того, кто приходит из долин. «И Андрей умрет свободным, — подумал он, — уйдет исцеленным».

На лице Комара отразилась сложная гамма чувств.

— Ты только что спас мне жизнь. Так сделай это еще раз.

— Хорошо. Я тебе верю. — Комар достал мобильник и набрал чей-то номер. «Что ты задумал?» — услышал Корби мысли Ары у себя в голове. «Ты сможешь уговорить «Зеленые Создания» приехать?» — спросил он в ответ. На мгновение его мысль перенеслась далеко, к друзьям, он почувствовал, что снова находится в «хаммере» Токомина. Они как раз выезжали из их микрорайона.

— Остановите машину, — попросил Ник. Отец Андрея завернул к обочине.

— Я не уверен, что у нас получится, — сказал Ара. — Я смогу уговорить только Рыжую.

«Скажи Ире, что я ее люблю, — решительно предложил Корби, — что я умру, если она не придет». «Тогда она точно не придет, — подумал в ответ Ара. — Она даже будет рада». «Не будет, — отрезал Корби. — Просто скажи ей это».

— Если мы их вообще найдем, — заметил Ник.

«Вы очень постараетесь. А ты скажи Токомину, чтобы он приказал своим шестеркам подогнать к клубу большой фургон и много денег в мое личное распоряжение».

Корби услышал, как Ник повторяет его слова. Одновременно он слышал, как Комар говорит по телефону.

— Нет, большой концерт. Да, я знаю, что час ночи. Я не шучу. Хех... откуда у меня деньги?

— Вы говорите, с ним мой сын? — спросил Токомин. — Живой?

— Он вытащил его, — подтвердил Ник. — Я клянусь.

— Сколько именно ему нужно?
 — Сколько Вы можете дать сразу? — поинтересовался Ара.
 — Банки закрыты. Только полмиллиона.
 — Пол-лимона, — обещал Корби.
 — Пол-лимона. Либо ты подзаработаешь, либо я съем гитарную струну.
 — Это аванс. Днем будет больше.
 — Это аванс. Днем будет больше. Пять гитарных струн. Металлических. Нет, не поперхнусь. Ладно, заметано. — Комар опустил телефон. — Ну вот, Корби. Если ты соврал, я покойник.

«А как ты повезешь Андрея? — спросил Ник у Корби в голове. — Вы не сможете сесть в обычную машину». «Озаботь этим его отца», — посоветовал Корби. Он посмотрел на Андрея. Казалось, тот уснул вечным сном. Его грудь почти не поднималась от дыхания, но Корби видел, как крепко он держит чудовище.

Он почувствовал, что все закрутилось вокруг них. Машина Токомина остановилась у дома, где находится флэт «Зеленых Созданий». Где-то далеко Шершавый проснулся в своей постели и покрыл матом Людку, забывшую положить его мобильник на тумбочку у кровати. В другом месте другой человек открыл сейф и начал пересчитывать деньги. В ангаре, где останавливаются фуры, толстый шофер по прозвищу Плюшка, закусив губу, сдавал на крышку деревянного ящика свой неудачный карточный расклад. Он еще не знал, что скоро срочная работа спасет его от полного банкротства. А в личном гараже Токомина завелся длинный лимузин с огромными мягкими сидениями, на которых при желании можно лежать.

Одновременно из частной клиники выехала бригада платной скорой помощи. Они бы никуда не поехали, если бы знали, что кошмары этой ночи будут сниться им всю оставшуюся жизнь.

Здесь и сейчас, в клубе «Сакрифайс», Комар зажег свет на складе музыкальных инструментов и, чихая от пыли, начал рассматривать маркировку на ящиках с упакованными для перевозки ударными установками. Ему предстоял трудный выбор.

Корби смотрел, как Паша и Алекс осторожно изучают тело Андрея. Алеся продолжала поддерживать голову брата, Паша водил под его спиной руками, а Ангел, пока тело подростка было навесу, ощупывал его кости.

— Очень плохо. На затылке точно черепно-мозговая. Сломаны ребра, раздроблены кости ноги. Я не знаю, что еще. Я все-таки не врач. Я учился оказывать первую помощь, но здесь этого недостаточно. — Грустным и встревоженным взглядом он посмотрел на Корби.

— Бедный братик, — прошептала Алеся.

— Несмотря на все это, нам нужно его перенести, — сказал Корби.

— Там в зале, на большом кресле, есть покрывало, — вспомнила Аня. — Можно его взять.

— Нет, — возразил Паша, — нужно что-то жесткое.

— Пойдем поищем, — предложил Алекс. Они ушли. Корби взглянул на того, кто приходит из долин. Существо обессилело после своей последней попытки их соблазнить. Оно больше не имело лица

— казалось, между руками Корби и Андрея зависло облако густого тумана. Но Корби знал, что стоит им его отпустить, как коридоры клуба тут же станут местом их смерти.

— Принеси покрывало, — сказал он. — Не для Андрея.

Аня поняла, кивнула и тоже ушла. Корби, Андрей и Алеся снова остались наедине с монстром. Корби держал рукой эфемерную плоть, ощущал ее скользкое движение, ее холод, ее несломленную волю. Когда он не говорил с друзьями, ему начинало казаться, что он видит мир туманными глазами того, кто приходит из долин, слышит шепот его мыслей, переживает его странные воспоминания. Он слышал плач, отражающийся эхом под потолками бесконечной череды пещерных зал, видел зеркала, опущенные в бледно-фиолетовую воду, чувствовал, как уходит жизнь, как наступает оцепенение.

Корби встряхнул головой и отвел взгляд от чудовища. У него за спиной послышались шаги. Возвращались Паша и Алекс. Они несли за углы длинную старую столешницу. Корби уступил им место, и им удалось положить доску параллельно телу Андрея.

— Алеся, ты удержишь его голову? — спросил Ангел.

— Только очень осторожно, — попросил Паша. — Нельзя, чтобы она поворачивалась или наклонялась.

— Я не сделаю братику больно.

— Я беру под грудь, — сказал Алекс. — Паша, ты под поясницу.

— А я помогу с ногами, — вызвался Корби.

Вчетвером они бережно подняли тело раненого

и переложили его на импровизированные носилки.

— Что дальше? — спросил Паша. — Отнесем его в какую-нибудь комнату?

— Чем меньше перемещений, тем лучше, — заметил Ангел.

— Тогда сразу во двор, — сказал Корби.

К ним подбежала Аня. Она несла потертое засаленное покрывало с большого кресла, в котором любил сидеть Главный.

— Просто накрой его, — подсказал Корби. Лицо Ани дрогнуло — ей сложно было подойти ближе к тому, кто приходит из долин — но она пересилила себя, расправила полотно в руках и набросила на слизистое тело. Когда Паша и Алекс подняли носилки, полотно повисло свободно между Корби и Андреем, и только редкие серебристые капли, проступающие сквозь ткань, выдавали присутствие того, кто находится внутри. Андрея понесли к выходу из клуба: Ангел впереди, Паша — позади, Корби — справа, Алеся и Аня — слева от носилок. Сестра держала брата за руку и все время тянулась вверх, стараясь заглянуть ему в лицо. Корби подумал, что у их странной процессии могут возникнуть проблемы на выходе из клуба, но удача была на их стороне, и они не встретили охранника. Очень осторожно они подняли вверх по лестнице тело раненого и вынесли его на улицу.

Была удивительно тихая летняя ночь. Почти все окна уже были темными. Андрея отнесли в центр двора и положили у ограды, там, где шесть или семь часов назад стоял «хаммер» Токомина-старшего. Носилки поставили на асфальт. Корби опустил на ко-

лени рядом с ними. Живой, настоящий мир был вокруг них — ночной ветер веял прохладой, под опорами решетчатого забора пробивались пучки травы, в светлом небе, освещенном огнями многолюдного города, можно было различить звезды.

Корби увидел Маргариту. Она медленно вышла из темноты и приблизилась к носилкам. Она стала совсем странной, окончательно похожей на призрак. На мгновение Корби испугался, что она бросится к сыну, начнет его дергать, будить, устроит истерику, но женщина тихо остановилась в полуметре от изголовья носилок и просто смотрела.

Андрей каким-то образом ощутил ее взгляд и сам открыл глаза.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я увидела во сне, что ты здесь. Или я еще сплю?

— Неважно. Я хотел с тобой попрощаться.

— Ты не будешь жить?

— Буду, но не так и не здесь. Здесь... не получилось.

— Во мне все умирает. Ты был единственным смыслом.

— Возьми меня за руку, — попросил Андрей. Маргарита наклонилась и коснулась его руки. Совсем недолго она держала его за кончики пальцев, потом выпрямилась снова.

— Мама, — сказал Андрей, — иди домой.

— Я не могу. Как я могу уйти?

— Можешь. Должна. Когда я уйду, ты будешь спокойно спать и видеть хорошие сны. Ты станешь такой, какой была очень давно. Еще до того, как все это началось, до того, как ты встретила папу.

Его слова сильно подействовали на мать.

— Хорошо, — как заколдованная, согласилась она.

— Все начнется заново, — обещал ей Андрей. — Не плачь.

Паша, Аня и Алекс стояли в стороне и в нерешительности наблюдали за разговором.

— Иди спать. Возьми с собой мою сестру. Устрой ее на эту ночь.

— Братик, — прошептала Алеся.

Андрей ей улыбнулся.

— Это все. Дальше тебе со мной нельзя.

— Но, братик, я...

— Ты самая лучшая сестра на свете. И ты ею останешься. Я буду тебе снится. Я буду видеть тебя издалека.

Маргарита провела ладонью по волосам девочки.

— Он прав. Нам пора.

Алеся наклонилась и в последний раз поцеловала брата в лоб. Потом встала и взяла женщину за руку. Они ушли вместе.

Не прошло и минуты, как невдалеке послышался легкий шум мотора, и во двор въехал дешевый пластиковый скутер с красными бортами. На нем, без шлема, с дредами, торчащими во все стороны, сидел Главный. Он подъехал прямо к группе подростков.

— Все те же и там же! — воскликнул он, потом заметил лежащего на носилках Андрея, и его лицо мгновенно посерьезнело. — Не может быть. — Он бросил скутер и подбежал к раненому. — Ты живой.

А он сказал... — он посмотрел на Корби.

— Он не врал. У него были все основания так думать.

Главный присел рядом на корточки.

— В любом случае, рад тебя видеть. Как ты?

— Я скоро переезжаю в другую страну, — тихо сказал Андрей. — Ребята решили устроить для меня прощальный концерт.

— Так это из-за него звонил Комар.

— Да, — подтвердил Корби. — Он ждет тебя в клубе. Дай ему все самое лучшее. Деньги будут. Я обещаю.

Взгляд Главного остановился на куче тряпья, лежащей между Корби и Андреем.

— Вы ограбили мое кресло.

— Андрей не совсем здоров. Сначала ему было холодно, теперь стало жарко.

Главный несколько мгновений смотрел на Корби. Он явно понимал, что в этой истории все не так, но у него было свое представление о свободе, и он не мешал людям делать то, что они делают.

— Ладно, ерунда. Пойду, переговорю с Кома-ром. — Он встал, поднял скутер и покатил его к входу в клуб. Корби посмотрел на друзей.

— Скоро будет грузовик. Помогите им таскать вещи.

— Хорошо, — кивнул Паша. Они ушли вслед за Главным. Тянулись долгие минуты. Корби запрокинул голову и посмотрел на небо. «Все это время, — подумал он, — я прятался от своего горя и поэтому не знал своего счастья». Нежно, как это делала Алеся, он коснулся волос Андрея. Они были очень мягкими, было приятно тонуть в них пальцами. Корби надеял-

ся, что сейчас случится новое видение, новый обмен силой, как тогда, в черном городе. Но этого не произошло. Андрей уже показал ему все, что мог.

Паша и Алекс вынесли из клуба два огромных, но легких фанерных ящика, глянули на Корби и тут же пошли обратно. Затем во двор въехала скорая, а следом — уже знакомый Корби «мерседес» с ублюдками Токомина. Обе машины остановились друг за другом перед дверями клуба.

— Сюда! — крикнул Корби. От скорой к нему двинулся человек в белом халате, с оранжевым чемоданчиком в руках, от «мерседеса» — Шершавый. Взгляды обоих мужчин остановились на Андрее.

— Сын босса, — вырвалось у Шершавого.

— Что с ним такое? — спросил врач.

— Упал с третьего этажа, — ответил Корби. Медик инстинктивно посмотрел на крыши соседних домов. — Не здесь.

— Его перевозили? Почему не вызвали скорую?

— Думали, что он погиб.

Врач коснулся шеи Андрея, нашел пульс.

— Пульс нитевидный, дыхание поверхностное.

Как давно?

— Два дня назад.

Медик посмотрел на Корби.

— Шутить изволите?

— Какие шутки. У него половина костей сломана.

Врач осторожно приподнял голову Андрея. Шершавый молча наблюдал за сценой. Корби поймал на себе его злой, почти ненавидящий взгляд.

— Много было крови?

— Лужа.

Доктор обернулся к машине.

— Саша! Каталку, кардиограмму, кислород! — Быстрым, отточенным движением он открыл свой оранжевый чемоданчик, сразу достал два шприца и по очереди вколол их в свободную руку Андрея. — Мы его увозим.

— Нет.

— Как нет?

— Если вы его увезете, мы оба умрем.

— Чуть, — сказал Шершавый. — Увозите.

Второй медик уже катил от машины раскладную койку.

— Перекладываем его вместе с тем, на чем он лежит. Меньше травм.

— Токомин должен был сказать, что вы подчиняетесь мне во всем, — напомнил Шершавому Корби.

Лицо бандита оставалось каменным.

— Если пацан умрет, босс будет куда больше недоволен. — Он и доктор вместе наклонились к противоположным концам носилок. Корби сорвал покрывало с того, кто приходит из долин. В тусклом свете уличных фонарей замерцала серебристая плоть. Внутри прозрачного тела между руками Корби и Андрея танцевала маленькая, но ясно видимая в темноте дуга света. Чудовище увидело новые лица и зашипело, выпуская покрытые каплями кислоты жгутики.

— Хватит! — крикнул Корби. — Слушайте меня.

Шершавый вскочил, а доктор, сидя на корточках, шарахнулся от монстра и глупо сел на задницу.

— Если не убить это, Андрей точно умрет, — понизив голос, продолжал Корби. — Поэтому вы будете делать то, что я скажу.

— Да о чем ты говоришь? — неверным голосом

спросил Шершавый. — Что это за долбаная слизь?

— Эта долбаная слизь когда-то сожрала половину лица твоего боса.

— Брешешь, — не поверил Шершавый, но почему-то стал очень бледен. Доктор неуклюже поднялся с земли. Его напарник с каталкой остановился на полпути и, приоткрыв рот, смотрел на клубящееся серое существо.

— Мы уезжаем. Это какой-то криминал.

Корби яростным взглядом посмотрел на Шершавого.

— Задержи их. Иначе Токомин заставит тебя целовать то, что сейчас у меня в руках.

— Уходим, — поторопил своего напарника врач. Тот покатил каталку обратно. Шершавый достал пистолет и навел его на спину врача. Раздался глухой щелчок снятого предохранителя. Медик оглянулся и увидел, что в лицо ему смотрит черный провал дула. Еще два бандита вылезли из своей машины.

— Выбериай, — тусклым голосом предложил Шершавый, — или три твоих месячных оклада за одну эту ночь, или тебя с твоим водилой и вашей дорогой труповозкой зальют в бетон.

— А что я напишу в протоколе? Что пациента покусал инопланетянин?

— Что сделал клизму какому-нибудь наркоману. У вас же, как это, конфиденциальность.

— Послушайте, — сказал Корби, — просто поверьте, что вы помогаете, а не вредите.

— Он умирает. Ему нужно срочно в больницу.

— Продлите его жизнь. Нам нужно всего несколько часов.

Медик вытер со лба холодный пот и медленно

пошел обратно к Андрею. Чудовище слабо шевелилось, изучая его своими темными глазами. Свободной рукой Корби поднял с земли тряпку и снова накрыл им того, кто приходит из долин.

— Тогда лучше хотя бы отнести его в нашу машину.

— Скоро здесь будет лимузин, — сказал Шершавый. — Босс сказал везти его на лимузине.

— Хорошо, — согласился Корби. — Лимузин лучше, чем скорая.

— Там нет оборудования.

— Переставим, — отрезал Шершавый.

— Саша, кардиограмму и кислород.

Саша нерешительно двинулся обратно к машине. Напарники Шершавого последовали за ним.

— Я просил грузовик, — напомнил Корби.

— Вон грузовик, — показал Шершавый. Во двор въехал низкомордый японский легкогруз с большим плоским кузовом. Прямо за ним ехал лимузин. Перед клубом возникло целое столпотворение машин. Корби невольно подумал, что уже видел эту картину. Так бывает всякий раз, когда кто-то умирает.

Паша и Алекс вынесли на улицу очередную партию ящиков и подошли к Корби.

— Все в порядке?

— Надо перенести Андрея в машину, — сказал Корби. Они подняли носилки. Корби встал с асфальта и шел рядом с ними.

Широкие откатные двери автомобиля позволили им двигаться почти свободно. Паша и Алекс положили Андрея на длинный кожаный диван, идущий

вдоль борта салона, Корби опустился в кресло рядом с ним. Тот, кто приходит из долин, упал на пол между ними. Он был скрыт покрывалом, но ткань истекала серебряной слизью и ее капли уже забрызгали пол автомобиля. Врач зашел последним, сел в изголовье Андрея, опустил кислородную маску ему на лицо. Он сам был бледнее умирающего подростка, и то и дело доставал новую бумажную салфетку, чтобы вытереть лоб.

Последними в лимузин заглянули Комар и Аня.

— Не вылезайте, парни, — сказал Комар. — Едем.

— Как? — спросил Паша. — Там же еще вещи.

— Люди в черном обещали, что все уладят. — Комар бухнул на пол салона набитую сумку, она раскрылась, и из нее вывалилась гора тряпья. По машине распространился запах старой одежды и табака. У Ани была такая же сумка.

— Что это? — удивился Однокрылый Ангел.

— Маскарадные костюмы. Главный, щедрая душа, сказал, что Андрею они бы понравились, а ему за такие деньги ничего не жалко. — Комар плюхнулся на диван напротив и вытащил из кучи первую попавшуюся вещь. Это оказался широкий красный плащ.

— Едем? — спросил водитель.

— Едем, — подтвердил Корби.

— Куда?

— Москва-Сити.

Аня захлопнула откатную дверь. Машина тронулась, за окнами поплыли огни ночной Москвы. Корби посмотрел на Андрея. Он был жив и во сне крепко сжимал призрачную руку того, кто приходит из долин. Его дыхание облачком светлого пара врывалось в

кислородную маску, на прозрачный пластик оседали сверкающие капельки конденсата.

Шестеро подростков и одно чудовище ехали на прощальный концерт.

Глава 35

ОГОНЬ В НЕБЕ

Ночью стройку освещали яркие софиты. Машину чуть качнуло, и она покатила вниз, по бетонной поверхности съезда, уходящего под землю. Все здесь было таким же, как и два дня назад — серые стены, редкие неяркие лампы под потолком, глухое эхо, звук капающей воды. «Хаммер» Токомина уже был здесь. Он стоял недалеко от лифтов, рядом с ним остановилась еще одна машина — обычные старые «жигули». Около автомобилей Корби увидел Ару, Ника и «Зеленых Созданий». Приехали не только Ира и Рыжая, но еще огромный толстый басист Джуба и элегантный, вечно укуренный Король — фронтмен и лидер группы. Из-за группы подростков выступил отец Андрея. Его лицо было бледным и измученным. Он ждал сына и в то же время не верил, что тот еще может быть жив. Корби оглянулся на своих спутников и попытался представить, как это будет выглядеть со стороны, когда они сейчас выйдут из машины.

Они переоделись. Определение Комара оказалось неточным: эти костюмы были сделаны не для маскарада, скорее, для классического театра — фраки, тоги, мундиры, вещи из всех времен, одеяния

всех народов и профессий. После переодевания Паша казался еще больше, чем обычно, его медная кираса повторяла и подчеркивала формы груди и брюшного пресса. Однокрылый Ангел тоже выбрал латы, но не из желтого металла, а черные с серебром — мечи и крылышки в вензелях; его строгое лицо с глубоко посаженными глазами странно изменилось, словно он сошел со средневековой фрески. Комар запахнулся в алый плащ — цвет ткани был таким же, как и его красная прядь; он царственно придерживал полы своих одежд и будто превратился в маленького, не совсем доброго принца, с которым следует быть осторожным. Аня убрала волосы под широкополую черную шляпу с пером и вдруг стала похожа на мальчишку из сказки: ее глаза лукаво блестели в тени, а улыбка казалась каверзной.

Корби единственный не переоделся — он боялся лишним движением побеспокоить Андрея. Но он смотрел на друзей и чувствовал, что вместе с новым обличьем в них пришло волшебство. На мгновение он испугался, что все, что они делают, превратится в комедию, в нелепый фарс. Но этого не произошло. Занимался новый день, пошли четвертые сутки с тех пор, как он придумал банду, и все должно было измениться.

— Вы останетесь в машине, — сказал он врачу. — Вас отвезут назад. Спасибо за все, что вы сделали.

Тот кивнул и снял маску с лица Андрея.

Двое латников вынесли тело разбившегося юноши из машины. «Зеленые Создания» расширенными от удивления глазами смотрели, как движется странная

процессия. Андрей, поддерживаемый Пашей и Однокрылым Ангелом, казался воином, павшим в бою, тем, кого несут на щите: спокойное лицо, кровь на светлых волосах, ткань, ниспадающая на руку, соединенную с рукой Корби... «А ведь так и есть, — подумал Корби. — Он сражался всю свою жизнь, сражался так, как мало кто смог бы. Он получил свои последние раны в неравной схватке. А потом я, его друг, отбил его тело у врагов».

— Сын, — произнес Токомин.

— Он умирает. — Комар тоже не выглядел сейчас смешным — его одежды цвета огня и крови словно подчеркивали то, что он сказал. Отец Андрея подошел к носилкам и долгим удивленным взглядом всматривался в чистое лицо мальчика.

— Отец, — узнал Андрей. Он медленно открыл глаза. Ему будто было трудно проснуться, вернуться. Он смотрел на отца, но Корби чувствовал, что сквозь родное лицо Андрей уже видит другой мир.

— Я сделаю все, что угодно, чтобы спасти тебя.

— Тогда давай прощаемся. И ты уйдешь. Тебе не нужно возвращать мне долги, папа. Это я сегодня верну всем то, что им причитается. Мы с Корби взяли врага в плен. Осталось закончить.

— Мы держим его нашими руками, — объяснил Корби.

— Оно под покрывалом?

— Да.

— Сними. Я хочу его увидеть.

Корби мгновение смотрел на него, потом сдержал покров с чудовища. Кто-то из «Зеленых Созданий» издал произвольный возглас удивления и ужаса. Клубящееся серое существо потянулось к отцу

Андрея, уставилось в его лицо своими темными глазами.

— Старый знакомый, — прошипел тот, кто приходит из долин. — Мой самый жалкий враг. Ты всегда был ничем, пешкой в руках других, даже в руках собственного сына.

Отец Андрея, не отстраняясь, смотрел ему глаза в глаза. На его скуле взбух желвак, и Корби показалось, что волны расходятся по глади Озера Боли. Мужчина медленно перевел взгляд на сына.

— Хорошо. Я сделаю, как ты просишь.

— Спасибо, папа. Алеся у мамы. С ней все в порядке, я знаю. Она спит в моей комнате. Забери ее завтра утром, но не буди слишком рано.

Токомин вдруг низко поклонился сыну.

— До встречи. Если таковая будет возможна.

— Да.

Мужчина повернулся и пошел к своей машине. Корби проследил за ним взглядом. Он подумал, что безумие Токомина куда-то исчезло. Он переборол его за эту ужасную ночь. Он уничтожил страх и боль, но сохранил чувство долга. Он стал нестигаемым, как сталь.

Ник и Ара подошли к Корби. Их взгляды невольно обратились к тому, кто приходит из долин. Корби решил, что еще не время позволять ему пугать всех присутствующих, и снова набросил на него покров.

— Видеть все это твоими глазами и увидеть самому — не одно и то же, — с содроганием сказал Ник.

— Банда, — ответил Корби, — вы сделали все гениально. Вы лучшие.

Ара поднял карточку «Вест Винд», посмотрел на Андрея.

— Как он?

— Я хорошо, — прошептал Андрей. — Так она у вас? Вы ею пользовались?

— А как бы я без нее добрался до тебя? — спросил Корби.

— Не знаю. У меня еще не было времени подумывать.

Впервые к Корби пришла мысль, что Андрей тоже может не все понимать в этой истории. Она стала слишком большой, захватила в себя больше десятка судеб, заставила их соединиться в огромный, загадочный узор.

— Я поймал ее, когда ты бросил, — сказал Ара. — Ее чуть было не унесло ветром.

— Чуть было не унесло ветром, — повторил Андрей, его глаза заблестели, и Корби показалось, что он смеется, просто слишком слаб, чтобы смеяться так, как это обычно делают. — Я тоже хотел вам сказать спасибо. Вы очень-очень хорошие друзья.

— Друг Корби — мой друг, — сказал Ник.

— «Зеленые Создания» знают, что мы будем делать? — спросил Корби.

Ара открыл рот, но его перебил Король.

— Настолько, насколько это возможно.

— Инструменты едут, — сообщил Комар. — Если вы не против, я буду ведущей гитарой, а ваши гитары составят ритм.

— Кто платит деньги, тот правит бал, — улыбнулся Король. Корби переглянулся с Ником. Тот пожал плечами.

— Только Ира и Рыжая были согласны на беско-

рыстные услуги.

— Что ж, так даже лучше, — решил Корби. Ара коснулся своей карточкой магнитного замка, и хромированные двери лифта послушно отползли в стороны, открывая сверкающую металлом и стеклом просторную кабину.

— Мы все не влезем, — заметил Ник.

— Мы с Андреем должны пойти первыми, — сказал Корби. Другие ребята расступились, пропускающая носилки. Вместе с друзьями в лифт зашла Аня.

— Еще остается место, — пригласила она. Зашла Ира. Корби нажал самый верхний этаж. Двери закрылись, и скоростной лифт помчался вверх. Паша и Алекс слегка крикнули под возросшим на несколько мгновений весом носилок, но не позволили им упасть или качнуться.

Корби рассматривал сверкающие полированным металлом стены кабины. Все стало другим с тех пор, как он был здесь в первый раз. Раньше, скорчившись на полу этого лифта, лежал он, а теперь там лежал настоящий убийца Андрея. С его распадающегося тела на металлический пол стекали нити ртутной слизи.

Он почувствовал, что Ира смотрит на него, и прямо встретил ее взгляд. Она моргнула от неожиданности.

— Я все делал неправильно, — сказал он. — Я не понимал, чего людям стоит меня любить. Прости меня.

Лицо Иры дрогнуло.

— Не так уж это было серьезно.

— Но ты пришла.

Ира опустила глаза. Корби тронул ее за руку.

— Мы поговорим. Но в другое время. Хорошо?

— Хорошо, — удивленно согласилась она.

— Ух ты, — сказал Паша. Поддерживая носилки, он первым вышел из кабины. Ночью пространство недостроенного этажа казалось чем-то фантастическим — темная поверхность бетона, редкие сигнальные огни, обозначающие голый край платформы, бескрайний ночной город за отсутствующими окнами. Меж серых колонн гулял сквозняк.

— Нам вверх по лестнице, — подсказал Корби. — Там будет решетка, и придется подождать Ару с карточкой.

Ждать пришлось недолго: Ара, Ник и музыканты поднялись на втором лифте.

— Грузовик с инструментами пришел, — сообщил Ара. — Скоро они нас нагонят.

— Хорошо, — обрадовался Комар.

На чердаке горел один-единственный фонарь. Он стоял прямо на полу, и его луч прочертил маршрут от выхода на чердак до подъема на крышу. Подружки прошли по линии белого света и поднялись по последней лестнице. Паша и Александр берегли Андрея, как могли, им удалось ни разу не наклонить носилки. Они вышли на крышу. Цвет неба уже неуловимо менялся — Корби понял, что скоро начнет рассвет. Он попросил поставить носилки у края крыши, у того самого угла, где он стоял в отчаянии и думал о том, что его самоубийство может спасти Ару и Ника, а потом услышал крики бейсджамперов. Сейчас это место казалось очень спокойным. Ночной город почти не шумел. Соседние небоскребы светились в темноте.

Он взглянул на Андрея. Тот странным, рассеян-

ным взглядом смотрел в небо, но Корби чувствовал его присутствие, его внимание. Андрей был с ними в свой последний час на земле.

— Всю дорогу Ник уговаривал меня сделать одну вещь, — тихо сказал Ара. На его щеках вспыхнул румянец. — Андрей, ты не против, если я почитаю из Библии?

— Почитай.

— Я учил на армянском, — смущенно сказал Ара. Несколько секунд он молчал, потом тихо заговорил. Андрей, чуть улыбаясь, смотрел в небо. Люди Шершавого вынесли на крышу ящики с музыкальным оборудованием. С ними был Главный. Он деловито распоряжался угрюмыми бандитами. Комар и «Зеленые Создания» пошли распаковывать инструменты.

С удивлением Корби понял, что это самый спокойный момент в его жизни. Время замерло рядом с ложем белокурого юноши. Незаметно пошел дождь. Его легкие капли падали на открытое лицо Андрея, стекали по его бледным щекам.

Ира подошла к Корби.

— Мы не можем играть под дождем. Мы просто испортим оборудование.

— Не под этим дождем, — сказал Корби. — Этот дождь должен пойти. Он для нас. Посмотри вверх.

Ира запрокинула голову. В светлеющем небе она увидела, что странная, темная грозовая туча висит только над Москва-Сити. Облака вращались, скручивались в воронку, и в их центре появился маленький клочок чистого черного неба — око бури.

Ира передала слова Корби остальным музыкантам. Издалека Корби наблюдал, как Главный собирает систему. Шесть микрофончиков от ударной уста-

новки — Рыжая сама воткнула их. Две гитары. Зеленые огоньки вспыхивали один за другим, сначала хаотично, потом выстраиваясь в ровный ряд. От инструментов к пульту и от пульта к колонкам поползли десятки проводов, свиваясь в змеиные клубки. Крыша превратилась в космический корабль с открытой палубой: она парила над городом, а на ней разворачивалось оружие для последнего боя с тем, кто приходит из долин.

В какой-то момент Корби понял, что время пришло, и сорвал с чудовища покрывало. Он увидел его темные, полные гнева и удивления глаза. Серая плоть клубилась и шипела: капли волшебного дождя скатывались по ней, оставляя дымящиеся следы.

— Остановитесь, — выдохнул тот, кто приходит из долин. — Вы оба кровь от моей крови, плоть от моей плоти, семя от моего семени, сила от моей силы. Ложь и предательство заставили вас быть против меня.

— Предательство зла — необходимая справедливость, — прошептал Андрей. Его лицо осталось спокойным. Он смотрел на чудовище с грустью.

— Ты безродный ублюдок, — прошипел монстр, — плод случая и неудачи, насмешка над моей судьбой.

Его голос растворился, стих в усиливающемся шуме дождя и ветра. Корби отбросил промокшую прядь волос со своего лба. Он чувствовал холод снаружи и тепло внутри себя. Он дрожал всем телом. Сейчас что-то должно было произойти; должны были соединиться последние линии узора.

Подошел Комар. Ветер раздувал его красный плащ, через плечо висела гитара. Корби встретил его взгляд и понял, что тот взбудоражен так же, как и они все. На их печальный праздник вдруг пришло веселье.

— Мы готовы! — перекрикивая бурю, сообщил Комар. — Все работает! — Он провел пальцами по струнам, и над крышей пронесся первый гитарный аккорд — воспроизведенный колонками, бесконечно мощный искусственный звук. Он заставил капли дождя поменять направление, врезался в ночное небо, вызвал зарницы между сгустившихся в вышине туч. — Охренеть! Это лучший звук в моей жизни! А что мы будем играть? Чего хочет Андрей?

— Ты сможешь повторить то, что я играл? — спросил Корби.

— А сам не хочешь?

— У меня занята рука.

Комар сконфузился.

— Я, наверное, не смогу так.

Корби заметил, что губы Андрея шевелятся, и понял, что тот хочет им что-то сказать. Он наклонился к умирающему.

— Скажи ему, что эту гитару зовут «Черная ночь». Я ее так назвал.

Корби повторил для Комара.

— Здорово. Мне нравится. Но я все равно не знаю, что играть.

— А ты попробуй, — предложила Аня. Она придерживала рукой свою шляпу, чтобы ту не унесло ветром. Корби вдруг вспомнил, как они с Комаром стояли в ванной и смотрели на самих себя в зеркале. Тогда Аня показала им, как они похожи. Ему пришла

в голову безумная идея.

«Где ты? — мысленно спросил Корби. — Нам с Андреем нужна твоя помощь».

Он закрыл глаза — и с неожиданной для самого себя легкостью провалился в другой мир.

Он увидел, что его двойник все еще находится на крыше небоскреба черного города. Он колдовал, размечая пространство вокруг себя линиями света. Круги, квадраты, треугольники сходились в странный узор, и Корби понял, что его недавняя мысль про линии судьбы была не его мыслью, а лишь отражением того, что делает в запредельном пространстве его тень.

Крылатые люди все еще были там. Они сидели тихо, замороженно смотрели на свет своими колдовскими глазами, ловили сверкающим опереньем блики сверхъестественного огня.

Печальный юноша ударил светом в центр узора, и небо у него над головой взорвалось молниями. Корби ощутил на себе его пристальный взгляд. «Ты слушаешь, — понял он. — Вот передо мной стоит Комар, покажи ему, что делать».

— Я этого ждал, — ответил двойник. Корби провалился обратно в свой родной мир. Комар по-прежнему стоял перед ним, но теперь его лицо странно изменилось. Он стал немного похож на Корби, и немного — на театрального дьявола в красном плаще. Дикая, пугающая улыбка пробежала по его губам. Он обернулся к «Зеленым Созданиям».

— Ритм-гитара, повторяй, — приказал он и заиграл. Сначала Корби показалось, что он играет не то,

но уже через два аккорда он понял, что ошибся: Комар выводил основу, упрощенную общую схему для тех риффов, которыми призрак уничтожил Оскаленного.

Ира кивнула и повторила его наигрыш. Со второго раза она смогла сделать это точно. Минуту они играли вместе, а потом Комар отпустил струны своей гитары, и остался только ритм. Вступила Рыжая. Она расцветила повторяющийся гитарный драйв звуком ударных. Заиграл Джуба, и появилась басовая линия. Андрей улыбался. Корби слушал, как растет, ширится, усложняется музыкальный узор. Еще молчали Комар и Король, которому обычно принадлежала ведущая линия в музыке «Зеленых Созданий». Но с монстром уже что-то было не так. Он начал метаться, и Корби вдруг стало сложно его держать. Снова, как во время столкновения в черном городе, он почувствовал, как что-то с болью тянется у него внутри. Тот, кто приходит из долин, не мог сорваться с привязи, но все равно предпринимал последнюю попытку уничтожить своих врагов. Корби стиснул зубы и держал его. Он смотрел, как драйв проникает в его друзей, как они кивают в такт музыке. Первая из зарниц слетела с неба, с грохотом расколов воздух над крышей соседнего небоскреба. «Ну же», — подумал Корби.

Вступил Комар. Теперь он играл ту самую музыку. Мрачные, витиеватые риффы сбили структуру узора, сделали ее неправильной, интересной, по-настоящему колдовской. Волшебство помогало музыкантам мгновенно находить общий язык: они обменивались решениями, подыгрывали друг другу. Король добавил к риффам Комара свои рифы. И вот уже новая зарница затанцевала, спускаясь с неба, ударила в мост над Москвой-рекой, разошлась в стороны пере-

вернутым деревом своих ветвей.

— Рыжая! — вдруг закричал Комар. — Стой!

Ударные смолки, а музыка продолжалась. Комар изменил настройки гитарного процессора, сыграл в другой тональности. Король понял, что он делает, и тоже перешел в другой режим. Минуту они играли другую, печальную тему, а потом Комар кивнул ударнице, и снова начался драйв.

Черная бездна неба содрогалась от молний. Ара и Ник, Паша и Аня вскочили и подняли кверху руки. Ветер сорвал шляпу с головы девушки и унес ее вдаль. Молнии били вокруг, сверкали, попадая в тарелки ударной установки. В какой-то момент Рыжая закричала от страха, но все равно продолжала играть, и белый огонь не тронул ее — лишь прошел по рукам, заставив волосы разлететься по плечам. Огни святого Эльма плясали на грифах гитар. Латы Паши и Однокрылого Ангела сияли медью и серебром, струйки дождя стекали вниз по их броне, огибая вензеля и стальные клепки.

Небо на горизонте посветлело, окрасилось в цвета восхода. Было невероятно странно смотреть на розовый горизонт сквозь дождь и танцующие вспышки. Корби изо всех сил держал монстра. Он почувствовал, как первый разряд электричества достал того, кто приходит из долин, и как тот содрогнулся от ужасающей боли. Линия света между руками Корби и Андрея стала ярче; она как будто питалась энергией этой грозы, стремилась стать наравне со своими старшими сестрами — небесными молниями.

— Пора, — прошептал Андрей. — Помогите мне встать. Смерть больше не опасна.

Паша и Алекс неуверенно посмотрели на Корби. Он кивнул им. Они подняли Андрея под руки. Его голова была готова безвольно опуститься на грудь, но Аня поддержала ее.

Андрей и Корби стояли на краю крыши, а их враг скорчился между ними, скованный их дружбой, заточенный внутри их рукопожатия.

И вот взошло солнце. Корби увидел невероятное зрелище: сквозь дождь и молнии проходили солнечные лучи. Они осветили тело чудовища, и оно стало прозрачным, уязвимым. Свет наполнял его изнутри, рассеивал. Темные глаза того, кто приходит из долин, чернели в его призрачной плоти, как два последних ненадежных сгустка его существа.

Воздух дрожал от гитарных риффов. Молнии били в такт музыке. Крик людей, крик восторга и страха, смешался со звуками музыки и стихии. Корби увидел, как его темный двойник собрал всю эту мощь и перенаправил ее на врага. Небо расколосось. Корби почти ослеп, но все равно продолжал видеть, как от их с Андреем рук и до самого неба расцветает лотос белого огня. Их маленькая молния соединилась со всеми молниями неба.

Корби почувствовал, как тот, кто приходит из долин, превращается в прах. Он горел. Тот огонь, в котором его пытались сжечь друзья Белкина, сейчас показался бы ему мягким, согревающим теплом домашнего очага. Весь мир вокруг превратился в свет. Лучи солнца, искры молний, души людей — все соединилось ради одного жеста.

Напрягая последние силы, Корби удерживал чудовище. В своей агонии оно пыталось добраться до его сердца. Он снова увидел своих родителей, двойную смерть своего отца, тень скорби и жажду самоубийства, с которыми он жил многие годы. А потом — вдруг, внезапно — все это прекратилось. Корби взглянул на свою руку и увидел, что она свободна. Дождь кончился, музыка смолкла. Тот, кто приходит из долин, ушел навсегда.

Корби посмотрел на Андрея и увидел, что тот смеется и тоже смотрит на свою свободную руку.

— Я стою! — закричал Андрей. — Я могу стоять сам!

Его отпустили, и несколько мгновений он стоял, охваченный светом восходящего солнца, горящий в белом пляшущем огне молний, улыбающийся, прекрасный, победивший. А потом он сделал два шага вперед, два шага, которые невозможно было сделать на сломанных ногах, перевалился через ограждение крыши и, разведя руки как крылья, полетел вниз.

— Нет! — крикнул Корби. Он бросился вперед, силясь поймать, подхватить Андрея, но не успел. Тот упал за край крыши. Корби перегнулся через перила, готовый прыгнуть за ним, но его за ноги схватил Однокрылый Ангел. Корби лежал животом на стальном бортике и с отчаянием следил, как падает Андрей. Казалось, это происходит очень медленно. Он парил, он получал свои заветные семь секунд падения. Его фигурка становилась все дальше, все меньше.

«Конец», — подумал Корби.

И вдруг, когда Андрей был уже у самой земли, из воздуха над его телом появились крылатые люди. С победным криком они подхватили его и понесли

снова вверх, кружа по восходящей спирали. А потом и он, и они исчезли в лучах восходящего солнца.

Эпилог

ДОРОГА
УХОДИТ
ВДАЛЬ

Как-то само собой пришло название — «Последнее поколение» — и Король шутил, что все вместе они «последнее поколение зеленых созданий».

Ира нашла будильник. Кровать под ней заскрипела, но Корби никак не отреагировал. Еще нет восьми утра. Кто встает раньше восьми в свободный летний день? Жаворонки.

— Надо найти нормального парня.

— Корби не жаворонок — он уникам.

Она смутно надеялась, что ее бессмысленный разговор с собой вызовет его ответную реакцию, но этого не произошло. Что он там делает? Если он захочет что-то спрятать, он спрячет. Она попыталась снова уснуть. Уснуть не получалось. Ей было интересно. Экран ноутбука полностью скрывал Корби, но под столом было видно его босую, медленно шевелящую пальцами ногу.

— Коля Рябин, ты нашел себе виртуальную подругу?

— Нет.

— Тогда иди сюда.

— Минуту, — попросил Корби. И что-то такое мелькнуло в его голосе, что Ира не стала больше его беспокоить.

В наступившем молчании Корби искал слова, чтобы дописать свое письмо. Оно было не совсем обычным, и он догадывался, что оно может никогда не дойти до адресата.

Утром накануне выпускного Ник на скорую руку создал сайт памяти Андрея. Туда уже написали очень многие, даже какие-то ребята из параллельных

классов, которые ни разу не обмолвились с Андреем и словом. Только записи Корби там пока не было.

Сегодня он проснулся в сумерках и понял, наконец, что может написать.

Он видел сон.

После бури над крышей небоскреба в темном городе наступила ночь, и пошел дождь. Он сглаживал очертания всех вещей, спрямлял искривленную перспективу улиц, смывал со стекол их зеркальный непрозрачный макияж. Камни фантастических руин начали распадаться, размываться, как фигуры из песка. Маски оживали, снова становились людьми. Они выходили на улицы, возвращались в свои дома, зажигали свет в окнах. Из призрачной пустыни, в которую его превращало чудовище, город снова вернулся к жизни.

Андрей и Корби шли по его мокрым тротуарам, мимо баров, гостиниц, темных переулков и скучающих женщин, с упоением вдыхая воздух, который больше не пах жаром, пеплом и кровью. Они держались за руки и восхищенно заглядывались на прохожих. Здесь больше не было ни одного лица, на котором лежала бы тень смерти, ни одного старика, ни одного больного, ни одного измученного наркотиками и пороком.

За окнами маленького клуба Андрей и Корби увидели Jacksons 5. Майкл пел, ему еще не исполнилось шестнадцати, его лицо было молодым, красивым и темным. И он, и его братья вертелись на сцене как заводные, словно их тела были устроены из каких-то особых шарниров. Где-то в толпе промелькнуло лицо Сида Вишеса, совсем юное, еще не опухшее от героина и не перекошенное нервной судорогой. На другой

улице Андрей и Корби заметили Джима Моррисона. Он шагал по городу, подставляя лицо дождю, молодой и статный, похожий на гордого льва.

Ливень редел, приближался рассвет. В какой-то момент Корби понял, что они движутся к окраине. Она была похожа на окраины всех великих городов западного мира, на все те места, где заброшенные заводы превратились в места обитания художников и музыкантов. Из-за пелены дождя проступили невысокие дома с кирпичными стенами. На углу, у перекрестка, светился окнами шотландский бар. Там за одним из столиков Корби увидел Джона Леннона и Стюарта Сатклиффа. Они явно засиделись допоздна, но теперь им некуда было спешить — все время принадлежало им. Они были друзьями в вечности. Они пили свое пиво и, веселясь, чертили что-то в дешевом блокноте с серыми страницами. Сатклиффа еще не ударили по голове бутылкой, Леннона еще не постигли четыре пули. И было ясно, что теперь этого не произойдет уже никогда. Дом мрака снова становился домом песни.

Андрей и двойник Корби прошли мимо них, как и мимо многих. Они говорили о чем-то, но, проснувшись, Корби никак не мог вспомнить, о чем именно. Он запомнил другое — как они дошли до последней улицы, до последнего дома, и город закончился. За его пределами уже не было ни реки крови, ни выжженной черной земли. Дорога уходила вдаль. Над ней, окруженное радугами, поднималось солнце, а вокруг раскинулись дикие поля желтой травы.

Они стояли на совершенно пустынной площади, около старого бара, у крыльца которого ночевали несколько мотоциклов. Утро было совершенно тихим,

только слабый ветер шуршал в мокрой траве и раскачивал жестяную вывеску над входом байкерской забегаловки.

— Ты знаешь, я не могу идти дальше, — услышал Корби собственный голос. — Это город моей музыки.

— Я вернусь, — обещал Андрей. — Как только научусь летать и делать другие вещи. И тогда мы отправимся дальше вместе.

Он улыбнулся. Они долго смотрели друг на друга, а потом Андрей пошел вперед по дороге. Он шел по обочине и сбивал кончиками пальцев капли росы с растущих у дороги колосьев. Восходящее солнце позолотило его волосы. Корби смотрел ему вслед даже тогда, когда фигурку друга уже нельзя было различить над линией горизонта. Солнце успело высушить полосу асфальта у его ног, когда он повернулся и направился назад, в свой преображенный город. Он улыбался и думал о том, что больше нет того места, где его мучила ужасная печаль. Он верил, что Андрей сделает все, как обещал, и однажды они снова будут стоять вместе у резных каменных зубцов на вершине бесконечно высокой белой башни и смотреть вниз, на зеленую гористую страну, лежащую под лучами незаходящего солнца.

Корби проснулся и увидел, что, как ему и приснилось, восходит солнце. Он бесшумно выскользнул из постели, включил ноутбук, открыл созданный Ником сайт. Страничка была просто оформлена: фотография Андрея в черной рамке висела посреди пустынного белого поля, под ней шли прощальные

слова трех десятков людей. Корби промотал их все и набрал в окошке формы свой текст.

«Ты не умер. Ты продолжаешь свой путь. Дорога уходит вдаль. Над ней восходит солнце. И я верю, что мы все сделали правильный выбор. Спасибо тебе, друг».

Корби допечатал последние слова и несколько долгих секунд смотрел на то, как выглядит его послание. Он подумал, что те, кто не знал Андрея, сочтут его сумасшедшим, но это было неважно. Он отправил сообщение и закрыл глаза. Мысленно нашел своих друзей.

Ник уже встал. С банкой энергетика он сидел за компьютером и просматривал написанные за вчера программные коды. Он собирался поступать на математический.

Ара лежал в постели. Его взгляды сильно изменились за прошлое лето, и он пошел учиться в семинарию. Правой рукой он прижимал к себе учебник богословия, левой обнимал очередную возлюбленную.

«Я, наконец, написал на сайте Андрея, — подумал для них Корби. — Будет здорово, если вы прочитаете».

«Хорошо», — ответили друзья.

Корби встал из-за компьютера. «Тот, кто снится мне каждую ночь, не совсем я, — подумал он. — Он прошел через холод, одиночество и боль, которых не выдержит ни один человек. Он странствовал через темные вселенные и нашел места, где пребывают спокойные души и тени. Он учился у них. Теперь мне предстоит учиться у него».

Он оглянулся и посмотрел на две гитары, ко-

торый стояли на своих подставках у стены. Одна — Ирина. Другая — его. Теперь и уже навсегда. Модель IBANEZ GRGR121EX BLACK NIGHT. Он называл ее просто «Черная ночь». Под струнами на грифе маленькие желтые листья. «Скоро нам с тобой предстоит выйти на сцену, — подумал Корби, — с нашей первой собственной песней». И на мгновение ему показалось, что листья на грифе кружатся, как кружились опавшие листья над тропой, ведущей через мост к охотничьим угодьям «Белая Запь», и он снова ощутил, как склизкая рука из призрачной плоти с болью вытягивает что-то у него изнутри.

Ира смотрела, как он идет к ней, озаренный алыми лучами рассветного солнца. Растрепанные черные волосы, солнечные зайчики на белой коже. Он был гибким, тонкокостным, таким красивым. Он улыбнулся ей, но оставался странно серьезным и сосредоточенным. На мгновение он остановился, словно прислушиваясь к чему-то. Его бледное, целеустремленное лицо теперь было повернуто к ней в профиль. «Ангел или эльф», — подумала она. Озноб охватил ее всю, с ног до головы — даже пальцы, щеки, кожу под волосами на голове. Она не шевелилась, почти не дышала. Она поняла, что хочет его, но не могла нарушить то, что происходило у нее на глазах. Она стала скованной и беспомощной.

Корби наклонился к ней и поцеловал. Она приподнялась на кровати, подалась ему навстречу, скользнула руками вдоль его тела. Оно было очень холодным, как будто в нем все еще находились частички той ледяной стекловидной мерзости, которая висела

между ним и Андреем. На какое-то мгновение она испугалась за него и за себя, но потом почувствовала, как напрягается его плоть, и забыла об этом, забыла обо всем.

Корби шел один по кладбищенской аллее. Дул ветер — свежий, порывистый, влажный. Небо пахло грозой.

Лист он увидел издалека, и сразу понял, что именно видит. Он осторожно подошел.

Лист, казалось, только вчера упал с дерева. Кленовый, желтый, с красной сетью прожилок. Поверхность перекладки под ним была чистая, но мокрая. Лист слегка трепетал на ветру, но не улетал. Шторм-листочкой сорвал его, буря принесла сюда, дождь прибил к камню. Он отжил свой век, закончил свой путь, и все же шевелился, приподнимая уголки, тянул к небу свои остроконечные руки, пропитывался солнцем, прежде чем окончательно умереть.

Еще на мокрой поверхности камня лежал второй лист — бумажный. Неопрятный, желто-серый, словно вырванный из старой ученической тетрадки. Немного помятый. На нем — синие ряды рукописных строчек. Почерк неровный, многое перемарано. По виду это напоминало стихотворение.

Или текст песни.

Корби облизнул губы. Во рту у него пересохло. Чернила чуть поплыли от влаги, но он не сомневался, что сможет прочитать текст. Если возьмет бумагу в руки. Если... Он понял, что слышит свое слабое, прерывистое дыхание. Снова взглянул на кленовый лист. Когда его принесло сюда? Час назад? Сегодня ночью?

Вчера?

Холодный запах ветра. Золото в лучах солнца. Клочок бумаги ценой в жизнь, смерть и то, что больше их обоих.

Его руки легли на мокрый камень. Ветер уже начал сушить влагу. Ему стало ужасно холодно. И больно. Но это все неважно. Нет.

— Это для меня, — тихо сказал Корби. Он услышал свой пульс. Частота ударов сердца нарастала, пока они не слились в единый, все застывший гул. Он посмотрел на бумагу и понял, что не хочет ее брать.

Но есть ведь и другая сторона.

Корби наклонился над листком.

Он был двойной. Текст продолжался на развороте, и даже на другой стороне. Корби взял его. Секунду он ждал, что что-то случится. Но листок просто трепетал на ветру. В нем не было ничего мистического, надписи не исчезали от угла падения солнечных лучей. И бумага на ощупь была самой обычной.

Глаза Корби выхватили самый цельный кусок. Теперь он точно знал, что это ему. Еще он подумал, что это ответ, объяснение, почему он продолжал приходить сюда, раз за разом. Но этот раз был последним. Он отпущен.

Он вдруг вспомнил маму, вспомнил, как они встречали Новый год всей семьей. Он, единственный и любимый ребенок, оказывался главным зрителем праздника. Мама говорила ему, чтобы он закрыл глаза, и вела в сказочную комнату, где уже стояла наряженная взрослыми елка. Он открывал глаза, и его ослепляли два десятка мигающих лампочек. Тысяча ленточек блестящей мишуры. Вспышки преломленного света.

Корби стоял с закрытыми глазами, чувствуя шершавую поверхность листа под пальцами, холод, запах грозы, и думал о том, что снова дорогой слепых вошел в волшебную страну.

Потом он открыл глаза и начал читать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. На исходе ночи.....	3
Часть первая. Странный мальчик.....	9
Глава 1. Средство от пиявок.....	11
Глава 2. Реванш.....	23
Глава 3. Идиот.....	36
Глава 4. Банда.....	49
Глава 5. Второе испытание.....	62
Глава 6. Совет.....	72
Глава 7. Закат.....	84
Часть вторая. Депрессия.....	93
Глава 8. Свидетели.....	95
Глава 9. Первая ложь.....	106
Глава 10. Мертвые.....	120
Глава 11. Чужое лицо.....	137
Глава 12. Срыв.....	150
Глава 13. Западный ветер.....	162
Глава 14. Озеро боли.....	175
Часть третья. Возвращение.....	185
Глава 15. Однокрылый ангел.....	187
Глава 16. Шаг в бездну.....	200
Глава 17. На перепутье.....	212
Глава 18. Новый день.....	225
Глава 19. Невесомость.....	239
Глава 20. Друзья.....	253
Глава 21. Инкогнито.....	267

Часть четвертая. Мелодия масок.....	279
Глава 22. Брат.....	281
Глава 23. Воссоединение.....	293
Глава 24. Драйв.....	305
Глава 25. Упущенное звено.....	318
Глава 26. Дом мрака.....	330
Глава 27. Андрей.....	344
Глава 28. Корби настоящий.....	358
Часть пятая. Огонь в небе.....	375
Глава 29. Выбор.....	377
Глава 30. Дорога.....	393
Глава 31. Охотничьи уголья.....	409
Глава 32. Долины крови.....	425
Глава 33. Награда убийц.....	442
Глава 34. Эстафета прощаний.....	456
Глава 35. Огонь в небе.....	471
Эпилог. Дорога уходит вдаль.....	487

Место для выходных данных издательства.

Место для штрихкода.